

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

XXVI ОТКРЫТАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ
В СПБГУ

24–29 апреля 2023, Санкт-Петербург

Сборник тезисов

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2023

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ

Блинова Ольга Владимировна, председатель, к. филол. наук, доц. кафедры общего языкознания им. Л. А. Вербицкой Санкт-Петербургского государственного университета

Катович Аглая Артёмовна, сопредседатель, студент 4 курса

Бабушкина Анастасия Алексеевна, секретарь, студент 4 курса, соруководитель секции «Русская литература: история»

Андреев Артём Викторович, выпускник кафедры математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета, ООО «ОКТЕТ Лабз»

Белов Сергей Александрович, доц. кафедры конституционного права Санкт-Петербургского государственного университета

Гусева Ольга Валерьевна, доц. кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, куратор направления «Славистика»

Кисилиер Максим Львович, к. филол. наук, доц. кафедры общего языкознания им. Л. А. Вербицкой Санкт-Петербургского государственного университета, куратор направления «От классической филологии до неоэллинистики»

Мариничева Юлия Юрьевна, ст. преп. кафедры истории русской литературы, куратор направления «Литература и фольклор»

Митренина Ольга Владимировна, к. филол. наук, доц. кафедры математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета, куратор направления «Общее языкознание»

Троценкова Екатерина Владимировна, д. филол. наук, проф. Кафедры английской филологии и лингвокультурологии Санкт-Петербургского государственного университета, куратор направления «Романо-германская филология»

Чердаков Дмитрий Наилевич, ст. преп. кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета, куратор направления «Русский язык»

(00 Nn) XXVI Открытая конференция студентов-филологов в СПбГУ, 24–29 апреля 2023 г., Санкт-Петербург: сборник тезисов.

Сборник содержит тезисы докладов, прозвучавших на XXVI Открытой конференции студентов-филологов, которая прошла в апреле 2023 г. на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета. Тезисы объединены в восемь направлений: «Русский язык», «Литература и фольклор», «Общее языкознание», «Славянская филология», «Романо-германская филология», «От классической филологии до неоэллинистики», «Кино|Текст|Театр» и «Будетляне». Сборник адресован прежде всего студентам и аспирантам (филологам, лингвистам, фольклористам, антропологам, культурологам, киноведам и педагогам), а также широкому кругу читателей.

Языки тезисов: русский, английский.

Тезисы докладов представлены в авторской редакции.

XXVI Open Conference for Philology Students at St. Petersburg State University, April 24–29, 2023: The Book of Abstracts.

This book contains abstracts of papers presented at the Open Conference for Philology Students, which was held in April 2023 at the Faculty of Philology of St. Petersburg State University. The abstracts are organized under seven general thematic categories: “Russian language”, “Literature and folklore”, “General linguistics”, “Slavonic philology”, “Romanic-Germanic philology”, “From Classical philology to Neo-hellenistics”, “Cinema|Text|Theatre”, “Budetliane”. The collection is addressed primarily to undergraduate and graduate students (philologists, linguists, folklorists, anthropologists, cultural studies scholars, film scholars, and educators), as well as to a wide range of readers.

Languages of abstracts: Russian, English.

Abstracts are presented in the author’s edition.

Подписано к использованию 00.00.2023

Издательство СПбГУ. 199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, д. 11.

Тел./факс +7(812) 328-44-22

E-mail: publishing@spbu.ru publishing.spbu.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК

ИСТОРИЯ И ДИАЛЕКТОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Корнеева Александра Олеговна

Лексема «чудь» в русских говорах Пермского края:
семантика, вариативность..... 24

Лесняк Дарья Сергеевна

Оппозиция лексико-семантических полей «благо» и «зло» (на материале
«Первого Послания Ивана Грозного Курбскому»)..... 25

Рязанова Алиса Евгеньевна

Через паровоз в ресторанный дворик:
о народных топонимах города Новосибирска 26

Лунева Арина Александровна

Система глаголов вводящей предикации в памятниках
русской письменности XIV–XVII вв. 27

АНТРОПОЛИНГВИСТИКА: ЧЕЛОВЕК, ЯЗЫК, КУЛЬТУРА

Гамзатова Алина Фазиловна

Конфликтогенный потенциал троллинга как формы интернет-провокации 28

Призова Анна Витальевна

Коммуникативная тактика апелляции к региональному сознанию в рекламе
и языковые средства её реализации..... 29

Патрина Ксения Романовна

К вопросу об инвективном потенциале диалектных зоонимов при номинации
человека 30

Глушкова Екатерина Дмитриевна

Ономастическое пространство творчества Даши Намдакова (на материале названий
произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства)..... 30

Огородняя Ольга Витальевна

Когнитивно-смысловая триада «родина — отечество — отчизна»
в языковой картине мира 31

Аношина Яна Витальевна

Невербалика в художественном тексте (на материале романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»)..... 32

Пересыпкина Ксения Андреевна

«Вспомни иногда и не забывай никогда»: инскрипты на обороте фотографий..... 33

Жань Тянь

Публицистический речевой штамп как средство выражения языковой личности: антропоцентрический аспект..... 34

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И СТИЛИСТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

Фан Хэньюй

Мотивационные и словообразовательные признаки названий ягод в русском языке..... 35

Суцих Анна Олеговна

Терминологизация темы «вакцинация» в новостных материалах ковидного периода..... 36

Южаков Никита Владимирович

Лингвориторический анализ «Экзистенциальной диалектики божественного и человеческого» Н. А. Бердяева..... 37

Милосердова Яна Олеговна

Концепт «земля» в произведениях В. С. Высоцкого..... 38

Курсанова Анна Андреевна

Звучащий мир в повести В. П. Астафьева «Последний поклон» 38

Агаркова Мария Денисовна

Адъективные сложносокращенные слова аббрегруппы «авто-»..... 39

Якимовская Анна Ивановна

Семантическое поле «Звук» в рассказе Ю. П. Казакова «Свечечка»..... 40

ГРАММАТИКА И СЕМАНТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

Лашко Алина Андреевна

Интерпретативы как средство толкования значения презентативного дешифровального стимула аббревиатуры..... 42

Тахмазова Сабрина Валех-кызы

Сложнопроизводные наименования отраслей промышленности..... 43

Смирнова Ирина Романовна

- Типы формального несоответствия неинициальных аббрекконструктов их лексическим эквивалентам..... 43

Арыджан Дерья

- Локативная конструкция в романе Глеба Шульпякова «Красная планета»..... 44

Курсанова Ксения Александровна

- К вопросу о субъективно-модальном значении вопросительной частицы «что» в коммуникативных конструкциях альтернативы (на примере романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» через призму англоязычных переводов)..... 45

ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПИСАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Борисова Екатерина Анатольевна

- Фрейм «Свадьба» в русском языковом сознании (лингвистический и когнитивно-культурологический аспекты) 47

Ранцан Анастасия Юрьевна

- Акцентуационно-ритмическая модель русского фонетического слова с проклитикой в речи китайцев..... 48

Чжан Сяоянь

- Прагматика русского речевого акта совета (на фоне китайского языка)..... 49

Чукина Екатерина Александровна

- Односоставные предложения как средство формирования образа окружающей действительности в контексте «нового реализма»..... 50

Чжан Ибо

- Специфика речевого портрета политика как отражение современных тенденций политкорректности 51

Пань Юнвэнь

- Вдохновение-гость: к вопросу об образных составляющих концепта «вдохновение» в современных русских афоризмах и цитатах второй половины XX — начала XXI в. 52

Макуха Валерия Тимофеевна

- Прецедентные высказывания из кинофильма «Джентльмены удачи»: результаты анкетирования носителей языка и модель словарной статьи 52

Хуан Чжоюэ

- Трансформированные фразеологизмы в заголовках и подзаголовках газет (на материале газеты «Известия»)..... 53

<i>Сагидуллина Юлия Рустамовна</i>	
Предложный падеж в XXI в.....	54
<i>Трисмакова Арина Сергеевна</i>	
Особенности лингвострановедческого материала в учебнике РКИ для китайской аудитории (на примере учебника «Восток-1» и «Восток-2»).....	55
<i>Крапивка Анастасия Дмитриевна</i>	
Средства выражения универсальных категорий статики и динамики в русском и арабском языках.....	56
<i>Ли Чжи</i>	
Лингвокультурологическое исследование социально-политических эвфемизмов тематической группы «Взятка» (на материале русского и китайского языков).....	57
<i>Чжу Мэнтин</i>	
Анализ фразеологизмов об овце в русском языке	58
<i>Чигинцева Софья Владимировна</i>	
Речевой портрет рассказчика в зеркале текста-описания (на материале романа Г. Служителя «Дни Савелия»).....	59
<i>Сунь Цзябао</i>	
Лингвокультурологический анализ обиходно-бытовых эвфемизмов, характеризующих умственные способности человека в русском и китайском языках.....	60
<i>Смирнова Екатерина Ивановна</i>	
Особенности семантики и функционирования безличных конструкций в новостном жанре	61
<i>Файе Марго</i>	
Грамматические особенности галлицизмов-кулинаронимов в творчестве А. С. Пушкина	61
КОЛЛОКВИАЛИСТИКА (АНАЛИЗ УСТНОЙ РЕЧИ)	
<i>Росип Марина</i>	
Функционально-семантическая характеристика глагольной формы «представляете» в русской устной речи	63
<i>Ложкина Виктория Александровна</i>	
Гипервежливость и речевое манипулирование в студенческой речи	64
<i>Сян Янань</i>	
Прагматический маркер-аппроксиматор «как бы» в русской повседневной речи: корпусное исследование	65

<i>Маркович Ольга Игоревна</i>	
«Вынесло с» + Ген как новый показатель эмоции в устной речи.....	66
<i>Костина Екатерина Дмитриевна</i>	
От сочинения к подчинению: анализ синтаксической структуры монологов- рассказов говорящих с разным психотипом.....	66
<i>Локалина Юлия Сергеевна</i>	
«Совсем» как кванторное слово	67
<i>Чжао Цзэли</i>	
Речевой коннектор «кроме того» в русских устных монологах китайцев.....	68
<i>Шварева Екатерина Ильинична</i>	
«Мда» или «нда»: различия двух дискурсивных единиц русской повседневной речи ...	69
<i>Токарева Софья Александровна</i>	
Речевой портрет туриста	70
<i>Мишина Валерия Игоревна</i>	
Вдох/вздых как паралингвистические элементы звуковой цепи: функции в устном дискурсе	70
<i>Ермолаева Анастасия Михайловна</i>	
Можно ли говорить о размывании нормы в русском языке? (На материале интервью священника Павла Островского).....	71

ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ТЕОРИЯ, ПОЭТИКА

<i>Лю Найшо</i>	
Солярные мифы как источники мотивов, сюжетов и образов в лирике К. Д. Бальмонта и их трансформация	74
<i>Замуреева Юлия Михайловна</i>	
Роль гобелена в произведении «Серая ветка» А. И. Славовского	75
<i>Алькайси Рашид Низар Назир</i>	
Подражание и автоперевод: о смысле подзаголовка и эпиграфа стихотворения «Письмо» Андрея Битова.....	76
<i>Серёдкина Юлия Евгеньевна</i>	
Синтез анекдота и притчи в романе В. Пелевина «Жизнь насекомых».....	76
<i>Уланова Александр Вячеславовна</i>	
Формулы воинских повестей в «Чтении о житии и погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба» Нестора Летописца.....	77

<i>Колчина Анастасия Евгеньевна</i>	
Образ Китая в русской неподцензурной поэзии второй половины XX в.	78
<i>Дробинина Наталия Александровна</i>	
«Человек читающий» как герой романа А. А. Аствацатурова «Люди в голом»	79
<i>Ван Чуньхуэй</i>	
Петербургская женская поэзия: Татьяна Царькова	80
<i>Святоха Александра Павловна</i>	
Роль художественной культуры в восприятии чужого пространства (на примере путевых записок Н. И. Греча «28 дней за границу, или Действительная поездка в Германию»)	81
<i>Озеринникова Татьяна Павловна</i>	
Военная очеркистика А. П. Платонова: проблема жанровых границ	82
<i>Ильина Александра Михайловна</i>	
«Часть речи» И. Бродского: поэтика границы телесного и метафизического	83
<i>Линь Шуайань</i>	
Феномен популярности В. С. Высоцкого как поэта эпохи соцреализма.....	84
 РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ИСТОРИЯ	
<i>Дубасова Юлия Сергеевна</i>	
«Раскольниковский» сюжет у И. А. Бунина и Э. Лимонова (на материале рассказа «Петлистые уши» и романа «Подросток Савенко»).....	85
<i>Петров Андрей Алексеевич</i>	
Статья А. П. Сумарокова «О несогласии» как ключ к пониманию сумароковской трагедии.....	85
<i>Пищулина Анастасия Сергеевна, Дубасова Юлия Сергеевна</i>	
«Перемигивание» с романтизмом в романе «Это я — Эдичка» Эдуарда Лимонова	86
<i>Менкина Наталия Александровна</i>	
«Генерал-майор Трепов руку приложил»: как политический текст становится сатирой	87
<i>Шиян Алина Витальевна</i>	
Финальные куплеты в русской сказочной опере XVIII в.: структура и типология.....	88
<i>Лень Софья Сергеевна</i>	
Мифологема смерти в поэзии Веры Павловой.....	89
<i>Куликова София Олеговна</i>	
Образ отшельника в «Автоматических стихах» Б. Ю. Поплавского	90

<i>Макарова Анастасия Вадимовна</i>	
Библейский контекст пьесы Н. К. Рериха «Милосердие»	90
<i>Шашкова Полина Максимовна</i>	
Сновидения В. В. Набокова: реальность и вымысел	91
<i>Дуюнова Анастасия Геннадиевна</i>	
«Пластиковые бутылки»: фантастическое в романе «Лавр» Е. Г. Водолазкина.....	92
<i>Косьяненко Никита Евгеньевич</i>	
«Я в восторге»: стихотворение А. Белого «На горах» и одическая традиция	93
<i>Кулагина Эвелина Сергеевна</i>	
Коровьев-Фагот и чёрт из кошмара Ивана Фёдоровича: об одном из потенциальных претекстов романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита».....	94
<i>Сафронова Софья Сергеевна</i>	
Диверсия в «Литературной газете»? (К истории публикации романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго»)	95
<i>Андоскина Валерия Андреевна</i>	
«Холмы, небо и лиловая даль»: лиловый, фиолетовый и сиреневый цвет в прозе А. П. Чехова и его современников	96
<i>Бражникова Дарья Евгеньевна</i>	
Комета Белы (Биэлы) 1832 г. и эсхатологическая тема в русской литературе.....	97
<i>Катович Аглая Артемовна</i>	
«Вишерский антироман» В. Т. Шаламова: проблема жанровой природы.....	97
<i>Требухина Татьяна Сергеевна</i>	
Великая французская революция в романе М. Н. Загоскина «Искуситель».....	99
<i>Коробкина Мария Евгеньевна</i>	
Библейские образы как часть городского пространства в рассказе Л. Андреева «Город».....	99
<i>Бабушкина Анастасия Алексеевна</i>	
«Тактики» неподцензурной литературы 1930–1940-х гг.: случай Николая Глазкова	100
<i>Бердникова Анастасия Сергеевна</i>	
Анатомия страдания в новелле В. Ф. Одоевского «Импровизатор»	101
<i>Емекеев Антон Павлович</i>	
В. Хлебников и А. И. Введенский: от ученичества к критике. К вопросу о поэтической рецепции.....	102

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИТЕРАТУР

<i>Петренко Жасмин Геннадьевна</i>	
Проблема кризиса идентичности в романе Доменико Старноне «Лабильность»	104
<i>Фирсова Алёна Александровна</i>	
Влияние повествовательной структуры «Александрийского квартета» Лоренса Даррелла на читательское восприятие (на примере первого романа «Жюстин»)	105
<i>Манько Дарья Андреевна</i>	
Образ Пана в творчестве Д. Г. Лоуренса	106
<i>Ховалко Кристина Сергеевна</i>	
Особенности нарративной структуры в романе Олафа Стэплдона «Создатель звёзд»	107
<i>Кирий Александра Владимировна</i>	
Образ женщины в «Саге о Нитиде»	107
<i>Вологина Римма Николаевна</i>	
Автобиографические элементы в романе Стендаля «Пармская обитель»	108
<i>Головатский Анатолий Константинович</i>	
Библейские законы в трагедии И. В. Гёте «Фауст»	109
<i>Слышенко Александр Игоревич</i>	
«Правда о деле Савольты» Э. Мендосы в свете жанрового своеобразия творчества писателя	110
<i>Малышева Мария Евгеньевна</i>	
Онейрическое пространство в кайданах Лафкадио Хирна	111
ФОЛЬКЛОР И МИФОЛОГИЯ	
<i>Цховребова Диана Эдуардовна</i>	
Образ Сырдона в Нартском эпосе	112
<i>Максаева Марина Вадимовна</i>	
Мифологические аллюзии и мотивы волшебной сказки в «Истории о печальной царевне Зозе» из сборника «Сказка сказок» дж. Базиле	112
<i>Ерыкалов Сергей Иванович</i>	
От ледохода до ледостава и дальше: календарь рыбных промыслов	113
<i>Чепурнова Анна Александровна</i>	
«А у них там жизнь хорошая»: нарративы о сновидениях про покойных	114

<i>Лукьянчикова Алиса Сергеевна</i>	
Надписи во дворе Фонтанного дома как особая форма современного фольклора....	115
<i>Крицкая Мария Олеговна</i>	
Отражение языческих мотивов в текстах У. Шекспира.....	116
ЛИТЕРАТУРА В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	
<i>Аксенова Дарья Алексеевна</i>	
Четвертое измерение в мысли и творчестве Серебряного века	117
<i>Попова Анастасия Сергеевна</i>	
Значение и положение рамки в концептуальном искусстве на примере творчества группы «Коллективные действия»	118
<i>Федюкина Алена Евгеньевна</i>	
Музыка как (не)коммуникация в книге Г. Иванова «Отплытие на остров Цитеру».....	119
<i>Холоден Екатерина Владимировна</i>	
Женский архетип в творчестве С. Д. Довлатова (на материале повести «Филиал: Записки редактора»)	120
<i>Кравченко Юлия Сергеевна</i>	
Дореволюционная феминистская пресса: создание базы данных (на материале журнала «Женский вестник»)	121
<i>Ильина Наталья Дмитриевна</i>	
Семиотика женского в плакатной культуре 1920–1930 гг.....	122
<i>Стрельникова Варвара Глебовна</i>	
Историко-литературная автобиография: опыт Александра Гольдштейна	123
<i>Тюнина Ксения Витальевна</i>	
Семья и брак в романе И. А. Ефремова «Туманность Андромеды»	124
<i>Ермолаева Карина Рустамовна</i>	
Поэтический спектакль «В тени Бродского»: композиция и основные мотивы.....	125
<i>Веровкина Дарья Михайловна</i>	
Рассказ М. Кузмина «Дама в желтом тюрбане» и рецепция творчества В. Л. Боровиковского в начале XX в.	126
<i>Ворошилова Мария Евгеньевна</i>	
А. Грин в дневниках советских читателей.....	126
<i>Романюта Екатерина Григорьевна</i>	
Теория и практика изучения театрального экфрасиса (на материале романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея»)	127

<i>Русских Елена Сергеевна</i>	
Достраивая Достоевского: рок-опера «Карамазовы» через призму рецептивной эстетики.....	128
<i>Кузнецова Вера Владиславовна</i>	
Синестетическое восприятие как основа построения художественного образа в поэзии А. Рембо.....	129
<i>Бельская Вера Дмитриевна</i>	
В. К. Завалишин — исследователь и поэт.....	130

СЛАВИСТИКА

СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ: ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Лю Цзеу</i>	
Обозначения чая в славянских языках как пример китайско-славянских лексических контактов.....	133
<i>Пушкова Анастасия Сергеевна</i>	
Типология трансфера на начальном этапе формирования русско-чешского учебного билингвизма.....	134
<i>Палагина Алина Николаевна</i>	
Актуальность тематики богатства в интернет-дискурсе (на материале польского и русского языков).....	135
<i>Куимов Иван Ильич</i>	
Проблема национального мессианства в творчестве А. Мицкевича.....	136
<i>Кустодиев Михаил Александрович</i>	
Металингвистические основания чешского происхождения формы 'serce' в польском языке.....	137
<i>Е Юй Чиэнь</i>	
Пословицы как отражение национальной системы ценностей и менталитета (на примере русских и китайских пословиц).....	138

СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА

<i>Митрофанова Валерия Владимировна</i>	
Польские и английские пословичные параллели русских пословиц тематической группы «Собственность. Хозяин».....	139
<i>Горева Надежда Александровна</i>	
Переводы произведений Станислава Лема на немецкий язык.....	140

<i>Абрамкина Александра Сергеевна</i>	
Фразеологизмы с компонентом антропонимом библейского происхождения (на материале польского, русского, английского и французского языков)	140

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

ЛЕКСИКОЛОГИЯ (РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ)

<i>Санина Елена Владимировна</i>	
Синонимы как лексико-стилистическое средство характеристики персонажа в повести К. Вольф «Кассандра»	143
<i>Черткова Юлия Леонидовна</i>	
Bucket, can, rail — три слова, один предмет	144
<i>Алексеев Станислав Кириллович</i>	
Историко-семасиологический анализ румынских глаголов речевой деятельности латинского и славянского происхождения	145
<i>Тихонова Мария Игоревна</i>	
Языковые особенности датских кулинарных рецептов	146
<i>Галиуллина Диана Фердинандовна</i>	
Приемы и средства языковой манипуляции в интернет-СМИ Италии	147
<i>Котыхов Дмитрий Владимирович</i>	
Лексические средства выражения категории вежливости в эпистолярном жанре в немецком языке на примере писем Фридриха Шиллера	148
<i>Батухтина София Михайловна</i>	
Стратегия эмоционализации в экологическом медиадискурсе Германии 2000-х и 2020-х гг.	149
<i>Цыплякова Ангелина Геннадьевна</i>	
Английские фразеологизмы морской тематики и их эквиваленты в русском языке ..	150
<i>Чадова Елизавета Владимировна</i>	
Author's occasionalisms as a language experiment in a literary text (based on the works of James Joyce)	151
<i>Першина Арина Алексеевна</i>	
Nicknames of American presidents: onomastic models and motivation behind the names	151
<i>Поникаровская Екатерина Юрьевна</i>	
Структурно-семантический анализ наименований обучающихся в немецкой системе образования	152

Андреева Мария Вадимовна

- Лексический аспект исследования психолингвистического портрета героя
(на примере романа П. Мерсье «Ночной поезд в Лиссабон»)..... 153

ГРАММАТИКА (РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ)

Шерстнева Евгения Александровна

- Морфологические особенности финляндского варианта шведского языка 154

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ (РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ)

Богданова Елизавета Михайловна

- Лексико-стилистические средства создания образа литературного персонажа
(на материале новеллистики Т. Манна и ее переводов на русский язык) 155

Лохматова Маргарита Дмитриевна

- Проблемы опосредованного перевода гренландской сказки «Den Blinde,
som fik sit Syn igjen» 156

Оболашвили Алиса Левановна

- Перевод реалий в датском и русском переводах романов Дж. Роулинг
о Гарри Поттере..... 157

Писклова Юлия Юрьевна

- Временные и модальные значения времени futur antérieur и их перевод на русский
язык..... 158

Киселев Денис Александрович

- Сравнительный анализ поэмы «Рейнеке-Лис» И. В. Гёте и ее переводов
на бретонский и русский языки 158

Фартышева Кристина Денисовна

- Проблема передачи эмоционально-оценочной лексики при аудиовизуальном
переводе на русский язык (на материале британского сериала «Корона»)..... 159

Пащенко Мария Михайловна

- Лингвокультурологические особенности русских переводов Шекспира
(на материале переводов трагедии «Гамлет»)..... 160

Емельяненко Анастасия Александровна

- Перевод терминов, связанных с опекой и попечительством
(на материале французского и русского языков) 161

Поляков Глеб Андреевич

- Особенности языковой игры в англоязычных компьютерных играх
и специфика её передачи на русский язык 162

<i>Чадова Елизавета Владимировна</i>	
Ezra Pound's poetics of translation (on the material of his Old English poetry translation)	163
<i>Кожевина Елизавета Юрьевна</i>	
К вопросу о передаче структурных экзотизмов в художественном тексте (на материале романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»)	164
<i>Федорова Екатерина Александровна</i>	
Лексико-стилистические средства выражения фантастического (на материале романа Г. Майринка «Голем» и его перевода на русский язык)	165
<i>Душкина Валерия Романовна</i>	
Переводческие трансформации в статьях общественно-политической тематики (для пары языков шведский/русский)	166
ДИСКУРС И ТЕКСТ	
<i>Мельников Роман Александрович</i>	
Вариативность репрезентаций игровых объектов в дискурсе видеоигр	167
<i>Базылева Алена Валерьевна</i>	
Создание образа «человека из народа» как манипулятивный прием в американском предвыборном дискурсе	168
<i>Левочкин Иван Игоревич</i>	
Концепт «family» в современном американском рекламном дискурсе	169
<i>Чадова Елизавета Владимировна</i>	
Syntactic and Pragmatic Characteristics of Situational Replicas in Literary Text: Analysis of Virginia Woolf's novels	170
<i>Высоцкая Марина Романовна</i>	
Средства создания эффекта шутилой невежливости в комедийном шоу «The Graham Norton Show»	170
<i>Кропачева Анна Викторовна</i>	
Языковые средства экспрессивности в шведских текстах маркетинговой коммуникации	171
<i>Ананьева Елена Петровна</i>	
Аргументативный потенциал агональных высказываний в политическом институциональном дискурсе (на материале трилогии Майкла Доббса «Карточный домик»)	172
<i>Лыткина Анна Вячеславовна</i>	
Образная экспрессивность в английском устном диалогическом дискурсе (на материале американских ток-шоу)	173

ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ ДО НЕОЭЛЛИНИСТИКИ

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Лоскина Мария Алексеевна

Выражения эпистемической модальности как средство конструирования социального взаимодействия в латинском языке (на материале писем Марка Туллия Цицерона) 175

Косарев Данил Вадимович

Критика монархии в Кипрских речах Исократа 176

Горбачева Софья Витальевна

Предвосхищение истины греческими философами в сочинении Климента Александрийского «Протрептик» 177

Волкова Софья Евгеньевна

Соран Эфесский о причинах эпилепсии 177

БИБЛЕИСТИКА

Чернова Наталья Васильевна

Книга Иова в церковнославянском переводе: на материале Сборника Матвея Десятого, Тырновской Библии и Геннадиевской Библии 179

Мамедова Амалия Фармановна

Грамматические особенности славянских переводов «Песни Песней» (на материале глаголов в функции побуждения) 180

БАЛКАНИСТИКА. ВИЗАНТИНИСТИКА. НЕОЭЛЛИНИСТИКА

Мелькаева Полина Александровна

Дуалистические концепты «любовь» и «смерть» в творчестве К. Кариотакиса 181

Суховольская Дарья Вадимовна

Ученый патриарх и невежественные иконоборцы: роль классической образованности в житии св. патриарха Никифора 182

Гетманский Сергей Васильевич

Формирование и развитие диаспоры греков Приазовья: этнокультурные традиции и лингвистическое многообразие 183

Кошкарова Елизавета Андреевна

Семантика и динамика употребления новогреческих заимствований в румынском языке 183

<i>Ларина Дарья Михайловна</i>	
Образ Греции в поэзии Дэвида Герберта Лоуренса	184
<i>Пиксендеева Анастасия Геннадьевна</i>	
Стихотворные произведения Константина Манасси: анализ языка и стиля.....	185
<i>Полищук Александра Дмитриевна</i>	
Поэзия Одиссеаса Элитиса в интермедиальном прочтении.....	186
<i>Мельникова Дарья Васильевна</i>	
Языковые особенности электронных коммуникаций в современном новогреческом языке	187

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Гвоздкова Мария Вячеславовна</i>	
Способы выражения эффектора в стихийных конструкциях (на примере русского и албанского языков)	190
<i>Лазарева София Максимовна</i>	
Переключение кодов в речи русскоязычных IT-специалистов.....	191
<i>Маринина Валерия Владимировна, Дунаева Ксения Олеговна, Шепель Екатерина Алексеевна</i>	
Семантическое поле 'мешать' в типологической перспективе	192
<i>Гузалова Анастасия Павловна</i>	
Инсульт или инфаркт: правильно ли мы используем медицинские термины?	193
<i>Ермолаева Виктория Михайловна</i>	
Признаки билингвизма в речи митрополита Антония Сурожского.....	194
<i>Насырова Екатерина Вячеславовна</i>	
Баскский эвиденциальный показатель open: жанровая и диалектная вариация	195
<i>Клоченко Максим Андреевич</i>	
Семантика показателей объекта в мунджанском языке	196

ФОНЕТИКА

<i>Зверев Михаил Эдуардович</i>	
English Verbal Rhythmology from a Terminological Standpoint (corpus-based study)	198

<i>Бондарчук Виталий Сергеевич</i>	
Оценочная модальность в голосовом тембре (на материале английского языка)	199
<i>Гусева Дарья Дмитриевна</i>	
Как различается восприятие ключевых выражений в письменном и устном текстах	200
<i>Соболева Арина Антоновна</i>	
Восприятие интонации интерферированной речи бразильцев носителями русского языка	201
<i>Ананьева Анастасия Денисовна</i>	
Вариативность темпа речи в чтении	202
<i>Новоселова Дарья Дионисовна</i>	
Роль различных просодических параметров при передаче иронического значения ...	203
<i>Ляпина Полина Алексеевна</i>	
Ритмическая организация русского языка (на материалах подготовленного чтения) ...	204
<i>Васильев Даниил Игоревич</i>	
Реплики обратной связи и предшествующие им сегменты звучания в английском и японском языках	205
<i>Мандреско Данелия Александровна</i>	
Почему шагая невозможно семенить: звукообразизм русских глаголов ходьбы.....	206
<i>Цыганова Валерия Вячеславовна</i>	
Типы интонационных ошибок в русской речи японцев на примере вопросительных высказываний: экспериментальное исследование	207
<i>Гинева Дарья Сергеевна</i>	
Интонационные и паралингвистические корреляты повествования во французском языке	208
ПСИХОЛИНГВИСТИКА	
<i>Коваленко Елизавета Сергеевна</i>	
Устойчивость графической репрезентации слов родного и иностранного языков в ментальном лексиконе	209
<i>Огурцова Мария Андреевна</i>	
Самовосприятие и самовыражение билингов посредством второго языка	210
<i>Разумнов Артемий Сергеевич</i>	
Нарративное погружение: применение в исследованиях художественных текстов и связь с читательским опытом.....	211

<i>Кочнева Мария Максимовна</i>	
Обработка высокочастотных и низкочастотных биномиалов русского языка.....	212
<i>Белова Анастасия Романовна</i>	
Выпадают не только зубы: редукция в речи детей 2–3 лет	213
<i>Судакова Ульяна Андреевна</i>	
«Демагог, монолог, полилог», или реакции носителей русского языка на стимул «демагогия»	214
<i>Еремеева Ксения Алексеевна</i>	
Сравнительный анализ концептов «Культура» и «Искусство» в языковом сознании студентов-филологов.....	215

КОМПЬЮТЕРНАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

<i>Смирнова Алёна Александровна</i>	
Распознавание текстов в изданиях кириллического церковнославянского шрифта .	216
<i>Горовая Светлана Павловна</i>	
Генерация описаний пространства в виртуальной реальности на основе корпусного моделирования	216
<i>Скоробагатько Лада Леонидовна</i>	
«Абсолютное большинство»: как нейросеть BERT справляется с выявлением атрибутивных словосочетаний?	217
<i>Астапенко Елизавета Валентиновна</i>	
Разработка диалоговой системы, использующей методы активного слушания для психологической поддержки абитуриентов.....	218
<i>Козлова Белла Алексеевна</i>	
Анализ жанровых особенностей кинорецензии на русском языке	219
<i>Шишковец Анна Юрьевна</i>	
Создание корпуса устных текстов для разработки лексического минимума для русскоговорящих детей-билингвов	220
<i>Атугодаге Марк Махашевич</i>	
Автоматическое упрощение русскоязычных юридических текстов	221

ФИННО-УГОРСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

<i>Вагина Дарья Дмитриевна</i>	
Эстоноязычная терминология в области возобновляемой энергии: пути формирования	223

<i>Морозова Татьяна Андреевна</i>	
К анализу лексико-семантического поля «Человек говорящий» в системе восточной группы диалектов финского языка	224
<i>Нельга Анна Александровна, Никулина Анастасия Алексеевна</i>	
Образ СССР в романе Росы Ликсом «Купе № 6»	225
<i>Киселева Ксения Олеговна</i>	
Причины создания повторного перевода на русский язык рассказа Ю. Ахо «Maailman murjota»	226
<i>Федорова Екатерина Сергеевна, Шукшина Алена Анатольевна</i>	
Тема экологической культуры в современной детской литературе Финляндии	227
<i>Щеголева София Петровна</i>	
Глаголы сложной семантики в эстонской лексикографии на примере глагола kirrjuma	228

КИНО|ТЕКСТ|ТЕАТР

КИНО|ТЕКСТ

<i>Соломка Анастасия Андреевна</i>	
Роль сновидений в сюрреалистическом кинематографе	230
<i>Федоренко Иванна Андреевна</i>	
Специфика отражения двойничества в кино и тексте на примере фильма-экранизации Романа Полански «Основано на реальных событиях»	231
<i>Сидорова Александра Александровна</i>	
Очерк Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» в кинематографических интерпретациях режиссёров Р. Г. Балаяна и В. П. Тодоровского	232
<i>Бай До</i>	
Самотерапия в автобиографическом документальном кино: к этике съёмки	233
<i>Полякова Екатерина Викторовна</i>	
Образ ребенка в советских фильмах о партизанском движении	233
<i>Желтова Анастасия Дмитриевна</i>	
Поэтический сюжет фильма Эльдара Рязанова «Ирония судьбы, или С лёгким паром!»	234
<i>Орлова Елизавета Алексеевна</i>	
Функции интертекстуальных элементов в создании образа персонажа: сериал «Убийственные загадки для мисс Фишер»	235

<i>Легостаева Евгения Андреевна</i>	
Особенности мотивации оценки в тексте кинорецензии	236
<i>Русанова Марфа Максимовна</i>	
Поэтика эмоции в повести Ж. Роденбаха «Мёртвый Брюгге» и фильме Е. Бауэра «Грезы»	237
<i>Тесенина Екатерина Романовна</i>	
Дорога в Вестерос: миф «Песни Льда и Огня» на экране	238

БУДЕТЛЯНЕ

БУДЕТЛЯНЕ. ГИПОТЕЗА В ФИЛОЛОГИИ: НАУЧНЫЕ БОИ

<i>Завершинская Мария Игоревна</i>	
Выразительные средства языка в надписях русского немого кино	240
<i>Кулапина Екатерина Валерьевна</i>	
Особенности комикса как креолизованного текста	240
<i>Клеванова Алина Олеговна</i>	
Энологический дискурс в межъязыковом аспекте: термины и метафоры	241
<i>Жильцова Паулина Вячеславовна</i>	
Бытование русскоязычных мемов о Холокосте в современном Инстаграм*	242
<i>Кишкарь Алина Вадимовна</i>	
Если это смешно, то я королева Англии: Модели сюрреалистического юмора в русском языке	243
<i>Степанова Наталья Алексеевна</i>	
Шуток нет, но вы держитесь: реакции на шутки политиков (на материале русского языка)	244

* Meta Platforms Inc. признана экстремистской организацией на территории РФ.

РУССКИЙ ЯЗЫК

ЛЕКСЕМА «ЧУДЬ» В РУССКИХ ГОВОРАХ ПЕРМСКОГО КРАЯ: СЕМАНТИКА, ВАРИАТИВНОСТЬ

Корнеева Александра Олеговна

студент 2 курса, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Чаще всего представления жителей Пермского Прикамья о *чуди* рассматривается в фольклорном аспекте. Однако лингвистический анализ лексемы *чудь* и производных от нее слов, зафиксированных в пермских говорах, не менее важен.

В ходе работы были использованы расшифровки интервью, записанных в разных районах Пермского края, научные статьи, посвященные данной проблематике, а также словари, описывающие лексику и фразеологию говоров Прикамья.

По мнению Е. Л. Березович, исходной является неэтнонимическая семантика. Ученый возводит слово *чудь* к гнезду праславянского **tjudь* в значении 'чужой' [Березович, 2012: 560].

Затем это слово приобретает этнонимическое значение. Скорее всего, в древности оно обозначало реальный финноязычный народ, живущий на северо-западе русского ареала [Полякова, 1974: 126]. Второй этап развития значения не нашел отражения в пермских говорах, но этимологическая семантика до сих пор является интегрирующей для слов данного корня и связанных с ним лексических единиц.

В представлениях жителей Пермского Прикамья, отраженных в диалектной лексике, *чудь* — обобщенное название древнего дорусского населения Среднего и Верхнего Прикамья, оставившего памятники материальной культуры.

Этнонимическая семантика слова *чудь* может трансформироваться. На юге Пермского Прикамья был зафиксирован вариант лексемы — *чучка*, который пусть и не утратил своего исходного значения, но стал употребляться и в значении 'грязный, неопрятный человек' [Словарь говоров Прикамья, 2012: 373].

Иногда варианты лексемы приобретают семантику, связанную с отрицательной характеристикой человека. В «Словаре пермских говоров» зафиксированы слова *чучканы*, *чучкари*, *чучмэки*, которые в составе сравнительных конструкций имеют значение 'неграмотные, отстающие, необразованные люди' [Словарь пермских говоров, 2002: 536].

В северных говорах Пермского Прикамья лексема *чучканы* также может употребляться для описания безбожников, что связано с известным представлением о том, что «чудь не знала христианства» [Березович, 2012: 561].

В русских говорах Пермского края встречаются различные варианты лексемы *чудь*. Напр., в южных говорах Прикамья зафиксировано слово *чучки*, а также производное прилагательное *чучкой*, синонимичные лексеме *чудь*, записанной в северных говорах края [Словарь говоров Прикамья, 2012: 373].

Частыми случаями варьирования лексемы *чудь* являются замена конечного согласного корня *д* на *ч* или *к* и суффиксация. Это связано с экспрессивным фонетическим обликом слова и с притяжением лексемы к созвучным словам *чудо*, *чудной*, этнонимам *чучка*, *чухна*.

Литература

Березович Е. Л. Чудь // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М., 2012. С. 560–562.

Полякова Е. Н. Проблема пермской чуди в лингвистическом аспекте // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. 1974. №1. С. 124–131.

Словарь пермских говоров. Вып. 2 / А. Н. Борисова, О. В. Гордеева, Е. К. Мисюра и др. Пермь, 2002.

Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. III / И. А. Подюков, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Пермь, 2012.

ОППОЗИЦИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ «БЛАГО» И «ЗЛО» (НА МАТЕРИАЛЕ «ПЕРВОГО ПОСЛАНИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО КУРБСКОМУ»)

Лесняк Дарья Сергеевна

студент 3 курса, Южный федеральный университет

Лексико-семантическое поле определяется как инвентарь элементов, имеющих семантическую общность и связанных между собой системными отношениями [Стернин, 1985: 30]. Полевой метод впервые применяется для изучения лексики «Первого послания Ивана Грозного Курбскому», и в этом состоит новизна нашего исследования. Его актуальность обуславливается интересом к личности Ивана Грозного, попытками исследователей создать его четкий психологический портрет. Цель нашего исследования — через анализ лексики пролить свет на суть его конфликта с князем Андреем Курбским.

Категории добра и зла на Руси XVI в. являлись предметом исключительно религиозного дискурса. От такого рода представлений зависело и функционирование лексики: лексемы, семантически относящиеся к сфере влияния бога, выражали положительную характеристику, а лексемы, семантически связанные со сферой влияния дьявола, — отрицательную. В докладе анализируются лексемы, имеющие прямое отношение к данным сферам в силу семантики корня, а также лексемы, распространяющие влияние этих сфер непосредственно на участников конфликта — Грозного и Курбского.

В «Первом послании Ивана Грозного Курбскому» найдено 18 лексем с корнем *зло* и 20 лексем с корнем *благо*. Найденные слова различаются по частотности употребления и частеречной принадлежности, а также формируются в систему лексико-семантических полей.

Ядром лексико-семантического поля «благо» является лексема *благо*, а также ее синонимы — *благодать* и *благость*. В приядерной зоне формируются микрополя «бог» (*благословение*, *благоволение* и т. д.) и «человек» (*благочестивый*, *благопокорливый* и т. д.). Микрополе «человек» пересекается с микрополем «Грозный», в которые входят лексемы, характеризующие Грозного как достойного правителя. Ядром лексико-семантического поля «зло» является собственно лексема *зло*; в приядерной зоне образуются микрополя «злодей» (*злбный*, *злотворящий*) и «злодеяние» (*злочестие*, *озлобление* и т. д.). С микрополем «злодей» пересекается микрополе «Курбский».

Микрополя «Курбский» и «Грозный» непосредственно связаны с лексико-семантическими полями «зло» и «добро», а также со сферами влияния дьявола и бога соответственно. Такая соотнесенность демонстрируется не только расположением микрополей, но и непосредственно лексически. Напр., Грозный сопоставляет себя с Иисусом Христом, называя Курбского *Иудой предателем*: *Како ли убо ты не со Иудою предателем равно причтешься!* [Переписка, 1979: 29]. В тексте обнаруживаются отсылки и к тому, что в восприятии Грозного Курбский находится в непосредственной связи с дьяволом: *...яко же отец твой дьявол научил ты есть* [Переписка, 1979: 25].

Таким образом, лексико-семантические поля «благо» и «зло» не пересекаются друг с другом, состоят из ядерной и приядерной зоны. Система лексико-семантических полей демонстрирует радикальную оппозицию понятий «благо» и «зло», а также самого Грозного и Курбского. Конфликт Грозного и Курбского обладает двойной природой, так как в тексте выявляется соотнесенность Грозного с богом и Курбского с дьяволом. Фактически очерчивается столкновение бога и дьявола в лице Грозного и Курбского.

Литература

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1979.
Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.

ЧЕРЕЗ ПАРОВОЗ В РЕСТОРАННЫЙ ДВОРИК: О НАРОДНЫХ ТОПОНИМАХ ГОРОДА НОВОСИБИРСКА

Рязанова Алиса Евгеньевна

студент 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Приезжим зачастую трудно ориентироваться в незнакомом населённом пункте, опираясь на указания местных жителей. Происходит это из-за того, что одновременно с официальными географическими названиями в речи носителей языка используются их неофициальные эквиваленты, в науке обозначаемые терминами «народный», или «речевой», топоним (НТ). О. А. Шарипова определяет НТ как «модные, но не принятые в социуме в качестве нормы номинации, являющиеся устойчивыми выражениями, которые не закреплены в словарях и функционируют в обществе как неофициальные названия географических объектов» [Шарипова, 2012: 203]. НТ — одна из важнейших особенностей речи жителей разных регионов России.

Целью настоящей работы является выявление и описание народных топонимов города Новосибирска (*Дом-книжка, Нарым* и др.). В исследовании рассматриваются такие вопросы, как причины появления НТ в речи горожан, их словообразовательные особенности и специфика употребления. Научная новизна исследования заключается в том, что НТ, в том числе топонимы Новосибирска, в лингвистике ещё практически не изучены.

В исследовании используются следующие научные методы: метод опроса, метод обработки данных, метод наблюдения, анализ значения слова, описательный метод. Промежуточным итогом исследования стало создание небольшого толкового словарика народных топонимов Новосибирска, выявленных в ходе опроса жителей города. На данном этапе работы в словаре представлено 68 НТ (кроме представленных выше, это такие единицы, как *Аркада, Троллейка* и т. д.). В перспективе планируется дополнить словник другими актуальными примерами речевых топонимов, провести исследование НТ соседних городов (Омск, Красноярск) и сделать сопоставительный анализ данных.

Результаты работы могут иметь практическую значимость и использоваться на уроках русского языка в школе и вузе при изучении тем «Диалекты» (поскольку народный топоним — это топоним местного распространения), «Жаргоны» (некоторые из топонимов примыкают к молодёжному жаргону, напр., *Плаха, Мажорка*), на уроках по региональной истории. Кроме того, знание народных топонимов поможет жителям Новосибирска и приезжим лучше ориентироваться в пространстве города. Словарь будет интересен также всем желающим познакомиться с особой топонимической лексикой города, с его историей и культурой.

Литература

Шарипова О. А. Неофициальные топонимы как подсистема языка города // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 1. № 4. С. 203–206.

СИСТЕМА ГЛАГОЛОВ ВВОДЯЩЕЙ ПРЕДИКАЦИИ В ПАМЯТНИКАХ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XIV—XVII ВВ.

Лунева Арина Александровна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В памятниках письменности XIV–XVII вв. происходят значительные изменения в системе глаголов в конструкции вводящей предикации. Факторы, влияющие на частотность, функционально-стилистическую ограниченность, лексическое значение глаголов в её составе, связаны прежде всего с развитием жанровой системы в литературе, которая ограничивает языковые средства на различных уровнях.

Цель исследования — установить характер изменений в системе глаголов вводящей предикации в период с XIV по XVII в.

Мы обратимся к проблеме распределения синонимов *речи/реши*, *глаголати*, *въщати*, *молвити*, *сказати* и *говорити* в текстах указанного периода. Ограничение материала обусловлено существованием большого количества глаголов речи в древнерусском языке. Для исследования были отобраны единицы, обозначающие сам акт говорения, не включающие оттенки других значений или функций (напр., была исключена лексема *повелѣти*, которая обладает и значением говорения, и значением принуждения кого-либо к действию). Формы с аффиксами также были исключены. Для обработки материала использовался метод контекстного анализа, а также статистический и историко-этимологический методы.

Источниками исследования послужили исторический старорусский подкорпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и тексты из электронной библиотеки ИРЛИ РАН (Библиотека литературы Древней Руси). В ходе сбора материала учитывались следующие критерии: жанр, время и место создания текста, является ли памятник переводным или оригинальным.

Исследование представляет собой системное изучение выделенной группы глаголов и их перераспределения в старорусских памятниках письменности. Учитывая результаты работ, посвященных вводящей предикации и глаголам говорения, мы подробно рассматриваем изменение и становление этой системы, прослеживаем появление новых и развитие исконных лексем в текстах различных жанров. Особое внимание уделяется нейтральным единицам *речи/реши*, *глаголати*, с которыми начинают сближаться *сказати*, ранее не употреблявшийся в этой позиции самостоятельно, и *говорити*, получивший распространение в составе вводящей предикации с XV в.

В ходе анализа было установлено, что *молвити* и *сказати*, менее частотные в функции глаголов, вводящих прямую речь, получили распространение в памятниках различных жанров. Последний из них — преимущественно в деловой письменности. Наблюдается увеличение числа вхождений лексемы *говорити*, которая ранее в составе вводящей предикации не употреблялась. *Въщати* сохранил функционально-стилистические ограничения. *Речи/реши* и *глаголати* остались нейтральными.

КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТРОЛЛИНГА КАК ФОРМЫ ИНТЕРНЕТ-ПРОВОКАЦИИ

Гамзатова Алина Фазировна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Провокативность является неотъемлемой частью современного интернет-общения и служит источником возникновения речевых конфликтных ситуаций. Особой формой провокативного поведения выступает троллинг — разновидность борьбы за социальное влияние в интернет-пространстве, основанная на провокации и манипуляции и выраженная в агрессивной форме [Внебрачных, 2012: 49]. Пользователей, занимающихся этой деструктивной деятельностью, называют троллями. Задача троллей — побудить участников диалога к проявлению ярких эмоций, к экспрессивным высказываниям, превратить спокойное обсуждение в яростный спор, переходящий в речевой конфликт.

Цель исследования — выявить языковые особенности троллинга на примере высказываний пользователей социальной сети. Источником исследования выступает российская социальная сеть «ВКонтакте». В качестве материала используются комментарии пользователей социальной сети, содержащие вербальную провокацию. Отбор материала проходил с сентября 2021 г. по апрель 2022 г. Всего было рассмотрено более 1000 контекстов из сообщений и комментариев пользователей на страницах открытых сообществ бытовой тематики. Для подробного анализа было выделено 300 текстовых примеров, содержащих элементы провокативного интернет-диалога.

Недостаточность научной систематизации особенностей провокативных конфликтных диалогов бытовой тематики на примере «живых» диалогов в современной социальной сети свидетельствует о новизне настоящей темы.

Основными методами исследования выступают: метод наблюдения и анализа конфликтных диалогов пользователей социальной сети; описательный метод (для описания структурных особенностей провокативного конфликтного интернет-диалога); метод лексико-семантического анализа единиц, используемых в ходе конфликта троллями и их оппонентами.

В ходе проведённого анализа удалось установить ряд характерных признаков троллинга: лаконичность, отказ от признания доказательств, игнорирование обстоятельств, спонтанность и неуместность реплик (которые в интернет-среде принято называть информационными «вбросами»: А: *Гуф умер*. Б: *хватит писать бред! Он жив, я на концерте его был!* А: *Да эт не он был. Гуф умер и фсё тут*), снисходительный тон, направленный на унижение собеседника.

Перечисленные признаки представлены в следующем примере: А: *это мошеннический интернет-магазин! Оплатив товар на их сайте, вы останетесь без денег и без товара!!* Б: *Добрый день! Уверяю Вас, мы реально действующий интернет-магазин. Никакого умышленного обмана с нашей стороны быть не могло. Опишите Вашу проблему, мы постараемся во всём разобраться.* А: *сосите х*й, мошенники.*

Эффект негативного воздействия на адресата нередко усиливается при помощи никнеймов (от англ. *nickname* или *nick* — ‘кличка, прозвище’; вымышленное имя в социальных сетях), которые обеспечивают троллям анонимность. Никнеймы зачастую сами по себе обладают негативной семантикой и являются «говорящими». Агрессивные никнеймы (*Владыка Ада, Чёрный дьявол, Графиня Дракула и др.*) пользователей могут усиливать деструктивный эффект, создаваемый репликами троллей.

Таким образом, троллинг реализуется в законченном высказывании, содержащем конфликтотенный потенциал.

Литература

Внебрачных Р. А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2012. № 1. С. 48–51.

КОММУНИКАТИВНАЯ ТАКТИКА АПЕЛЛЯЦИИ К РЕГИОНАЛЬНОМУ СОЗНАНИЮ В РЕКЛАМЕ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЕЁ РЕАЛИЗАЦИИ

Призова Анна Витальевна

студент 3 курса, Дальневосточный федеральный университет

Реклама «относится к убеждающей и воздействующей речи, призванной привлечь и поддерживать внимание адресата, способствовать последующему запоминанию сообщения и побуждать к определенному действию» [Стилистический словарь, 2003: 635]. Основной задачей рекламного текста является побуждение адресата к покупке того или иного товара. В соответствии с этим авторы рекламного текста выбирают соответствующую коммуникативно-речевую стратегию, определяемую как «магистральная линия речевого поведения, избранная коммуникантом для выполнения коммуникативной задачи, достижения своей главной цели в речевом взаимодействии» [Педагогическое речеведение, 1998: 85]. Для ее реализации используются различные коммуникативные тактики, подразумевающие «одно или несколько действий, которые способствуют» успеху коммуникации в данных условиях [Иссерс, 1997: 284]. При этом речевая тактика может включать в себя несколько отдельных действий, определяемых как коммуникативные ходы или «приемы, выступающие в качестве инструмента реализации той или иной речевой тактики» [Иссерс, 1997: 284].

Цель доклада состоит в выявлении языковой специфики реализации данной тактики в рекламных текстах, адресованных дальневосточной аудитории. Для ее достижения нужно определить коммуникативно-речевые приёмы, использующиеся в рекламных текстах и апеллирующие к региональному сознанию, выявить их языковые средства, оценить степень эффективности их использования и провести анализ механизма их употребления. На данный момент эта тактика не была описана в научных работах по лингвистике, что определяет научную новизну исследования.

Материал доклада — 11 текстов наружной, печатной, телевизионной рекламы. Использованы описательный и функциональный методы исследования.

В ходе исследования были выделены коммуникативные приемы, с помощью которых может быть реализована коммуникативная тактика апелляции к региональному сознанию в рекламе: 1) **апелляция к региональной «гордости»** — эксплуатация идеи «Дальневосточное — это круто!»; 2) **апелляция к любви, эмоциональной привязанности к родному краю** — опора на идею «Дальневосточное — это родное, привычное»; 3) **апелляция к региональному преимуществу** — использование идеи «Дальневосточное — это не испорченное цивилизацией»; 4) **апелляция к региональной самобытности** — эксплуатация идеи «Дальневосточное — это особенное, не такое, как в других регионах».

Литература

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск, 1997.

Педагогическое речеведение. Словарь-справочник / под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской. М., 1998.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М., 2003.

К ВОПРОСУ ОБ ИНВЕКТИВНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ДИАЛЕКТНЫХ ЗООНИМОВ ПРИ НОМИНАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Патрина Ксения Романовна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Как в литературном языке, так и в диалектах часто встречаются случаи использования номинаций животных для характеристики человека. Зоонимы не являются табуированными или откровенно грубыми в силу своего нейтрального первичного значения, в отличие от обценной и бранной лексики, однако они также могут употребляться для выражения негативной оценки по отношению к кому-либо. Целью исследования является выявление инвективной функции ряда диалектных зоонимов, которые в практике лингвистической экспертизы могут быть охарактеризованы как особый пласт инвективной лексики, требующий сравнительного семантического анализа с общерусской лексикой, анализа стилистических помет в различных словарях и их сопоставления с другими источниками. Обращение к диалектной лексике в аспекте лингвоэкспертологии в известной степени определяет актуальность и новизну исследования.

При намеренном употреблении номинации животного применительно к человеку говорящий часто отождествляет его повадки и внешние черты с поведением или иными характеристиками конкретного лица или группы лиц. В диалектном словаре обнаруживаются лексические единицы, номинирующие животное, при этом их вторичные значения вполне соотносятся с семантикой литературных аналогов. Так, диалектная номинация *свинуха* означает домашнее животное ('свинья') и имеет вполне ожидаемое переносное значение 'о неаккуратной, неряшливой женщине' (бран.). Оно содержит ту же негативную коннотацию при назывании человека, что и «свинья» в литературном языке. Однако встречаются в диалектах и слова, которые в литературном языке названиями животных не являются, но в говорах это значение имеют. Как следствие, при назывании человека они также приобретают отрицательно-оценочные коннотации: *брёх* (1. 'собака', 2. 'о человеке, любящем браниться, ворчать', 3. 'болтун', 4. 'лгун'). Некоторые диалектные зоонимы имеют отличное от общерусского языка значение (*дюка* — 1. 'свинья'; 2. 'неразговорчивый, угрюмый человек'). Неизбежны случаи, при которых объект номинации воспринимает подобные слова как оскорбительные, что может стать причиной речевого конфликта.

Таким образом, зоонимы составляют особый пласт инвективной лексики в практике лингвистической экспертизы, так как употребление их применительно к человеку часто нацелено на его уничижение. Интересно проследить, какова степень соотношения вторичного значения подобных диалектных номинаций с литературным аналогом.

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ТВОРЧЕСТВА ДАШИ НАМДАКОВА (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА)

Глушкова Екатерина Дмитриевна

студент 2 курса, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова

Актуальность исследования обусловлена изучением артионимов как обширного периферического пласта имен собственных, которые, как правило, демонстрируют национально-культурные особенности, характеризуют внутренний мир автора. Источником материала для исследования послужил официальный сайт бурятского художника Даши Намдакова, а также книги и журналы, посвящённые выставкам разных лет.

В ходе работы было отобрано и проанализировано более 200 артионимов. В результате были выявлены основные лексико-семантические группы по характеру мотивирующего признака,

лёгшего в основу номинации. Артионимическое пространство творчества Даши Намдакова включает следующие лексико-тематические объединения: 1) анималистическая тема («Лань», «Птица и тигр»); 2) мифология и мифологические образы («Гаруда», «Кентавр»); 3) культура номадов («Томирис»); 4) буддизм («Свет Шамбалы»); 5) шаманизм («Лама с бубном»); 6) топонимика («Отец Байкал»); 7) бурят-монгольская культура («Буха-Нойон»). Заметную часть номинаций представляют единицы, обозначающие абстрактные понятия («Энергия», «Идея»), особые эмоциональные состояния и их проявления («Вдохновение», «Нежность»), в том числе построенные на основе различных фигур речи («Воспоминание о будущем»).

При этимологическом анализе данных единиц были выделены артионимы, восходящие к следующим языковым группам: монгольская (бур. «Арсалан», монг. «Баярсэсэг»), тибето-бирманская (тиб. «Дакини»), тюркская (казах. «Ханшаим»), славянская (рус. «Дар») и др. Часть онимов представляет собой заимствования из германских и романских языков («Грация», «Левитация», «Медитация»).

Структурно выделяются однословные и неоднословные артионимы, где первые составляют большинство. Преобладающее число номинаций представлено именными частями речи («Затмение», «Степные мелодии»).

Предварительный анализ исследуемых артионимов позволяет сделать вывод о том, что номинативное пространство творчества Д. Намдакова свидетельствует об уникальном синтезе двух культур — европейской и азиатской, с которыми художник очень хорошо знаком.

Допустимым представляется рассматривать творчество Д. Намдакова как явление, родственное жанру фэнтези, для которого характерны глубокая связь с мифологией, фольклором, историей религии.

КОГНИТИВНО-СМЫСЛОВАЯ ТРИАДА «РОДИНА — ОТЕЧЕСТВО — ОТЧИЗНА» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Огородняя Ольга Витальевна

студент 3 курса, Луганский государственный педагогический университет

Триада *родина — отечество — отчизна* может рассматриваться через призму русской языковой картины мира. Актуальность исследования обусловлена аксиологической значимостью триады для русской лингвокультуры, отраженной в идеологически и социально обусловленном дискурсе. Новизну исследования мы видим в выявлении когнитивно-смысловой составляющей выбранной триады для русского человека.

Чтобы понять, как связаны элементы триады *родина — отечество — отчизна*, обратимся к словарным данным. М. Фасмер семантически отождествляет лексему *родина* с лексемой *отечество*, устанавливая ее словообразовательное родство с общеславянской по происхождению лексемой *род*. В словаре В. И. Даля лексема *отчизна* представлена родственными словами *отчим*, *отчина* и др., а лексема *родина* охарактеризована в кругу родственных *родить*, *родня* и др.

Несмотря на то, что существительные *родина*, *отечество*, *отчизна* семантически часто отождествляются друг с другом, за ними стоят разные конфигурации идеологического комплекса, различные речевые конструкции. На основе паремиологического фонда В. И. Даля покажем частотность использования выбранных лексем. Путём выборки мы выявили паремии, которые были распределены по нескольким группам. В первую группу (самую немногочисленную) вошли паремии с прямым употреблением лексемы *родина*: *Мила та сторона, где пупок резан* (т. е. родина); *И кости по родине плачут* (человек за жизнь так привыкает к своей родине, что даже после смерти тоскует по ней).

Во второй группе были отнесены паремии, которые в своём составе имеют синонимическое наименование родины: *С родной сторонки и ворона мила; На родной стороне и камешек знаком.*

Эти пословицы и поговорки демонстрируют ценность родной земли не только для человека, но и для животного, которое так же привязывается к тому месту, где родилось.

В паремиологическом фонде русского языка пословиц об отчизне и отечестве меньше, но все они предполагают единственную трактовку — бережное отношение к тому месту, где родился человек: *Кто отчизну любит — тот врага губит; За отечество жизнь отдают.*

Можно сказать, что лексема *родина* из изучаемой триады — сущность идеологическая в том смысле, что в ней отражаются представления общества (или его части) о его устройстве. В лексеме *отечество* отражается патриотизм, который связывает соотечественников, людей разного социального положения, общей готовностью служить интересам отчизны.

Таким образом, исследование триады *родина — отечество — отчизна*, осуществленное по данным словарей, позволяет проследить ценность ее содержания для русской языковой картины мира. Исторически сложившееся содержание триады представляет собой комплекс ядерных смыслов «малая родина», «большая Родина», «Родина-мать».

НЕВЕРБАЛИКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»)

Аношина Яна Витальевна

магистрант 1 курса, Донецкий национальный университет

В теории коммуникации выделяют невербальную коммуникацию и невербальное общение, дополняющие сообщаемую информацию, выражающие чувства говорящего и его психическое состояние в момент говорения. Цель исследования — выявить и описать лексические единицы, характеризующие невербальную коммуникацию и невербальное общение героев, что и определяет новизну исследования. Отбор лексем осуществлялся методом сплошной выборки.

Определение функций невербальной коммуникации в тексте возможно с помощью анализа лексических единиц, указывающих на поведение языковой личности в момент речи. Так, в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» зачастую представлены лексические единицы, отражающие невербальное поведение человека. Передача невербальной информации происходит различными способами:

1) через обонятельный канал: *Тяжело дыша, Маргарита рвала и мяла молотком струны;*
2) через акустически-аудитивный канал: — *Он не отбрасывает тени! — отчаянно мысленно вскричал Римский;* 3) через осязательный канал.

Невербальная коммуникация необходима для установления контакта и поддержания эмоционального настроения собеседников. Так, глагол *вздыхнуть*, представленный в романе по результатам поиска через Национальный корпус русского языка 11 раз, во всех речевых ситуациях выполняет функцию передачи грусти, тоски человека: *Варенуха повесил голову, вздохнул и тихо сказал: — Отпустите обратно. Не могу быть вампиром; Сердце Маргариты застучало, она тяжело вздохнула, стала соображать что-то.*

Многофункциональным, напротив, является глагол *вскрикнуть*, в различных речевых ситуациях обнаруживающий разные коннотации: 1) испуг: *Иуда шарахнулся назад и слабо вскрикнул: — Ах!* 2) выражение радости: *Тогда Наташа кинулась на шею Маргарите, звонко ее расцеловала и, победно вскрикнув, улетела в окно;* 3) удивление: *Две с половиной тысячи человек в театре вскрикнули как один;* 4) выражение физической боли: *Тихо вскрикнув, она голыми руками выбросила из печки на пол последнее, что там оставалось, пачку, которая занялась снизу.*

Интерес представляет и лексема *рука*, в сочетании с которой образуются разнообразные выражения поведения человека в момент коммуникации: 1) выражение этикетного правила: *Тут иностранец отколол такую штуку: встал и пожал изумленному редактору руку, произнеся при этом слова: — Позвольте вас поблагодарить от всей души!* 2) попытка задержать, привлечь внимание: — *Еду! — с силой воскликнула Маргарита и ухватила Аззелло за руку, —*

еду, куда угодно!; 3) знак развязности, фривольности, уверенности: — *Трудный народ эти женщины! — он засунул руки в карманы и далеко вперед вытянул ноги*; 4) нервозность, сильные переживания: *Маргарита крепче зажала в руке коробку и продолжала: — Нет, погодите...*

Нередкими в тексте Булгакова являются и ситуации комбинированного использования способов невербальной коммуникации: — *Даже что-то вроде галлюцинации было, — он попытался усмехнуться, но в глазах его еще прыгала тревога, и руки дрожали. Однако постепенно он успокоился, обмахнулся платком и, произнеся довольно бодро: «Ну-с, итак...».*

Таким образом, анализ единиц, описывающих особенности невербального поведения, может быть использован для более точной характеристики героев художественного произведения.

«ВСПОМНИ ИНОГДА И НЕ ЗАБЫВАЙ НИКОГДА»: ИНСКРИПТЫ НА ОБОРОТЕ ФОТОГРАФИЙ

Пересыпкина Ксения Андреевна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Настоящий доклад посвящен изучению оставленных на оборотной стороне фотографий дарственных надписей, выявлению и систематизации составляющих их компонентов и элементов. Примером может служить такой текст: *Дорогому брату Константину, в знак воспоминания о том времени, когда люди так много говорили. Л. Вилямовская 28 августа 95 года.*

Цель исследования — выделить структуру фотографических инскриптов; представить её части и охарактеризовать некоторые из них статистически и/или типологически. Новизна исследования заключается в осуществлении первой попытки подробного лингвистического анализа фотографического инскрипта.

Материал исследования — пятьсот фотографий, охватывающих период с 1860 по 2003 гг. (извлечены методом произвольной выборки). Источниками стали: архив «История России в фотографиях», архив Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации, архив, сформированный после летней фольклорной экспедиции студентов СПбГУ в деревню Сояна Мезенского района Архангельской области.

В результате было выявлено, что фотографический инскрипт состоит из дарственного (обязательного) и недарственного (факультативного; напр., *6 марта 1868 года*) компонентов.

Дарственный компонент реализуется через образ адресанта, адресата, адресанта и адресата, даримого (*Дорогой Марье Александровне наша последняя карточка. С. Р.*). Элементами дарственного компонента являются: наименования участников ситуации дарения (*от горячо любящей ее мамы Кати и больного безнадежно Сержа; Дорогому Грише Стасенко*); характеристика связи между участниками ситуации, чаще всего эмоционально-психической, являющейся мотивировкой дарения. Последняя может быть выражена именем или именной группой, которые, как правило, представляют собой свернутую предикацию (явление из эмоционально-психической сферы дарителя — *в знак глубокого уважения*, явление из эмоционально-психической сферы получателя — *на вечную память*, явление общей эмоционально-психической сферы участников или их совместное социальное бытие — *как воспоминание о наших занятиях*).

Элементом дарственного компонента также может быть характеристика связи между участниками ситуации, выраженная одной или несколькими предикативными единицами (референтом грамматического субъекта выступает даритель — *посылаем эту фотографию*, получатель — *Сохраните воспоминание о прошлом*, могут быть обозначены оба участника ситуации — *Когда мы будем в разлуке, не будем знать, где ты, где я, тогда возьми карточку в руки и вспомни про меня*).

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ РЕЧЕВОЙ ШТАМП КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Жань Тянь

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Термин «языковая личность» впервые появился в русском языкознании в работах В. В. Виноградова, но точного определения этого термина в то время предложено не было. В 1980-е гг. это явление постепенно обратило на себя внимание лингвистов, напр., в работах «Современная лингводидактика» Г. И. Богина и «Русский язык и языковая личность» Ю. Н. Караулова были предприняты попытки его терминологического определения. Так, по мнению Ю. Н. Караулова, языковую личность можно охарактеризовать как человеческую способность, позволяющую создавать и воспринимать тексты различной структурно-языковой сложности, глубины и точности отражения действительности и определенной целевой направленности [Караулов, Красильникова, 1989: 3].

Анализ речевых штампов современных российских СМИ как средства выражения языковой личности показал, что они характеризуются экспрессией и обнаруживают отсылки к библейским сюжетам и персонажам (*ждать зарплаты как манны небесной; Ноев ковчег угольной промышленности все еще на плаву*), к общеевропейской культуре (*за фасадом этой организации скрываются тайны Мадридского двора*), русскому фольклору (*Змей Горыныч Иркутска; Царевна Несмеяна Мариинского театра; некачественное сооружение без окон и дверей и на курьих ножках*), реалиям и самобытным традициям (*подростки устроили в подворотне кулачные бои; в России свадьба без драки — это что Новый год без оливье и крабовых палочек; в городском парке негде даже посидеть на дорожку — ни одной скамейки*), классической русской литературе (*негерой нашего времени; преступление и наказание; поймать золотую рыбку в 30 лет*).

Использование же эмоционально окрашенных речевых штампов, таких как, напр., *офисный планктон* (общее определение для офисных служащих), *высокие кабинеты* («политическая элита, чиновники»), *золотые унитаза* («излишняя роскошь»), *сидеть на игле* («быть наркозависимым») и т. п. нацелено на повышение эффективности коммуникации.

В результате анализа конкретных примеров нами было выявлено, что авторы публицистического текста могут: 1) использовать негативно окрашенные речевые штампы, для того чтобы прямо выражать прогнозы относительно дальнейшего развития каких-то событий; 2) использовать речевые штампы, чтобы облегчить читателю вхождение в заданную контекстную ситуацию и повлиять на его чувства; 3) использовать речевые штампы в отличных от общепринятых оценочных значениях, тем самым имплицитно выражая иронию или даже сарказм по отношению к тем или иным общественно-политическим явлениям или деятелям и т. д.

Таким образом, речевой штамп становится неотъемлемой частью реализации языковой личности говорящего или пишущего. На материале современной российской публицистики нами было установлено, что главными функциями речевого штампа являются: 1) обеспечение краткости изложения за счет узнаваемости и прецедентности цитируемой фразы, 2) выражение эмоциональной экспрессии, чаще всего — иронии или сарказма, 3) эксплицирование образа автора в случаях трансформации или обыгрывания уже устоявшихся штампов.

Литература

Караулов Ю. Н., Красильникова Е. В. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность / отв. ред. Д. Н. Шмелев. М., 1989. С. 3–10.

МОТИВАЦИОННЫЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ НАЗВАНИЙ ЯГОД В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Фан Хэнюй

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Был проведен словообразовательный и мотивационный анализ слов, входящих в тематическую группу «названия ягод». Единицы этой группы отобраны из «Биологического энциклопедического словаря» и текстов сайта экологического центра «Экосистема».

«Названия ягод» — это небольшая по объему группа в русском языке, содержащая большое количество старых слов, которые занимают важное место в русской языковой картине мира. Ранее проведенные исследования на материале названий ягод в основном направлены на их словообразовательные и этимологические характеристики. В качестве примера упомянем работу [Араева, Ли, 2014].

Мы выделили пять словообразовательных типов, характерных для названий ягод.

1. Названия ягод с суффиксом *-ник* со значением ‘название ягоды, растущей на растении, на ветвях или на листьях которого имеется то, что обозначено производящим словом’. К этому типу относятся слова *восковник* (восковый), *терновник* (терновый) и *шиповник* (шиповый).

2. Названия ягод с суффиксом *-ик* со значением ‘название ягоды, внутри которой обнаруживаем наличие вещей, представленных производящим словом’. В состав этого типа входят слова *водяника* (водяной) и *костяника* (костяной).

3. Названия ягод с суффиксом *-ик* со значением ‘название ягоды, цвет которой обозначается в соответствии со значением производящего слова’. К этому типу относятся слова *брусника* (*бруснь* — красный, исчезнувшее общеславянское прилагательное), *голубика* (голубой) и *черника* (черный).

4. Названия ягод с суффиксом *-ик* со значением ‘название ягоды, форма которой выражена производящим словом’: *клубника* (клубень).

5. Названия ягод с суффиксом *-ин* и со значением ‘название ягоды, из которой производится то, что обозначено производящим словом’: *маслина* (масло).

Кроме названий, относящихся к вышеприведенным типам, в русском языке существуют и др. названия ягод, которые необходимо проанализировать: *боярышник*, *крыжовник*, *волчегодник*, *земляника* и *лимонник*.

Однако не во всех случаях членение звуковой оболочки слова совпадает с его морфемной структурой. К примеру, трудно выявить, какое значение скрывается в корне *черемух-* в слове *черемуха*. В таком случае следует обратиться к мотивационному анализу — с помощью обоснованной ассоциации (рациональной связи между значением и звучанием слова) мы выделяем такие части слова: *черемуха* (ср. *черный* и *облепиха*) [Блинова, 2010: 41].

В результате мы выясняем, чем руководствуются носители языка, называя определенным словом объект растительного мира.

Литература

Араева Л. А., Ли С. И. Пропозиционально-фреймовый анализ производного слова (на материале наименований ягод в китайском и русском языках) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 27. С. 124–126.

Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты. М., 2010.

ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ ТЕМЫ «ВАКЦИНАЦИЯ» В НОВОСТНЫХ МАТЕРИАЛАХ КОВИДНОГО ПЕРИОДА

Суцких Анна Олеговна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Материалом доклада послужили новостные тексты за 2021–2022 гг., относящиеся к тематическому полю «вакцинация». Цель доклада — изучить использование терминологических единиц в функции эвфемизмов.

Выбор портала «Вести.Ру» в качестве источника материала был сделан с учетом результатов опроса ФОМ, согласно которым это сетевое издание лидирует в списке предпочтительных источников информации в интернете на протяжении последних пяти лет.

При составлении выборки были выделены следующие тематические группы: «заявления» (375 текстов), «коронавирус» (269), «вакцинация» (159), «открытие» (60), «Мясников» (50), «инфодемия» (44), «статистика» (39) и «рекомендация» (34). Каждая группа представляет корпус текстов, связанных единой авторской интенцией и общими содержательными компонентами. Группа «заявления» объединяет материалы, содержащие комментарии органов власти о ходе течения пандемии и необходимости соблюдения противоэпидемиологических мер. В группу «коронавирус» входят тексты, информирующие о штаммах, симптомах и последствиях заболевания, в группу «вакцинация» — об этапах создания, тестирования и регистрации вакцин разных стран, эффективности препаратов, их модернизации и возникших ошибках в ходе испытаний. «Открытие» — группа, содержащая новые сведения о событиях в изучении коронавируса. Комментарии доктора Мясникова были выделены в отдельную группу, потому что для российских телезрителей его личность считается авторитетной. В тематическую группу «инфодемия» вошли данные о новых видах мошенничества, фейках и предположениях об участии стран в разработке штаммов вируса. Группа «статистика» включает материалы, содержащие информацию об общем количестве заболевших. «Рекомендация» — группа, содержащая советы по лечению заболевания. Всего было отобрано 1030 новостных материалов.

Исследование концентрировалось на анализе лексических единиц тематической группы «вакцинация». Для сужения выборки были выбраны 23 новостных текста. Внимание было обращено на тексты, информирующие об эффективности, модернизации формулы «Спутника» и разработке новых вариантов вакцины.

В ходе исследования осуществлялся анализ речевой организации текста и стилистической окраски лексических единиц в окружающих терминах контекстах. Были выявлены наиболее распространенные общенаучные и узкоспециализированные термины в рамках темы «вакцинация», освоенные новостной повесткой. В информационном потоке наиболее частотные, усвоенные авторами и аудиторией термины формируют устойчивый положительный контекст для данной темы: «... комбинация вакцин от коронавируса AstraZeneca и “Спутник Лайт” продемонстрировала высокий профиль иммуногенности ...», «... не зафиксированы случаи заражения коронавирусом после вакцинации», «протективность вакцины “Спутник V” по отношению к “омикрону” составляет 75 % ...», «... при последующей ревакцинации препаратом от коронавируса “Спутник лайт” защита повышается до 100 %» и т. д. Результаты испытаний комбинаций российской вакцины с вакцинами от иностранных производителей часто описываются как отличные, высокие или обнадеживающие. Во многих текстах подчеркиваются преимущества российских разработок. Для подкрепления положительной коннотации у ключевого термина «вакцинация» часто используются как количественные данные, так и слова с эмоционально-оценочной окраской.

ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ «ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ДИАЛЕКТИКИ БОЖЕСТВЕННОГО И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО» Н. А. БЕРДЯЕВА

Южаков Никита Владимирович

студент 2 курса, Петрозаводский государственный университет

Современный этап развития филологической науки характеризуется утверждением междисциплинарного подхода. Лингвориторика — одна из таких комплексных дисциплин, совмещающая методы языкознания и риторики. Одним из основных инструментов этой науки выступает риторический анализ. Материалом данного доклада является произведение «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого» Н. А. Бердяева [Бердяев, 2011].

В докладе рассмотрение текста производится методами риторического анализа и логической формализации. Под первым термином мы понимаем комплексное изучение конкретного речевого материала, выявление приемов речевого воздействия, отклоняющихся от типичного применения синтаксических построений (фигур речи) и особых лексико-семантических средств.

Актуальность доклада обусловлена, в первую очередь, неизученностью темы, а также возрастающей значимостью философских текстов в условиях обострения социокультурных противоречий, глобализации и ценностного рассогласования, присущих современному этапу развития общества. В ходе общего риторического анализа текста были выделены наиболее распространенные фигуры речи: антитеза, хиазм, стык и риторические вопросы.

Наибольшее внимание в исследовании уделяется способу структурирования, который Бердяев последовательно использует на синтаксическом уровне организации текста. Это сложное синтаксическое целое особого типа. В исследовании мы опираемся на традиционное для отечественной лингвистики определение этого термина как «сочетания нескольких предложений в тексте, характеризующихся относительной завершенностью темы (микротемы), смысловой и синтаксической спаянностью компонентов» [Валгина, 1987: 491].

Выделяются основные черты этой синтаксической структуры: 1) тяготение к упрощению синтаксиса зависимых предложений; 2) последний элемент конструкции имеет важную семантическую функцию и связывается с зачином; 3) структуре присуща определенная степень вариативности.

В работе предлагается следующий вариант формализации: $ССЦ = X_0 + x_1 + x_2 \dots + x_n + X_0'$ (где X_0 — зачин, выражаемый или в виде одного сложного, распространенного предложения, или несколькими простыми предложениями; $x_1, x_2 \dots x_n$ — подчиненные предложения, объединенные цепной связью в рамках ССЦ; X_0' — вывод, последний элемент, семантически дополняющий зачин).

Анализ материала позволяет сделать вывод: наряду с классическими риторическими приемами Бердяев последовательно использует особую синтаксическую структуру (сложное синтаксическое целое), выполняющую важную композиционную и смысловую функции в тексте.

Литература

Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М., 2011.

Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Современный русский язык: учеб. для вузов. М., 1987.

КОНЦЕПТ «ЗЕМЛЯ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. С. ВЫСОЦКОГО

Милосердова Яна Олеговна

студент 2 курса, Государственный университет просвещения

Поэтический язык В. С. Высоцкого насыщен образами и символами, отражающими сознание самого автора, коллективное языковое сознание и одновременно являющимся средством познания мира. Образный мир песен Высоцкого глубоко укоренен в фольклоре и мифологических представлениях [Новохацкая, 2008: 197]. Образ земли очень ярко представлен в «Песне о земле». Описание здесь становится формой мысли. Высоцкий вкладывает в описание земли два смысла — земля понимается как планета и как почва. Земля образно представлена в песне как живое существо («*умерла*», «*материнство у Земли*», «*Земля как калека*», «*поет*») и планета, которая после пережитого ужаса войны сможет найти в себе силы для дальнейшей жизни. Земля выступает как символ духовного начала народа («*Ведь Земля — это наша душа*»).

В стихотворении «Мы вращаем Землю» Высоцкий также придает слову *земля* несколько значений: она живой организм, который замирает в какой-то момент от боли и скорби («*на мгновенье застыла*»), но при этом Землю постоянно приводят в движение. В этом случае поэт указывает на то, что движение осуществляется ради жизни, которая наступит после ужасной войны, — Земля символизирует жизнь народа. В строке «*Землю тянем зубами за стебли*» земля предстает скорее как почва, родная земля, которую человек ощущает, возможно, в последние секунды перед смертью, но не сдаётся. В «Марше шахтеров» Высоцкий связывает землю и страдания. Это отражается в строчке «*Терзаем чрево матушки-земли*». Герой чувствует вину перед землей, обращается к ней с просьбой «простить за то, что роюсь во чреве», проникая в самое сокровенное. Земля выступает как человек, способный на благородный поступок — прощение.

Высоцкий создает уникальный образ, который включает в себя не только землю как планету, почву, но и землю как живое существо, умеющее чувствовать, переживать и умирать. Синтетический образ-символ создается благодаря личному восприятию общеязыкового концепта, синтезирующему разные виды знания о мире.

Литература

Новохацкая Ж. В. Единство фольклорной и мифологической картин мира в поэзии В. С. Высоцкого // Вестник КГУ. 2008. № 4. С. 195–199.

ЗВУЧАЩИЙ МИР В ПОВЕСТИ В. П. АСТАФЬЕВА «ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН»

Курсанова Анна Андреевна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В современной науке исследованию лексики звуков посвящено большое количество работ. Изучение данной темы актуально в области когнитивной и антропологической лингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии.

Материалом для данного доклада послужили рассказы из автобиографического цикла В. П. Астафьева «Последний поклон». Для писателя звук был достаточно редкой деталью в тексте. Иногда полноценное описание, напр., леса, могло быть реализовано вовсе без упоминания звука: герой воспринимал его только через зрение и обоняние. Тем интереснее узнать, в каких случаях писатель все же обращается к образу звука и по какой причине.

В повести Астафьева главный герой — ребенок, практически все звуки передаются читателю через его восприятие. Он живет в деревне возле большой реки. Основными тематическими

группами для описания звука можно назвать пространство дома, деревню, реки и ручьи, лес и природу, человека.

В ходе исследования было установлено, что основу лексики со значением звучания в повести составляют глаголы, менее представленными оказываются имена существительные и прилагательные, а слова категории состояния используются преимущественно для создания образа тишины. Наибольшей частотой употребления обладают глаголы *скрипеть*, *шуметь*, *кричать*, *петь* (и их производные), представляющие в тексте повести ядро лексики со значением звучания. Данные глаголы вступают в устойчивую синтагматическую связь с ограниченным кругом существительных и повторяются в разных частях текста. Так, глагол *скрипеть* регулярно образует сочетания со словами *кровать*, *ворота*, а глаголом *шуметь* чаще всего описывается звук воды и разговор людей.

Круг лексики, обозначающей звуки в доме, довольно ограничен. Это прежде всего глаголы *скрипеть*, *шуметь*, *загудеть*, *зазвенеть*, *стучать* (*стучать*). Характер звуков, названных перечисленными глаголами, имеет сходство: глаголы обозначают резкие, сильные, громкие звуки. Большого звукового разнообразия в них нет: для мальчика Вити эти звуки привычны, не сильно выделяются в повседневной жизни. Тем более значительными кажутся эпизоды, описывающие выбивающиеся из рутины события: бабушка печет блины, открывает сундук, чтобы угостить внука леденцами, устраивает шумный праздник для всей семьи — во всех этих отрывках используется лексика с музыкальной семантикой, ярко выделяющаяся на фоне привычной для героя звуковой картины деревенской жизни.

АДЪЕКТИВНЫЕ СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫЕ СЛОВА АББРОГРУППЫ «АВТО-»

Агаркова Мария Денисовна

студент 3 курса, Донецкий национальный университет

Исследование посвящено рассмотрению адъективных сложносокращенных слов (далее — ССС) абброгруппы (далее — АГ) «авто-». Задачи исследования — дать определение аббревиатурному прилагательному и охарактеризовать ССС АГ «авто-».

ССС-прилагательные ранее не рассматривались как аббревиатуры. Наша работа предполагает обогащение научных представлений о словообразовательной базе языка, благодаря включению в ее состав нового типа аббревиатур. Материалом исследования послужили 109 прилагательных АГ «авто-», которые были отобраны из «Толково-словообразовательного словаря сложносокращенных слов русского языка». В ходе исследования были использованы методы сплошной выборки, квантитативного и ономазиологического анализа.

По мнению ученых, аббревиатура — это «существительное, состоящее из усечённых слов, входящих в исходное словосочетание» [Лопатин, 1990: 121]. Однако все признаки аббревиатур есть и у прилагательных, содержащих абброконструкт. ССС-прилагательные могут выделяться и в диахронии, и в синхронии.

В диахронии мы понимаем под адъективными аббревиатурами ССС-прилагательные, возникшие на базе словосочетаний: *вибрационная шлифовальная* > *виброшлифовальная*. На синхронном срезе ССС — прилагательные, включающие в свой состав аббревиатурный конструкт и получившие в результате псевдоунивербализации в текстах дескриптивные эквиваленты (*автодорожный* > *автомобильный дорожный*).

ССС, которые на диахронном срезе являются квазиаббревиатурами, на синхронном могут восприниматься как аббревиатуры, благодаря псевдоунивербализации — «развертыванию на базе ССС вторичных словосочетаний, возникновение которых обусловлено действием стереотипа: если в состав слова входит абброконструкт, этому слову должно соответствовать словосочетание, в котором присутствует словесный эквивалент абброконструкта» (*алкозависимый* > *алкогольный зависимый*) [Теркулов, 2017: 86].

В АГ «авто-» мы выделили 109 ССС-прилагательных, среди них: 1) являющиеся аббревиатурами и на диахронном, и на синхронном срезе: *автомобильный товароведческий* > *автотовароведческий*; 2) являющиеся аббревиатурами на синхронном срезе, но квазиаббревиатурами — на диахронном: *автогоночный* > *автогонка*; 3) являющиеся квазиаббревиатурами и на синхронном, и на диахронном срезе: *автодетальный*.

ССС-прилагательные могут иметь до двух эквивалентов; это дает нам возможность разделить их на следующие типы: 1) имеющие одну дешифровку: *автопарковочный* > *автомобильный парковочный*; 2) имеющие несколько дешифровок: *автокомпьютерный* > *автомобильно-компьютерный*, *автомобильный компьютерный*.

Таким образом, нами были выделены типы адъективных аббревиатур АГ «авто-»: ССС, которые образованы от словосочетаний и имеют синтаксические эквиваленты, подтверждаемые текстами; ССС, имеющие эквиваленты, но образованные на базе уже имеющих сложносокращенных слов, и адъективные квазиаббревиатуры, не имеющие ни словосочетания-источка, ни возможности разворачиваться в эквиваленты. Проведено разделение ССС, образованных на базе имен существительных суффиксальным способом.

Литература

Лопатин В. В. Аббревиатура // Лингвистический энциклопедический словарь / отв. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 9.

Теркулов В. И. Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания // Вестник Московского университета. 2017. № 6. С. 73–97.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЗВУК» В РАССКАЗЕ Ю. П. КАЗАКОВА «СВЕЧЕЧКА»

Якимовская Анна Ивановна

студент 2 курса, Московский государственный областной университет

Цель исследования — описание семантического поля «звук» как части словаря Ю. П. Казакова и определение звукоизобразительности как стилистического приема в его рассказе «Свечечка». Исследуя семантическое поле «звук» в творчестве автора, мы можем определить звукоизобразительную функцию лексем в его идиостиле.

Под семантическим полем мы понимаем самую крупную лексико-семантическую парадигму, объединяющую слова разных частей речи, соотносимые с одним фрагментом действительности и имеющие общую сему в лексическом значении [Жеребило, 2010: 32].

Для звуковой организации рассказа Ю. П. Казакова характерно активное использование глагольных форм и наречий. С помощью различных языковых средств в тексте реализуются эмотивная и оценочная функции лексики семантического поля «звук».

Нами выделены следующие ядерные лексемы семантических групп со значением 'звук', 'звучание', 'звучащий', 'характер звучания'.

Лексико-семантическая группа с доминантой 'звучать' делится на подгруппы: 1) лексемы, обозначающие звуки, которые производятся с помощью предметов: *звякнуть*, *стукнуть* и др.; 2) лексемы, обозначающие звуки, сопровождающие движения человека: *вздохнуть*, *затаиться*; 3) лексемы, обозначающие звук, производимый человеком с участием речевого аппарата: *шептать*, *воскликнуть* и др.

Эту подгруппу в свою очередь можно классифицировать по участию голоса человека и скорости воспроизведения звука.

По участию голоса различаются: 1) лексемы, обозначающие действия, производящие громкий звук: *кричать*, *воскликнуть* и др.; 2) лексемы, обозначающие как тихие, так и громкие звуки: *смеяться*, *сказать* и др.; 3) лексемы, обозначающие нулевую фонацию: *не доносилось ни звука*, *молчать* и др.

По скорости воспроизведения звука: 1) лексемы, обозначающие быстрое воспроизведение звука: *заспешить, спохватиться* и др.; 2) лексемы, обозначающие медленное воспроизведение звука: *протянуть, выпевать* и др.

В группе со значением 'звуки предметов' наименьшее количество лексем: *жужжание, сигнал* и др.; большой является группа со значением 'звук, издаваемый человеком': *крик, смех* и др., малочисленна группа, называющая нулевую фонацию: *ни звука, шорох*.

Группы прилагательных и причастий с доминантой 'звучащий' делятся по источнику звука: издаваемые человеком — *захлебывающийся, свирельный* и др.; предметами — *скрипучий, мягкий* и др. Наречия с доминантой 'характер звучания' также включаются в классификацию по источнику звука, но наиболее важную роль здесь играет деление по эмоциональному состоянию, в котором были выделены отрицательные эмоции: *страдальчески, злобно* и др., положительные эмоции: *упоенно, ласково* и др.

В ядро семантического поля входят единицы, имеющие высокую частотность и наиболее функционально значимые в тексте рассказа: *кричать, молчать* и др. В периферийной зоне семантического поля находятся слова, для которых характерна невысокая частотность (*добавить, спросить* и др.), или те, которые не являются элементами общезыкового поля «звук», но приобретают сему «звук» в рассказе писателя (*заспешить, стремительный* и др.).

Таким образом, в рассказе Ю. П. Казакова «Свечечка» особенно важна роль звука как художественного образа, обращаясь к чувственному восприятию читателя и раскрывающего психологию героев.

Литература

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань, 2010.

ИНТЕРПРЕТАТИВЫ КАК СРЕДСТВО ТОЛКОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ПРЕЗЕНТАТИВНОГО ДЕШИФРОВАЛЬНОГО СТИМУЛА АББРЕВИАТУРЫ

Лашко Алина Андреевна

студент 4 курса, Донецкий национальный университет

Цель работы — определение значений презентативного дешифровального стимула (ДС) при помощи интерпретативов, установление системы значений конструкта «авиа». Под ДС понимается стереотип расшифровки аббреконтрукта — слово или сочетание слов, которые являются эквивалентами аббреконтрукта и могут быть использованы для его замены в эквивалентных словосочетаниях.

Разграничиваются презентативные и интерпретативные ДС. Презентатив осуществляет основную/общую трактовку аббреконтрукта, указывающую на наличие у объекта определённого признака, напр., *авиабаза* — *авиационная база*, *авиатопливо* — *авиационное топливо* и т. п. Под интерпретативом понимаются ДС, которые уточняют семантику аббреконтрукта и являются маркированными компонентами в оппозиции к презентативу. Интерпретативы подразделяются на релятивные и модификативные ДС. Релятивы представляют различную интерпретацию статуса референта, обозначаемого аббревиатурой, и указывают на его актантную роль, напр., *авиаоператор* — *оператор авиации* (квалификатив), *авиасоглашение* — *соглашение с авиакомпанией* (комитатив). Модификатив является сложным словом или словосочетанием, которое содержит дополнительный ономазиологический признак, не представленный в структуре аббревиатуры, напр., *авиакружок* — *кружок авиа**моделирования***, *авиасервис* — *сервис **авиакомпаний*** и т. п.

Для сложносокращённых слов с аббреконтруктом *авиа-* отмечается возможность трактовки значения презентатива через интерпретативные ДС. Выделяются следующие релятивные трактовки аббреконтрукта *авиа-* и презентатива *авиационный*: 1) *авиационный* = *авиации*: *авиамасто* — *авиационное масло* — *масло для авиации* > значение 'предназначенное для авиации'; 2) *авиационный* = *гражданской авиации*: *авиасоглашение* — *авиационное соглашение* — *соглашение в гражданской авиации* > значение 'принятое/подписанное в гражданской авиации'; 3) *авиационный* = *область авиации*: *авиаспециалист* — *авиационный специалист* — *специалист в области авиации* > значение 'работающий в области авиации'; 4) *авиационный* = *помощь авиации*: *авиаопрыскивание* — *авиационное опрыскивание* — *опрыскивание с помощью авиации* > значение 'производимое с помощью авиации'.

Определены также следующие модификативные трактовки: 1) *авиационный* = *авиабезопасность*: *авиаинспектор* — *авиационный инспектор* — *инспектор авиабезопасности* > значение 'контролирующий правила авиабезопасности'; 2) *авиационный* = *авиабилет*: *авиаменеджер* — *авиационный менеджер* — *менеджер по авиабилетам* > значение 'специализирующийся на авиабилетах / ответственный за авиабилеты'; 3) *авиационный* = *авиалюбитель*: *авиаклуб* — *авиационный клуб* — *клуб авиалюбителей* > значение 'объединивший авиалюбителей'; 4) *авиационный* = *авиадвигатель*: *авиашум* — *авиационный шум* — *шум авиадвигателя* > значение 'распространяемый авиадвигателем / исходящий от авиадвигателя'. Исследование позволило использовать интерпретативы для установления значений презентативного ДС.

СЛОЖНОПРОИЗВОДНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Тахмазова Сабрина Валех-кызы

магистрант 2 курса, Донецкий национальный университет

Новизна исследования определяется недостаточной изученностью словообразовательных возможностей аббревиатур русского языка. Описание словообразовательных моделей отаббревиатурных производных не получило достаточного освещения в научной литературе. Рассмотрение сложнопроизводных единиц важно для формирования методик описания аббревиатур в «Толково-эквивалентном словаре сложносокращенных слов русского языка», создаваемом Экспериментальной лабораторией исследований тенденций аббревиации при Донецком национальном университете.

Цель исследования состоит в описании словообразовательных моделей сложнопроизводных наименований отраслей промышленности.

Материалом исследования послужили 237 сложнопроизводных аббревиатур, отобранных из картотеки «Толково-эквивалентного словаря сложносокращённых слов русского языка». В целом работа носит синхронный характер, основной метод исследования — описательный; используется также сопоставительный метод.

Сложнопроизводные аббревиатуры — это слова, образованные от аббревиатур морфологическим способом; для них часто обнаруживаются синхронные синтаксические эквиваленты. Напр., слово *авиаприборостроение* (образованное от слова *авиаприбор*) на синхронном срезе имеет все признаки аббревиатуры: в его составе выделяется абброконструкт *авиа-*, а в текстах обнаруживается его полный эквивалент — словосочетание *авиационное приборостроение*.

Можно выделить следующие словообразовательные модели отраслей промышленности.

Отаббревиатурные имена существительные

Основа существительного + интерфикс + корень + суффикс + окончание: основа существительного + о-стро-ениj-е, *авиаприбор* > *авиаприбор-[о-стро-ениj-е]*.

Отаббревиатурные имена прилагательные

1. Основа существительного + суффикс + окончание: а) основа существительного + альн-ый, *авиаиндустрия* > *авиаиндустри-[альн-ый]*; б) основа существительного + еск-ий, *авиатехника* > *авиатехнич-[еск-ий]*; в) основа существительного + ивн-ый, *авиаспорт* > *авиаспорт-[ивн-ый]*.

2. Основа существительного + суффикс + суффикс + окончание: основа существительного + итель-н-ый, *авиаприборостроение* > *авиаприборостро-[итель-н-ый]*.

Сложнопроизводные слова представляют большой пласт аббревиатурного пространства языка и входят практически во все основные лексико-семантические группы русского словаря. Перспективы исследования мы видим в более детальном описании формальных и ономазиологических моделей эквивалентности сложнопроизводных слов.

ТИПЫ ФОРМАЛЬНОГО НЕСООТВЕТСТВИЯ НЕИНИЦИАЛЬНЫХ АББРОКОНСТРУКТОВ ИХ ЛЕКСИЧЕСКИМ ЭКВИВАЛЕНТАМ

Смирнова Ирина Романовна

магистрант 1 курса, Донецкий национальный университет

Абброконструкт (АК) представляет собой компонент аббревиатуры, выступающий сокращенным дублетом слова, напр., АК *био-* в слове *биооружие* (*биологическое оружие*). Он формируется на базе того или иного компонента словосочетания в процессе универбализации — син-

таксической компрессии расчлененного наименования, заимствуя формальные и семантические характеристики производящей единицы.

Однако в языке встречаются случаи формального несовпадения аббреконтрукта с его лексическим эквивалентом, напр., *военчасть* — *войсковая часть*, *аптекоуправление* — *аптечное управление*, *вальцмашина* — *валковая машина* и т. д. Наличие в составе аббреконтрукта интерфикса -о или -э (напр., *центр-о-банк* — *центральный банк*, *бой-э-готовность* — *готовность к бою* и т. д.), который является соединительным (асемантическим) элементом сложносокращенного слова, к тому же факультативным, рассматривается как формальное различие между сокращенным конструктом и его эквивалентом.

По характеру несоответствия аббреконтрукта его развернутому дублету выделяется несколько типов формальных различий между ними. Графические различия предполагают, что фонемный состав аббреконтрукта соответствует эквивалентному слову, но отличным образом передается при написании, напр., *альфоль* — *алюминиевая фольга*, *стройбригада* — *строительная бригада*, *бригада строителей*. Фонемные различия наблюдаются на уровне алломорфов, когда при сравнении фонемного состава аббреконтрукта и его дублета выявляется чередование, напр., *кроликоферма* — *кроличья ферма* (к//ч), *валковая машина* — *вальцмашина* (к//ц), *Богоматерь* — *Матерь Божья* (г//ж), *военчасть* — *воинская часть* (е//и).

Таким образом, формальные различия между АК и эквивалентом могут возникать в процессе универбализации при замене одного из компонентов словосочетания стереотипной формой уже существующего в языке аббреконтрукта, напр., *войсковая часть* — *военчасть*, *воинский учёт* — *военучет*, *валковая машина* — *вальцмашина*. Случаи, когда сокращенный конструкт не полностью дублирует форму производящего слова, свидетельствуют о морфематизованности неинициальных аббреконтруктов как языковых единиц.

ЛОКАТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ В РОМАНЕ ГЛЕБА ШУЛЬПЯКОВА «КРАСНАЯ ПЛАНЕТА»

Арыджан Дерья

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Локативная конструкция — это синтаксическая структура, которая употребляется для обозначения локативного отношения, а локативное отношение предполагает отнесение объекта (действия, ситуации) к определенной точке пространства, где зафиксировано его существование (местоположение). Локативные конструкции в русском языке могут иметь две разные функции: во-первых, собственно локативную (если сообщаем о том, где сейчас находится объект или лицо), а во-вторых, номинативную, или назывную (если местонахождение представляет собой признак, отличительное свойство объекта). Во втором случае локализатор в большей степени отвечает на вопрос *какой?* (напр., *та девушка в аптеке*; *город в Ленинградской области*). Эти предложения в русском языке невозможно различить формально — разница видна только в контексте. Формально они различаются только на уровне глубинной структуры: в локативных предложениях глагол существования / местонахождения опущен, а в номинативных предикат вообще отсутствует.

1. Локативные предложения.

1.1. Локализатор — предложно-падежная форма. Локативная предикация сообщает о месте нахождения субъекта. Связка в таких конструкциях может быть опущена в настоящем времени, а обстоятельства, обозначающие собственно место, выражены предложно-падежными формами, напр., предл. п. с предлогом *в*: *Семейство Володи Набокова во Франции*.

1.2. Локализатор — наречие. В русском языке локализатор может выражаться наречиями: *А теперь эта девочка была рядом*. Предложение формируется с помощью глагола существования *быть* в прошедшем времени. На пространственное значение сказуемого накладывается оттенок временного состояния субъекта.

2. Назывные (номинативные) предложения.

В структуре номинативных предложений особое место занимают локализаторы. Локализаторы в русском языке могут выражаться существительными с различными предлогами: а) пространственные локализаторы с предлогами пространственного значения, б) личностные локализаторы — с показателями принадлежности. В предложениях *Девушка в книжной лавке; Брусчатка, герань на подоконниках* акцент делается не на том, где находится *герань* и *девушка*, а на их существование. Место — это тот фактор, который характеризуют *герань* и *девушку*.

Мы осуществили сплошную выборку локативных конструкций из романа Глеба Шульпякова «Красная планета», охарактеризовали функции этой конструкции, провели ее формальный и семантический анализ.

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТИВНО-МОДАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ ВОПРОСИТЕЛЬНОЙ ЧАСТИЦЫ «ЧТО» В КОММУНИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ АЛЬТЕРНАТИВЫ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ» ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДОВ)

Кирсанова Ксения Александровна

студент 4 курса, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Анализ диалогического взаимодействия участников коммуникативного акта выявляет набор языковых средств, часто используемых говорящим для достижения иллокутивных целей или прагматического эффекта. Одним из наиболее маркированных элементов являются частицы, в частности полисемичная вопросительная частица *что*, представляющая неопределенность результата, желательное действие, сомнение, недоумение и т. д. В качестве материала отобраны случаи употребления данного дискурсивного маркера в реакционных репликах и конструкциях, подразумевающих множественность вариантов. Цель исследования — с помощью сопоставительного анализа дать семантическую характеристику таким конструкциям и выявить дифференциальные признаки полисемичного употребления *что*. Источниками примеров служат сатирический роман И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и его англоязычные переводы. Нетривиальные переводческие решения позволяют по-новому взглянуть на функционирование частицы *что* в русском языке, а художественный замысел раскрывает семантическую наполненность элемента.

В ходе исследования выделяются три функциональных группы: опрошенная альтернатива, предположение с противочленом, абсолютная альтернатива. В первую группу вошли конструкции-реакции: «Ты **что** же это, с ума сошел?». Говорящий выражает удивление и расценивает поведение собеседника как ненормальное [Добровольский, Левонтина, 2014]. Аксиологическая установка доминирует над эпистемической.

Вторая группа объединяет примеры с закрытым рядом альтернативы — имплицитным или эксплицитным противочленом: «Перекупщик **что**, блондин, брюнет?». Об этом значении свидетельствуют англоязычные переводы: ср. «Was the dealer fair **or** dark?». В большинстве случаев такие конструкции представляют собой полный модальный вопрос. Говорящий запрашивает новую информацию, вынуждая адресата дать ответ как можно скорее, чтобы удостовериться в догадках.

Третья группа посвящена абсолютной альтернативе. Это вопросительные предложения с неингерентной темой, которые по значению являются полными модальными и соотносятся с гипотетической причиной события [Янко, 1991: 25]. Напр., в удивлении «А он **что**, жив?» интонационный центр падает на сказуемое, навязывая собеседнику ответ с положительным вариантом.

Таким образом, в диалоге вопросительная частица *что* приобретает контекстуально обусловленные дополнительные субъективные значения, эксплицирующие прагматические цели

говорящего. Употребление специфических языковых средств позволяет охарактеризовать речевой портрет коммуникантов, а сопоставительный анализ — не только выявить дифференциальные признаки полисемии, но и обратиться к параллельному корпусному исследованию употребления *что* в разговорной речи для более полного описания семантики дискурсивного маркера.

Литература

- Добровольский Д. О., Левонтина И. Б.* Дискурсивные слова в общевпросительных предложениях: русско-немецкие соответствия // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2014». М., 2014. С. 138–150.
- Янко Т. Е.* Коммуникативная структура с неингерентной темой // Научно-техническая информация. Информационные процессы и системы. 1991. № 7. С. 25–32.

ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПИСАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

ФРЕЙМ «СВАДЬБА» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ (ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

Борисова Екатерина Анатольевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Представления о свадьбе по-разному отражаются в языковом сознании носителей различных лингвокультур, в частности, русской. Базовым понятием в докладе является понятие фрейма — одного из способов вербальной репрезентации когнитивных структур.

Методика выявления фрейма включала несколько этапов:

- 1) анализ лексикографических источников;
- 2) проведение когнитивного теста;
- 3) проведение и обработка результатов ассоциативного эксперимента;
- 4) анализ контекстов употребления слова-стимула *свадьба* в Национальном корпусе русского языка.

В современных толковых словарях русского языка существительное *свадьба* имеет следующую сводную дефиницию: 'брачный обряд; празднество по случаю вступления в брак'. В когнитивном тесте, целью которого был сбор определений понятия «свадьба», данных носителями современного русского языка, задание для информантов было сформулировано следующим образом: «Напишите, пожалуйста, своими словами, что такое свадьба». В анкетировании приняло участие 67 человек в возрасте от 18 до 65 лет. 50 (74,5 %) респондентов — женщины, 17 (25,5 %) — мужчины. 43 информанта (64 %) имеют или получают высшее филологическое образование, остальные (36 %) являются представителями различных профессий. Всего было получено 67 дефиниций. Сравнение их с данными лексикографических источников позволило выявить особенности эмоционального отношения к свадьбе: неоправданная трата денег. Кроме того, в дефинициях информантов присутствуют клише, произносимые в официальной речи при заключении брака (*рождение новой семьи*), и выявляются такие признаки, как, напр., 'официальность', 'традиционность'.

Для построения фрейма «Свадьба», характерного для русской лингвокультуры, использовались результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведенного нами в период с 12.09.2021 до 13.11.2021. В структуре рассматриваемого фрейма выделяются следующие компоненты (сцены / субфреймы): предсобытие, (центральное) событие и постсобытие. Предсобытие, предшествующее основному (центральному) событию, состоит из следующего набора обязательных слотов: слот 1 — «Традиционные этапы развития действия», слот 2 — «Ролевые участники действия». Центральное событие включает в себя такие слоты, как слот «Время и место действия», слот «Ключевые этапы развития действия», слот «Атрибуты» и другие. Постсобытие состоит из одного основного слота «Последующие этапы действия», включающего компоненты «[первая] брачная ночь», «свадебное путешествие» и т. д. Контекстуальный анализ позволил выявить еще несколько частотных признаков существительного *свадьба* в современном русском языке: 'желательное наличие гостей', 'большое количество алкоголя' и 'подарки'.

Таким образом, поскольку в рамках нашего доклада материалом для моделирования фрейма послужили результаты ассоциативного эксперимента, проведенного в кругу респондентов различного пола, возраста и семейного положения, можно полагать, что смоделированный фрейм представляет собой инвариантную схему проведения свадебного обряда и отражает его наиболее типичные компоненты, хотя не все они обязательно реализуются на современных свадьбах, так как фрейм, в первую очередь, служит для организации опыта и знания человека об определенной, уже известной ему ситуации.

АКЦЕНТУАЦИОННО-РИТМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РУССКОГО ФОНЕТИЧЕСКОГО СЛОВА С ПРОКЛИТИКОЙ В РЕЧИ КИТАЙЦЕВ

Ранцан Анастасия Юрьевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе поднимается проблема просодической интерференции, рассматриваются особенности акцентуационно-ритмической структуры русского фонетического слова в речи китайцев. В ходе исследования проведен сбор данных об узуальной норме акцентуации фонетических слов с предлогом-проклитикой в речи носителей русского языка. Целью работы является изучение проявления китайско-русской просодической интерференции на примере реализации китайцами русских фонетических слов. Материал — 20 фонетических слов, представленных предложно-падежными сочетаниями «предлог + существительное», «предлог + числительное». Обращение именно к этой категории фонетических слов обусловлено наличием кодифицированной нормы их акцентуации [Зализняк, 1977; Еськова, 2014].

В фонетическом эксперименте приняли участие две группы респондентов. Первая, контрольная группа — 16 носителей русского языка, средний возраст которых составляет 33 года. Вторая группа — 9 китайцев-студентов СПбГУ, изучающих русский язык в России и владеющих им на уровне В1—С1, однако не вполне овладевших звуковой стороной оформления речи. В ходе анализа полученных реализаций экспериментатором выделены следующие закономерности.

1. Выбор места ударения в сочетаниях «предлог + существительное» осуществляется носителями русского языка на основании семантики сочетания, его употребительности, контекста, а также в соответствии с личным языковым вкусом говорящего (ср. *ухнул кулаком по столу*, *но побарабанил пальцами по столу*). Предложно-падежные сочетания «предлог + числительное» в 100 % случаев реализуются с ударением на знаменательное слово (*квадрат семь на семь*; *на семь лет старше* и т. д.). Заметим, что в словаре А. А. Зализняка как предпочтительный в отношении просодического оформления числительных указан вариант с ударением на проклитику [Зализняк, 1977: 73]. Полученные в ходе эксперимента данные свидетельствуют об изменении современной произносительной нормы.

2. 80,7 % реализаций китайских респондентов оформлены соответствующим норме ударением на корень знаменательного слова (*за бóрт*) или его окончание (*по столу*). Подобный выбор ударения, думается, обусловлен тем, что знаменательное слово несет основную семантическую нагрузку в высказывании, а потому воспринимается учащимися как главное, требующее обязательного акцентного выделения.

3. Регулярной ошибкой китайцев является перенос ударения на окончание знаменательного слова (*за голову́, на зиму́*). Данное нарушение может быть как проявлением внутриязыковой интерференции (ср. формы *на синеву́, на грозю́*), так и индивидуальной ошибкой говорящих.

4. Перенос ударения на проклитику (*из́ дому, на́ пол*) был характерен для речи двух респондентов (44,4 % и 33,3 % всех подобных реализаций соответственно). Это может свидетельствовать о наличии речевого опыта у респондентов и, как следствие — о возможности проявления языкового вкуса учащихся на определенном этапе формирования индивидуальной промежуточной системы изучаемого языка.

Полученные в ходе эксперимента данные позволяют наблюдать действие межъязыковой интерференции при обучении языку в ситуации погружения в языковую среду, а также судить о процессе формирования и чертах промежуточной языковой системы.

Литература

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М., 1980.

Еськова Н. А. Словарь трудностей русского языка. Ударение. Грамматические формы. М., 2014.

ПРАГМАТИКА РУССКОГО РЕЧЕВОГО АКТА СОВЕТА (НА ФОНЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

Чжан Сяоянь

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Антропоцентрическая парадигма современных лингвистических исследований уделяет пристальное внимание речевым актам (РА), рассматривающим способы взаимодействия между участниками разных типов диалога. РА совета является директивным речевым актом, иллокутивная цель которого заключается в побуждении к действию (речевому, физическому, ментальному) либо изменению состояния, целесообразному и полезному, по мнению говорящего, для адресата [Шеловских, 1995: 6]. Использование совета зависит от многих факторов, варьируется в разных лингвокультурах и представляет интерес в аспекте межкультурной коммуникации.

Функционально-прагматический анализ РА совета выявляет основные сходства и различия в его функционировании в русском и китайском языках. Материалом для анализа служат пьесы современных русских и китайских драматургов XX — начала XXI в., данные различных словарей, а также материалы Национального корпуса русского языка и Национального корпуса китайского языка.

РА совета — функционально-прагматическая категория, которая имеет планы содержания и выражения и соответственно суггестивную интенцию и языковые средства ее выражения. Когнитивными признаками совета, которые отражают существенные аспекты суггестивной побудительной ситуации, являются некатегоричность побуждения к выполнению действия, необлигаторность выполнения действия для адресата, приоритетность статуса говорящего, бенефактивность действия для слушающего. Функционирование советов связано с предоставлением адресату свободы в выборе стратегий поведения [Гусейханова, 2009: 9].

Т. И. Шеловских выделила 18 прагматических вариантов совета, что обуславливает использование разнообразных средств выражения. Проанализировав пьесы А. Арбузова, мы обнаружили, напр., совет-пожелание: *Мальчик: Ладно. Может, приведу еще кого. Майя: **Веселых подбери.*** («Победительница»); находим аналог и в китайской пьесе Чэнь Тиньби: *Ван Цзинвэй: Цзывэнь, я советую тебе лучше поехать в Цзянси и поговорить с господином Чианом...* («Полная биография семьи Сун»). Это прямой совет, в котором ясно выражено воздействие на адресата. Косвенный совет эвфемистичнее, мягче и вежливее, что может уменьшить давление на адресата; адресат с большей вероятностью примет совет-пожелание: *Шаманова: **Право, лучше выпустить его на волю.*** («Таня»); *Сун Айлин: Цзывэнь, как ты себя чувствуешь? **Не сходит ли к врачу?*** («Полная биография семьи Сун»).

Анализ показал, что РА совета в русском и китайском языках имеет сходства в языковом выражении. Одно и то же намерение чаще выражается в форме вопроса, когда речь идет о косвенном совете, при выражении прямого совета используется форма глагола (*Я советую...*), выражающего императивную интенцию. Особенности реализации РА совета отражают национальную лингвокультурную специфику.

Литература

Гусейханова З. С. Когнитивно-прагматическая характеристика высказываний со значением «Предложение» и «Совет» (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009.

Шеловских Т. И. Речевой акт совета: функционально-прагматический анализ (на материале французского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1995.

ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ОКРУЖАЮЩЕЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ «НОВОГО РЕАЛИЗМА»

Чукина Екатерина Александровна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе рассматривается семантика неопределённо-личных и номинативных предложений, выявленных в современном художественном тексте. Интерес к односоставным предложениям обусловлен дискуссионностью ряда положений в отношении их грамматического значения и стилистических особенностей. Целью исследования было выявление контекстов употребления односоставных предложений, в которых проявляются их семантические особенности. Отметим, что под контекстом понимается «семантически законченный отрезок текста или высказывания, который позволяет определить значение данного слова или сочетания слов» [Влавацкая, 2017: 39]. Материал исследования — повесть «Книга без фотографий» С. А. Шаргунова [Шаргунов, 2011], являющегося одним из ведущих представителей «нового реализма». Текст содержит повествование от первого лица, в котором реализуется авторская субъективная устремленность, характерная для жанров «нового реализма» [Кучина, 2008: 268].

При сплошной выборке было выделено 148 синтаксических единиц, из которых 61 — неопределённо-личные предложения, 87 — номинативные предложения. В ходе контекстуального анализа были сделаны следующие выводы.

1. Неопределённо-личные предложения характеризуют внешние по отношению к герою события и чётко выявляют социальную активность автора: *Еще через неделю я пошел в дворники. Не то чтобы я не мог ничего иначе заработать. Скорее это был жест. Ведь меня разгромили. Журналистом никуда не берут.*

2. Номинативные предложения отражают восприятие действительности героем и писательское внимание к деталям, создающим образ человека и окружающей действительности: *Я дышал на покрытый снежными линиями металл, видя свое расплывчатое отражение: пятно лица, всклокоченные волосы. И мне показалось, что я отпечатался на этом стальном листе. Всегда на этой лопате теперь будет мое лицо. Фотография одиночества. Лицо и лопата.*

3. В современной стилистике наметилось разграничение поэтического выдвигания (как использования традиционных приёмов выразительности) и лингвистического выдвигания, характеризующего соотносительную выделенность синтаксических конструкций в тексте [Уржа, 2022: 70–71]. С этой точки зрения для рассматриваемых предложений характерно лингвистическое выдвигание, что объясняет их стилистический потенциал.

Литература

- Влавацкая М. В. Синтагматика vs комбинаторика: основы комбинаторной лингвистики // Научный диалог. 2017. № 1. С. 35–45.
- Кучина Т. Г. Между воспоминанием и грезой: биографический сюжет в перволичном повествовании (на примере прозы Николая Конова) // Вестник Томского государственного университета. Гуманитарные науки. 2008. № 12 (68). С. 268–272.
- Уржа А. В. Первый план и фон в повествовательном тексте: нарратология, лингвистика, когнитивные исследования, переводоведение. М., 2022.
- Шаргунов С. Книга без фотографий. М., 2011.

СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ПОЛИТИКА КАК ОТРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ

Чжан Ибо

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Новизна настоящего доклада заключается в комплексном рассмотрении речевых стратегий, тактик, средств эвфемизации, позволяющих выявить типичные средства формирования принципа политкорректности в речи современного политика и особенности их использования. Цель исследования — определить специфику использования речевых и используемых для их реализации языковых средств, входящих в речевой портрет политика, которые отражают стремление к политической корректности. Под речевым портретом понимается «специфическая форма взаимодействия людей в процессах их деятельности, осуществляющаяся при помощи языка» [Павлычева, 2015: 111].

Материал исследования — тексты интервью с российскими политиками, опубликованные на сайте РБК (<https://www.rbc.ru>). Методы исследования — комплексный метод, который включает в себя компонентный, семантический анализ, сравнительно-сопоставительный метод, прагмалингвистический метод, прием сплошной выборки материала. В ходе исследования была создана картотека примеров, состоящая из 45 единиц, представлен комментарий к каждому примеру. Анализ полученного материала позволил выявить два типа реализации принципа политкорректности: прямая политкорректность и эвфемизация. В результате удалось установить, какими лингвистическими средствами представлен каждый из выявленных типов, а также сделать вывод, что при реализации прямой политкорректности наиболее частотны заимствования и генерализация, тогда как при эвфемизации — метафора и метонимия.

Основными результатами исследования стали следующие положения. Речевое поведение политиков отражает современные тенденции политкорректности, получившей широкое распространение во всем мире. Было определено, что политкорректность — система культурных и поведенческих норм и особая языковая категория, которые направлены на преодоление негативных стереотипов по отношению к группам людей и предполагают признание равноправия представителей этих групп. Были отобраны примеры из современных СМИ и рассмотрен речевой портрет политика применительно к принципам политкорректности; отмечены функция сохранения нейтрального контекста, функция отказа от излишней эмоциональности или резких высказываний, функция снятия части ответственности за то или иное событие, функция предотвращения прямого указания на те или иные группы людей.

В ходе работы были выявлены языковые и речевые средства, отражающие тенденцию к политической корректности. Они представлены синонимами, выражениями смягчения, метафорами. Было также выяснено, что одна и та же лексическая единица не может быть использована и как средство реализации прямой политкорректности, и как эвфемизм даже в разных контекстах.

Литература

Павлычева Е.Д. Характеристика особенностей понятия «речевой портрет» // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2015. № 6. С. 110–115.

ВДОХНОВЕНИЕ-ГОСТЬ: К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ КОНЦЕПТА «ВДОХНОВЕНИЕ» В СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ АФОРИЗМАХ И ЦИТАТАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX — НАЧАЛА XXI В.

Пань Юнвэнь

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад посвящен образной составляющей концепта «вдохновение», который впервые рассматривается на материале афористических высказываний и цитат, принадлежащих деятелям искусства и науки, а также популярным современным блогерам и интернет-литераторам. Рассмотренный языковой материал относится к периоду 2-й половины XX — начала XXI в. Источником материала являются сборник афоризмов и сетевые ресурсы [Словарь афоризмов, 2004; Цитаты известных личностей; Жемчужины мысли].

В исследовании выявляется такая особенность образной составляющей концепта «вдохновение», как метафорическое формирование представления о вдохновении как госте. Рассматривается явление обновления стертых метафор. Стертая метафора, в том числе глагольная, может быть обновлена, напр., путём развёртывания. Благодаря обновлению метафоры «вдохновение» олицетворяется, наделяется личностными, человеческими признаками. Выделяются такие относящиеся к «вдохновению» глагольные метафоры, как «постояло», «заглянуть в гости», «не застало», «наследит», «ждут». Тем самым «вдохновение» в высказывании или его части по отношению к глагольной метафоре выступает субъектом или объектом действия. Создается представление о «вдохновении» как о желанном, но редком, непостоянном, непредсказуемом, иногда капризном визитере. Кроме того, «вдохновение» не знает границ, может попасть туда, куда никто другой попасть не может. «Вдохновение» готово идти на контакт с человеком, оно любит приходить странным людям, даже к не вполне адекватным. «Вдохновение» нужно встречать радушно, напр., нужно угощать его кофе.

Таким образом, в афоризмах и цитатном материале отношения между «вдохновением» и человеком описываются, при этом крайне разнообразно, как отношения между гостем и хозяином. «Вдохновение» часто выступает в образе антропоморфного посетителя, приходящего к человеку или, напротив, уходящего от него.

Литература

Информационный портал «Жемчужины мысли». URL: <https://www.inpearls.ru/> (дата обращения: 12.12.2022).

Словарь афоризмов русских писателей / А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов; под рук. А. Н. Тихонова. М., 2004.

Информационный портал «Цитаты известных личностей». URL: <https://ru.citaty.net/> (дата обращения: 12.12.2022).

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ ИЗ КИНОФИЛЬМА «ДЖЕНТЛЬМЕНЫ УДАЧИ»: РЕЗУЛЬТАТЫ АНКЕТИРОВАНИЯ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА И МОДЕЛЬ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ

Макуха Валерия Тимофеевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В настоящее время изучение прецедентных феноменов является одной из наиболее активно развивающихся областей в лингвокультурологии. Это обусловлено тем, что языковая реальность тесно связана с культурными нормами прошлого. Восприятие и употребление в речи

прецедентных высказываний — доказательство существования общей когнитивной базы того или иного лингвокультурного сообщества, поэтому эта тема активно разрабатывается и в РКИ. Изучение данных единиц с помощью кинофильмов способствует их наиболее эффективному усвоению.

Цель анкетирования носителей языка заключается в анализе восприятия прецедентных феноменов, их частотности употребления в речи, а также ситуаций, в которых они могут быть использованы.

Анкетирование проводилось среди 83 респондентов в возрасте от 16 до 70 лет. Носителям языка было предложено распределить 29 высказываний по степени знакомства с ними и использования, а затем объяснить несколько из них и привести примеры ситуаций, в которых они могли бы быть употреблены.

Данные опроса показали, что чем старше информант, тем больше высказываний ему знакомо и тем лучше он может их объяснить. Связи осведомленности о прецедентных высказываниях с полом и родом деятельности при анализе не было обнаружено. Ситуации употребления приведённых фраз были представлены с учётом занятий респондентов. Информанты также заключили, что многие высказывания достаточно грубые, поэтому их использование неуместно в повседневной жизни. По данным анкетирования, наиболее употребительными высказываниями являются: «*Все побежали, и я побежал*», «*Кина не будет*», «*Нехороший человек — ридиска*», «*Чуть что — сразу Федя*», «*Туда не ходи, сюда ходи*» и «*Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста*».

Анализ контекстов использования данных единиц показал, что ситуаций, в которых употребляются прецедентные высказывания, достаточно мало. Чаще всего это может быть дружеская беседа или разговор в семейном кругу. Это связано со спецификой фильма-источника. Фильм рассказывает о жизни преступников, поэтому он наполнен жаргонной лексикой. Несмотря на это, некоторые высказывания оттуда активно используются в речи.

Результаты анкетирования показали, что из 29 прецедентных высказываний 14 являются автономными (используются и воспринимаются независимо от фильма). Именно их следует включать в лексикографический справочник.

Так как носители языка достаточно часто используют цитаты из кинотекстов в письменной и устной речи, необходимо продумать лексикографическое описание данных единиц. Кроме того, знакомство с прецедентными высказываниями позволяет иностранным обучающимся лучше узнать культурные особенности и менталитет русских людей.

Разработка модели словарной статьи позволяет заложить основу для лексикографического справочника прецедентных высказываний из кинофильмов для студентов-инофонов уровня ТРКИ-2. Предлагаются следующие разделы словарной статьи: 1) значение высказывания; 2) стилистические и лексические особенности отдельных единиц; 3) контексты употребления; 4) социокультурный фон; 5) ситуация, в которой использовалась данная фраза в фильме.

ТРАНСФОРМИРОВАННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ЗАГОЛОВКАХ И ПОДЗАГОЛОВКАХ ГАЗЕТ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТЫ «ИЗВЕСТИЯ»)

Хуан Чжоюэ

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Цель настоящего доклада — выявления особенностей функционирования и тенденций развития трансформированных фразеологических единиц в газетных заголовках и подзаголовках. Трансформация фразеологизмов играет важную роль в придании газетному заголовку яркости и информативности.

Материалом исследования послужили трансформированные фразеологические единицы из газетных заголовков и подзаголовков, собранные в выпусках газеты «Известия» за 2022 г.

Следует отметить, что процесс трансформации фразеологизмов в русских газетных заголовках впервые рассматривается на новейшем материале 2022 г.

В исследовании были использованы приём сплошной выборки, описательный метод, метод сопоставительного анализа.

Приведем примеры собранных единиц: «Во весь колос» (15.09.2022; ср. *во весь голос*), «Не спускать газ» (17.08.2022; ср. *не спускать глаз*), «Кто в мешке» (30.08.2022; ср. *кот в мешке*), «В долговой ящик» (16.03.2022; ср. *в долгий ящик*), «И в бровь, и в глаз» (07.02.2022; ср. *не в бровь, а в глаз*).

Приведем примеры анализа отобранных единиц.

1. «Во весь колос» (15.09.2022). Читатель, выросший на творческом наследии Владимира Маяковского, без труда уловит переключку с названием знаменитой поэмы выдающегося советского поэта. «Во весь голос» означает ‘громко, отчетливо, без боязни, во всеуслышанье’. Слово *голос* заменено на *колос*, благодаря чему сразу становится ясным, о чем пойдет речь в данной статье: в ней рассказывается об увеличении экспорта зерновых культур из России во избежание мирового кризиса. Трансформация известного фразеологизма в заголовке привлекает внимание к статье и подчеркивает глобальность проблемы, а также придает ей мощное звучание, присущее поэме Маяковского.

2. «Не спускать газ» (17.08.2022). Фразеологизм не спускать глаз означает ‘пристально, не отрываясь смотреть на что-то, контролировать’. Замена слова *глаз* на *газ* указывает на предмет изложения. Здесь идет речь о значительном подорожании тарифов на газ в Европе, что создает значительные проблемы в отопительный сезон. Дополнительный оттенок значения выражению придает словосочетание *не спускать кому чего*, т.е. ‘не прощать, не молчать, взыскивать, не оставлять вину без внимания’. В результате заголовка, основанного на трансформации фразеологизма *не спускать глаз* с актуализацией значения выражения *не спускать кому чего*, приобретает следующий смысл: Россия не намерена прощать Европе санкции и будет внимательно следить за развитием ситуации с поставками газа, жестко ее контролируя.

ПРЕДЛОЖНЫЙ ПАДЕЖ В XXI В.

Сагидуллина Юлия Рустамовна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

«Динамика языкового развития столь ощутима, что не оставляет равнодушных ни в кругу лингвистической общественности, <...> ни среди обычных граждан, не связанных профессионально с языком» [Валгина, 2001: 3]. Особенно заметны изменения в лексике, но на данном этапе развития языка ощутимы изменения и в грамматике — в категории падежа. Изучение динамики в употреблении падежных форм существительного требует дополнительных исследований, оставаясь актуальным и для лингвистики в целом, и в аспекте РКИ. О значимости существительного особенно на первых этапах изучения русского языка иностранцами пишет Т. А. Иванова, она уделяет особое внимание трудностям в усвоении падежной системы. Государственный образовательный стандарт — еще один показатель актуальности этой темы: первые три интенции предполагают знание существительного как основной части речи.

Об актуальных изменениях в падежной системе существительного, а точнее о стремлении языка, и, в частности падежной системы, к анализируемому говорили многие лингвисты: Н. С. Валгина [Валгина, 2001], Н. А. Кузьмина и Е. А. Абросимова [Кузьмина, Абросимова, 2013] и др. Остановимся на тех изменениях, которые происходят в предложном падеже.

О. И. Северская выделяет ряд глаголов [Северская, 2019], все чаще используемых в сочетании с предложным падежом: *предположить о возможности* (не *возможность*), *интересоваться о цене* (не *ценой*), *требовать на возврате* (не *возврата*), *гордиться о том что* (не *тем что*) и др.

Согласно нашим наблюдениям, встречаются также следующие явления.

1. Замена окончания *-у* в т. н. втором предложном на окончание *-е*: *какие-то викарии торопились в аэропорте; оставленную в саде, который они возделывали; действий подразделений на берегу; о проведенных на мосте работах; сажа на снеге.*

2. Неизменяемость названий брендов: *покупки на Яндекс-маркет; супер-распродажа на Озон.* Возможно, это происходит под влиянием рекламы: необходимость обратить внимание на название бренда влияет на его внешнюю форму, вследствие чего названия брендов, как правило, выделяются крупным шрифтом или повторяются и представлены в начальной форме. Современный человек, почти вынужденно воспринимающий рекламу, невольно усваивает эти наименования в неизменяемой форме.

Таким образом, нами расширен круг наблюдений над изменениями в употреблении предложного падежа. Перспектива исследования — в наблюдении над особенностями функционирования других падежей в русском языке новейшего времени.

Литература

Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2001.

Кузьмина Н. А., Абросимова Е. А. Активные процессы в русском языке и коммуникации новейшего времени. М., 2013.

Северская О. И. Тонкости современного глагольного управления: эллипсис, контаминация, рекурсия нормы // Русская грамматика: Структурная организация языка и процессы языкового функционирования / отв. ред. О. И. Глазунова, К. А. Рогова. М., 2019. С. 181–189.

ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В УЧЕБНИКЕ РКИ ДЛЯ КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ УЧЕБНИКА «ВОСТОК-1» И «ВОСТОК-2»)

Трисмакова Арина Сергеевна

магистрант 1 курса, Новосибирский государственный технический университет

В настоящее время наблюдается актуализация взаимодействия России и Китая в сфере обучения русскому языку как иностранному (РКИ). Учет этнокультурных особенностей в учебнике РКИ для китайцев способен повысить качество преподавания русского языка как иностранного и способствовать взаимопониманию двух народов.

Цель доклада — определить особенности лингвострановедческого материала в этноориентированном учебнике РКИ для китайцев. Исследовался лингвострановедческий материал в китайских учебниках РКИ «Восток-1» и «Восток-2». Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе лингвострановедческого материала в китайских учебниках РКИ в аспекте их этноориентированности. Использовались описательно-аналитический метод, педагогическое моделирование.

Реализация лингвострановедческого аспекта в преподавании РКИ способствует аккультурации учащихся и их адаптации к жизни в России, формирует положительный образ страны и культуры [Верещагин, Костомаров, 1990]. Он может быть представлен в виде страноведческой информации, воплощенной в языковых структурах [Миков, 2019: 14], а также в виде лингвострановедческих комментариев, которые помогают учащимся адекватно понимать действительность зарубежной страны, знакомят с правилами поведения и речевого этикета [Арутюнов, 1990: 119].

Лингвострановедческий материал в учебниках «Восток-1» и «Восток-2» представлен страноведческими текстами на китайском, текстами на русском языке, словами с национально-культурной спецификой (*дача, блины*) и именами собственными. Тексты и диалоги со-

держат русские пословицы и поговорки (*Делу время, потехе час*), цитаты из произведений русских классиков.

Этноориентированность учебника проявляется в языковом материале учебников: вместе с названиями городов, культурных и природных объектов России вводятся названия китайских городов, парков, храмов. Встречаются слова с китайской национально-культурной спецификой (*Праздник Весны, ушу*). Лексика в учебнике позволяет китайским студентам говорить об особенностях русской и китайской культуры, жизни.

В упражнениях учебника сравниваются образ жизни китайцев и русских, предлагаются задания, где необходимо построить монолог или диалог о Китае, что помогает китайцам осознать сходства и отличия в культурах, понять особенности жизни в России.

В текстах учебника, как правило, героями являются русские и китайцы: русские чаще всего представляются как доброжелательные преподаватели или хорошие друзья, увлекающиеся китайской культурой, изучающие китайский язык. Русские и китайцы заинтересованы в совместных путешествиях, учебе по обмену.

Таким образом, можно сказать, что этноориентированность проанализированных учебников заключается в постоянном «диалоге культур» двух народов. Лингвострановедческий материал (языковой и содержательный) в таком случае становится важным средством формирования социокультурной компетенции иностранных учащихся.

Литература

Арутюнов А. Р. Теория и практика создания учебника русского языка для иностранцев. М., 1990.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990.

Миков В. Ю. Принципы отбора лингвострановедческой и лингвокультурной информации о родной стране в англоязычных учебниках: социокультурный подход // Педагогическое образование в России. 2019. № 8. С. 12–19.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ УНИВЕРСАЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ СТАТИКИ И ДИНАМИКИ В РУССКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ

Крапивка Анастасия Дмитриевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В лингвистике понятия статики и динамики начали использоваться во второй половине XIX в., когда об этих категориях в языке стал говорить И. А. Бодуэн де Куртенэ. Необходимость выражения категорий статики и динамики в языке обусловлена тем, что статические и динамические отношения определяют каузальные связи между явлениями в окружающем мире.

Основными средствами выражения указанных категорий являются глаголы, поскольку они выражают отношения между явлениями. Применительно к современному русскому языку понятия «статика» и «динамика» используются для обозначения особой группы глаголов.

При попытке установить смысловое наполнение лексико-семантических групп (ЛСГ) данных глаголов обнаруживается трудность, так как они имеют разнообразные значения и находятся на стыке разных глагольных групп. Лингвисты объединяют эти глаголы либо в классы статичных и динамичных глаголов [Полежаева, Письмак, 2016], либо в один класс со значением положения тела (предмета) в пространстве [Дмитриенко, Храковский, 2011] или со значением бытия [Лексико-семантические группы, 1988].

По нашему мнению, глаголы статики и динамики стоит рассматривать в составе отдельной ЛСГ. Мы будем опираться на ценную в лингвометодическом аспекте классификацию Л. Г. Беликовой и др., объединяющую данные глаголы в тройки, напр.: *ложиться — лечь, лежать; вставать — встать, стоять* и др. [Беликова и др., 2020].

Категории статики и динамики выражаются и в арабском языке; их средства выражения имеют свои особенности. Арабские глаголы не объединяются в рамках ЛСГ статики и динамики. Основную сложность представляет определение арабских эквивалентов глаголов статики в значении нахождения в пространстве неодушевленных предметов. Глаголы *лежать* и *стоять* в значении нахождения предметов в пространстве опускаются в арабском предложении. Напр., предложение *книга лежит на столе* при переводе на арабский язык выглядит как безглагольная конструкция *книга на столе* (الكتاب على الطاولة).

В арабском языке действие выражается не только с помощью глаголов, но и с помощью причастий. Напр., русское предложение *мальчик сидит на стуле* можно перевести на арабский язык двумя способами: *يجلس الولد على الكرسي* (с использованием глагола *сидеть* 'جالس' 'الكرسي'); *جلس* (с использованием причастия *сидящий* 'جالس').

В первом случае русское предложение и его арабский аналог совпадают, а во втором случае арабский аналог представлен в виде именного предложения: *мальчик, сидящий на стуле*.

Таким образом, категории статики и динамики имеют разные лексические средства выражения в русском и арабском языках, которые определяют разное наполнение ЛСГ данных глаголов.

Литература

Беликова Л. Г., Шутова Т. А., Ерофеева И. Н. Русский язык: первые шаги. В 3 ч. Ч. 3. СПб., 2020.

Дмитриенко С. Ю., Храковский В. С. Глаголы стандартных и нестандартных положений в пространстве // Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. М., 2011. С. 182–206.

Лексико-семантические группы русских глаголов / под ред. Э. В. Кузнецовой. Свердловск, 1988.

Полежаева Ж. Ю., Письмак Т. Г. Статичность и статические глаголы в языке // Вестник Башкирского университета. 2016. № 4. С. 1003–1008.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭВФЕМИЗМОВ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ВЗЯТКА» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Ли Чжи

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Эвфемизм определяется О. С. Ахмановой как «троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягченном обозначении предмета или явления» [Ахманова, 1969: 521]. Эвфемизмы делятся на бытовые и социально-политические. Первые используются для замены неуместных или грубых выражений, в то время как вторые — для обмана аудитории, сокрытия истинных намерений или камуфлирования недостатков.

В исследовании были рассмотрены лингвокультурологические аспекты тематической группы социально-политических эвфемизмов «Взятка» в китайском и русском языках. Поскольку на сегодняшний день не существует словарей фразеологических эвфемизмов, материал для данного исследования отобран из лексического словаря эвфемизмов Е. П. Сеничкиной [Сеничкина, 2008] и фразеологических словарей русского и китайского языков. Фразеосемантическая группа «взятка» в русском языке была сформирована из 25 единиц, при этом использовался метод сплошной выборки.

Для анализа были выбраны следующие эвфемистические фразеологические единицы, которые маскируют негативные стороны явления взятки: *золотым ключом отпереть, барашек в бумажке и безгрешные доходы*. Они отражают нормы и ценности общества, в котором они используются.

В китайском языке также существуют фразеологические эвфемизмы для обозначения взятки, такие как *走后门* — *пройти через черный ход*, *意思意思* — *показать уважение (деньгами или*

подарком), 桃李之馈 — подарок из персика и сливы (汉典) и др., которые основаны на определенных традиционных культурных явлениях.

Можно сделать вывод, что в различных культурах взяточничество обычно рассматривается как негативное явление и это отражается в негативных коннотациях эвфемизмов, используемых для обозначения этой практики. Однако отношение к взяткам не всегда столь однозначно, и это зависит от культурного и исторического контекста. В целом взятки рассматриваются как нарушение законов, этических и моральных норм. Тем не менее, в некоторых условиях взятка может рассматриваться как необходимый способ достижения желаемых результатов, и в этом случае использование эвфемистических выражений, связанных со взяточничеством, становится нормой.

Литература

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.

Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М., 2008.

汉典 [Китайский словарь]. URL: <https://www.zdic.net> (дата обращения: 08.03.2023).

АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ОБ ОВЦЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Чжу Мэнтин

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Фразеологические единицы разных народов имеют специфику, отражая историю, географию, национальные обычаи и нравственные установки [Фразеология в контексте культуры, 1999].

Популярностью в русской фразеологии пользуется образ животного. Анализ образов животных позволяет определить и описать представления русского народа о природе, быте, знакомит с его традициями и особенностями мировидения. В культурных значениях образов животных отражаются особенности национального мировосприятия. В международной коммуникации понимание этих особенностей является важным.

Предметом исследования являются культурные значения фразеологизмов об овце в русском языке. Отбор материала проводился на основе фразеологических словарей русского языка, словарей пословиц и поговорок [Даль, 2006; Жуков, 1991]. В русских фразеологизмах с компонентом «овца» образ животного, как правило, окрашен семантическим ореолом беззащитности, кротости, покорности. Эти характеристики можно объяснить тем, что происхождение данных оборотов связано с библейскими текстами.

Рассмотрение подобных вопросов имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Понимание лингвокультурологических особенностей русских фразеологизмов поможет иностранным студентам преодолеть культурные и психологические препятствия в общении и повысит их интерес к изучению русского языка.

Литература

Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа. М., 2006.

Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1991.

Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. М., 1999.

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ РАССКАЗЧИКА В ЗЕРКАЛЕ ТЕКСТА-ОПИСАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Г. СЛУЖИТЕЛЯ «ДНИ САВЕЛИЯ»)

Чигинцева Софья Владимировна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Значимость изучения художественного текста на уроках РКИ требует поиска и выбора органичных подходов к его анализу и построению на этой основе лингвометодической системы заданий, учитывающей специфику того или иного произведения. Материалом для исследования послужил роман современного писателя Г. Служителя «Дни Савелия», имеющий необычную повествовательную структуру: рассказчик и главный герой — одна и та же личность, причем необычная, скрывающаяся под маской московского бродячего кота.

Задачей исследования являлось соотнесение особенностей речи героя-рассказчика с ключевыми составляющими его образа, выполненное на основе анализа фрагментов романа, демонстрирующих характерные особенности речи героя. В ходе анализа было установлено, что основными для рассказчика функционально-смысловыми типами речи являются описание и рассуждение. Особенности речевого поведения рассказчика, представляющего историю своей жизни, проявляются в эпизодах, изображающих окружающих героя людей и значимые для него места. Основной функционально-смысловой тип речи в этом случае — описание. Рассмотрение особенностей речевого выбора рассказчика в контексте описания проводилось по нескольким направлениям: 1) в аспекте перцептивной точки зрения, 2) в аспекте оценочной точки зрения, 3) в аспекте речевых компетенций рассказчика, проявляющих черты его личности. Анализ речи рассказчика в контексте описания по названным аспектам позволил сделать следующие выводы.

1. Описывая окружающую действительность, герой-рассказчик опирается преимущественно на чувственный опыт, передающий его восприятие в двух ипостасях — человека и кота: «Паркет елочкой. На подоконнике цветы. Белая стеклянная люстра, имитирующая тряпичный светильник»; «Она имела короткий, гладкий мех темно-серого цвета. В синих глазах застыли точки, которые увеличивались и чернели в минуту гнева или опасности».

2. При создании образов людей и пространства герой выражает отношение к объектам изображения, прибегая к оценочной лексике («душегуб») и средствам экспрессивного синтаксиса: «Да, новое увлечение вселило в Лену надежду, что все не напрасно. Что все не случайно. Что все окупится и оправдается». Действующие в перволичном повествовании установка на достоверность, а также авторская субъективность обуславливают наличие яркого оценочного компонента в речи героя и формируют ее тональную окраску.

3. В аспекте речевой компетенции рассказчика были выделены лексический состав речи героя (книжная, разговорная лексика, топонимы, антропонимы), синтаксические особенности (назывные и сложные, содержащие причастные, деепричастные, сравнительные обороты предложения), выразительные средства речи (эпитеты, сравнения, метафоры). Анализ речевой компетенции героя позволил выделить такие его качества, как образованность, любознательность, ироничность, подчеркнуть детальность восприятия главным героем действительности, его впечатлительность, увидеть в лице героя внимательного наблюдателя, умелого рассказчика, владеющего формами книжной и устной разговорной речи, а также способностью к яркому образному описанию. Таким образом, выделенные черты речи героя-рассказчика при описании людей и пространств позволили интерпретировать некоторые речевые характеристики в аспекте его образа. Выявление особенностей речевого поведения героя в рассуждении как функционально-смысловом типе речи представляет собой предмет дальнейшего исследования.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБИХОДНО-БЫТОВЫХ ЭВФЕМИЗМОВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ УМСТВЕННЫЕ СПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Сунь Цзябао

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Целью доклада является лингвокультурологический анализ обиходно-бытовых эвфемизмов, характеризующих умственные способности человека в русском и китайском языках. Основной целью употребления современных обиходно-бытовых эвфемизмов является этикетное-этическое смягчение неприятного в речи. Они описывают жизнь человека в его интимной, семейной сферах и в сфере повседневной деятельности, напр.: *неумный* вместо *дурак* [Ковшова, 2008: 89–92].

Научная новизна исследования заключается в выборе его объекта, в качестве которого выступают русские и китайские обиходно-бытовые фразеологические эвфемизмы, имеющие (в отличие от эвфемизмов — единичных слов) дополнительные коннотации, а также полнее отражающие лингвокультурологические особенности в двух разноструктурных языках. Эвфемизм мы понимаем широко, вслед за Е. П. Сеничкиной, которая предположила, что любой фразеологизм является по своей сути эвфемизмом, как единица вторичной номинации [Сеничкина, 2008]. Методом сплошной выборки для данного исследования было отобрано 67 русских единиц из «Фразеологического словаря русского литературного языка» [Фёдоров, 2008], и 45 китайских единиц из «Большого Словаря китайских фразеологизмов».

Основными выводами исследования являются:

1) Голова — этоместилище мудрости. Русские единицы обозначают проблемы с интеллектом тремя способами, а именно: 1. Отсутствие, недостаток кого или чего-либо: *без царя в голове* 'о взбалмошном, глупом, пустом, неосмотрительном человеке'; *винтиков не хватает* 'быть глуповатым' и др. 2. Голова есть, но она наполнена чем-то не тем: *голова мякиной набита* 'кто-либо глуп'; *каша в голове* 'кто-либо не умеет мыслить' и др. 3. Голова похожа на другой неживой предмет: *голова дубовая, еловая* 'глупый'. Образность здесь прозрачная, достаточно представить вместо головы человека еловый или дубовый чурбан, на котором колют дрова. Ср. *土头土脑* *глиняная голова и глиняный мозг* 'глупец' и др., подчеркивается, что голова есть, но сделана не из того материала.

2) Недостаток умственных способностей также отражается в психическом отклонении, напр.: *крыша (крышка) съезжает (едет, протекает) у кого-либо* 'теряется способность понимать, рассуждать, разумно действовать'; ср. *神志不清* — *не в своем уме* и др.

3) Недостаток знаний приводит к глупости, напр.: *недальнего образования; небогатый запас у кого-либо* 'кто-л. глуп, плохо образован'; ср. *不辨菽麦* *не отличать бобы от пшеницы* 'не иметь каких-либо знаний, быть невеждой'; *目不识丁* *не знать иероглиф «дин»* 'не знать ничего, даже самый простой иероглиф', по смыслу совпадающее с рус. *не знать ни аза* 'быть невеждой'.

Таким образом, обнаруживаются сходства в стереотипном мышлении носителей русского и китайского языков, как и в лингвокультурологических характеристиках русских и китайских фразеологических эвфемизмов.

Литература

Ковшова М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов: Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. М., 2008.

Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М., 2008.

Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2008.

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БЕЗЛИЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В НОВОСТНОМ ЖАНРЕ

Смирнова Екатерина Ивановна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Безличные конструкции в русском языке — предмет давней полемики отечественных лингвистов. Несмотря на большое количество исследований, посвященных данным типам предложений, их рассмотрения в контексте газетно-публицистического дискурса нами найдено не было.

В исследовании осуществлено описание семантики, функционирования и синтаксической структуры безличных конструкций с помощью описательного метода, метода компонентного и контекстуального анализа. Исследование было проведено на основе текстов популярных интернет-изданий «Фонтанка.ру» и «Газета.ру». Для новостного жанра характерно частое использование безличных предложений. Это делает тексты актуальными для использования в практике преподавания РКИ, так как преподаватель получает возможность представить грамматику и семантику безличных синтаксических конструкций на примере реального языкового материала, касающегося актуальных событий. Нами были проанализированы новости, размещавшиеся на сайтах в период с 2 по 7 марта 2023 г. (около 350 текстов, методом сплошной выборки отобрано 115 конструкций).

В ходе исследования мы пришли к выводу о том, что понятие «безличная конструкция» применительно к преподаванию РКИ следует рассматривать с двух сторон: формальной, плана выражения, и функциональной, плана содержания. Исходя из этого, нами было предложено следующее определение — тип односоставного предложения, в котором исключена позиция подлежащего и выражено проявление действия или состояния независимо от воли субъекта.

Принцип синтеза формы и содержания стал ведущим и при составлении классификации, которая основана на типологии Е. М. Галкиной-Федорук. При анализе и систематизации безличных конструкций мы учитывали форму выражения предиката и семантику каждого подтипа (указана в марровских кавычках). Кроме того, проанализировав грамматический строй предложения и выявив закономерности в отдельных группах, в круглых скобках мы описали наиболее частотные синтаксические контексты. К каждому типу предиката подобраны иллюстрации, наиболее ярко представляющие функционирование сказуемого в рамках безличного предложения (выделены курсивом). Приведем пример одной из групп классификации:

1. Вспомогательный глагол + слово категории состояния, соотносимое с наречиями на -о.
 - а) 'Рецепция, восприятие фактов' (часто в главной части СПП с придаточным изъяснительным): *Известно, что у погибшего мотоциклиста были водительские права.*
 - б) 'Зрительное/аудиальное восприятие' (часто в главной части СПП с придаточным изъяснительным): *Видно, как автомобиль BMW летит с набережной ... выстрелов не было слышно*
 - в) 'Необходимость': *Для победы над Россией Украине нужно от 600 до 800 танков.*

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГАЛЛИЦИЗМОВ-КУЛИНАРОНИМОВ В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА

Файе Марго

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Целью доклада является описание грамматических особенностей галлицизмов-кулинаронимов, встречающихся в произведениях А. С. Пушкина. По нашим данным, грамматические особенности галлицизмов-кулинаронимов в произведениях русского поэта не были исследованы.

Материал для доклада представляет собой список, состоящий из 18 лексем. Этот список создан на основе галлицизмов-кулинаронимов, которые встретились нам в творчестве А. С. Пушкина, включая драматургию, поэзию и прозу. Выбранные лексеммы являются частью предмета описания в книге «Из истории русской кулинарной культуры» советского и российского учёного В. В. Похлебкина. Нами рассмотрено 18 лексем, связанных с французской кулинарией: *бургонское* (вино), *Шабли, бордо* (бордоское вино), *Лафит* (Шато Лафит), *шампанское, Аи, Клико, Моэт, полушампанское, лимонад, тартинки, устрицы, котлеты, трюфели, булка, блан-манже* (бланманже), «*Верн*» (название ресторана в Париже), *Talon* (название ресторана французской кухни в Петербурге).

Результаты проведённого анализа показывают, что при заимствовании слов из французского языка в основе лексем происходят разнообразные изменения, позволяющие словам приспособиться к русскому языку. Некоторые лексеммы не претерпели никаких морфологических изменений. В других случаях произошли изменения, связанные с грамматическим родом. Значительная часть слов в русском языке представляет собой несклоняемые имена, что связано с чуждой русскому языку внешней формой слова. Как правило, несклоняемые лексеммы выступают в русском языке как имена существительные среднего рода, что вызывает несовпадения по роду во французском и русском языках. Некоторые единицы подчинились русской системе словоизменения, подверглись грамматической адаптации и приобрели способность к склонению.

Отметим добавление уменьшительного суффикса -к-, отсутствующего во французских аналогах, и отсутствие французских эквивалентов у некоторых лексем (*полушампанское, булка*).

В русском языке появились субстантивированные прилагательные, которые, по нашему мнению, являются результатом сокращения таких сочетаний, как *бургонское / шампанское вино*.

Важно также обратить внимание на то, что лексеммы, обозначающие название блюд, употребляются во множественном числе, тогда как во французском языке возможно как множественное, так и единственное число в зависимости от количества порций.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАГОЛЬНОЙ ФОРМЫ «ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ» В РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ

Росин Марина

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Целью исследования является анализ употреблений глагольной формы *представляете* для получения полной картины особенностей ее функционирования в русской устной спонтанной речи. Научная новизна работы определяется изучением обширного корпусного материала и выявлением новых значений / функций словоформы *представляете*, которые не зафиксированы в словарях. Источником материала для исследования стал устный подкорпус Национального корпуса русского языка, на основе которого методом сплошной выборки был создан пользовательский подкорпус, содержащий 150 единиц в контекстах.

В ходе работы были использованы следующие научные методы: 1) метод сплошной выборки (поиск материала и создание пользовательского подкорпуса); 2) описательный (контекстный анализ); 3) квантитативный (простые количественные подсчеты); 4) сопоставительный (сравнение данных словарей и реальных употреблений); 5) логико-дедуктивный (выводы из результатов анализа материала).

Анализ показал, что доля несловарных употреблений формы *представляете* в устной речи составляет 59%. Так, данная словоформа зачастую выступает в устном дискурсе в роли контактного глагола (КГ) с функциями метакоммуникатива, разграничительного маркера старта или финала.

Чаще всего данный КГ используется в качестве метакоммуникатива, помогая говорящему осуществить рефлексию или поддержать контакт с собеседником (51%): «*То есть корни / они всё-таки дают о себе знать / хотя представляете / вот Удмуртия и Эстония — мы очень далеко друг от друга / ну вот всё-таки Москва нас соединила / нас становится больше*».

Достаточно часто форма *представляете* употребляется и в роли маркера старта (38%): «*Представляете / как тяжело стране — ко всем приезжают / а от нас уезжают*».

В функции маркера финала форма *представляете* используется, как правило, в рамках подтвердительного вопроса или знаменует передачу собеседнику очереди говорения: «*Он мне так скал из библиотеки / там была хорошая библиотека / всего Горького я перечитала / это в седьмом классе. Представляете?*»

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать вывод, что глагольная форма *представляете*, значительно изменив свою семантику по сравнению с данными словарей, используется говорящими в устной речи преимущественно в качестве КГ, или прагматического маркера (ПМ), что не зафиксировано ни в одном из академических словарей (МАС, БАС, БТС). Полученные результаты могут послужить мотивацией для осмысления семантических сдвигов и актуализации лексикографического описания глагола *представлять*, что стало бы некоторым вкладом в современную коллоквиалистику. В перспективе планируется проведение сравнительного анализа употреблений формы *представляете* со словоформой *представляешь*, а также описание функционирования императивных форм данного глагола: *представь* и *представьте*.

ГИПЕРВЕЖЛИВОСТЬ И РЕЧЕВОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ В СТУДЕНЧЕСКОЙ РЕЧИ

Ложкина Виктория Александровна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Актуальность исследования заключается в том, что впервые предпринимается попытка описать гипервежливую речевую формулу <*можно пожалуйста + Inf/Асс> с точки зрения речевого манипулирования. Вошедшая в русский язык на рубеже XX—XXI вв., эта формула распространилась и широко употребляется в среде представителей младшего поколения. Материалом для исследования послужили результаты опроса, который был проведен в марте 2023 г. Респондентами выступили 53 студента (филологи — 91 % и нефилологи — 9 %). Задачей эксперимента было установить, ощущают ли студенты манипулятивность данной речевой формулы, считают ли ее удобной для построения успешной коммуникации. На примере трех коммуникативных ситуаций и трех контекстов из устно-письменной интернет-речи студенты выбирали наиболее подходящую для ситуации формулировку просьбы, а также пытались проанализировать, с какой целью говорящий облекает свою просьбу в гиперкорректную (в значении «ошибочное употребление единиц языка, вызванное желанием достичь нужного коммуникативного результата») формулу.

Результаты опроса позволили составить три шкалы приоритетности для различных коммуникативных ситуаций (общение с преподавателем, с однокурсниками в университете, с официантом в кафе). Кроме того, проведен анализ дополнительного визуального средства выражения вежливой просьбы — использования смайликов с семантикой прошения / мольбы / беспомощности при гиперкорректной речевой формуле <*можно пожалуйста + Inf/Асс>.

Выяснилось, что, по мнению опрошенных, смайлики помогают усилить вежливость просьбы («Смайлики используются для ненавязчивого усиления просьбы»; «Чтобы смягчить просьбу, обратить внимание, чтобы просьба выглядела более вежливой»). Более того, 23 % респондентов утверждают, что наличие или отсутствие смайликов влияет на их решение помочь просящему. Следовательно, современные молодые люди не ощущают чрезмерности описываемой формулы. Даже компонент *пожалуйста* при модальном слове (явная грамматическая ошибка) кажется им недостаточно вежливым. Наконец исследование показало, что просьба, выраженная императивом / модальным словом без *пожалуйста*, вовсе не употребляется студентами либо употребляется очень редко. Наиболее частотными оказываются варианты с исследуемой формулой (32—41 % в общении с преподавателем, 36—40 % — с однокурсниками и 34—40 % — в кафе с официантом).

Таким образом, исследование показало, что студенты предпочитают использовать в просьбе гипервежливую речевую формулу; респонденты не чувствуют смысловой избыточности и иногда, напротив, стараются усилить ее визуально (при помощи смайликов). Коммуникативная ситуация влияет только на выбор конкретной реализации формулы, но не на ее наличие. Интересно, что даже расстояние между модальным словом / императивом и компонентом *пожалуйста* влияет на восприятие просьбы. Респонденты отмечают, что большой «разрыв» между словами снижает степень вежливости: «Пожалуйста в конце предложения выглядит всегда менее вежливым, поэтому я написал бы “можете, пожалуйста, прислать список литературы”»; «Пришлите, пожалуйста, список литературы. (Да, постановка слова “пожалуйста” имеет значение)». Думается, что проведенное исследование вносит вклад в анализ манипулятивных структур языка, позволяя носителям языка задуматься над собственной манерой построения косвенных речевых актов.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ МАРКЕР-АППРОКСИМАТОР «КАК БЫ» В РУССКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Сян Янань

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

В русской повседневной речи активен процесс прагматикализации, в результате которого в семантике многих лексических единиц «повышается роль прагматического компонента и уменьшается значимость денотативного и сигнификативного элементов» [Богданова-Бегларян, 2014: 10]: рождаются особые функциональные единицы — прагматические маркеры (ПМ). Одним из типов ПМ являются аппроксиматоры (ПМА) — маркеры нечёткой, или приблизительной, номинации, показывающие неуверенность говорящего в том, о чем он говорит, или употребляющиеся говорящим, когда прямое название предмета, явления или положения дел является излишним, неуместным или невозможным [Подлеская, 2013: 632]. Типичными ПМА русской повседневной речи являются *как бы, вроде, или там, типа*. Наиболее частотен из них маркер *как бы*, имеющий ранг 5 в частотном списке 60 русских ПМ [Прагматические маркеры, 2021: 54].

Новизна исследования заключается в комплексном анализе маркера *как бы* на материале устного подкорпуса Национального корпуса русского языка. Целью работы является многоаспектное описание функционирования *как бы* в повседневном общении на русском языке. В докладе используются такие научные методы исследования, как метод сплошной выборки (для создания пользовательского подкорпуса материала), описательный (контекстный анализ), сопоставительный (данные словарей и устного корпуса) и квантитативный (простые количественные подсчеты).

Предварительные результаты исследования оказались таковы:

1. *Как бы* как цельная единица появилась в русской речи около 1827 г.; к 2016 г. наблюдается падение ее употребительности («на смену поколению *как бы* пришло поколение *типа*»).
2. Наиболее частые «соседи» *как бы* по речевой цепи: различные хеджи, другие ПМ (*там, вот ... вот, да, типа, знаешь, видишь, собственно*).
3. В монологе *как бы* встречается чаще (61,0%), чем в диалоге.
4. *Как бы* чаще (55,8%) встречается в речи женщин, в возрасте 40—60 лет, т. е. можно говорить о наличии корреляции с гендером говорящего.
5. Ведущая функция маркера *как бы* — аппроксимативная (86,7%), однако *как бы* может выполнять в устном дискурсе и др. функции — хезитативную (8,4%) и разграничительную (5,3%); таким образом, *как бы* является полифункциональной единицей, как и большинство русских ПМ (ср.: [Прагматические маркеры, 2021: 210–214]).
6. *Как бы* может встречаться многократно в одном высказывании, часто встраиваясь в цепочки ПМ, ср.: «Вот / и там полячка / внимание / это важно / потому что Польша к нам относится ну *как бы* / сама знаешь / как / ну *как бы* с претензиями».

Полученные результаты могут быть полезны в практике преподавания русского языка как иностранного и перевода русских художественных текстов на другие языки.

Литература

- Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 3 (27). С. 7–20.
- Подлеская В. И. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2013). Вып. 12 (19) / гл. ред. В. П. Селегей. Т. 1. М., 2013. С. 631–643.
- Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисл. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб., 2021.

«ВЫНЕСЛО С» + GEN КАК НОВЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ЭМОЦИИ В УСТНОЙ РЕЧИ

Маркович Ольга Игоревна

студент 1 курса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Исследование посвящено конструкции <вынесло (с + Gen)> как новому явлению повседневной речи. В последние несколько лет это сочетание используется для выражения сильных эмоций как в устной, так и в устно-письменной разговорной речи, однако лингвисты к этой теме не обращались. Цель исследования — выявление особенностей употребления этой конструкции.

При подготовке доклада были использованы различные словари, в том числе «Словарь русского арго» В. С. Елистратова и «Толковый словарь русской разговорной речи» (ТСР) под ред. Л. П. Крысина, а также Национальный корпус русского языка (НКРЯ), корпус русской повседневной речи «Один речевой день» (ОРД) и результаты опроса, проведенного с помощью Google forms. Использовался сравнительный метод для сопоставления значений глагола *вынести* в словарях и в рамках исследуемой конструкции, а также описательный и количественный методы анализа.

Поиск по словарям дал отрицательный результат: ни в одном из источников конструкция не обнаружена. Однако в ТСР было найдено схожее выражение *меня несло* для обозначения невозможности контролирования действий. Стоит отметить, что в НКРЯ и ОРД конструкция также не была найдена, что свидетельствует о ее недавнем появлении в речи.

В опросе принял участие 241 респондент, в основном женщины (80%). Оказалось, что только 25% респондентов не знакомы с рассматриваемой конструкцией (*меня вынесло с фильма*). Стоит отметить, что никакой связи между гендером и возрастом респондентов и степенью их знакомства с этой конструкцией опрос не выявил: в задании, где требовалось написать предложение с биграммой *меня вынесло*, практически все участники использовали это выражение в другом значении (наиболее часто встретилось *меня вынесло на берег*). Тем не менее 76% респондентов употребили эту бигramму в предложенном контексте и около половины (48%) использовали после нее предлог с (+Gen): *меня вынесло с твоей шутки, меня вынесло с ее поведения, меня вынесло с этой нелепой ситуации*. Думается, однако, что эта конструкция может быть самодостаточной и не требовать пояснений, вводимых предложно-падежной формой: *Она такоооо сказала, меня прям вынесло*. Любопытно, что респонденты не смогли однозначно охарактеризовать эмоциональную окраску конструкции как положительную или отрицательную, но значительное большинство (76%) отметило в ее значении семантические компоненты эмоционального потрясения, сильного впечатления.

Анализ выявил следующие синтаксические особенности данной конструкции: биграмма *меня вынесло* редко разрывается, другими словами, тяготеет к началу предложения; полный вид конструкции — *Асс + вынесло + с + Gen*. Семантические характеристики конструкции обусловлены переносным значением глагола, не указанным в словарях, и синтаксической безличностью.

ОТ СОЧИНЕНИЯ К ПОДЧИНЕНИЮ: АНАЛИЗ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ МОНОЛОГОВ-РАССКАЗОВ ГОВОРЯЩИХ С РАЗНЫМ ПСИХОТИПОМ

Костина Екатерина Дмитриевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Экстраверсия и интроверсия — основные характеристики психотипа человека. Они являются вариантами приспособления личности к окружающему миру и во многом определяют речевое поведение человека. В докладе анализируется 12 устных спонтанных монологов-рассказов, произнесенными шестью типичными экстравертами и шестью глубокими интровертами, на тему «Как Вы проводите свободное время?». Все монологи взяты из корпуса русской монологической

речи, созданного в СПбГУ и известного как «Сбалансированная аннотированная текстотека» (блок речи студентов). В ходе анализа была рассмотрена синтаксическая структура монологов-рассказов и определено количественное соотношение разных типов синтаксических связей в них.

Был проведен эксперимент по пунктированию, в ходе которого расшифрованные монологи предлагались группе из 23 экспертов-филологов (студентов и преподавателей) для членения их на «предложения». В качестве обозначения границы высказывания предлагалось использовать точку. Результаты эксперимента были статистически обработаны, и за границу высказывания принималось такое место в тексте, где точку поставили не менее чем 60 % экспертов (14 человек); см. об этом подробнее: [Богданова, 1993; Звуковой корпус, 2013: 26, 34].

Анализ материала показал, что средний объем в словах текстов устных монологов у информантов-экстравертов в три раза больше, чем у интровертов (572 и 179,16). Кроме того, в монологах экстравертов было выделено в среднем почти в два раза больше «предложений» — 23,3 (11,8 у интровертов), хотя средняя длина «предложений» в словах у тех и других различается незначительно (21,97 и 18,01).

При сопоставлении монологов информантов с разным психотипом выяснилось, что в речи интровертов значительно преобладают подчинительные связи (51,2 %) и сложная, аналитическая структура построения высказывания, в то время как в монологах экстравертов простые «предложения», а также сочинительные и подчинительные связи продуцируются примерно в одинаковом соотношении (24,5, 27,7 и 35,8 % соответственно).

Таким образом, экстравертам требуется почти в три раза больше слов для выражения мыслей в спонтанном монологе-рассказе, чем интровертам, при этом наиболее распространенным типом связи в речи интровертов является подчинение, в речи экстравертов преобладания какого-либо типа связи не обнаружено.

Литература

- Богданова Н. В. О синтаксических коррелятах дифференциации уровней речевой культуры. Межвуз. сб. науч. трудов // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1993. С. 92–100.
- Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Ч. 1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб., 2013.

«СОВСЕМ» КАК КВАНТОРНОЕ СЛОВО

Локалина Юлия Сергеевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Целью доклада является описание особенностей функционирования в русской разговорной речи (как устной, так и устно-письменной — в сети Интернет) наречия *совсем* как кванторного слова. Это наречие позволяет «выделить» слово, фразу, высказывание, ср.: *У нас осталось совсем мало времени; Признаться честно, совсем не ожидала от этого фильма такого великолепного юмора.* Такую же функцию выполняют и «производные» от данного наречия структуры: конструкция (*от слова совсем*) и хештег (*отсловасовсем*): *У меня тоже все хорошо, сегодня ничего не делал, от слова совсем; Я не готова к школе отсловасовсем.*

Для анализа особенностей функционирования данного наречия был создан пользовательский подкорпус, в который вошли следующие блоки контекстов: 100 употреблений наречия *совсем*, а также 150 употреблений конструкции *от слова совсем* и хештега *отсловасовсем*. Источником материала для пользовательского подкорпуса послужили социальные сети и устный подкорпус Национального корпуса русского языка.

Для исследования был использован метод целенаправленной выборки, а также описательный (контекстный анализ) и квантитативный (простые количественные подсчеты) методы.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые объектом лингвистического анализа стало наречие *совсем*, функционирующее в языке как интенсификатор.

С помощью методики шкалирования [Богданова-Бегларян, 2022] можно проследить «переход» наречия *совсем* к одной из активных единиц современной русской повседневной речи — конструкции *от слова совсем* и далее — к хештегу на ее основе (*отсловасовсем*). До сих пор эти единицы не становились объектом специального внимания лингвистов. Результатом анализа стала шкала интенсификации (*совсем — от слова совсем — отсловасовсем*), позволяющая исследовать явление гиперболизации и интенсификации в современной русской повседневной речи.

Литература

Богданова-Бегларян Н. В. Методика шкалирования как инструмент описания грамматики современной русской речи // Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов: сб. научных статей / отв. ред. Е. С. Шереметьева, Е. А. Стародумова, А. А. Анисова. Владивосток., 2022. С. 179–187.

РЕЧЕВОЙ КОННЕКТОР «КРОМЕ ТОГО» В РУССКИХ УСТНЫХ МОНОЛОГАХ КИТАЙЦЕВ

Чжао Цзэли

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Монолог — это развернутое высказывание говорящего, не рассчитанное на словесную реакцию другого лица [Розенталь, Теленкова, 1985: 120]. Монолог, в отличие от диалога, основанного на обмене репликами, характеризуется такими текстовыми категориями, как цельность и связность, которые проявляются и на содержательном, и на формальном уровнях организации структуры текста [Звуковой корпус, 2013: 65]. Реализация связности при этом не может обойтись без речевых коннекторов (РК).

Речевые коннекторы, по мнению О. О. Ивановой, — это «функциональный класс слов, которые выражают дискурсивные, логико-семантические отношения между единицами, выделяемыми на разных уровнях членения дискурса, от элементарных дискурсивных единиц (клауз) до сложных (реплик, абзацев, пассажей, периодов)» [Иванова, 2021: 51]. Поэтому РК морфологически неоднородны, и в класс РК входят, помимо собственно союзов, предлоги, наречия и наречные выражения, «квалифицируемые русской грамматикой “аналогами союзов” (*однако, тем не менее, кроме того* и др.), а также предикативные структуры (*дело в том, что; приведем/возьмем такой пример* и подобные)» [Инькова, Манзотти, 2019: 14].

При анализе 29 (20 — на русском языке, 9 — на китайском) монологов-рассказов китайцев на тему «Как Вы проводите время на каникулах?» из корпуса «Сбалансированная аннотированная текстотека» было выявлено использование речевого коннектора *кроме того* в русских монологах, ср.: *и о чём / чём-то начинаю фантазировать / ну кроме того // я ещё люблю / проводить время <со вздохом> / дома*. Анализ китайских монологов тех же информантов на ту же тему показал, что эквиваленты данного РК (另外, 此外 и 除此之外) совсем не встречаются в их речи на родном языке. Показалось поэтому, что коннектор *кроме того* заслуживает отдельного изучения, в сравнении с его китайскими аналогами. В докладе предлагаются результаты пилотного исследования, которое в дальнейшем можно будет углубить, расширив материал.

Использование единицы *кроме того* в качестве РК (или текстовой скрепы) в русском языке рассматривалось в работах П. М. Тюрина, Н. В. Коневой и др. В докладе не только описываются особенности употребления РК *кроме того* в русской монологической речи китайцев, но и проводится сравнение полученных результатов с данными других исследований. Приводятся также результаты опроса, проведенного с целью установления причин, по которым китайцы используют его только в монологах на русском языке.

Литература

- Звуковой корпус как материал для анализа русской речи.* Коллективная монография. Ч.1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб., 2013.
- Иванова О. О. Отсубстантивные коннекторы в русском языке // Русский синтаксис: от конструкций к функционированию: сб. матер. Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвященной 95-летию д-ра филол. наук, проф. А. Ф. Прияткиной / отв. ред. Е. С. Шереметьева, Е. А. Стародумова, А. А. Анисова, И. Н. Токарчук. Владивосток, 2021. С. 51–56.
- Инькова О., Манзотти Э. Связность текста: мерееологические логико-семантические отношения. М., 2019.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985.

«МДА» ИЛИ «НДА»: РАЗЛИЧИЯ ДВУХ ДИСКУРСИВНЫХ ЕДИНИЦ РУССКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ

Шварева Екатерина Ильинична

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Дискурсивные единицы *мда* и *нда*, впервые зафиксированные еще в начале XIX в., активно функционируют в современной русской повседневной речи. Целью данного исследования стало определение того, являются ли эти единицы полностью синонимичными или между ними есть определенные различия. Источником материала стали пять корпусов: основной (ОП), устный (УП) и газетный (ГП) подкорпусы Национального корпуса русского языка (НКРЯ), корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД) и Генеральный интернет-корпус русского языка (ГИКРЯ). На основе данных источников был составлен пользовательский подкорпус, включающий 366 контекстов.

Основные методы, применявшиеся в исследовании: 1) метод контекстного анализа (выявление функций и значений единиц *мда/нда* в повседневной речи); 2) сопоставительный; 3) количественный (простые подсчеты); 4) экспериментальный (лингвистический опрос на определение функций дискурсивных единиц и на различение *мда/нда*).

Работа с интернет-словарями, научной литературой и результатами опроса позволила выявить следующие значения дискурсивных единиц *мда* и *нда*: 1) разочарование / сожаление / грусть; 2) осуждение/неодобрение/недовольство; 3) озадаченность / недоумение; 4) размышление; 5) ирония; 6) поддержка коммуникации; 7) хезитация; 8) утвердительная функция; 9) вопросительная функция.

В ходе исследования все контексты были разделены на реальную устную речь (ОРД и бытовая речь из УП НКРЯ) и на различные типы имитации такой речи, что позволило сделать выводы о том, какое значение слов *мда/нда* более характерно для того или иного типа речи. Так, было обнаружено, что для спортивного онлайн-комментирования наиболее характерны значения разочарования (64 %) и осуждения/неодобрения/недовольства (60 %).

Рассматривалось также написание дискурсивных слов *мда/нда* с растяжкой. Благодаря сопоставительному анализу было выявлено, что *мда* и *нда*, представленные с растяжкой гласного, становятся относительно синонимичными, так как у обеих единиц чаще всего встречаются одни и те же значения — размышление, осуждение/неодобрение/недовольство и поддержка коммуникации.

Кроме того, был проведен опрос с целью установить, различают ли говорящие единицы *мда* и *нда* и отдают ли предпочтение одному из этих вариантов. Многие респонденты писали, что в большинстве случаев предпочитают использовать единицу *мда*, объясняя это более легким произношением. Однако некоторые отмечали и разницу между данными единицами.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить основные значения дискурсивных единиц *мда/нда* и разницу между ними, что может быть полезно в переводческой практике и при составлении словарных статей, определяющих значение этих единиц.

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ТУРИСТА

Токарева Софья Александровна

студент 2 курса, Дальневосточный федеральный университет

В нашем исследовании речевой портрет понимается как «социально маркированные способы выбора и употребления языковых средств и особенности речевого поведения» [Крысин, 2001: 92]. Речевое портретирование, как известно, относится к числу актуальных проблем антропоцентрического языкознания, дополняя представления о социальной обусловленности языка.

Материал для наблюдения собран с использованием полевого метода (прием включенного наблюдения), т. е. лингвистические сведения фиксировались в процессе непринужденного общения с информантами (разговоры у костра, дружеская беседа и т. п.). Нашими информантами стали туристы-любители и гиды; часть материала собрана при помощи социальной сети «ВКонтакте». Общая тематика рассказов представляет собой истории из путешествий, основанных на собственном опыте. Объём собранного материала составляет около 5000 словоупотреблений.

Наиболее ярко речевой портрет туриста проявляется на лексическом уровне: это прежде всего жаргонизмы, маркирующие данный речевой портрет, и, кроме того, слова-регионализмы определенных тематических групп, свойственные речи туристов. Социолект туристов характеризуется такими, напр., номинациями, как: *горняшка, курумник, пенка (карегат), ручейники, спелики, шланг* и т. п. Частотность слова *сопка* отражает региональную специфику речи информантов (это туристы с Дальнего Востока). Среди слов-регионализмов особенно показательны топонимы, чаще всего, неофициальные: гидронимы (*ходила на Маруськины слёзы; вокруг Байкала на каяках; Батюшку / дедушку-Байкала забурханили; Селенга; на Чёрном и Белом Иркуте*); оронимы (*на Фалазу ходили; на Воробье была; на Пидане; на Чандалаз*); литонимы (*на Тобизина; на Шкоте*) и др.

Наши наблюдения являются предварительными и требуют уточнения, но полученный речевой материал заслуживает внимания как в аспекте социальной обусловленности языка, так и в аспекте его региональной специфики.

Литература

Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: Попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 90–106.

ВДОХ/ВЗДОХ КАК ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЗВУКОВОЙ ЦЕПИ: ФУНКЦИИ В УСТНОМ ДИСКУРСЕ

Мишина Валерия Игоревна

*студент 2 курса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(филиал в Санкт-Петербурге)*

В условиях бытовой коммуникации фокус внимания приходится обычно на содержание речи, а не на форму сказанного. При восприятии полученной информации носители языка, как правило, игнорируют различные паралингвистические элементы (ПЭ), поскольку не предполагают у них никакого прагматического значения. Однако в рамках коллоквиалистики, которая изучает специфику разговорной речи как сферы коммуникации и особой разновидности языка [Скребнев, 1985], подобные единицы вызывают большой исследовательский интерес.

Исследование посвящено выявлению функций (прагматических значений) одного из ПЭ — вдоха/вздоха (В/В), который рассматривается как разновидность неречевых элементов устной

речи и часто описывается как «сбой» в речепорождении, затормаживающий высказывание [Bogdanova-Beglarian, Baeva, 2018]. Научная новизна исследования заключается в описании В/В на базе существующей классификации ПЭ. Источником материала для анализа стал корпус русской повседневной речи «Один речевой день», из расшифровок которого было отобрано 16 контекстов употребления В/В. Они были систематизированы в таблице и описаны по следующим критериям: характеристика информанта (пол, возраст, образование, профессия, отношения с собеседником), коммуникативная ситуация, сам контекст и его анализ (жанр разговора, позиция В/В в структуре высказывания и его функция).

Анализ выявил такие функции В/В, как навигация, хезитация, маркирование начала реплики и ввод самокоррекции. Исследование позволило сделать следующие выводы. Во-первых, подавляющее число В/В встречается в диалогах, однако контексты их употребления существуют и в репликах монологического типа (более 30 токенов). Во-вторых, В/В, как пауза в высказывании, чаще всего находится в середине высказывания, что можно представить в виде схемы P1 + В/В + P2.

Анализ материала показал, что В/В чаще всего является реакцией на левый контекст (P1), но может выступать в качестве «упреждающей» реакции и на правый контекст (P2). Подтверждается и гипотеза о полифункциональности большинства В/В в устной речи. Напр., в контексте [Ж1] *ты готовилась хоть / к макре ? [S69] *П я тебя умоляю // *П ну я так / посмотрела / но () В/В мне это не поможет / мне кажется* — В/В является одновременно и хезитативом, и навигатором. Не исключено, что этим прагматика В/В в устном дискурсе «отнюдь не исчерпывается и продолжение корпусных исследований в данном направлении может принести еще много интересных результатов» [Богданова-Бегларян, 2023: 278].

Литература

Богданова-Бегларян Н. В. Вздох глубокий... (о функциях вздоха в спонтанном монологе) // «...Вперёд и вверх по лестнице звучащей». Сб. статей к 80-летию О. Ф. Кривновой / ред. Л. М. Захаров и др. М., 2023. С. 271–280.

Скрёбнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. Саратов, 1985.

Bogdanova-Beglarian N., Baeva E. Nonverbal Elements in Everyday Russian Speech: an Attempt at Categorization // Computational Models in Language and Speech. Proceedings of Computational Models in Language and Speech Workshop (CMLS 2018) co-located with the 15th TEL International Conference on Computational and Cognitive Linguistics (TEL 2018) / ed. by A. Elizarov, N. Loukachevitch, N. I. Lobachevsky. Kazan, 2018. Vol. 2303. P. 3–13.

МОЖНО ЛИ ГОВОРИТЬ О РАЗМЫВАНИИ НОРМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ? (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ СЯЩЕННИКА ПАВЛА ОСТРОВСКОГО)

Ермолаева Анастасия Михайловна

студент 4 курса, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Материалом исследования послужили записи интервью священника Павла Островского видеоблогеру Дмитрию Пучкову, актрисе Юлии Меньшовой и журналистке Ксении Собчак. Объект исследования — публичная речь отца Павла Островского, активно ведущего проповедническую деятельность в социальных сетях. Общий объем речевого материала составляет более 40 тысяч словоупотреблений.

Речь священника ориентирована на разговорный стиль и содержит многочисленные отступления от стилистических норм литературного языка, что наиболее ярко проявляется в отборе языковых средств. Напр., в беседе с Юлией Меньшовой батюшка активно употребляет слова и выражения, которые в словарях маркируются как разговорные (*слетела с катушек*

немножко; выловить [девушку из социальной сети]). В рамках диалога на серьезные темы, где предполагается использование книжной лексики, священник использует разностилевую лексику. Слово *выловить* (девушку из социальной сети) со значением 'задержать' маркируется словарями как разговорное. Употребляется слово *парень*, которое достаточно часто встречается в качестве обозначения молодого мужчины. Однако словари также продолжают маркировать его как разговорное. Кроме того, в приведенной выше цитате используется устойчивое выражение *слететь с катушечек немножко*, которое получает дополнительную экспрессию за счет уменьшительно-ласкательного суффикса.

Вместе с тем в анализируемом материале присутствуют многочисленные книжные слова и выражения (напр., глагол *морализаторствовать*, а также однокоренное существительное *морализаторство*). Разностилевые образные единицы употребляются при описании ситуации, когда священник дает совет родителям по воспитанию детей. В частности, чтобы охарактеризовать поведение детей в споре с родителями, употребляется экспрессивный книжный оборот *идти в штыковую* со значением 'решительно защищать кого-либо'. При этом в речь вплетается книжное слово *сеча* ('кровавопролитная битва, сражение'), которое в словарях сопровождается пометой «высокое», что указывает на словоупотребление, характерное преимущественно для поэтической, ораторской речи. Однако сразу после книжного слова *сеча*, употребленного в переносном смысле, встречается жаргонное слово *капец* и разговорная метафора *отматывать*. Разностилевой характер лексики обладает ироническим потенциалом, усиливает эффектность и яркость изложения.

На основании приведенного анализа можно сделать вывод, что в современной интернет-коммуникации происходит размывание стилистических норм русского литературного языка. Нейтрализация стилевых различий, тенденция к демократизации норм в устной речи стирают границы между стилевыми регистрами, между уместными и неуместными лексическими единицами. В то же время это привлекает внимание аудитории, что и является основанием для оправдания употребляемых речевых средств.

ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР

СОЛЯРНЫЕ МИФЫ КАК ИСТОЧНИКИ МОТИВОВ, СЮЖЕТОВ И ОБРАЗОВ В ЛИРИКЕ К. Д. БАЛЬМОНТА И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Лю Найшо

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад посвящен анализу мотивов, сюжетов и образов мифопоэтики поэта-символиста Константина Бальмонта, связанных с солярными мифами. Актуальность доклада обусловлена необходимостью более глубокого и комплексного изучения проблемы: в современных китайских и российских исследованиях намечены лишь отдельные аспекты разработки темы в работах К. Хайруллин, Г. Цыкунова и др. Целью является рассмотрение малоизученной проблемы — соотношения античных, китайских, славянских и индийских мифов о Солнце с образом поэта (поэта-демиурга, сына Солнца) на основе компаративного, мифопоэтического и мотивного анализа. Основа синкретизма Бальмонта — эрудиция, универсализм и концепция романтического гения, от эстетизма его путь развития вел к панэстетизму и формированию идеи жизнелюбия, которая связана с автобиографическим мифом. Он создает миф о себе как об играющем гении, наделенном демиургическими чертами, которому подвластны космические стихии природы. Религиозный и мифопоэтический синкретизм позволяет Бальмонту развивать идею многобожия и странничества лирического героя как саморазвивающегося духа в природно-космическом мире.

Задачи нашего исследования: во-первых, проанализировать, как образы, сюжеты и мотивы солярных мифов отразились в поэзии Бальмонта; во-вторых, рассмотреть, как они соотносятся с образом поэта. Материалом для исследования являются стихотворения Бальмонта «Будем как Солнце! Забудем о том...» (сборник «Будем как Солнце», 1903), «Гимн Солнцу» (сборник «Только любовь», 1903) и др.

В результате анализа было установлено, что в стихотворениях Бальмонта встречаются образы солярной мифологии, которые обогащают не только его художественный, но и духовный мир (напр., «дракон» в китайской мифологии, Дионис и Аполлон в греческой мифологии и др.). В период с 1900 по 1908 гг. поэту были близки идеи гармонического единения ритмов природы с ритмами космического существования человека (напр., образ-символ Солнца как животворящее начало всего сущего и образ поэта как связующий образ Огня и Солнца). Конструктивные образы-символы Солнца оказались плодотворными для мифопоэтики Бальмонта, наряду с этим мотивы солярного космоса как ключи к вселенскому первоначалу, к естественным принципам жизни становятся важной частью художественного мира поэта (напр., «Симметрия — их основной закон...» в стихотворении «Великое Ничто» [Бальмонт, 1969: 264]). Старинное отождествление солнечного света и правды в мифопоэтике Бальмонта связано с понятием Логоса (напр. «...Правда в солнце превратилась, / В мире чистый свет загла. <...> Правды ждет с огнем во взоре / Птица мощная Стратим. <...> Солнце встанет, Море грянет: / Правда, Правда в мир пришла!» [Бальмонт, 1969: 130]). В мифопоэтике Бальмонта мифопоэтическая символика огня (как отражения Солнца) появится в виде не только космического огня, но и огня души поэта. Углубление этих и других аспектов исследования трансформации мотивов и образов Солнца перспективно для дальнейшего изучения мифопоэтики Бальмонта.

Литература

Бальмонт К. Д. Стихотворения. Л., 1969.

РОЛЬ ГОБЕЛЕНА В ПРОИЗВЕДЕНИИ «СЕРАЯ ВЕТКА» А. И. СЛАПОВСКОГО

Замуреева Юлия Михайловна

студент 3 курса, Дальневосточный федеральный университет

Цель настоящего исследования — определить роль и символику иллюстрации гобелена «Дама с единорогом» в произведении А. И. Слаповского «Серая ветка».

Научная новизна исследования состоит в проведенном впервые аспектном анализе, позволившем выявить образно-символическую структуру фоторомана.

Ранее фигурирующий в сюжетах произведений мировой литературы «Дневник путешественника» Жорж Санд и «Дама и единорог» Трейси Шевалье, на наш взгляд, гобелен служит средством воплощения идейно-смыслового содержания романа, актуализируя значимость семантики цвета, которая задается уже в названии. Символизм названия «Серая ветка» соответствует замыслу Слаповского в двух отношениях: это и станция метро, и ветвь генеалогического древа, отражающая связь трех поколений из прошлого, настоящего и будущего.

Цветовой характер композиции организуется благодаря ведущим цветам: красному и зеленому, в меньшей степени синему и коричневому, редко встречаются белый и черный. Особенности амбивалентности ведущего красного цвета сада отмечена как необходимость жизненного выбора и приближение необратимой трансформации в мироздании двух дуалистических начал — жизни и смерти, ада и рая. Обнаруженная насыщенность в одеянии дамы усиливается цветовым контрастом (красный и белый), содержащим в себе трагичность, а также светло-голубые узоры, ассоциирующиеся с чистотой помыслов и непорочностью [Пастуро, 2019]. Однако главное в гобелене — не личность дамы, а сам сюжет [Бейли, 1996].

Изображение трех стволов деревьев сочетается с символикой этого числа в романе: три поколения, три дома. Акцентируется парность дополняющих друг друга образов — два кролика, демонические звери коза и обезьяна (передний план). Вносят динамизм дама и служанка, лев и единорог (средний план) в смысловом единстве и эмоциональном противопоставлении. Выявленная мифологизация символического образа единорога служит цели придания гобелену более возвышенного характера.

Существующий дуализм и последующий за тем выбор представлен контрастирующими фигурами единорога и льва, создает явную антитезу в зрительном восприятии. Сюжетный конфликт раскален до предела, только очищающая сила огня способна возродить героев к жизни, вырваться из порочного круга серого застоя, что служит ключевым аспектом в понимании действий героини рассказа Слаповского.

Исходная взаимосвязь изображения Грааля с названием гобелена «Вкус» осмысливается как поиск внутреннего совершенства и несбыточные желания [Кеннер, 2010: 133]. Именно вкус позволяет почувствовать любовь к ближнему, отмечал Джордж Бернард Шоу. Таким образом, наиболее значимым в настоящем исследовании оказывается то, как Слаповский, вступая в литературный диалог с Жорж Санд и Трейси Шевалье, использует в своем творчестве символическую деталь для раскрытия доминирующей темы невзаимной любви.

Литература

Бейли Г. Потерянный язык символов. М., 1996.

Кеннер Т. А. Символы и их скрытые значения: происхождение и тайный смысл знаков и символов современного мира. М., 2010.

Пастуро М. Красный. История цвета. М., 2019.

Слаповский А. И. Серая ветка. М., 2016.

ПОДРАЖАНИЕ И АВТОПЕРЕВОД: О СМЫСЛЕ ПОДЗАГОЛОВКА И ЭПИГРАФА СТИХОТВОРЕНИЯ «ПИСЬМО» АНДРЕЯ БИТОВА

Алькайси Рашид Низар Назир

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе рассматриваются подзаголовок и эпиграф стихотворения «Письмо» А. Г. Битова. Поэзия Битова еще мало изучена и затмевается его прозой. Между тем, она не только является уникальной, но и, как показывает Е. В. Хворостьянова, «имеет тесную связь <...> с формированием замысла прозаического текста» [Хворостьянова, 2007: 88].

Наш анализ выполнен с использованием сравнительного метода. Опираясь на учение Платона и Аристотеля, мы уделили особое внимание понятию «подражание» и его связи с мимесисом. Через попытку сплетения двух предложенных определений мимесиса предлагается, что под подражанием Битов подразумевает подражание акту подражания.

На мотивном уровне стихотворение Битова сравнивается с поэтическим текстом Абу Нуваса «Не упрекай меня», строки которого Битов использует как эпиграф, и со стихотворением А. С. Пушкина «Подражание арабскому». Из стихотворения Абу Нуваса заимствован мотив потребления алкоголя как способ пережить тяжелые жизненные обстоятельства. Однако в тексте Битова нет ориентации на арабскую стилизацию текста, а заметна лишь попытка автора, вслед за Пушкиным, сделать чужое слово своим. Хотя стихотворение «Письмо» не близко по тематике стихотворению Пушкина «Подражание арабскому», анализ произведения Битова в контексте его пушкинианы приводит к мысли, что именно стихотворение Пушкина служило импульсом к созданию текста.

Пушкин в восприятии Битова является призмой понимания культуры, и тем более жизни. Уже отмечен статус Пушкина в творчестве Битова, в частности, и в русской литературной традиции. Постмодернистской парадигме свойственен не «страх влияния», согласно Г. Блуму, а то, что М. Эпштейн, вслед за И. Золотусским, называет «сладостью зависимости» [Эпштейн, 1988: 82]. В других текстах Битов напрямую обращается к Пушкину как источнику вдохновения. Подзаголовок «Подражание арабскому» в стихотворении Битова содержит скрытую литературную игру автора. Эпиграф, отсылая к стихотворению «Не упрекай меня» Абу Нуваса, является лишь маской фактического источника создания стихотворения Битова. Этим источником является Пушкин.

Литература

Битов А. Г. В четверг после дождя. СПб., 1997.

Хворостьянова Е. В. Лирика Андрея Битова: поэтика автоперевода // Русская литература. 2017. № 1. С. 87–104.

Эпштейн М. Н. Парадоксы новизны. М., 1988.

СИНТЕЗ АНЕКДОТА И ПРИТЧИ В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА «ЖИЗНЬ НАСЕКОМЫХ»

Серёдкина Юлия Евгеньевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Актуальность исследования обусловлена повышением интереса к проблеме синтеза жанров в литературоведческой науке последних десятилетий, неоднозначностью жанровой атрибуции пелевинской прозы, а также вниманием к изучению творчества В. Пелевина. Несмотря на наличие в научном пространстве ряда работ о творчестве Пелевина, вопрос о жанровой

атрибуции произведений писателя остаётся наименее исследованным, с чем связана новизна исследования.

Целью работы является изучение специфики жанровых черт притчи и анекдота, выявление особенностей синтеза элементов притчи и анекдота в романе Пелевина «Жизнь насекомых» (1993). В романе представлено несколько сюжетных линий (жизнь комаров, муравьёв, ночных мотыльков и др.), олицетворяющих разные группы населения России 1990-х гг. Чётко прослеживаемая связь между повествованием и узнаваемыми реалиями жизни — одна из характерных черт анекдота, который представляет нравы, характеры той или иной эпохи. При этом в романе чередуются между собой нарочито сниженные бытовые замечания героев с их философскими размышлениями.

Притча и анекдот объединяются у Пелевина общей для обоих жанров ключевой ролью диалога, в котором соединяются притчевое учение, философское размышление и анекдотическое внимание к мелким бытовым деталям. В буквальном смысле все герои находятся в пути, в символическом — в поиске смысла жизни. Раскрыть истину мироздания удастся лишь героям, обладающим притчевым мышлением, способным аллегорически воспринимать мир. Об иллюзорности реальности, о вечной пустоте мотылёк Митя узнаёт от своего альтер эго и учителя Димы через анекдот-притчу.

Таким образом, в художественном мире Пелевина анекдот способен содержать в себе притчу, раскрывающую пелевинскую идеологию «пустоты». Жизнь персонажей романа цитирует известные анекдоты, однако для героев комический подтекст остаётся нерелевантным, анекдотическая цитата буквализируется и посредством своей алогичности становится притчей. Напр., таракан Серёжа понимает анекдот «копать от забора до рассвета» не в юмористическом, а в метафизическом смысле: «С энергичной улыбкой прокопав от обеда до табло со словами “don't work” (ему давно уже удалось соединить в одно целое пространство и время), он понял, что рабочий день окончен» [Пелевин, 2022: 181].

Таким образом, работая на стыке жанров, Пелевин передаёт концептуальную картину мира с помощью сниженных, принципиально непритчевых героев. Создаётся двуплановая структура: на первом уровне — анекдотическая фабула, на втором — притчевый подтекст. Под трагической маской оказывается глубокое содержание. Для героев анекдот становится принципом понимания жизни, в которой есть все и одновременно нет ничего. Анекдот нейтрализует назидательность притчи, а притча снимает анекдотическую претензию на юмористический эффект, происходит синтез жанров, который подводит читателя к пелевинской идеологии «пустоты».

Литература

Пелевин В. Жизнь насекомых. СПб., 2022.

ФОРМУЛЫ ВОИНСКИХ ПОВЕСТЕЙ В «ЧТЕНИИ О ЖИТИИ И ПОГУБЛЕНИИ БЛАЖЕННЫХ СТРАСТОТЕРПЦЕВ БОРИСА И ГЛЕБА» НЕСТОРА ЛЕТОПИСЦА

Уланова Александра Вячеславовна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

«Чтение о житии и погублении блаженных страсотерпцев Бориса и Глеба» Нестора Летописца — памятник литературы Древней Руси XII в. — представляет интерес для исследователей древнерусской литературы как один из текстов периода её формирования. Этот текст входит в так называемый «борисоглебский цикл» сочинений, связанных с событиями 1015 г., — смертью князя Владимира Святославича и убийством братьев Бориса и Глеба Святополком, что было отражено в «Повести Временных лет». Текстология памятника и его источники сравнительно хорошо изучены, однако структура «Чтения о житии...» и его поэтика разработаны

недостаточно. Наличие в «Чтении...» черт, характерных для других жанров древнерусской литературы — один из аспектов его поэтики.

В рамках описанного Д. С. Лихачевым явления литературного этикета [Лихачёв, 1979: 95] в докладе рассматриваются формулы, заимствованные из воинских повестей. А. С. Орлов в монографии «Об особенностях формы древнерусских воинских повестей» называл формулой «известный шаблон, служащий им [книжникам] готовою канвою для того или другого сюжета» [Орлов, 1902: 1]. Это наблюдение было уточнено О. В. Твороговым, который назвал такие сочетания «традиционными ситуативными формулами», разграничивая их с «устойчивыми сочетаниями, входящими в состав этих формул» [Творогов, 1964: 32].

Лингвостилистический анализ текста «Чтения» Нестора позволяет обнаружить в нём несколько воинских формул во фрагментах, посвящённых походу князя Бориса на печенегов (1015 г.) и убийству его и брата Глеба. Дальнейшее исследование частей обнаруженных элементов, которые были заимствованы из воинских повестей, позволяет разделить их на две группы в зависимости от того, какие функции они выполняют в тексте. Устойчивые сочетания в рассказе о военном походе князя Бориса выполняют практическую повествовательную функцию, становясь частью традиционной формулы, используемой в описании битвы. Устойчивые сочетания в рассказе об убийстве благоверных князей выполняют стилистическую функцию. Обе функции связаны с жанрами летописи и жития. Закономерным представляется, что в рассказе о походе будет преобладать формульный стиль воинских повестей, а при описании мученической гибели братьев — агиографический. Тем не менее, Нестор использует черты стиля воинской повести и во втором случае. При работе над докладом использовалась публикация Н. И. Милютенко с комментированным текстом «Чтения...». Дальнейшее исследование формул и устойчивых сочетаний позволит расширить представление об особенностях поэтики «Чтения», а также о поэтике княжеских житий в целом.

Литература

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971.

Милютенко Н. И. Святые князья-мученики Борис и Глеб. СПб., 2006.

Орлов А. С. Об особенностях формы древнерусских воинских повестей (кончая XVII веком). М., 1902.

Творогов О. В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 29—40.

ОБРАЗ КИТАЯ В РУССКОЙ НЕПОДЦЕНЗУРНОЙ ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

Колчина Анастасия Евгеньевна

студент 2 курса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Образ Китая в российской поэзии привлекал внимание исследователей, но в основном применительно к культуре Серебряного века. О китайской теме в неподцензурной поэзии второй половины XX в. существуют разрозненные работы, касающиеся отдельных авторов, но не поэтики «второй культуры» в целом. Актуальность исследования обусловлена важностью определения природы межкультурных связей андеграундной поэзии, оказавшей решающее влияние на становление культуры XXI в.

Цель настоящего доклада — выяснение функций образа Китая и выявление тенденций его развития в неподцензурной поэзии второй половины XX в.

В ходе исследования используются следующие методы: тематический анализ, анализ системы образов, сравнительный анализ, точные методы работы с лексикой поэтического текста.

В корпус текстов вошли поэма Е. Шварц «Сочинения Арно Царта» [Шварц, 2002: 36—63] и лирический цикл О. Седаковой «Китайское путешествие» [Седакова, 2010: 327–346], стихотворение А. Тарковского «Бабочка в госпитальном саду» [Тарковский, 1991: 132–133]. Не считая этих текстов, в нем содержится еще 29 произведений, отобранных с помощью поиска по леммам, связанных с китайской культурой, в Национальном корпусе русского языка.

Были отмечены тенденции развития образа восточной страны в поэзии «второй культуры». Поэты продолжают разрабатывать уже существующие в текстах Золотого и Серебряного веков ассоциации с образом восточной страны (Китай как рай, Китай как место познания). Поэты подполья уточняют эти идеи с опорой на концептуальные понятия китайской философии, в частности, даосизма и конфуцианства.

Кроме того, во многих произведениях сопоставлены западные и восточные реалии. В текстах появляется дихотомия христианского и даосского в некоторых образах. Интересным кажется тот факт, что в стихотворениях второй половины XX в. возникает антитеза Петербурга, или Ленинграда, и Китая, не встречающаяся ранее.

Более пристальное внимание в произведениях уделено рассмотрению темы искусства, в частности, поэзии и живописи в контексте Китая. Именно обращение к китайским творческим реалиям помогает поэтам раскрывать тему поэтической авторефлексии, природы искусства и роли поэта. Новым кажется сопоставление в поэтических текстах андеграундных авторов советского и китайского пространств с идеологической точки зрения.

Нельзя не отметить значимость поэмы Е. Шварц «Сочинения Арно Царта» и цикла О. Седаковой «Китайское путешествие». Эти большие по объему поэтические тексты раскрывают в себе все перечисленные выше идеи, связанные с образом Китая.

В результате исследования был составлен корпус «китайских» текстов «второй культуры», выявлено ассоциативное ядро «китайского текста» и определены релевантные значения образа в рассмотренных произведениях.

Литература

Седакова О. Собрание сочинений в 4 т. Т 1. Стихи. М., 2010.

Тарковский А. Собрание сочинений в 3 т. Т 1. М., 1991.

Шварц Е. Собрание сочинений в 5 т. Т 2. СПб., 2002.

«ЧЕЛОВЕК ЧИТАЮЩИЙ» КАК ГЕРОЙ РОМАНА А. А. АСТВАЦАТУРОВА «ЛЮДИ В ГОЛОМ»

Дробинина Наталия Александровна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Ното legens — не новое, но ещё недостаточно освоенное современными дисциплинами понятие. В широком смысле оно трактуется как особая категория гуманитарной науки, тесно связанная с феноменом чтения. Философия понимает под ней определённый тип личности, психология — конкретные его характеристики.

Литературоведение эту категорию, разрабатываемую в работах А. Ю. Большаковой, Д. Чавдаровой и Л. В. Чернец в контексте актуальной проблемы читателя, определяет как особый тип героя, чьё мироощущение и самоосознание определяется как «книжное», воспитанное чтением. Действительность таким героем воспринимается как воплощение книжных смыслов, как пересечение реального и книжного.

Наша цель — рассмотреть героя романа А. А. Аствацатурова «Люди в голом» как человека читающего с помощью методов имманентного, контекстуального и интертекстуального анализа. В подобном аспекте тексты автора ранее не рассматривались.

В главе «О вкусной и здоровой пище» герой даёт себе следующую характеристику: «...я — не кинокритик, а библиотечный червь. Вымирающая очковая порода людей» [Аствацатуров, 2019: 213]. Самономинация «библиотечный червь», связывающаяся с идиомой «книжный червь», указывает на то, что для героя чрезвычайно важен мир книг и библиотек, это его среда обитания (анималистическое сравнение только усиливает эту параллель).

Как мы уже упомянули, для человека читающего характерно определённое «книжное» мироощущение. Перед автором стоит сложная задача: передать восприятие таким персонажем действительности с помощью вербальных средств. А. Ю. Большакова в статье «Читатель русской литературы как проблема» выделяет структурную основу *homo legens*, компоненты которой располагаются на разных уровнях [Теоретико-литературные итоги XX века, 2005: 286–288]. Взяв за основу эту типологию, выделим механизмы, которые создают образ человека читающего в романе Аствацатурова: 1) чужое слово и интертекст во всех его формах; 2) типологические «лики»; 3) круг чтения и динамика отношения к чтению как к процессу.

Мы выделили несколько форм интертекста как самого частотного механизма: 1) отсылки к литературным текстам через аллюзии и реминисценции; 2) самоидентификация и идентификация другого как персонажа книги; 3) вставная новелла как пародия на жанр (выражается уже на уровне заглавий с подзаголовками).

Разберём пример самоидентификации в главе «Первое апреля»: «Мне иногда кажется, что мои студенты меня остерегаются <...> Всего-навсего человек-поганка. В руках — конduit, в голове — Швамброния, страна вдохновенной мечты романтического переростка. Такого стоит поостеречься» [Аствацатуров, 2019: 149]. Подобная номинация, отсылающая нас к автобиографической повести Льва Кассиля, подчеркиваемая определением «романтический», которое мы понимаем как оторванность от жизни, идеализм и мечтательность, характерна для читающих людей.

Рассмотрев механизмы создания образа *homo legens* в романе Аствацатурова, мы приходим к выводу, что его героя действительно можно назвать человеком читающим — особым типом личности с определённым характером, складом ума и мироощущением, сформированными чтением.

Литература

Аствацатуров А. А. Люди в голом. М., 2019.

Теоретико-литературные итоги XX века. Т. 4. Читатель: проблемы восприятия / отв. ред. С. А. Макуренкова. М., 2005.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖЕНСКАЯ ПОЭЗИЯ: ТАТЬЯНА ЦАРЬКОВА

Ван Чуньхуэй

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Образ Петербурга является особым литературным кодом в русской поэзии, проявляющимся в текстах русских авторов от романтизма до постмодернизма. Традиционно понятие петербургского текста рассматривается в связи с произведениями А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. А. Блока, О. Э. Мандельштама, однако опыт чтения литературы эпохи Серебряного века позволяет включить в контекст петербургского текста и женскую лирику. Современная поэзия, в особенности женская лирика, также опирается на петербургскую поэтику и в связи с этим в данном исследовании особое внимание уделяется поэтессе Татьяне Сергеевне Царьковой.

Новизна данного исследования обусловлена анализом малоизвестных стихотворений Т. С. Царьковой, апеллирующих к образу Петербурга, что позволяет говорить о включении поэтессы в общую петербургскую традицию русской литературы. Важный аспект новизны этой работы состоит в обращении автора доклада к ранее не исследованному материалу. Цель исследования заключается в том, чтобы на примере творчества Царьковой раскрыть специфику

современной женской лирики, где одним из главных композиционных элементов является образ Петербурга.

Материалом исследования послужили стихотворения Т. С. Царьковой, вошедшие в циклы «Город простолюдинов», «Земле живых», «Филологический переулочек», «Лунная радуга».

В качестве основного метода исследования был выбран мотивный анализ. Помимо этого, был применен метод сопоставительного и текстового анализа.

В результате анализа стихотворений Т. С. Царьковой, принадлежащих петербургской поэтике, нами были обнаружены темы: 1) «вечные», такие как любовь и страдание русских женщин, жизнь, вопросы о душе, смерть и бессмертие; 2) злободневные (связанные с политикой и с современным поэтессе обществом), такие как политические перемены, распад СССР, крушение старого мира, нелепость проявления нового мира и т. д.

Важно отметить, что лирика Т. С. Царьковой отличается философской и эмоциональной окраской, она насыщена яркими образами и метафорами, раскрывающими душевный мир петербургского интеллигента, ощущающего себя, свой город, свою страну в контексте всемирной культуры.

В целом для творчества Царьковой характерны лаконичные тексты, в небольших по объему речевых конструкциях автор выражает всю суть событий, происходящих в мире и в стране. При рассуждении на достаточно серьезные темы Царькова не лишает более поздние произведения юмористической интонации. Царькову без преувеличения можно назвать современным поэтом, чутко ощущающим свое время, насыщенное яркими событиями, сумевшим вовремя «перестроиться на новые рельсы», но, параллельно с этим, сохранившим традиционные для русского общества темы и взгляды.

РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В ВОСПРИЯТИИ ЧУЖОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК Н. И. ГРЕЧА «28 ДНЕЙ ЗА ГРАНИЦЕЮ, ИЛИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ ПОЕЗДКА В ГЕРМАНИЮ»)

Святоха Александра Павловна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Цель исследования — определение роли художественной культуры в восприятии чужого пространства в травелоге на примере путевых записок Н. И. Греча «28 дней за границею, или Действительная поездка в Германию» 1837 г. Произведения Н. И. Греча, включая его травелоги, практически не изучены, что обеспечивает новизну исследования.

Читательская культура России начала XIX в., активно обращающаяся к опыту европейского романтизма, формирует определенное стереотипное представление о европейских странах, в том числе о Германии. Чужое пространство оказывается семантически нагружено дополнительными смыслами и ассоциациями. Это представление, в свою очередь, формирует некий горизонт ожиданий, влияющий на непосредственное восприятие чужого пространства при путешествии и отражающийся в тексте травелога.

Проводится контекстологический, сравнительный и мотивный анализ произведения, по результатам которого выясняется, что травелоги Н. И. Греча, в частности, путевые записки «28 дней за границею, или Действительная поездка в Германию», изобилуют обращениями к немецкой художественной культуре как образцу, с которым сопоставляется увиденное. Известные образы немецкого романтизма, бидермейера становятся призмой, через которую происходит восприятие чужого пространства, образцом, с которым путешественник-автор постоянно сверяется.

Частотным при таком описании становится сравнение действительности с театральными декорациями, с художественным полотном, изображающим сцены провинциальной немецкой жизни: «Мне представилась картина патриархальной Германии во всей своей прелести. Я был перенесен, как бы действием волшебного жезла, из нашего юного, великолепного, светлого Пе-

тербурга во средину старинной Ганзы, живой доньне своими нравами, обычаями и поверьями. Точно будто я вошел в Михайловский театр, и поднялась завеса в немецком представлении!» [Греч, 1837: 22]. Отдельной категорией в тексте травелога становится несоответствие действительности ожиданиям, заложенным художественными образами.

Литература

Греч Н. И. 28 дней за границу, или Действительная поездка в Германию. СПб., 1837.

ВОЕННАЯ ОЧЕРКИСТИКА А. П. ПЛАТОНОВА: ПРОБЛЕМА ЖАНРОВЫХ ГРАНИЦ

Озеринникова Татьяна Павловна

магистрант 2 курса, Петрозаводский государственный университет

Актуальность темы обусловлена малоизученностью очеркистики А. Платонова. Если военные рассказы писателя стали объектом системного, то исследований жанра очерка военных лет нет. Впервые проводится комплексный анализ очеркистики Платонова 1941–1946 гг. Центральными текстами для анализа стали: «Труженик войны», «Два дня Никодима Максимова», «Прорыв на Запад», «Земля и небо Курска», «Апрельские будни», «В Могилеве», «На могилах русских солдат», «Сержант Шадрин». Данные произведения репрезентативны в представлении жанра очерка Платонова времен Великой Отечественной войны. Основные методы исследования: описательный, сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный.

Двойная художественно-публицистическая природа жанра очерка отмечена разными исследователями. «Очерк — оперативный художественно-публицистический жанр, точно изображающий социально важные факты и явления типичных представителей определенных социальных групп» [Алексеев, 1980: 114].

В ходе исследования мы выявили следующие виды военных очерков Платонова: проблемный, портретный, батальный, путевой, исторический (событийный). Писатель обращался к разным видам очерка, создавая внутрижанровый синтез: один текст представляет собой портретный и проблемный очерк, путевой и исторический и т. д. Напр., очерк «Труженик войны» включает в себя элементы портретного очерка (характеристика сапера Ивана Толочко), а также батального и событийного (описание переправы). В документальном жанре автор интенсивно использует образный язык, в силу чего публицистическое высказывание получает философскую глубину. Так, в очерке «Земля и небо Курска» одна из центральных битв войны воссоздана в природно-космических образных координатах «земли» и «неба». Кольцевая образная композиция от заглавия до финала очерка символизирует несокрушимую силу народа, отстаивающего мир в мире.

В ходе анализа выявлен общий образно-мотивный ряд в военных очерках и рассказах. Платонов использует образ дерева в рассказе «Божье дерево» и очерке «Молодой майор», где дан финальный образ-метафора с функцией обобщения: «Защитник родины—Древо народной жизни». И. А. Спиридонова пишет: «Образ дерева в военной прозе Платонова символизирует выход человека из войны в мир». [Спиридонова, 2005: 72]. Жанр очерка в период Великой Отечественной войны позволил Платонову, описывая конкретные события и реальных людей, выявлять закономерности и смыслы социально-развития исторических процессов и нравственного бытия человека.

Литература

Алексеев В. А. Русский советский очерк. Л. 1980.

Спиридонова И. А. «Внутри войны» (поэтика военных рассказов А. Платонова). Петрозаводск, 2005.

«ЧАСТЬ РЕЧИ» И. БРОДСКОГО: ПОЭТИКА ГРАНИЦЫ ТЕЛЕСНОГО И МЕТАФИЗИЧЕСКОГО

Ильина Александра Михайловна

*магистрант 2 курса, Самарский государственный аэрокосмический университет
им. ак. С. П. Королёва*

В докладе выполняется анализ категории границы в поэтическом цикле И. Бродского «Часть речи». Научная новизна настоящего доклада обусловлена недостаточностью исследованности категории границы как особого модуса эстетической коммуникации в поэзии И. Бродского, несмотря на едва ли не центральное ее положение во всем творчестве поэта. Целью исследования является определение основных особенностей поэтики границы в лирических произведениях И. Бродского, входящих в состав цикла «Часть речи». Материал исследования: поэтический цикл И. Бродского «Часть речи». Теоретическая база: теоретические разработки проблемы границы Ю. М. Лотмана, М. М. Бахтина и Н. Т. Рымаря. Нами были использованы следующие общенаучные методы: системно-структурный, эмпирическое исследование, биографический методы, методы теоретического познания. Граница является не только внешним, но и внутренним явлением и представляет собой особую форму эстетического события. Поэт — человек, живущий искусством, т. е. способный отстраниться от непосредственно бытового восприятия реальности, дистанцироваться от готовых представлений, от практически-функционального восприятия вещей. Это порождает определенную границу между ним и другими людьми, живущими в другом модусе человеческого существования. Она очищает чувства от всего случайного, мутного, но при этом позволяет их пристально рассмотреть, увидеть эти грани состояния поэта как таковые, а не через призму эмоционального мировосприятия.

«От всего человека вам остается часть речи. Часть речи вообще. Часть речи» [Бродский, 2010: 210], — пишет Бродский в стихотворении «... и при слове “грядущее” из русского языка...». Несколько раз повторяющееся словосочетание «часть речи» является названием цикла и сборника, поэт особенно выделяет его. Можно полагать, что это ключ к пониманию всего текста. «Часть речи» — это не только грамматический термин, но и сказанное человеком слово, одна единица из сказанного человечеством. Так, слово противостоит времени и пространству, это то, что отделяет телесное, материальное и метафизическое.

В произведениях цикла «Часть речи» представлено два мира: телесный и метафизический, первый — это мир наличествующей действительности, а второй — мир фантазии и идеи, пространство воспоминаний. Категория границы представлена с помощью события осознания нужности Другого в своей жизни, как реактора сильного чувства, трансформировавшегося в язык поэзии. Эти чувства представлены через телесные и метафизические образы, разделенные границей. Лирический субъект пытается ее преодолеть, но безуспешно, единственный способ достичь этого — изоляция себя в себе.

Таким образом, грани телесного и метафизического в творчестве И. Бродского представлены через образ Другого, когда чувства и эмоции лирического субъекта трансформируются в язык поэзии.

Литература

Бродский И. А. Письма римскому другу: Стихотворения. СПб., 2010.

ФЕНОМЕН ПОПУЛЯРНОСТИ В. С. ВЫСОЦКОГО КАК ПОЭТА ЭПОХИ СОЦРЕАЛИЗМА

Линь Шуайань

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад посвящен В. С. Высоцкому как литератору, поэту-шестидесятнику, одному из представителей эпохи соцреализма. Изученные материалы позволили автору доклада составить собственное мнение о личности и творчестве Высоцкого и дать им собственную характеристику.

Анализировать творчество Высоцкого, представляющее уникальное явление советской культуры — огромная ответственность. Высоцкий никогда не пел свои песни свысока, не был «над зрителями». Он творил «от сердца», с полной самоотдачей. Торопился жить, писать, примерял на себя образы, характеры и судьбы других людей, передавал в своем творчестве их мысли, манеру речи, был убедителен и талантлив.

На основании проведенного анализа был сделан вывод о том, что успешность и востребованность данного поэта среди широкой публики определяют такие факторы, как уникальность манеры исполнения собственных стихов, положенных на музыку, живость предлагаемых образов, искренность и неповторимость песенных интонаций автора-исполнителя, а также его роли в кино и театре, принёсшие Высоцкому огромную популярность. Именно благодаря исключительному правдоподобию воплощенных Высоцким образов и событий уровень народной любви был столь высоким.

Т. к. поэт творил в эпоху развитого социализма, при социалистическом строе и в социалистическом государстве, можно говорить о понятии «соцреализма» в его творчестве. Под словом «реализм» подразумевается действительность «без прикрас», натуралистичность описываемых образов, «вживание» в роль в каждой исполненной песне, возможности, предоставленные читателю, живо представить каждую описанную в отдельно взятом стихотворении ситуацию. При оценке произведений данного автора можно сказать об их практической значимости в обществе, поскольку каждый человек получал возможность узнать в том или ином стихотворении себя или своих знакомых. Таким образом, основная роль данного автора — транслировать образ реальности, не поступаясь при этом своими принципами, не допуская компромиссов с совестью.

«РАСКОЛЬНИКОВСКИЙ» СЮЖЕТ У И. А. БУНИНА И Э. ЛИМОНОВА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «ПЕТЛИСТЫЕ УШИ» И РОМАНА «ПОДРОСТОК САВЕНКО»)

Дубасова Юлия Сергеевна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад посвящен интертекстуальному анализу двух полемических «откликов» на роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» — рассказа И. А. Бунина «Петлистые уши» и романа Э. Лимонова «Подросток Савенко».

В первом случае через прямое упоминание текстов предшественника (романов Достоевского «Преступление и наказание» и «Идиот») открывается смысл рассказа: абсурдистское зверство мировой войны опровергает в глазах Бунина все гуманистические послы Достоевского, верящего в неизбежную нравственную ответственность за насилие.

Второй текст устроен сложнее: педантично выстраивая (чтобы затем разрушить) «загадочный» образ малолетнего хулигана Гришки Гуревича, с которым и связана «раскольниковская» линия романа «Подросток Савенко», Лимонов окружает его огромным количеством интертекстуальных параллелей, среди которых обнаруживаются и идеи, близкие героям Достоевского, и биографические черты самого писателя, и частные удивительно «рифмующиеся» детали. Более того, автор, возможно, не останавливается на «первоисточнике» — романе Достоевского — и обращается, в том числе и к текстам, «отвечающим» ему, находящимся с ним в диалогеспоре, — в частности, к упомянутому рассказу Бунина. Приводя полную скрытого восхищения и несомненно завистливую оценку Гришкиного «плана» главным героем романа «Подросток Савенко» и по совместительству автобиографическим персонажем Эди-бэби, Лимонов, донельзя гиперболизирует мнимое «благородство» и философскую глубину идеи убийства «для себя». Отсылка к Достоевскому для теории Гришки, в данном случае, — это и развенчание, и апология высокой «раскольниковской» идеи.

В итоге, параллель с героем Достоевского, частично «нейтрализуясь» через вторичное сопоставление с героем Бунина, «умирает» на уровне намека, играя, максимум, роль насмешки. С помощью персонажа своего романа Лимонов разворачивает полемику с Достоевским в поле художественной литературы, демонстрируя собственное издевательски-пренебрежительное отношение к якобы «возвышенным» героям-идеологам Достоевского. Позднее он еще не раз вернется к этому спору, но уже в публицистике — напр., в вышедшем в 2001 г. сборнике портретов знаменитых предшественников «Священные монстры», одна из глав которого будет посвящена великому романисту XIX в.

СТАТЬЯ А. П. СУМАРОКОВА «О НЕСОГЛАСИИ» КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ СУМАРОКОВСКОЙ ТРАГЕДИИ

Петров Андрей Алексеевич

магистрант 2 курса Санкт-Петербургский государственный университет

Статья А. П. Сумарокова «О несогласии», напечатанная в 1759 г. в журнале «Трудолюбивая пчела», — это небольшой текст, практически не привлекавший внимания исследователей. Хотя статья посвящена вопросам философии, а не литературы, те проблемы, которые подни-

мает здесь Сумароков, во многом перекликаются с основной проблематикой трагедий этого писателя. Суждения, высказанные в этом тексте, позволяют по-новому взглянуть на характеры и особенности конфликта сумароковских пьес, приблизиться к разрешению вопросов, которые вызывают споры на протяжении нескольких столетий.

Статья посвящена проблеме несогласия между людьми, т. е. причинам того, отчего между ними возникают конфликты. Писатель исходит из того, что все мы рационально понимаем истину одинаково, действительный же корень противоречий лежит в плоскости сердечной: «Люди больше сердцем, нежели разумом от истины отходят». Источник несогласия, следственно, — «вкорененное в сердце зло», которое «редко разумом преодолевается». Вспоминая о злодеяниях Катилины и Александра Македонского, Сумароков выдвигает такое предположение: «И того, и другого разум довольно уверял о том, что они бесчеловечные предприятия имеют». Подобные персонажи-злодеи, осознающие неправомерность своих поступков, встречаются в нескольких сумароковских трагедиях — Клавдий в «Гамлете», Федима в «Артистоне», Димитрий в «Димитрии Самозванце» и др. Самообличение таких героев обычно трактуется исследователями как драматическая условность: драматургу якобы не хватило мастерства, чтобы показать злодея-лицемера, поэтому он вопреки всякому правдоподобию высказывает свое отношение к героям устами их самих, тем самым недвусмысленно, в практически публицистическом ключе транслируя некие идеи. Содержание статьи доказывает, что подобные характеры не являются драматической условностью, а соответствуют пониманию зла, присущему Сумарокову вообще. Попытки раскаяния, предпринимаемые такими персонажами (напр., Клавдием: «Нет силы больше дел злодейских мне носить...» и т. д.), в этой связи должны пониматься как плод напряженной внутренней борьбы между рациональным началом и порочной человеческой природой.

В статье обнаруживается иллюстрация и второго наиболее распространенного типа конфликта, с которым сталкиваются сумароковские герои, — между долгом и любовной страстью. Перечисляя примеры того, как рациональное начало вступает в противоречие с велениями сердца, писатель приводит ситуацию, очень напоминающую сюжеты многих его трагедий: ««Берегись любви, — говорят молодой девушке, которая еще не влюбилась, — от любовной страсти худыя следствия бывают»; девушка, имея разум, повинуется наставникам своим, а когда сердце ее любви причастно станет, все доказательства слабы, и едино только время может утолить движения сердца ее». Действительно, практически во всех сумароковских трагедиях присутствует героиня (важно, что речь идет именно о девушке, к мужчинам предъявляются более строгие требования в части следования своему долгу), которая подвержена любовной страсти и не в силах с ней бороться, при этом понятно, почему разумные увещания наперсниц не могут быть услышаны.

Статья «О несогласии» не только содержит примеры конфликтов, которые составляют основу сумароковской трагедии, но и сводит их в единую систему, приводит кажущиеся различными явления к одному знаменателю — к идее подлинно трагической невозможности подчинить сердце разумному началу.

«ПЕРЕМИГИВАНИЕ» С РОМАНТИЗМОМ В РОМАНЕ «ЭТО Я — ЭДИЧКА» ЭДУАРДА ЛИМОНОВА

Пищулина Анастасия Сергеевна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Дубасова Юлия Сергеевна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Важное место в романе «Это я — Эдичка» Э. Лимонова занимает скандально известная любовная линия, связанная со взаимоотношениями Эдички и Криса. Среди немногочисленных исследовательских работ, посвящённых творчеству Лимонова, можно выделить две возможные

интерпретации данной любовной линии. Согласно первой, герой-маргинал с помощью сознательно «выбранного» гомосексуального поведения желает в очередной раз подчеркнуть свою выделенность на фоне условной «нормы». Другая группа исследователей видит в любовной связи Эдички с Крисом попытку выхода главного героя из глубокого экзистенциального кризиса, вызванного расставанием с женой. Через проживание телесного опыта герой перерождается и восстанавливает утраченную связь с реальностью. Существующие интерпретации не исключают, а лишь дополняют друг друга. Это связано с тем, что все они вписываются в романтическую традицию, на следы которой уже указывали некоторые исследователи, анализирующих роман.

Обращаясь к работам М. Я. Вайскопфа [Вайскопф, 2012] и Ю. В. Манна [Манн, 1995], мы обозначили ряд параллелей между выделяемыми исследователями элементами романтического сюжета и любовной историей в «Это я — Эдичка». Цель исследования — выявить в романе мотивы и элементы сюжета, свойственные литературе романтизма, и определить их роль в понимании сути гомосексуальной линии и романа в целом.

В результате исследования были обозначены ключевые элементы, связывающие текст Лимонова с традициями романтизма. Эдичка проходит через все описанные Вайскопфом «пункты» романтического сюжета: от губительного одиночества к обретению внутренней гармонии. Встреча Эдички и Криса происходит в таинственном локусе и является ключевым событием в романе. В отличие от старого и богатого Раймона, Крис полностью соответствует представлениям Эдички об идеальном любовнике. Он появляется из ниоткуда и реализует свою основную функцию — «возрождает» главного героя. В том, что гомосексуальная история развивается по узнаваемой романтической сюжетной схеме, можно увидеть насмешку Лимонова над предшествующей литературной традицией, однако верно и обратное: возникает возможность серьезного прочтения элементов текста, казалось бы, рассчитанных исключительно на эпатаж. Возможность двойственного отношения к линии романтических отношений с Крисом напрямую связана со своеобразной «раздвоенностью» главного героя, существующего одновременно в двух ипостасях: неудачника Эдички и наделенного творческим даром поэта Лимонова.

Литература

Вайскопф М. Я. Влюбленный демиург: метафизика и эротика русского романтизма. М., 2012.

Манн Ю. В. Динамика русского романтизма. М., 1995.

«ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ТРЕПОВ РУКУ ПРИЛОЖИЛ»: КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ СТАНОВИТСЯ САТИРОЙ

Менкина Наталья Александровна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

События Первой русской революции 1905 г. — расстрел демонстрации рабочих, массовые волнения, погромы, всероссийская стачка — способствовали стремительному развитию общественно-политической дискуссии. Высочайший манифест от 17 октября 1905 г. провозглашал и предоставлял политические права и свободы, где среди прочих была свобода слова, что привело к росту числа газет и журналов политической сатиры.

В их числе был журнал Н. Г. Шебуева «Пулемет», ставший популярным благодаря карикатуре на Высочайший манифест. На последней странице первого номера был напечатан текст манифеста, поверх которого красной краской нанесен отпечаток ладони и подпись «К сему листу Свиты Его Величества Генерал-майор Трепов руку приложил».

Генерал-губернатор Санкт-Петербурга Д. Ф. Трепов воспринимался либеральной прослойкой населения как жестокий подавитель прав и свобод. Он прославился распространенным

в период Всероссийской стачки распоряжением, в котором призывал войска и полицию в случае сопротивления «холостых залпов не давать и патронов не жалеть». Вырезанная из контекста фраза была подхвачена революционной пропагандой и стала примером силовой реакции со стороны властей.

Большая часть гражданского общества восприняла манифест как победу революции, однако для политически активного населения стало понятно, что государственные деятели не собираются исполнять обнародованные реформы.

След кровавой руки на тексте манифеста выступает в качестве психологического приема, который на подсознательном уровне ассоциируется с опасностью и агрессией. Отпечаток на тексте документа руку красным цветом, Шебуев напоминал обществу о насилии со стороны государства, тем самым разрушая едва устоявшийся консенсус власти и общества. Карикатура выражает позицию радикального меньшинства, призывавшего не соглашаться на полумеры и продолжать борьбу с монархией. Успех «Пулемета» среди широкого круга читателей свидетельствовал не столько о возросшем искусстве сатириков, сколько о небывалом падении престижа власти.

В докладе рассматривается сатирический прием, который кардинально изменил трактовку официального документа, сформировав негативное отношение к политике правящей власти. Цель работы — проследить взаимодействие текста и политического контекста. Материалом для исследования послужил журнал Н. Г. Шебуева «Пулемет», в качестве источников были использованы монографии В. Ю. Жукова [Жуков, 2019] и В. Ф. Боцяновского и Э. Ф. Голлербаха [Боцяновский, Голлербах, 1925], а также воспоминания Н. Г. Шебуева.

Литература

Жуков В. Ю. Н. Г. Шебуев и его журнал «Пулемет»: К истории сатирической журналистики 1905–1907 годов. СПб., 2019.

Боцяновский В. Ф., Голлербах Э. Ф. Русская сатира первой революции. 1905–1906. Л., 1925.

Шебуев Н. Г. Дело о его рабочем величестве пролетарии всероссийском: Воспоминания о «Пулемёте», «днях свободы», «случайно случившейся амнистии», «гапониаде» и прочих вещах в кавычках. М., 1931.

ФИНАЛЬНЫЕ КУПЛЕТЫ В РУССКОЙ СКАЗОЧНОЙ ОПЕРЕ XVIII В.: СТРУКТУРА И ТИПОЛОГИЯ

Шиян Алина Витальевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В рамках русского музыкального театра второй половины XVIII в. выделяется группа оперных постановок со сказочным сюжетом, в большей или меньшей степени тяготеющих к жанру комической оперы. Данная группа опер оказывалась на периферии интереса исследователей истории русского театра в силу разных исторических причин. Между тем, поэтика русских опер-сказок XVIII столетия оказывается довольно показательной для своего времени и своего же жанра. В настоящем докладе речь пойдет об обязательном композиционном элементе русской *opéra féerie* — финальных песенных куплетах. Наличие финальных куплетов в русской «легкой» опере постулировалось учеными, однако особенности их построения ранее не оказывались в центре исследовательского внимания.

В докладе рассматриваются специфика и варианты структуры финальных оперных куплетов на примере текстов русских сказочных опер XVIII в., предлагается вариант типологии данных элементов постановок и доказывается их значимость и характерность для своей эпохи в целом как времени расцвета идеологии Просвещения.

Основные положения:

1) Финальные песенные куплеты являются обязательным структурным компонентом русской оперы-сказки второй половины XVIII в., а возможно, и шире — любой русской музыкальной постановки данной эпохи, тяготеющей к «комическому» полюсу русской оперы или даже «легкой» оперы вообще;

2) В финальных куплетах опер со сказочным сюжетом практически непременно проговаривается главный нравственный или идеологический вывод, который должны сделать зрители из всей пьесы;

3) Финальные куплеты могли структурно довольно сильно различаться. Чаще всего использовался «классический» вариант: чередование куплетов, исполняемых персонажами, и припева, который поёт хор либо все присутствующие на сцене. Однако могли быть и другие варианты;

4) Финальные оперные куплеты по своей тематике можно разделить на: любовные, нравоучительные и восхваляющие монарха/иного благодетеля. В чистом виде куплеты того или иного типа встречаются редко, чаще всего мы можем видеть контаминации тематических блоков;

5) Финальные куплеты опер императрицы Екатерины II довольно существенно отличаются от финальных куплетов других опер-сказок по своей композиции и отсутствию открыто выраженных нравоучительных и хвалебных элементов.

МИФОЛОГЕМА СМЕРТИ В ПОЭЗИИ ВЕРЫ ПАВЛОВОЙ

Лень Софья Сергеевна

студент 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В 1994 г. газета «Сегодня» опубликовала подборку стихотворений Веры Павловой; с тех пор фигура поэтессы в освещении критики представляется неоднозначной; многие аспекты поэтики Павловой не становились предметом внимания исследователей. Настоящий доклад посвящен описанию реализации темы смерти в стихотворениях Павловой, ранее не подвергавшейся всестороннему рассмотрению, чем и обусловлена новизна произведённого исследования.

Целями настоящего доклада стало:

1. Выявление мифологемы смерти в стихотворениях В. А. Павловой. Мифологема обозначает конкретную интерпретацию универсальной модели коллективного бессознательного в любой форме человеческой деятельности с широким набором функций. В докладе выдвигается предположение, что репрезентация смерти в творчестве поэтессы происходит вопреки привычным канонам.

2. Углубленное изучение самого понятия мифологемы и его отличий от понятия архетипа. Под мифологемой в докладе понимается сознательно заимствованное из мифологии понятие, перенесенное в мир современной художественной культуры. Понятие архетипа рассматривается как «бессознательное проявление» мифа в литературе.

3. Рассмотрение того, насколько ярко тенденция к использованию мифологемы, наблюдающаяся в русской литературе, характерна для творчества В. А. Павловой.

Для успешного проведения исследования потребовалось изучить понятие мифологемы, проследить тенденцию появления мифологемы смерти на более широком литературном материале, провести параллели между мифологемой и архетипом и определить разницу между ними, уделяя особое внимание проблеме сознательных и бессознательных заимствований образов из мифологии и перенесения их в мир современной художественной культуры, проанализировать лирику В. А. Павловой и отобрать стихотворения, в которых ярче всего представлены мотивы смерти. В качестве теоретического обоснования при подготовке доклада использовались монографии К. Юнга [Юнг, 1996], С. М. Телегина [Телегин, 2005] и Дж. Холлиса [Холлис,

2010]. Результатами исследования, представленными в докладе, стали выявление мифологемы смерти в стихотворениях В. А. Павловой, а также осмысление образов, которые противоречат всем канонам, и неоднозначных символов, ассоциирующихся у поэтессы со смертью.

Литература

Телегин С. М. Мифологическое пространство русской литературы. М., 2005.

Холлис Дж. Мифологемы: Воплощение невидимого мира. М., 2010.

Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев, 1996.

ОБРАЗ ОТШЕЛЬНИКА В «АВТОМАТИЧЕСКИХ СТИХАХ» Б. Ю. ПОПЛАВСКОГО

Куликова София Олеговна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В центре нашего внимания находится малоизученный поэтический сборник «Автоматические стихи» (опубликован посмертно в 1999 г.) Б. Ю. Поплавского. Цель доклада — проанализировать образ отшельника и связанные с ним мотивы, предложить толкование этого образа. Мы предполагаем, что художественный мир сборника организован при помощи слов-символов и оппозиций, которые становятся смысловыми «координатами» текста. В докладе рассматриваются мотивы цепей, книги (книга жизни, черная книга, Евангелие), сна, холода, оппозиции верха / низа (небо, звезда зари — дно, подвал, подземелье), смерти / жизни. Конструируется микросюжет о герое-отшельнике, который наделен следующими атрибутами: всегда находится либо «над», либо «под» (чаще соотносится с пространственным «низом»), прикован цепями ко дну, читает книгу. Отмечается, что отшельника в одном из стихотворений заменяет Христос, в описании которого сохранены характерные для отшельника атрибуты. В некоторых стихотворениях роль отшельника играют «мы» (подчеркнем, что в сборнике практически не представлено лирическое «я»). В большинстве рассмотренных текстов отшельник является единственным актором, которому противопоставляется вертикально выстроенная модель мира, что позволяет говорить о важном для Поплавского мотиве экзистенциального одиночества человека. Для лирики Поплавского характерно понимание действительности как мертвой, холодной, равнодушной, жизнь человека в ней описывается как сон внутри сна. Отшельник находится на границе между сном и реальностью, смертью и жизнью. Мотив цепей указывает на невозможность человека освободиться от оков материального мира. Книга, которую читает герой, несет в себе покой, сон, радость, является «дверью» в другие миры. В сборнике представлено несколько вариантов развития судьбы героя-отшельника: путь отречения (обет молчания, «уход» в Евангелие) или путь принятия земной жизни (в таком случае медиатором между землей и небом выступает искусство). Амбивалентность ценностных координат в поэзии Поплавского не позволяет выступить с однозначной трактовкой образа. Такая динамичность в лирике автора предстает как текучесть жизни, противопоставленная холодной неподвижности смерти.

БИБЛЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ ПЬЕСЫ Н. К. РЕРИХА «МИЛОСЕРДИЕ»

Макарова Анастасия Вадимовна

магистрант 1 курса, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Целью настоящего доклада стало определение воздействия Библии на текст и идейное содержание пьесы Н. К. Рериха «Милосердие» (1917). Детальный анализ диалога, в который вступает автор со Священным Писанием, осуществляется впервые, в чем и заключается новизна

представленного материала. Драма, отразившая потрясение Рериха от революции 1917 г., исполнена эсхатологического пафоса: борьба с восставшими против нравственности и культуры истолковывается как решающее сражение добра и зла. Центральной становится проблема справедливого воздаяния. Два древних пророчества о дне Божьего суда, «дне гнева и скорби», которые старейшины относят к настоящему моменту, заимствуются автором из книг пророков Михея (Мих. 3:9–12) и Софонии (Соф. 1:14–18). Их содержание напрямую связывается с творящимися беззакониями в драме, которая завершается сценой суда над преступниками. Пророческая тема разрабатывалась Рерихом-художником и до этого: в 1912–14 гг. он создал т. н. Предвещенную, или Пророческую серию, полотна которой овеяны апокалиптическими мотивами.

Оба пророчества в пьесе представляют собой инвективу, выразительность которой достигается типическими чертами библейской поэтики [Мень, 2002: 473—479]: метафорами, амплификациями, гиперболами и др. Рерих изменяет ветхозаветный текст в нескольких направлениях. Во-первых, реалии, связывающие откровение с иудейским царством, убираются или заменяются нейтральными родовыми понятиями. Во-вторых, опускаются упоминания Господа как субъекта действия, чем подчеркивается надличный характер осуществляемого возмездия. Понимание Высшего Начала в «Милосердии» самостоятельно и многопланово: это и объективные мировые законы (в том числе закон вечной жизни, закон воздаяния), и Высшее Существо, для общения с которым главный герой праведник Гайятри, подобно Моисею, восходит на гору.

В пророчестве драмы встречается образ чудовища, олицетворяющий бунтовщиков и соотносящийся со зверем из Апокалипсиса (Откр. 17:8): *«И возникнет чудовище. И наполнит землю! И воздаст себе!»* [Рерих, 2015: 24]. Самоуничтожение мятежников происходит не только согласно общему причинно-следственному закону, но и буквально: благодаря чудесной силе отражения, дарованной Гайятри, все помыслы, направленные на него, возвращаются к их прародителям. Так преступники убивают самих себя.

В «Милосердии» утверждается, что полное, истинное воздаяние может и должно совершаться только свыше, а не человеческими руками. Рерих выступает против дословного понимания библейской максимы «поднявший меч от меча да погибнет» (Мф. 26:52, Откр. 13:10). Приводящий её в пьесе старик призывает расправиться с бунтовщиками так же жестоко, как поступали они с мирными горожанами, но Гайятри пресекает новые казни. Ключевым для этической проблематики драмы становится другой библейский принцип, на который ссылается старейшина: *«Мне отмщение, воздам Я»* (Рим. 12:19). Согласно этому принципу только Высшая воля может определить соизмеримое действию воздаяние. На этот принцип и опирается Гайятри при решении судьбы мятежников.

Литература

Мень А. В. Библиологический словарь: В 3 т. Т. 2. М., 2002.

Рерих Н. К. Милосердие. Новосибирск, 2015.

СНОВИДЕНИЯ В. В. НАБОКОВА: РЕАЛЬНОСТЬ И ВЫМЫСЕЛ

Шашкова Полина Максимовна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Ю. М. Лотман подчеркивает уникальность сновидения, говоря, что возможности попасть в чужой сон нет. Любое сновидение — «это принципиальный “язык для одного человека”» [Лотман, 1992: 225]. Значительным событием стала публикация Г. Барабтарло «Я /сновидение Набокова» на русском языке в 2021 г. В книге воспроизведен дневник сновидений В. В. Набокова, который он вел в ходе эксперимента, предложенного Джоном Данном, в 1964 г.

Теория ирландского философа заключалась в том, что образы, видимые во сне, могут быть сконструированы нашим сознанием из опыта не только прошлого, но и будущего, еще нами не испытанного. Цель эксперимента — испытать теорию обратимости времени. Набоков записал 64 карточки со своими снами, а также сновидениями жены, Веры Набоковой.

Обычно литературные сновидения изучают, опираясь на реальные. Новизна настоящего доклада заключается в том, что в описании реальных снов мы усматриваем элементы художественной организации. Именно потому, что сон — это «язык для одного человека». Публикация Барабтарло актуализировала проблему соотношения сна реального и художественного.

Целью доклада стала попытка выявить специфику художественного дискурса в дневнике реальных сновидений Владимира Набокова. Писатель вводил фигуру «режиссера сна» своих героев в поздние романы. Примечательным становится то, что в реальных сновидениях мы встречаемся с чем-то похожим: «Спрашивает, как я узнал, что она русская. Отвечаю по логике сновидений, что только русские женщины так громко говорят по телефону...» [Набоков, 2021: 47]. Логика подчиняется уже контролирующему сознанию, поэтому к дневнику Набокова мы можем задать вопрос о том, кто выстраивает логику его сновидений: Набоков-сновидец или Набоков-писатель?

Барабтарло неоднократно подчеркивает, что Набоков перечитывал записи, желая включить их в продолжение мемуаров, начинал вносить литературные правки. Напр., изменял времена глаголов с прошедшего на настоящее для создания большего эффекта. Можно предположить, что сны, попадающие на карточки, Набоков подвергал и определенной «выборке». Он пропускал несколько дней в эксперименте, объясняя это тем, что ничего не мог вспомнить на утро. Однако к концу дневника мы встречаемся с такой записью: «Пропустил четыре ночи (Не записывал банальных снов этих последних дней)» [Набоков, 2021: 102]. С точки зрения чистоты эксперимента, подобные пропуски невозможны. Значит, Набоковым записывались интересные сны, а тривиальные игнорировались. Сознательной «сортировке» могли подлежать события, увиденные Набоковым или женой. Примечательным становится то, что в начале эксперимента Набокову снятся жена, сын и незнакомцы, внешность или действия которых описывается подробно. Однако затем в комментариях Набоков уточнил, что перечитал русскую версию автобиографической книги «Другие берега». После несколько записей посвящены родственникам писателя из России.

Таким образом, сновидения, записанные в ходе эксперимента, подвергались литературной обработке и определенному отбору. Большинство записей имеют ряд устойчивых мотивов и развернутое повествование, включающее подробное описание пространства, внешности «героев», появляющихся во сне, их действий. Литература у Набокова и в записи реальных снов отчасти побеждает реальность.

Литература

Лотман Ю. М. Сон — семиотическое окно // Лотман М. Ю. Культура и взрыв. М., 1992. С. 220–227.

Набоков В. В. Я/сновидения Набокова / сост., публ. и коммент. Г. Барабтарло. СПб, 2021.

«ПЛАСТИКОВЫЕ БУТЫЛКИ»: ФАНТАСТИЧЕСКОЕ В РОМАНЕ «ЛАВР» Е. Г. ВОДОЛАЗКИНА

Дуюнова Анастасия Геннадиевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В знаменитом романе Е. Водолазкина «Лавр» фантастическое начало играет существенную роль, но до сих пор не стало объектом системного научного анализа. Все элементы фантастического, не соотносимые с житийной традицией, исследователи чаще всего относят к «чертам, противоречащим древнерусской традиции» [Трофимова, 2016: 17].

Цель настоящего доклада состоит в попытке изучить и типологизировать фантастические элементы в романе «Лавр».

Фантастическое в романе «Лавр» в большинстве случаев обнаруживает связь с житийной традицией, зачастую принимая форму немаркированного чуда: непосредственная связь между происходящим и помощью Божией не всегда эксплицирована. Так, распространенным проявлением немаркированного чуда в романе становится исцеление травами, в ходе которого формула «через всякую траву идет помощь Божья на определенное дело» [Водолазкин, 2021: 18] повторяется редко, а избавления от недугов происходят часто. Читатель постоянно вынужден напоминать себе, что в случае, когда Христофор или Арсений используют травы, они обращаются к помощи Божией, а не к их лечебным свойствам.

Маркированных случаев чудесного гораздо больше во второй половине романа при обращении к традиционной для житийного дискурса ситуации исцеления наложением рук. Причем характерно, что степень чудесного изменяется по нарастающей: сначала больные не чувствуют от рук юного Арсения ничего, кроме приятного холода, а вот прикосновения монаха Амвросия уже исцеляют. Такое усиление эффективности соотносится с духовным прогрессом главного героя.

В романе Водолазкина существует и собственно фантастическое, менее соотносимое с житийной парадигмой: это изменения, связанные с нарушением законов пространства и времени. Непосредственных нарушений хода времени — таких, напр., как пластиковые бутылки в лесу XV в. или наложение пластыря с горохом на язву больного — единичные случаи. Гораздо большее количество фантастического, касающегося деформации времени, сосредоточено в видениях будущего (ближайшего или далекого) или прошлого.

Таким образом, чудесное в романе «Лавр» чаще всего реализуется в диалоге с житийной традицией: как маркированное или нет чудо. Не менее значимы случаи собственно фантастической деформации времени, разделенные на те, в которых описываются конкретно-бытовые реалии, и на те, в которых изображаются значимые исторические события. Гораздо реже (что позволяет нам говорить о периферийности этих ситуаций) фантастическое реализуется через диалоги в пространстве.

Литература

Водолазкин Е. Г. Лавр. М., 2021.

Трофимова Н. В. Традиции древнерусской литературы в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» // Рема. 2016. № 2. С. 7–20.

«Я В ВОСТОРГЕ»: СТИХОТВОРЕНИЕ А. БЕЛОГО «НА ГОРАХ» И ОДИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Косьяненко Никита Евгеньевич

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Стихотворение «На горах» уже для современников А. Белого стало эмблемой его поэзии. Закономерно, что этот текст не раз привлекал внимание литературоведов. В докладе, однако, предпринята попытка рассмотреть указанное произведение в ещё неучтённом контекст — традиции русской торжественной оды XVIII в., что позволяет отчетливее выявить специфическое значение некоторых символов в творчестве А. Белого.

Главное, что роднит данное стихотворение с жанром оды, это лирический восторг, прямо соотносящийся с пребыванием на горах: «Горы в брачных венцах, / Я в восторге, я молод». Как было показано исследователями, это состояние является непременным условием оды, её специфической жанровой чертой. Притом зачастую восхищение одописца описывается имен-

но как восхождение на вершину: «Восторг внезапный ум пленил, / Ведёт на верх горы высокой» (М. В. Ломоносов, «Хотинская ода» 1739 г.).

Поднимаясь на гору, одический певец обретает особое зрение и видит вечные первообразы вещей, отринув их несовершенные земные воплощения. Схожими свойствами обладает пространство, описываемое во всём сборнике А. Белого «Золото в лазури»: если горы здесь связаны с восторгом и вечностью, то, напр., поля — с обманчивым земным существованием, «утомительным сном».

В анализируемом тексте курьёзно сталкиваются две точки зрения, одна из которых принадлежит восторженному герою, стоящему на вершине горы, а другая — обезличенному множеству людей, находящихся ниже, и пока первый любит дугу, которую описывает подброшенный ананас, последние наблюдают движение солнца. Сакральный и профанный взгляды контрастируют друг с другом, порождая лёгкое комическое впечатление.

Игровой поэтике полностью соответствует образ горбуна, принесшего ананасы. В других текстах книги персонаж также появляется как верный слуга. Быть может, на фоне одической традиции роль этой фигуры проясняется еще более. Одописец чаще всего восходит на Парнас или Геликон, где встречается с музами, спутницами бога солнца Аполлона. Любопытно, что в поэме А. Белого «Первое свидание» образ гнома-горняка прямо соотносится с поэтическим ремеслом, возникая в первых же стихах, будто на месте обращения к музе: «Киркою рудокопный гном / Согласных хрусты рушит в томы».

Схожую метаморфозу претерпевают музы в романе «Петербург»: из жительниц поднебесья они превращаются в мышей, таких же хтонических существ, что и гномы, а лучезарный Аполлон становится старичком Аполлоном Аполлоновичем.

Однако необходимо уточнить сказанное, учитывая эротические коннотации, с которым связан, согласно некоторым толкованиям, образ горбуна в стихотворении. В таком случае его восхождение на гору может прочитываться как изображение сублимации, на которую в первой строфе намекают «брачные венцы» и «очистительный холод». Неслучайно поэт выливает на своего помощника «светопенное» вино. Само лирическое восторжение может быть названо вслед за Буало «учёным и священным пьянством»: чтобы заговорить стихами, нужно выпить из Кастальского ключа или Иппокрены.

Таким образом, горбун А. Белого, конечно, не отождествим с музой, однако он также персонафицирует силу, без которой в этой концепции невозможно творчество. А горы имеют особое значение, связывая землю с небом, хтоническое — с высшим.

КОРОВЬЕВ-ФАГОТ И ЧЁРТ ИЗ КОШМАРА ИВАНА ФЁДОРОВИЧА: ОБ ОДНОМ ИЗ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ПРЕТЕКСТОВ РОМАНА М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Кулагина Эвелина Сергеевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Сходство героя романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» Коровьева-Фагота с персонажами произведений Ф. М. Достоевского отмечено в «Булгаковской энциклопедии». Б. М. Соколов сравнивает его с Коровкиным («Село Степанчиково и его обитатели»), проводя подробное сопоставление отдельных черт героев и опираясь при этом на отдельные эпизоды, вспоминает «кошмар в брюках» Алексея Турбина, связанный с Кармазиновым («Бесы»), упоминает черта («Братья Карамазовы»): «К.-Ф. — это также материализовавшийся черт из разговора Ивана Карамазова с нечистым» [Соколов, 1997: 247]. В последнем случае не приводятся конкретные черты сходства персонажей, как и не дается обоснование для такого соотнесения.

При внимательном чтении романов можно заметить некоторые детали, которые позволяют поставить Коровьева и чёрта из кошмара Ивана Карамазова в один ряд и сравнить их

друг с другом. Так, на схожесть героев указывают их портретные характеристики, поведение и манера говорить. Более того, необходимо отметить, что в обоих произведениях упоминается фамилия Коровкин, причем именно в тех эпизодах, которые так или иначе связаны с Коровьевым-Фаготом и чёртом: «Я этот анекдот тогда сочинил и рассказал одному товарищу, фамилия его Коровкин, это было в Москве...» [Достоевский, 79], «Произошло несколько арестов <...> Попались в разных местах <...> четыре Коровкина» [Булгаков, 1990: 375].

Сказанное выше дает основание предполагать, что при разработке образа Коровьева Булгаков мог использовать отдельные черты нечистого, с которым ведет беседу Иван Карамазов. В докладе предпринимается попытка не только соотнести образы Коровьева-Фагота и чёрта и отметить основные черты их сходства, но и рассмотреть произведение Достоевского как один из вероятных претекстов романа Булгакова.

Литература

Булгаков М. А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. Мастер и Маргарита. Письма. М., 1990.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 15. Братья Карамазовы. Кн. 11–12. Эпилог. Рукописные ред. Л., 1976.

Соколов Б. М. Булгаковская энциклопедия. М., 1997.

ДИВЕРСИЯ В «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ»? (К ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИИ РОМАНА Б. Л. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»)

Сафронова Софья Сергеевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад посвящен анализу роли «Литературной газеты» в истории публикации романа «Доктор Живаго». Запретив издавать произведение в СССР, советская цензура допускает появление в печати, а именно в «Литературной газете», тех цитат из него, которые незадолго до этого уговаривала Б. Л. Пастернака из романа изъять. В докладе ставится задача восстановить историко-литературный контекст вокруг «Литературной газеты» и проанализировать роль периодического издания в истории публикации романа Пастернака «Доктор Живаго». Выдвигается предположение, что письмо членов редколлегии публикуется на страницах литературной газеты по причине того, что роль этого письма заключалась в идеологической диверсии скрытых диссидентов. В докладе предпринимается попытка разобраться, насколько обе эти, как и некоторые другие, версии оправданы. В своей книге о Пастернаке Д. Л. Быков характеризует это, на первый взгляд, алогичное решение следующим образом: «В тот же день “Литгазета” опубликовала в некотором сокращении письмо редколлегии “Нового мира”. Это странное решение наглядно демонстрирует деморализацию советской верхушки» [Быков, 2018: 775]. Однако, если рискнуть не согласиться с высказыванием Быкова, представляется закономерным задаться следующим вопросом: почему редакция журнала «Новый мир» настаивает на публикации на страницах «Литературной газеты» письма, направленного в сентябре 1956 г. членами редколлегии журнала Пастернаку по поводу рукописи его романа «Доктор Живаго»? Если отношение коллег к Пастернаку сразу после присуждения ему Нобелевской премии становится «лакмусовой бумажкой», выражение антипатии к писателю отнюдь не означает, что подписавшиеся члены редколлегии действительно были солидарны с оценкой романа господствующей идеологией. Письмо членов редколлегии журнала «Новый мир», вышедшее на страницах Литературной газеты в октябре 1958 г., можно рассматривать как намеренную публикацию наиболее крамольных фрагментов спорного романа в публичном советском пространстве, от которой должно было отвести внимание выражение общего презрения к позиции Пастернака. На это указывают следующие факты: в книге «Глазами человека моего поколения» К. М. Симонов рассказывает

о встрече писателей 1947 г. с И. В. Сталиным на которой речь шла о создании новой «Литературной газеты». По словам Симонова, эта идея происходила не от Союза Писателей, а от Сталина: «“Литературная газета” как неофициальная газета может быть в некоторых вопросах острее, левее нас, может расходиться в остроте постановки вопроса с официально выраженной точкой зрения» [Симонов, 1990: 131]. Опираясь на это высказывание, можно предположить, что руководство «Литературной газеты» намеренно соглашается опубликовать на страницах своей газеты письмо редколлегии «Нового Мира» за тем, чтобы мнимо присоединиться к общему негодованию, которое вызвано антипатриотической позицией Пастернака, но вместе с этим предоставить возможность массовому читателю познакомиться с теми положениями, которые ни при каких обстоятельствах не могли быть обнародованы в советское время в книжном формате.

Литература

Быков Д. Л. Борис Пастернак, М. 2018.

Симонов К. М. Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине. М., 1990.

«ХОЛМЫ, НЕБО И ЛИЛОВАЯ ДАЛЬ»: ЛИЛОВЫЙ, ФИОЛЕТОВЫЙ И СИРЕНЕВЫЙ ЦВЕТ В ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА И ЕГО СОВРЕМЕННОКОВ

Андоскина Валерия Андреевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Названия всех рассматриваемых в докладе цветов известны в России с XVIII — нач. XIX в., однако в чеховское время они употреблялись в различных контекстах и с различной частотой. Определение «лиловый»/«лиловатый» было наиболее распространенным и часто использовалось писателями и очеркистами XIX в. в пейзажных зарисовках при описании неба, облаков, тумана, теней и далей — так, и в «Степи» Чехова даль названа именно лиловой (причем это определение многократно повторяется). Обозначение «фиолетовый» было чуть менее популярным, однако считать «фиолетовый» и «лиловый» полноценными синонимами нельзя: современники Чехова могли использовать обозначение «фиолетовый» как более выразительный аналог нейтрального «лилового». Вероятно, по этой причине определение «фиолетовый» встречается в прозе и драме Чехова не так часто, как «лиловый», и всегда обозначает цвет, который представляется либо вычурным, излишне ярким (кафе «Фиолетовый гиппопотам» и кушетка в роскошной гостиной, обитая темно-фиолетовым бархатом, в ранних пародийных рассказах), либо фантастическим, невозможным в реальности (фиолетовые щеки в «Припадке»), либо невиданным, чудесным (фиолетовый луч солнца над морем в рассказе «Гусев»). Определение «сиреневый» было редким во второй половине XIX в. — как правило, «сиреневыми» называли предметы одежды, но не элементы пейзажа; у Чехова же определение «сиреневый» встречается дважды, причем в обоих случаях в описании природы: сначала в рассказе «Гусев» (небо над океаном), затем — в «Даме с собачкой» (вечернее море, освещенное луной). Вероятно, сиреневые небо и морская вода в двух этих рассказах могли показаться необычными читателю конца XIX в.: современник Чехова назвал бы море и небо лиловыми или фиолетовыми, но не сиреневыми. Для читателя XXI в. «соотношение» между этими названиями цветов изменилось: «сиреневый» и «фиолетовый» уже не воспринимаются как редкие, во многом изысканные определения, поэтому их первоначальное «звучание» следует отразить в комментарии к новым изданиям прозы и драмы Чехова. При подготовке доклада были использованы материалы Национального корпуса русского языка.

Доклад подготовлен при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-28-00978) в СПбГУ.

КОМЕТА БЕЛЫ (БИЭЛЫ) 1832 Г. И ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕМА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Бражникова Дарья Евгеньевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Изучение эсхатологической темы в русской литературе является одним из актуальных направлений современного литературоведения и культурологии, однако она рассматривается, главным образом, на материале конца XIX — начала XX в. В качестве примера можно привести монографии В. П. Шестакова «Эсхатология и утопия. Очерки русской философии и культуры» [Шестаков, 1995] и Л. Кациса «Русская эсхатология и русская литература» [Кацис, 2000]. Применительно к эпохе первой трети XIX века общих работ, посвященных этой проблеме, нет, хотя в связи с отдельными сочинениями она затрагивалась [Карпов, 2015]. В настоящем докладе предпринимается попытка расширить исследование эсхатологической темы в русской литературе этого времени. В докладе будут рассмотрены три произведения: «Комета 1832 года. Отрывок из неизданного романа, основанного на астрономических наблюдениях» (1832) И. Г. Гурьянова, «Галлеева комета» (1833) М. П. Погодина и «Учёное путешествие на Медвежий остров» (1833) О. И. Сенковского. Все эти тексты вызваны ожиданием столкновения Земли с кометой Белы (Биэлы) в 1832 г. и грядущей глобальной катастрофы. Они являются реакцией на бушевавшие в обществе того времени эсхатологические толки о приближающейся комете, но в то же время осмысливают и современные им научные воззрения, напр., теорию катастроф Ж. Кювье. Несмотря на то, что выделенные произведения объединены общим историческим контекстом, в докладе будут выявлены и индивидуальные особенности каждого из них. Напр., в произведении Гурьянова сочетаются иронически-пародийная направленность и серьёзное научное обоснование астрономических явлений; «фантазия» Погодина отвлекается от прямого эсхатологизма, обращаясь к теме непризнанного гения; а Сенковский в своём «Путешествии» иронизирует над популярными научными теориями. Результатом исследования является расширение представления о разработке эсхатологических мотивов в русской литературе и о связях литературы с естественными науками. Предлагаемый доклад входит в рамки более широкого исследования эсхатологической темы в русской литературе 1820–1830-х гг.

Литература

Карпов А. А. Библейские мотивы в «поэтической картине» А. В. Тимофеева «Последний день» // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2015. С. 16–26.

Кацис Л. Ф. Русская эсхатология и русская литература, М., 2000.

Шестаков В. П. Эсхатология и утопия: Очерки русской философии и культуры, М., 1995.

«ВИШЕРСКИЙ АНТИРОМАН» В. Т. ШАЛАМОВА: ПРОБЛЕМА ЖАНРОВОЙ ПРИРОДЫ

Катович Аглая Артемовна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Вопрос о месте «Вишерского антиромана» В. Т. Шаламова в системе фактуальных и фикциональных жанров остается дискуссионным. В собрании сочинений писателя «антироман» помещен среди автобиографических текстов, что естественно: его сюжетной основой служат события из жизни Шаламова, реально имевшие место в 1929–1931 гг.; форма повествования перволичная, нарратор регулярно апеллирует к таким общеизвестным фактам биографии Шаламова, как его второй арест и многолетнее пребывание на Колыме; работа над «антироманом»

велась параллельно с «Воспоминаниями» и «Четвертой Вологдой» — произведениями, сомневаться в мемуарной природе которых не приходится. Только как источник фактов о жизни писателя используется текст «Вишеры» в наиболее полной на сегодняшний день биографии Шаламова [Есипов, 2012].

Недавние исследования демонстрируют сложность эстетической природы «Вишеры». Проблема ее жанровой принадлежности рассматривается, напр., в работах Е. Михайлик [Михайлик, 2018], Д. Лундبلاد-Янич [Лундبلاد-Янич, 2013]. Многие наблюдения, сделанные авторами, осмысляются и развиваются в нашем исследовании.

Основным методом исследования является нарратологический и поэтологический анализ текста. **Предмет** анализа — субъект повествования «Вишеры», **цель** — выделить его конститутивные черты. Равнение повествователя на стереотипную схему поведения революционера рубежа XIX—XX вв. проявляется на многих уровнях: в рефлексии рассказчика, его взаимодействии с другими персонажами, сравнении себя с Рахметовым и народовольцами и т. д. Ненадежность рассказчика в изложении событий, его несамостоятельность на уровне фразеологии, идеологическая заданность оценок, которые он дает событиям и людям, может быть проиллюстрирована различными примерами, как и его склонность судить окружающих людей, делить их на правых и виноватых и учить жизни.

Дать более объективную характеристику повествующему сознанию «Вишеры» позволяет сравнительный анализ «антиромана» и «Колымских рассказов» и сопоставление его результатов с высказываниями Шаламова о собственном творчестве и опыте в целом (напр., его эссе «О прозе», «Воспоминаний» и т. д.).

В результате мы приходим к следующему выводу: в «Вишере» Шаламов пытается отказаться от «литературности», которую понимает как эстетизацию, обработку опыта в художественном языке. Если в «Колымских рассказах» сделана попытка создать художественными средствами, по выражению автора, «прозу, выстраданную как документ», то в «Вишере» воспроизводится сознание субъекта, воспринимающего события непосредственно, через призму своей ограниченности (идеологической, моральной, возрастной и т. д.). Это сочетание установок (на достоверность, «аутентичность», но и на эстетическую «сделанность») позволяет говорить о двойственной жанровой природе шаламовского «антиромана». В «Вишерском антиромане» воплощаются устремления Шаламова достичь особого языка «новой прозы», в котором «все, что дано, дано непосредственно» [Золотоносов, 1994].

Литература

Есипов В. В. Шаламов. М., 2012.

Золотоносов М. Последствия Шаламова // Шаламовский сборник. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 176–182.

Лундبلاد-Янич Д. Роман воспитания наоборот: «Вишера. Антироман» В. Т. Шаламова как переосмысление жанровых традиций // Варлам Шаламов в контексте мировой литературы и советской истории: сборник трудов международной научной конференции / Сост. и ред. С. М. Соловьев. М., 2013. С. 285–291.

Михайлик Е. Варлам Шаламов: опыт медленного чтения. М., 2018.

ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОМАНЕ М. Н. ЗАГОСКИНА «ИСКУСИТЕЛЬ»

Требухина Татьяна Сергеевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Творчество М. Н. Загоскина, известного, прежде всего, своими историческими романами «Юрий Милославский» и «Рославлев», исследовано неравномерно. В докладе рассматривается одно из наименее изученных произведений писателя — роман «Искуситель» (1838). Он создан в форме мемуаров провинциального помещика, на склоне лет вспоминающего о событиях своей молодости (конец XVIII в.), об опасностях, которым герой подвергся, находясь в ту пору в Москве.

Многосоставный в жанровом отношении, роман Загоскина позволяет сделать вывод, что писателя волновали политические, нравственные и литературные проблемы, имеющие прямое отношение к современным ему событиям. Полемичность романа проявляется, в частности, в споре с идеями, связанными с идеологией французского Просвещения. Автор выступает защитником традиционных ценностей российского общества, консервативных «охранительных» идей.

В «Искусителе» Загоскин связывает западное влияние с фигурой таинственного и аморального барона Брокена, обладающего чертами инфернального героя и ведущего повествователя по пути греха. Барон Брокен является не только идеологическим сторонником Великой французской революции, но, по слухам, и ее непосредственным участником. Суждения о Революции, споры об идеях Вольтера и Руссо не раз возникают на протяжении произведения. Персонажей романа можно разделить на две группы: приверженцев либеральных идей и западных ценностей и их противников, придерживающихся традиционных взглядов и отстаивающих христианскую веру. Писатель уверен, что российскому обществу не следует увлекаться европеизмом.

В результате анализа романа можно сделать вывод, что Запад идет по пути ложного просвещения, основанного на рационализме, а России следует придерживаться просвещения истинного, основанного на вере в Христа. По мнению Загоскина, существует два типа просвещения. Один из них подготовил почву для Великой французской революции и в дальнейшем всегда и везде будет приводить к кровопролитным событиям, а другой, которому следует Россия, спустя время может стать благом для всех людей.

БИБЛЕЙСКИЕ ОБРАЗЫ КАК ЧАСТЬ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В РАССКАЗЕ Л. АНДРЕЕВА «ГОРОД»

Коробкина Мария Евгеньевна

магистрант 1 курса, Южный федеральный университет

Леонид Андреев — творец «границы реализма и символизма», в произведениях которого находят отражение мотивы экспрессионизма [Корнеева, 2000]. Автор узнаваем пристальным вниманием к библейским сюжетам [Худзиньска-Паркосадзе, 2009]: всемирно известно его переосмысление образа Иуды в повести «Иуда Искариот» или Иова в «Жизни Василия Фивейского».

Материал нашего исследования — рассказ «Город», в котором иудео-христианские реминисценции вписаны в городское пространство, вызывающее у главного героя животный ужас и клаустрофобию. Петров боится бесконечного количества незнакомцев, среди давящих городских стен с ним случаются нервные припадки, город предстает апокалиптическим злом, с которым герой не в силах бороться.

Жизнь Петрова скучна и однообразна — самым примечательным событием для него оказывается визит к неким Васильевским на Пасху, где он встречает «другого» [Андреев, 1990: 377],

таинственного человека без имени и фамилии, знакомство с которым немного скрашивает его жизнь. Примечательно, что все четыре встречи с «тем» приходятся именно на Пасху — день воскресения Христа, а сам загадочный гость всегда ходит в белом, «белокур», что позволяет сопоставить его с ангелом, предвещающим воскресение. Однако возрождение становится экзистенциально абсурдным и невозможным, потому что на Рождество встречи у Васильевских для героя пусты и безрадостны, ведь «другой» никогда не приходит, делая праздник несостоятельным — в космологии рассказа Л. Андреева бог никогда не рождался.

Очередным любопытным христианским образом становится Вавилонская блудница — аллегория города, отрекшегося от веры и пути к духовному обогащению. Блудница воплощена в фигуре проститутки, перед которой унижается Петров, предлагая стать его женой. В этой мольбе исчезает последняя надежда героя на спасение, отказ обрекает его на вечное одиночество. В пьяном крике Петров произносит библейское «все мы братья» [Андреев, 1990: 380], что сближает его с отчаявшимся найти сострадание в ближнем гоголевским Башмачкиным.

Улицы апокалиптического города, постепенно убивающего главного героя, сравниваются со клубящимися и грызущими друг друга змеями — символами зла и хаоса. Метонимически город предстает убивающим личность и отравляющим душу — все, кого встречает герой на улицах, пугают его отсутствием жизни, безликостью.

В тексте рассказа неоднократно фигурируют семь кладбищ, на которых, как Москва или Иерусалим на семи холмах, стоит город. Здесь автор окончательно объединяет пространство города со смертью — с категорией хаоса были связаны все введенные Л. Андреевым христианские образы.

В финале аукториальный рассказчик возвышается над городом и провозглашает смерть Петрова, с которой связано появление восьмого кладбища — единственный след, который герой оставил после себя, бунтуя, подобно Башмачкину, против привычного устройства родной среды. Экспрессионистский город губит героя в своем гнетущем пространстве, и никто у Васильевских даже не помнит его имени.

Литература

Андреев Л. Н. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1. Рассказы 1898–1903 гг. М., 1990.

Корнеева Е. В. Мотивы художественной прозы и драматургии Леонида Андреева: дис. канд. филол. наук. Елец, 2000.

Худзиньска-Паркосадзе А. Библейские мотивы в прозе Леонида Андреева (на примере рассказа «Жизнь Василия Фивейского») // Вестник ВолГУ. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2009. № 8. С. 53–58.

«ТАКТИКИ» НЕПОДЦЕНЗУРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1930–1940-Х ГГ.: СЛУЧАЙ НИКОЛАЯ ГЛАЗКОВА

Бабушкина Анастасия Алексеевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский Государственный Университет

Исследования последних десятилетий последовательно указывают на то, что история неофициальной культуры поддается нарративизации с большим трудом. Одним из препятствий на пути к выстраиванию подобного нарратива оказывается недостаточность представлений о наборе тактик легитимации собственной эстетической позиции, к которым обращались авторы поколения «первого рождения» [Кукулин, 2019] неофициальной поэзии в 1930–1940-е гг.

Настоящий доклад представляет собою попытку охарактеризовать эстетическую позицию Николая Глазкова в литературной ситуации 1930–1940-х гг. Глазков, изобретатель определения

«самсебяиздат», начиная с конца 1950-х гг. опубликовал 13 «госиздатовских» стихотворных сборников, поэтика которых, по оценкам современников, радикально отличалась от поэтической манеры стихотворений Глазкова, не предназначенных для печати. Гипотеза настоящего доклада состоит в том, что Глазков обращается к приемам массовой поэзии 30—40-х гг., существенно трансформируя их функции. Заимствуя формальный инструментарий поэзии официального ряда, Глазков проблематизирует форму легитимного эстетического высказывания, дискредитируя тем самым формы реализации «властного» дискурса.

В качестве материала в настоящем докладе используются тексты Глазкова 1930-х гг., обнаруживающие влияние футуристической традиции, а также «военные» тексты 1940-х гг., встроенные в контекст поэтической практики поэтов-«ИФЛИ-йцев», близких к кругу И. Сельвинского. Представляется характерным, что обе традиции в рассматриваемый период существовали на стыке «официального» и авангардного дискурсов, искусственное противопоставление которых являлось важной частью культуростроительной политики сталинской эпохи [Менцель, 2000].

Литература

Кукулин И. В. Прорыв к невозможной связи: Статьи о русской поэзии. Екб.; М., 2019.

Менцель Б. Традиции и новаторство // Соцреалистический канон / Ред. Гюнтер Х., Добренко Е. А. СПб., 2000. С. 492–502.

АНАТОМИЯ СТРАДАНИЯ В НОВЕЛЛЕ В. Ф. ОДОЕВСКОГО «ИМПРОВИЗАТОР»

Бердникова Анастасия Сергеевна

магистрант 2 курса, Воронежский государственный университет

В своём докладе мы постарались описать специфику образа главного героя новеллы В. Ф. Одоевского «Импровизатор» — поэта Киприяно. Как показывает проведённый нами ин-тертекстуальный и мотивный анализ, произведение содержит многочисленные автоинтертекстуальные параллели, которые ещё не становились объектом отдельного исследования, что обуславливает актуальность нашей работы.

Произведение открывается описанием сцены выступления импровизатора, в которой главный герой с необыкновенной лёгкостью слагает стихи на любую из предложенных тем. В действиях Киприяно можно заметить некоторую небрежность, как будто искусство не вызывает в нём ни восторга, ни радости. Одоевский также сравнивает процесс творчества с игрой в шахматы, подчёркивая рационализм действий героя. Однако поэт, несмотря на своё равнодушие, не может остаться спокойным при виде денег, полученных им за выступление.

Несмотря на кажущуюся лёгкость стихотворчества, оказывается, что Киприяно знакомы муки, которые сопровождают создание поэтических произведений. Эти страдания заставляют героя помышлять о возможном отказе от своего поэтического дара. Желая избавиться от «трудоу неимоверных», незадачливый поэт обращается за помощью к доктору Сегелиелю.

В молодости доктор был также беден, как и поэт, однако после неожиданно разбогател. Жители города подозревают, что доктор занимается колдовством. Сегелиель не требует денег от родственников больного, однако назначает им свою плату, требуя от них совершения определённых действий, носящих деструктивный характер. Это разрушает личность самого просителя, лишает его всего человеческого. Однако отказ от выполнения условий Сегелиеля оборачивается неминуемой смертью для больного. Более того, герой жестоко мстит своим врагам, а их страдания не вызывают в нём жалости. Образ таинственного доктора также появится в повести Одоевского «Космораме»: доктор Бин сыграет роковую роль в жизни главного героя — Владимира Петровича, став его «проводником» в потусторонний мир.

Герой по имени Сегелиель также появится в более позднем произведении автора — «Сегелиель, или Дон-Кихот XIX столетия», где Одоевский изобразит злого духа, ставшего на путь искупления своих грехов.

Киприяно, который обращается к доктору за «лекарством», без сомнения знает о дурной славе, сопровождающей лекаря. Сегелиель назначает поэту два условия, на которые тот соглашается, не понимая при этом их смысла. Дар поэта, полученный Киприяно при рождении, подменяется «даром» Сегелиеля: «всё высокое и трогательное было подведено под арифметическую прогрессию» [Одоевский, 1975: 93]. Прекрасное становится безобразным, живое — мёртвым: «Шарлотта, этот земной идеал, пред которым молилось его вдохновение, сделалась — анатомическим препаратом!» [Одоевский, 1975: 94]. Способность к импровизации оборачивается для героя проклятием, принося ему жестокие страдания. Этот дар — «всё видеть, всё знать, всё понимать» — приводит героя к безумию.

Анатомические мотивы, а также мотив страдания появляются в сборнике «Пёстрые сказки», где Одоевский предупреждает об опасности попыток объяснить действие законов мироздания исключительно рациональными методами.

Проведённое нами исследование позволило выделить основные мотивы новеллы и проследить их влияние на дальнейшее творчество автора.

Литература

Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л., 1975.

В. ХЛЕБНИКОВ И А. И. ВВЕДЕНСКИЙ: ОТ УЧЕНИЧЕСТВА К КРИТИКЕ. К ВОПРОСУ О ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ

Емекеев Антон Павлович

студент 4 курса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Влияние В. Хлебникова на поэтику обэриутов было отмечено довольно рано и столь же рано стало предметом исследований сначала на материале детских стихотворений, а затем и на более широком материале с привлечением почти полного корпуса текстов. При этом основным объектом анализа были преимущественно стихотворения Н. С. Заболоцкого и Д. И. Хармса, для которых значимость Хлебникова была очевидной.

В случае А. И. Введенского первостепенность Хлебникова уже не представляется столь однозначной. Несмотря на то что Введенский в 1927 г. при создании прообраза ОБЭРИУ — группы «Левый фланг» — предлагал ввести Хлебникова почетным членом и на каждом выступлении читать его стихи, впоследствии, с точки зрения одного из первых исследователей обэриутов Я. С. Друскина, он начинает больше ценить А. Е. Крученых.

Амбивалентность в осмыслении Хлебникова пронизывает многие тексты Введенского. Пожалуй, среди всех обэриутов именно Введенский наиболее критически рассматривает поэтическое наследие Будетлянина, полемизируя с ним как в сфере языковых экспериментов, так и в философских темах.

На начальном этапе поэтического пути Введенский вместе с Хармсом вступает в «Орден заумников», основанный поэтом А. В. Туфановым. «Орден заумников» продолжал традиции хлебниковской зауми, которая, в отличие от зауми Крученых, не рассматривалась как самоцель, а представлялась зародышем «того нового языка, который один только и сможет объединить людей». Заумный язык в итоге должен был стать разумным, а затем и «сверх-разумным». Тем самым чистая звукопись остается на периферии словотворчества Хлебникова. Введенский уже в более позднем творчестве почти полностью откажется от элементов зауми, но хлебниковскую

установку на семантический эксперимент над языком сохранит. Оба поэта в своих лингвистических опытах реализовывали радикальную пересборку современного языка и деконструкцию прежних языковых связей. Однако если хлебниковское словотворчество ставит целью преобразование слов, то бессмыслица Введенского уже направлена на дискредитацию самих основ языка и разрушение устойчивых представлений о мире.

Итак, если при анализе этих двух языковых проектов мы еще можем установить некоторую преемственность между ними и предположить, что Введенский, вероятно, мог учитывать хлебниковские категории самовитого слова, зауми, то уже в философской области Введенский осмысляет наследие Хлебникова более критически. В отличие от других обэриутов, Хармса, Олейникова, Заболоцкого, которые, работая с хлебниковским наследием, во многом продолжали его идеи, Введенский намеренно оппонирует Хлебникову и подвергает ключевые положения его картины мира поэтической критике, свергая сверхантропцентризм, дискредитируя математику и число как меру знания и отрицая любой утопизм. Начиная свой поэтический путь в хлебниковском русле, Введенский постепенно уходит все дальше и дальше от своего учителя. Тем самым в стихотворениях Введенского, в сущности, происходит конец русского авангарда, конец всем мечтам о новом сверхчеловеке, о новом знании, которое ответит на все вопросы мироздания, о новом языке. И, вероятно, именно поэтому, в одном из последних своих стихотворений «Элегия» поэт обращается уже к другой неоклассической форме, укорененной в пушкинской традиции.

ПРОБЛЕМА КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНЕ ДОМИНИКО СТАРНОНЕ «ЛАБИЛЬНОСТЬ»

Петренко Жасмин Геннадьевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Проблема кризиса идентичности является одной из магистральных для творчества итальянского автора Доменико Старноне и одновременно актуальной для современного литературоведения. Вопрос о самоопределении героя и способах его текстуальной репрезентации становится объектом исследования таких современных ученых, как А. Палмер, В. И. Тюпа и других. Данное исследование посвящено не переведённому на русский язык роману Старноне «Лабильность» (*Labilità*, 2004) в аспекте изучения проблемы самоидентификации и способов ее художественного воплощения. Анализ производится с опорой на концепцию П. Рикёра, изложенную в книге «Я-сам как другой» (*Soi-même comme un autre*, 1990). По мысли Рикёра, конкретная жизнь обладает нарративным единством, соединяющим прошлое и настоящее, «литературные повествования и истории жизни отнюдь не исключают, а взаимно дополняют друг друга — вопреки или благодаря контрасту между ними» [Рикёр, 2008: 198]. Однако для героя романа «Лабильность», писателя, работающего над собственной книгой, контрастность реальности и повествования не столь очевидна, отсюда и возникает основная проблема, которая приводит протагониста к глубокому кризису идентичности.

Саморефлексии подвергается не только личность персонажа, но и его творческое «я». Ситуация формирования литературной самоидентичности осложняется тем, что писатель не в силах провести границу между реальностью и вымышленным миром художественного произведения.

Кризисное состояние наступает после встречи с юношей (Никола Гамурра) — поклонником творчества главного героя, который просит прочитать его только что написанный роман. Эта встреча становится одновременно и завязкой всего действия, и триггером для глубокой саморефлексии известного и зрелого, однако неуверенного в собственном таланте писателя.

Истоки проблемы идентичности герой находит в собственном детстве. Его мысли постоянно возвращаются в прошлое, к играм со сверстниками, к первым читательским впечатлениям, которые меняют его не только ментально, но и физически — подражая герою, страдавшему параличом руки, он сам начинает страдать от этой болезни.

Проблема самоидентичности персонажа объясняется и его способностью к мимикрии: «*Da bambino non mi ero mai sentito una cosa sola, una sola persona*» [Starnone, 2005: 56] («С детства я никогда не чувствовал себя кем-то одним, только одним человеком») — единое «я» расщепляется на множественные личности.

Реальность воспринимается им лишь как материал, субстрат для создания вымышленного мира, который никогда не воплотится в точном слове. Это и является причиной личной трагедии, вызывающей глубокий внутренний кризис. В реальном повествовательном плане процесс раскола личности проявляется в увлечении другой женщиной на момент отсутствия жены.

Таким образом, основной причиной кризиса идентичности становится неразличение реального и воображаемого мира, собственного «я» и личности литературных героев, слова своего и чужого. Герой оказывается не в состоянии оценивать собственные действия, поступки, произведения творчества, что приводит к потере личных границ, а далее к кризису идентичности.

Литература

Рикёр П. Я-сам как другой. М., 2008.

Starnone D. *Labilità*. Rome, 2005.

ВЛИЯНИЕ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ «АЛЕКСАНДРИЙСКОГО КВАРТЕТА» ЛОРЕНСА ДАРРЕЛЛА НА ЧИТАТЕЛЬСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРВОГО РОМАНА «ЖЮСТИН»)

Фирсова Алёна Александровна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Исследователи «Александрийского квартета» (1962 г.) Лоренса Даррелла (1912–1990 г.) не всегда соглашались в том, какие черты «Квартета» относятся к модернизму, а какие к постмодернизму, однако всеми признаётся как наличие в произведении сложных символических систем, так и неизменное его чувство игры и неопределённости. Последнее во многом достигается за счёт различных нарративных стратегий: по ходу повествования нам на протяжении трёх томов рассказывают одну и ту же историю с разных точек зрения, так что любой намёк на правду в первом томе оказывается «пустышкой» во втором, а потом, в четвёртом томе, предлагается, якобы, разрешение всех конфликтов и окончательная истина.

Центральная тема тетралогии — становление Художника. Образ Художника воплощен во многих персонажах, и прежде всего в начинающем писателе Л. Г. Дарли, от лица которого написаны три романа, два из которых представлены как результат творчества самого Дарли. Становление это заключается в поиске истины, прозрения, мистического Знания, только обретя которое художник сможет стать настоящим творцом. Разумеется, выбранная Дарреллом повествовательная игра во многом отражает этот поиск. Дарли, сталкиваясь с новой точкой зрения, переворачивающей его представление о событиях прошлого, учится признавать относительность любой истины и проходит путь от субъективности, выражения в творчестве исключительно лирического «я» к мастерству воображения, к способности сочинять и творить как настоящий писатель.

О том, как повествовательные стратегии «Квартета» помогают изобразить творческий рост Дарли написано довольно много исследовательских работ. Очевидно, однако, что такая игра с формой серьёзно влияет не только на содержание текста, но и на его восприятие. Тем не менее, вопрос о рецептивных функциях наррации «Квартета» был освещён, на мой взгляд, в недостаточной степени.

Доклад представляет собой попытку проанализировать повествовательные стратегии Даррелла с точки зрения их направленности на читателя. В качестве объекта исследования в рамках доклада был выбран первый роман тетралогии, «Жюстин». Анализируются разные уровни повествования и их взаимопроникновения, благодаря которым у читателя создаётся определённое представление о нарративной структуре текста, влияющее на восприятие последующих романов.

В первом романе «Квартета» мы видим Дарли, который пишет роман под названием «Жюстин» и рефлексивует сам процесс письма, что можно считать классическим примером метафизики. Он ставит перед собой цель разобраться в самом себе и во всём, что произошло с ним в Александрии. Стиль его письма весьма импрессионистичен, он сам сознаётся, что выбирает только те моменты, которые считает важными для истории, и располагает их в том порядке, в котором они становились важными для него. Вся история рассказана исключительно с точки зрения Дарли, через призму его восприятия. Внимательный читатель уже в процессе чтения первого романа может начать сомневаться в истинности истории Дарли и в верности его трактовок. Однако в то же время сам Дарли становится всё более реальным, ведь всё внимание читателя сосредоточено на рассказе о событиях в Александрии, в то время как сам рассказчик воспринимается как экстрадиететический повествователь, как голос автора, несмотря на то, что он сам — это станет ясно уже гораздо позднее, в последних томах тетралогии — является интрадиететическим рассказчиком, а в некоторых случаях и просто персонажем.

ОБРАЗ ПАНА В ТВОРЧЕСТВЕ Д. Г. ЛОУРЕНСА

Манько Дарья Андреевна

студент 4 курса, Кубанский государственный университет

Произведения Д. Г. Лоуренса отличаются особой критикой развития общества. Как женские, так и мужские образы в его текстах теряют свою гендерную идентичность. Причинами может служить стремительная индустриализация, следствием которой можно считать враждебность людей по отношению друг к другу, их тяга к разрушению, к завоеванию (этому посвящена отдельная часть повести «Сент-Мор» и сюжетная задумка «Любовника леди Чаттерлей») и потеря людьми их первоначальной чувственности, разрушение связи с природным началом. Именно поэтому Лоуренс обращается к образу Пана и стремится соотнести его с мужскими образами в своих текстах. Истоком увлечения Лоуренса антропоморфным богом можно назвать произведение К. Гамсуна «Пан», что подтверждается в работе Ф. Ричардс «Бог-козел в Англии: музыкальный контекст увлечения Лоуренса Паном» [Richards, 2015]: писатель был знаком с данным романом.

В работе И. Такео «Языческие боги Лоуренса и христианство» отмечается, что в текстах писателя можно выделить два вида богов: «европейского и неевропейского происхождения» [Takeo, 1991: 179]. С Паном у Лоуренса возникает особая связь, потому как ассоциирует его с духом Англии. Действительно, именно этот бог апеллирует к его сознанию крови намного сильнее, чем другие монументальные фигуры древнегреческой мифологии — Аполлон и Дионис. Обращение к Пану неслучайно: он может сделать людей интуитивно жизнерадостными, раскрыть связь их души с материальным космосом. Христианство воспринимается писателем как религия, которую необходимо модернизировать, ведь она агрессивно сдерживает внутреннюю природную силу. А возрождение связи мужчин с образом Пана может сыграть положительную роль в развитии человечества, стать «метаморфозой» духа.

Пан, по Лоуренсу, давно утратил силу, которую ему приписывали раньше («Пан в Америке» [Lawrence, 1926]). Человеку необходимо предпочесть автомобилю природную пустошь и внутреннюю свободу. Именно поэтому Пан в текстах Лоуренса становится своего рода символом освобождения от гнета цивилизации, упоминания о нем и аллюзии на него мы встречаем во многих текстах как раннего, так и позднего периода творчества писателя: «Сент-Мор», «Дева и цыган», «Дочь Лошадника», «Любовник леди Чаттерлей» и др. Обширное рассмотрение влияния греческой мифологии на творчество Д. Г. Лоуренса можно найти в работе П. Э. Бриджмен «Дионис, Пан и Гермес: греческий миф и метафизика в работе Д. Г. Лоуренса» [Bridgeman, 1991].

Таким образом, фигура Пана для американского писателя обладает особой силой, так как является символом борьбы человека с механизацией собственной сущности. Сравнение мужских образов с антропоморфным божеством носит в понимании Лоуренса целительный характер, является своего рода возвращением к истокам человеческого сознания.

Литература

Bridgeman P. A. Dionysus, Pan and Hermes: Greek Myth and Metaphysics in the Work of D. H. Lawrence. The Open University, 1991.

Lawrence D. H. Pan in America // *Southwest Review*. 1926. Vol. 11. P. 102–115.

Richards F. The Goat-God in England: A musical context for Lawrence's fascination with Pan // *The D. H. Lawrence Review*. 2015. Vol. 40. P. 90–106.

Takeo I. Lawrence's pagan gods and Christianity // *The D. H. Lawrence Review*. 1991. Vol. 23. P. 179–190.

ОСОБЕННОСТИ НАРРАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ В РОМАНЕ ОЛАФА СТЭПЛДОНА «СОЗДАТЕЛЬ ЗВЁЗД»

Ховалко Кристина Сергеевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Творчество Олафа Стэплдона (1886–1950 гг.), на данный момент остается малоизученным в отечественных литературоведении и лингвистике. Однако это не умаляет заслуг данного писателя, который повлиял на становление научной фантастики как самостоятельного литературного жанра в его современном восприятии. Он оказал влияние на множество фантастов, в том числе на Г. Уэллса и А. Кларка, а его талант отмечали такие авторы, как В. Вульф, С. Лем и Х. Л. Борхес. Классифицируя его как социального фантаста, стоит отметить, что художественные работы Стэплдона по своей структуре ближе к классическим утопиям Т. Мора, Т. Кампанеллы, Ф. Бэкона и жанру средневековых видений, нежели к классической фантастике.

В связи с этим представляется важным проведение литературоведческого анализа значимых произведений автора, в частности, выявление особенностей наррации в романе «Создатель звёзд», фабула которого заключается в описании путешествия безмянного человека на протяжении миллиардов лет и охватывающего всё пространство Вселенной.

Фундаментальным нарративом является космическая эволюция разума и общественного сознания. О. Стэплдон был дипломированным философом, что не только повлияло на его мировосприятие, но и нашло свое отражение в фантастических художественных произведениях писателя, в которых основной акцент ставится на онтологическом осмыслении космических исследований. В романе «Создатель звёзд» автор концептуализирует всё галактическое пространство, метафорически отражающее политические, социальные и духовные системы нашей планеты. Учитывая специфику исследуемого материала, представляется более плодотворным не следование одной определённой системе нарратологического анализа (М. М. Бахтина, Ж. Женетта, Б. О. Кормана), а их синтез. В докладе представлена попытка определения значимости романа не просто для круга гуманитарных дисциплин, но и для литературоведения, в частности.

Обобщая сказанное, можно заключить, что творчество Стэплдона непосредственно входит в сферу интересов исследования литературного дискурса. Основное освещение идеи автора получили в философских работах, касающихся футурологии, и научных исследованиях в области теоретической физики и астрономии. Тем не менее, можно утверждать, что заявленный роман обладает также и художественной ценностью. Так, задачей данного исследования становится выявление влияния нарративных стратегий, выбираемых автором, на смысловую и идеологическую составляющие произведения: специфика жанровой характеристики романа, использование смещённого хронотопа, примеры особой фокализации при учёте условия «фантастического допущения», характерного для жанра научной фантастики.

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В «САГЕ О НИТИДЕ»

Кирий Александра Владимировна

старший лаборант, Кубанский государственный университет

В докладе рассматривается образ девы-правительницы (исл. *meykóngr*) в «Саге о Нитиде» [Матюшина, 2020] — одной из рыцарских саг (исл. *riddarasögur*). Большое внимание в процессе анализа уделяется генезису этого женского образа: предполагается, что он связан с образами женщин в древнегерманской словесности: в мифологических и эпических песнях. Так, авторы приводят в пример женские образы «Старшей Эдды», а также более поздних эпических произведений («Песнь о Нибелунгах» и т. д.).

Образ девы-правительницы сохраняет в себе архаичный мифологический код девы-воительницы. Несмотря на это, в образе не обнаруживаются маскулинные черты, что отличает Нитиду от эпических женских образов, имеющих в своем основании образ валькирии: она не предлагает потенциальным женихам испытаний, не славится богатырской силой, в описании девы-правительницы акцент делается на внешности: длинные золотые волосы, белая кожа и румянец. Прямое отношение к культу войны женский образ в рыцарской саге не имеет, однако сохраняются и трансформируются др. черты валькирического образа: мудрость, хитрость, владение магическими силами.

Важно упомянуть, что жанр рыцарской саги — это реализация жанра рыцарского романа в Исландии, который не смог превалировать над национальным историческим жанром Саги. Вследствие этого «Сага о Нитиде» сочетает в себе жанровые черты саги и рыцарского романа. На уровне композиционного строения «Сага о Нитиде» имеет много общего со сказкой: элементы сюжетного повтора, наличие волшебных предметов-помощников, частотность принципа «триединства» [Матюшина, 2020: 123]. Стиль саги относится к «позднему придворному стилю» [Матюшина, 2020: 123]. Интерес для исследования также представляет нетипичное для Средневековья центральное положение в произведении именно женского образа. Фигура Нитиды является катализатором всех главных конфликтов.

Все эти факторы подтверждают связь девы-правительницы с архаичной мифопоэтикой и сохранение в Исландии национальной идентичности не только в жанровой парадигме, но и на уровне системы образов.

Литература

Матюшина И. Г. «Сага о Нитиде»: Перевод, вступительная статья, комментарий // Вестник РГГУ. 2020. № 1. С. 120–142.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РОМАНЕ СТЕНДАЛЯ «ПАРМСКАЯ ОБИТЕЛЬ»

Вологина Римма Николаевна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Данный доклад посвящен роману Стендаля «Пармская обитель» (1839). Целью данной работы является поиск в романе «Пармская обитель» сюжетных элементов, связанных с биографией Стендаля. Для этого был произведен сравнительный анализ романа «Пармская обитель» и автобиографических произведений Стендаля («Жизнь Анри Брюлара»). Были проанализированы эпизоды, раскрывающие отношение Стендаля и героев романа «Пармская обитель» к Наполеону Бонапарту и к своей семье. В работе были показаны сходства отдельных элементов сюжета романа и биографии его автора.

В литературоведении отмечается, что отношение Анри Бейля к Наполеону не было однозначным, также оно неоднозначно и в концепции романа «Пармская обитель». В первой главе романа при описании вступления Наполеона в Милан отражены впечатления Стендаля о его пребывании в городе в 1800 г. Также в этой главе встречаются упоминания знакомых Стендалю реальных лиц, таких как лейтенант Робер. Чтобы акцентировать неопытность и наивность героя, в сценах битвы при Ватерлоо Стендаль использует прием остранения. С этой же целью данный прием используется Стендалем при описании перехода через Сен-Бернар в «Жизни Анри Брюлара».

При описании отношения Фабрицио дель Донго к своей семье встречаются аллюзии на воспоминания Стендаля о детстве, представленные в «Жизни Анри Брюлара». Собственному отцу и отцу Фабрицио дель Донго Стендалем дается схожая характеристика — Шерубен Бейль

и маркиз дель Донго изображены крайне консервативными ультрамонархистами, неспособными понять и полюбить своих сыновей. Решение главного героя романа присоединиться к наполеоновской армии могло быть вызвано неприязнью к отцу. Сходными чувствами в «Жизни Анри Брюлара» автор объясняет свое желание покинуть родной город.

В заключении делается вывод о том, что отдельные сцены, имена собственные, характеры и отношения, изображенные в романе «Пармская обитель», были отчасти вдохновлены обстоятельствами жизни его автора. Об этом свидетельствует сопоставление автобиографических произведений автора с текстом романа. Тем не менее, неправильно считать его строго автобиографическим.

БИБЛЕЙСКИЕ ЗАКОНЫ В ТРАГЕДИИ И. В. ГЁТЕ «ФАУСТ»

Головатский Анатолий Константинович

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

При работе над трагедией «Фауст» И. В. Гёте стремился создать особый мир, в котором действуют духовные законы во-многом сходные с законами Библии. Именно в Библии ее авторами изображен мир, где Бог явно действует через людей и через обстоятельства. Все события, а также их последствия выстроены в соответствии с определенными правилами. Так, человек получает воздаяние за свои поступки не только после смерти, но и в земной жизни, нравственно либо совершенствуется, либо деградирует, а также всегда имеет возможность задуматься о покаянии и возвращении к Богу, который его примет, как блудного сына. Бог может попустить диаволу приступить к душе человека, в чем видно несомненное сходство между трагедией и Книгой Иова. В ряде аспектов прослеживается влияние на творчество Гёте идей И. Г. Гердера, а также в целом эпохи Просвещения. Гете и его современники воспринимали Библию по-новому, одновременно как синтез истории израильского народа и как модель мира, в котором человек может постичь себя самого.

Плоскость обзора человеческой свободы в «Фаусте» является проекцией на художественный мир трагедии библейского понимания человеческой свободы. Во многих книгах Библии представлено, как грех влечет человека к себе, а тот теряет способность ему противостоять. И, таким образом, человек теряет собственную свободу и становится служителем греха. Как к Каину перед убийством Авеля был обращен голос Божий, так и к Фаусту перед его личной трагедией был обращен голос Божий, сначала через пасхальный колокольный звон церкви, расположенной неподалеку от его дома, а затем через слова Евангелия от Иоанна, которые он меняет на слова «Im Anfang war die Tat!»

Существуют разные версии того, почему Маргарита оказывается спасенной. На мой взгляд, основная причина заключается как раз в том, что в художественный мир трагедии Гете переносит библейское представление, в соответствии с которым Бог оценивает каждого человека не только по делам, но и по намерениям сердца. Об этом говорится в самых разных местах Священного Писания. В Книге пророка Иеремии звучат следующие слова: «Я, Господь, проникаю сердце и испытываю внутренности, чтобы воздать каждому по пути его и по плодам дел его» [Библия, 2004].

Сопоставление законов, в соответствии с которыми выстроены события трагедии, и библейских законов — одно из перспективных направлений для будущих научных трудов. Исследования в данной области помогут увидеть, на какие книги Библии Гете опирался, а также как он их воспринимал и осмыслял.

Литература

Библия. Синодальный перевод. М., 2004.

«ПРАВДА О ДЕЛЕ САВОЛЬТЫ» Э. МЕНДОСЫ В СВЕТЕ ЖАНРОВОГО СВОЕОБРАЗИЯ ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЯ

Слышенко Александр Игоревич

магистрант 1 курса, Южный федеральный университет

Эдуардо Мендоса — один из ключевых испанских писателей современной испанской литературы, лауреат премии Сервантеса и премии «Планета». «Правда о деле Савольты» (далее — «Правда») — первый роман Э. Мендосы — был опубликован за несколько месяцев до смерти Франко и стал предвестником нового этапа в испанской литературе.

В творчестве Э. Мендосы можно выделить несколько «линий». С некоторыми оговорками эти «линии» можно провести, сортируя произведения по жанровой «доминанте»:

1. Иронический детектив — серия о безымянном детективе (*detective anónimo*).
2. Городской роман (*novela urbana*) — «Город чудес».
3. Исторический/политический роман — «Кошачья свара. Мадрид, 1936».
4. Фантастический роман — «Нет вестей от Гурба», «Последний путь Горацио Доса».

«Правда» открывает собой линию исторического/политического романа, которая продолжится романом «Кошачья свара. Мадрид, 1936». При этом «Правда» не попадает под классические определения исторического романа. Обильные детали — имена, исторические факты, особенно заметные в первых главах — элемент игры с читателем, жанровой «маскировки». Иллюзия достоверности создается, чтобы быть разрушенной ироническим и абсурдным сюжетом (аналогичный прием используется в «Удивительном путешествии Помпония Флата»).

В процессе исследования жанровой специфики поздних произведений Э. Мендосы была сформулирована гипотеза: первый роман писателя содержит признаки вышечисленных жанровых форм (кроме фантастического романа), которые находят отражение в творчестве автора.

«Правда» как иронический детектив. Фирменный иронический детектив Э. Мендосы известен по серии книг о безымянном детективе, однако его элементы используются уже в первом романе, главный из них — сам безумный детектив, Немесио Кабра Гомес. Сумасшедший бродяга, который раскрывает дела лучше сотрудников правопорядка, — прототип безымянного детектива. Циклические кихотовские «выезды» и возвращения в психлечебницу дополняют образ.

«Правда» как городской роман (*novela urbana*).

Почти все события «Правды» происходят в Барселоне — во многих произведениях Э. Мендосы этот город становится как бы моделью Испании в конкретный временной период. Улицы города — грязные, полные нищих, проституток и воров, где резиденции, дорогие отели и казино соседствуют (и неразрывно связаны) с оружейным заводом, торгующим с обеими сторонами конфликта — модель кризиса, постигшего Испанию.

«Правда» как политический роман (*novela politico*).

Политические рассуждения — пусть зачастую и иронические — дают повод отнести «Правду» к (под)жанру политического романа. При помощи иронических приемов Э. Мендоса рассуждает об испанской разобщенности, бедности, социальном расслоении и несостоятельности политических движений (не только 20-х, но и 70-х гг.). В этой связи важна поэтика первого названия, забракованного франкистской цензурой — *Los soldados de Cataluña* («солдаты Каталонии»), которое подчеркивало несостоятельность представленных Э. Мендосой персонажей — незадачливых революционеров, продажных журналистов, фальшивых коммерсантов и прочих.

Также стоит отметить связь «Правды» с испанской традицией плутовского романа: к плутам можно отнести несколько ключевых персонажей (протагониста Хавьера Миранду, афериста Леппринсе и бродягу Немесио Кабра Гомеса) и ряд второстепенных. Апелляция к эстетике плутовского романа свойственна произведениям Э. Мендосы вне зависимости от принадлежности к жанровой «линии».

ОНЕЙРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В КАЙДАНАХ ЛАФКАДИО ХИРНА

Малышева Мария Евгеньевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе исследуются онейрические мотивы на материале сборника кайданов Лафкадио Хирна «KWAIDAN: Stories and Studies of Strange Things» 1904 г.

Лафкадио Хирн — ирландско-американский журналист и писатель греческого происхождения, обретший духовную родину и новое имя на берегах Японии эпохи Мэйдзи, став одним из первых и лучших «интерпретаторов» Японии. Сборник был создан Хирном во время политического и экономического «раскупоривания» Японии, её перехода от самоизолированной феодальной страны к модернизированному государству, активно сотрудничающему с Западом и перенимающему его технологические, философские, научные и эстетические идеи.

Сборник, ставший материалом настоящего исследования, — последнее произведение Лафкадио Хирна, изданное при жизни. Автор обращается к необычному жанру — кайдан, традиционный японский рассказ о встречах со сверхъестественным. Происхождением кайдан обязан жанрам устного народного творчества, имеющим тесную связь с древней японской мифологией: мифами, легендами, рассказами о таинственном (симпитэкина ханаси), страшными рассказами (коваи ханаси), рассказами об удивительном (мэдзурасии ханаси). Одним из главных мотивов в жанре кайдана является онейрический мотив, который репрезентирует пороговое, переходное состояние. Оставаясь историей о призраках и чудесах, кайдан приобретает амбивалентность, свойственную европейским новеллам, относящимся к готической или фантастической литературе. Мотив сна в кайдане, во время которого осуществляется переход из одной реальности в другую, театрализованные смеховые ситуации квазиразоблачения делают кайданы Хирна наследником романтической поэтики По в той же мере, как японской жанровой традиции.

Актуальность настоящего исследования связана с малой изученностью как Лафкадио Хирна, так и произведения «KWAIDAN: Stories and Studies of Strange Things» внутри русского литературоведения.

Сон в поэтике Лафкадио Хирна — это не только распространённый композиционный приём организации художественного пространства и включения особой формы рефлексии. Трактовка снов обусловлена культурно и исторически и репрезентирует состояние конкретного общества и его отношения с иррациональным в определённое время.

Значимым открытием является факт двойственного отношения к феномену сновидения как к метафорической репрезентации одновременно смерти и пробуждения за счёт взаимодействия культур условных Востока и Запада внутри одного художественного произведения.

Сон в кайданах Хирна выполняет несколько функций.

1. Условие, благоприятное состояние, при котором душа может покинуть тело и стать динамической и независимой от физического существования в пространстве свободной структурой.
2. Специальное пространство, в котором разворачивается типическая художественная ситуация встречи душ.

ОБРАЗ СЫРДОНА В НАРТСКОМ ЭПОСЕ

Цховребова Диана Эдуардовна

*студент 2 курса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(филиал в Санкт-Петербурге)*

Настоящее исследование посвящено анализу образа героя Нартского эпоса Сырдона, до сих пор незаслуженно мало привлекавшего внимание исследователей. Со времён публикации книги Ж. Дюмезиля «Осетинский эпос и мифология», в которой персонажа лишь сравнивали со скандинавским Локи, полноценных исследований его роли в мироустройстве и демонологии нартов не проводилось. Сырдон — один из основных героев Нартского эпоса, образ которого основан на контрастах и дуализме. Так, он — внебрачный сын морской царевны и покровителя рек, (а в некоторых сказаниях — дитя дьяволицы, рождённое из камня), который, однако, предпочёл жить среди людей. Его называют «злым гением нартов» ('Narty fydbylz'), но он также почитается как умнейший из всех героев, к которому можно обратиться за советом. Сырдон является антагонистом почти всех сюжетов эпоса и становится причиной смерти самого почитаемого богатыря — Сослана. Более того, люди не до конца принимают его в своё общество, говоря о нём: «Лицом похож он на нас, но что-то дьявольское есть в нём». Тем не менее, среди нартов его уважают за создание поэзии, а в современном осетинском фольклоре он воспринимается как покровитель артистов, поэтов и журналистов.

В настоящем докладе мы досконально проанализируем образ Сырдона, обозначив его связь с тремя мирами, которые лежат в основе религиозных воззрений Нартского эпоса. С помощью сказаний (в частности, «Нарты строили общенартовский дом», «Рождение и женитьба Сырдона», «Как появился фандыр») покажем, что в нём отчётливо проявляются черты трикстера. Также, используя остальные эпизоды Нартского эпоса (напр., «Сослан в стране мёртвых» или «Как Сослан женился на Ведухе»), продемонстрируем его связь с демонологией мира нартов, в которой он выступает в роли советника чертей, чёрного колдуна и оборотня. Более того, используя работы В. И. Абаева по скифской мифологии, докажем, что Сырдон выступает в эпосе и в роли героя-шамана, являясь наследником более старинных мифологических архетипов. Наконец, на основе вышеупомянутых гипотез продемонстрируем, как, несмотря на дуализм и непосредственное отношение к нечисти, Сырдон сочетает в себе черты как антагониста, так и протагониста.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ АЛЛЮЗИИ И МОТИВЫ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ В «ИСТОРИИ О ПЕЧАЛЬНОЙ ЦАРЕВНЕ ЗОЗЕ» ИЗ СБОРНИКА «СКАЗКА СКАЗОК» ДЖ. БАЗИЛЕ

Максаева Марина Вадимовна

студент 3 курса, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

При чтении литературных сказок разных авторов создается впечатление, что одни и те же сюжеты кочуют из истории в историю. Очевидно, что это не литературный плагиат, но что это тогда? Ответ на этот вопрос незамысловат — сюжеты литературных сказок чаще всего основаны на фольклорных сюжетах.

Джамбаттиста Базиле — один из первых писателей-сказочников в истории европейской литературы. Его сборник «Сказка сказок» вышел задолго до знаменитых «Сказок братьев Гримм»

и других текстов, которые мы привыкли относить к классике жанра. Следовательно, книга Базиле особенно интересна тем, что наиболее близка к фольклорному первоисточнику. Анализируя «Сказку сказок», можно найти истоки распространенных сказочных мотивов, посмотреть на привычные сюжеты под другим углом и понять, откуда берутся условности в жанре сказок. Целью доклада является выявление скрытых мотиваций сюжета в тексте одной из сказок Базиле. Теоретической базой исследования послужили труды таких исследователей, как Дж. Дж. Фрезер, В. Я. Пропп, М. В. Федорова, Е. А. Костюкович.

В ходе анализа удалось выделить несколько ярких мифологических аллюзий в тексте сказки. Первая — смех как символ жизни. Героиня сказки не может смеяться, и поэтому в рамках сказочного сюжета ее нельзя считать полноценно живой. На это указывает то, что ей не страшны ни яды, ни уколы шпателью. Вторая — лес как граница между мирами. Героиня попадает в условный иной мир после того, как проходит через лес. Третья — многочисленные отголоски брачных ритуалов. К ним можно отнести подмену невест, перерождение героини через потерю и возвращение смеха, обещанного жениха-покойника. Четвертая — царские дети как символ племени. Существовала система табу для детей правителей, которая в первую очередь проявлялась в категорическом запрете перемещения ребенка вождя по голой земле. Будущий правитель должен находиться в безопасном закрытом помещении. Катализатором конфликта во второй смысловой части сказки становится побег царевны из замка. Пока царевна не покидает дом, все хорошо, но она нарушает запрет — и случается беда. Пятая — солнце как символ неминуемой кары за содеянное. Солнце — многозначный символ. Это огромная сила, способная как даровать жизнь, так и забрать ее. Кроме этого, восход солнца ассоциируется с началом жизни. С каждым новым восходом солнца мы все ближе к финалу, в котором зло будет наказано. Также с каждой новой историей Зоза все ближе к счастливому для нее финалу. Отсюда шестая — солнце как символ начала новой жизни. Таким образом, мы можем сделать вывод, что в «Сказке о печальной царевне Зозе» можно выделить такие мифологические аллюзии как: смех — символ жизни, лес — как граница между мирами, царские дети — символ племени, солнце — приближающиеся возмездие, солнце — начало новой жизни.

Литература

- Костюкович Е. А. Дзамбаттиста Базиле. URL: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/articles/italiya/kostyukovich-dzhambattista-bazile.htm> (дата обращения: 19.02.2023).
- Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб., 2022.
- Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 2020.
- Федорова М. В. Смех как религиозный феномен // Философия и культура. 2017. № 2. С. 123–135.

ОТ ЛЕДОХОДА ДО ЛЕДОСТАВА И ДАЛЬШЕ: КАЛЕНДАРЬ РЫБНЫХ ПРОМЫСЛОВ

Ерыкалов Сергей Иванович

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Экономическая система деревенского общества на Русском Севере отличается преимущественно неаграрным характером. Изолированность от основных транспортных путей Центральной России, суровый климат, особенности почв и рельефа, сочетающиеся с развитой системой водоёмов, богатых рыбой, послужили основными факторами ориентации местных обществ на добывающий тип хозяйствования, заключающийся, в частности, в рыбных промыслах. А. А. Позаненко уточняет, что слабый государственный контроль в изолированных поселениях тоже способствует процветанию «наиболее доступных, эффективных и благопри-

ятных <...> способов получения средств к существованию, преимущественно теневых и ориентированных на присвоение природных ресурсов» [Позаненко, 2018]. Изучению актуального состояния добывающей экономики деревень Русского Севера и будет посвящён данный доклад.

Мы задались целью определить, как система организации труда и досуга зависит от системы естественных водоёмов на Русском Севере. Предметом нашего исследования стали экономические и аксиологические отношения жителей труднодоступной северной деревни с окружающими речными ландшафтами, а также социальные и промысловые циклы вокруг этих отношений.

Материалом послужили интервью, записанные в ходе фольклорно-антропологической экспедиции в деревне Сояна Мезенского района Архангельской области летом 2021 и 2022 гг., в том числе полевые материалы автора. Информанты — люди в возрасте от 39 до 82 лет, преимущественно мужчины. Их рассказы о речном и морском промыслах стали объектом анализа.

В результате исследования нам удалось построить календарь промысловых практик местного населения. Некоторые важные периоды и вершины этой структуры мы сопоставили с праздниками, имеющими отношение к рыбной ловле или другой деятельности на реке. Кроме того, нас интересовало, как распределяются репутации и престиж среди членов сообщества и каким образом выглядит аксиологическая система добычи.

Промыслы, о которых рассказывают информанты, бывают одиночными, семейными, артельными, коллективными (колхозными). Они различаются по путинам (на хариуса, семгу, камбалу, налима, навагу и пр.), сезонам, местам ловли, легальности.

Судя по рассказам, река выступает в качестве субъекта по отношению к человеку и сообществам. Система приливов и отливов, ледоходы и ледоставы на реке диктуют правила и способы перемещения (зимник, водный путь, переправы, самолеты), знаменуют годовые и сезонные смены хозяйственных периодов. Субъектность пространства проявляется и в распределении благ и престижа между членами локальных сообществ. Так, доступ к прибыльным зверобойным промыслам открывается лишь тем, кто демонстрирует исключительные качества в ходе сезонной кампании рыбколхоза на озёрах. Поэтому мы часто будем обращать внимание на элементы неживой природы, чтобы продемонстрировать их активную роль в социальных и экономических отношениях. Изучение этого аспекта обозначенной темы будет осуществляться в рамках направления, названного Э. Коном «антропологией по ту сторону человека» [Кон, 2018].

Литература

- Позаненко А. А. «Отдельная типа республичка»: структурные особенности пространственно изолированных локальных сельских сообществ // Мир России. Социология. Этнология. 2018. № 4. С. 31–55.
Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. М., 2018.

«А У НИХ ТАМ ЖИЗНЬ ХОРОШАЯ»: НАРРАТИВЫ О СНОВИДЕНИЯХ ПРО ПОКОЙНЫХ

Чепурнова Анна Александровна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В фольклорно-антропологической экспедиции СПбГУ 2022 г. я работала в деревне Сояна Мезенского района Архангельской области. От одной из моих информанток 1953 г. рождения, с которой мы провели четыре интервью, было записано несколько мифологических рассказов, часть из них — сны о покойниках. Именно рассказы о снах, записанные от Н. А. в 2022 г. в интервью с разными участниками (собираателями и местными жителями), стали материалом настоящей работы. Исследователи отмечают, что для нарративов о сновидениях характерна связь последних с жизненными ситуациями. Описывая специфику нарративизации снов, И. С. Веселова и А. Д. Степанов отмечают, что рассказы о сновидениях становятся способом выражения

переживаний жизненных (критических) событий [Веселова, Степанов, 2019; Мороз, Петров, 2020]. Часто рассказчики интерпретируют сны, отталкиваясь от личного ритуального опыта; предпосылкой «визита» умершего во сне становится нарушение ритуальных конвенций (неправильные / небрежные похороны или поминки).

В докладе представлен анализ несколько мифологических рассказов, записанных от информантки. Мы учитываем коммуникативные цели нарратора, то, кому адресованы сообщения о сновидении, биографический и ритуальный контекст, социальный статус рассказчицы, которая обмывала покойных и является местным ритуальным специалистом. Мы предполагаем, что через рассказы о снах Н. А. выстраивает свою профессиональную идентичность ритуального специалиста, выражает собственные представления о смерти и посмертии.

Литература

Веселова И. С., Степанов А. Д. Опыт по ролям: перципиент, конфиден и другие (коммуникативные основы композиции мифологических нарративов Русского Севера) // Вестник РГГУ. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2019. № 4. С. 10–24.

«С четверга на пятницу...»: рассказы о сновидениях в фольклоре Русского севера / Сост. А. Б. Мороз, Н. В. Петров, А. Л. Захарова, В. А. Комарова, Н. А. Савина. М., 2020.

НАДПИСИ ВО ДВОРЕ ФОНТАННОГО ДОМА КАК ОСОБАЯ ФОРМА СОВРЕМЕННОГО ФОЛЬКЛОРА

Лукьянчикова Алиса Сергеевна

студент 2 курса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
в Санкт-Петербурге

Доклад посвящен исследованию городского фольклора, а именно — практике оставления надписей во дворе Фонтанного дома в Санкт-Петербурге. Рассматривается история возникновения этой практики и её особенности с целью определить, являются ли тексты надписей фольклорными.

Надписи во дворе музея Ахматовой привлекают исследовательское внимание как неоднозначный пример народного творчества, который, с одной стороны, выходит за рамки определения фольклора, а с другой — отражает уникальные черты современного городского пространства. Однако ни история появления практики писать стихи на стенах, окружающих двор музея, ни жанровая принадлежность этих текстов еще не были освещены ни в научном сообществе, ни в современном информационном пространстве. Исследование проведено на материалах личного архива, в котором собраны фотографии стен двора в период с сентября 2021-го по декабрь 2022-го г. Для выявления особенностей практики был использован сравнительно-сопоставительный анализ текстов разных периодов, а сами тексты рассматривались в первую очередь как граффити.

В ходе исследования было отмечено, что авторство текстов во дворе музея Ахматовой не только проблематизировано из-за того, что надписи зачастую оставляются анонимно, но и усложнено, потому что нередко содержание граффити составляют цитаты классических литературных произведений или стихи собственного сочинения, у которых есть конкретный автор. Поэтому была предложена классификация текстов по степени авторства, чтобы выстроить индивидуальную структуру текстов.

В результате исследования было выявлено, что для текстов надписей двора Фонтанного дома характерны такие фольклорные черты и функции, как проблематизированное авторство, рефлексивная и коммуникативная функции. Также они в некотором роде подчиняются «цензуре коллектива». Выделенные черты и функции указывают на близость текстов к фольклору,

однако нельзя с уверенностью отнести их к определенному жанру. В отличие от классических фольклорных текстов, у текстов-первоисточников, которые цитируются на стенах, есть автор; условный автор есть и у самих граффити, однако в пространстве двора Фонтанного дома уместно говорить о рассеивании права на владение текстом. В отличие от классических фольклорных жанров, надписи на стенах двора Фонтанного дома с трудом подчиняются внутренней классификации, предположительно, из-за того, что двор обладает ярко выраженной поэтической атмосферой, поэтому тексты занимают промежуточное положение между фольклором и литературой.

ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫЧЕСКИХ МОТИВОВ В ТЕКСТАХ У. ШЕКСПИРА

Крицкая Мария Олеговна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Ключ к пониманию глубинных уровней смысла художественных произведений — обращение к религиозным традициям, которые помогают раскрыть новые грани литературных текстов. Научная новизна работы заключается в выявлении этих традиций в пьесах «Буря», «Сон в летнюю ночь», «Макбет» У. Шекспира, их анализе с лингвокультурологической точки зрения и изучении языческих элементов с помощью аксиологического подхода.

В ходе исследования были выделены следующие лексемы: *spirit, fairy, puck, witch*. Они представляют собой комплекс мифологических образов, которые играют важную сюжетобразующую функцию и представлены в рамках пьес в роли положительных и отрицательных персонажей. К положительным персонажам относятся *spirit, fairy* и *puck*. Эти существа из кельтской мифологии приобрели положительную оценку в комедиях «Буря» и «Сон в летнюю ночь» и представляют собой бессмертных существ маленького роста, тесно связанных с природными стихиями. К отрицательным персонажам относятся ведьмы, которые характеризуются как зловещие и могущественные существа, вмешивающиеся в жизни людей и доставляющие им неприятности. Предполагается, что подобная односторонняя оценка ведьм связана с реформацией католической церкви, в ходе которой изменилось отношение к языческим верованиям, и с проводимой в то время активной охотой на ведьм.

Цель доклада заключается в выявлении, описании и изучении функции языковых единиц, связанных с язычеством, в творчестве У. Шекспира, а также в культуре средневековой Англии конца XVI — начала XVII в.

Для исследования были использованы оригинальные тексты пьес «Буря», «Сон в летнюю ночь», «Макбет» под редакцией Б. А. Моват и П. Верстин. Теоретическую основу работы составляют исследования отечественных и зарубежных ученых по вопросам филологии и лингвистики, в том числе исследования в области язычества и кельтской мифологии (Н. Пенник, П. Джонс, К. М. Бриггс), работы по лингвоаксиологии (В. И. Карасик, Е. Ф. Серебренникова) и исследования, посвященные изучению мифологических существ в творчестве У. Шекспира (С. Итон, М. Э. Лэм).

Работа выполнена в рамках антропологического подхода с использованием следующих методов анализа: лексико-семантического, сравнительно-сопоставительного, контекстуального, этимологического и культурологического.

Сквозь призму кельтской мифологии, которая относится к языческим верованиям, удалось выяснить, что в анализируемых пьесах У. Шекспира установились определенные образы фей и ведьм, которые впоследствии укоренились в культуре Западной Европы и стали основой для современного восприятия этих мифологических существ.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ В МЫСЛИ И ТВОРЧЕСТВЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Аксенова Дарья Алексеевна

магистрант 1 курса, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Исследование посвящено анализу влияния науки и философии на литературу первой трети XX в. в плане рассмотрения идеи четвертого измерения, под которым, в первую очередь, понималось время. Новизна работы заключается в очерчивании широкого научно-философского фона, способствовавшего развитию в литературе представлений о четырехмерности мира. Доказывается фундаментальность трудов Ч. Хинтона «Четвертое измерение» («The Fourth Dimension») и «Новая эра мысли» («A New Era of Thought»), являющихся проводником между литературной средой и точными науками благодаря его переложению Р. Штайнером и П. Успенским.

Установлено наличие значимых пересечений в интерпретации четвертого измерения В. Хлебниковым, А. Белым и М. Волошиным. Это обусловлено контактами с Вяч. Ивановым, поклонником штайнерианских идей. Так, Хлебникова и Белого связывают представления о существовании вывернутого пространства. В качестве общего источника этих идей можно назвать «Иконостас» П. Флоренского: в нем предлагается рассмотрение «невидимой» стороны мира и возможности времени выворачиваться и течь в обратном направлении. Та же идея применима к описанию Белым подъема с женой А. Тургеневой на пирамиду Хеопса: «Для меня же эта вывернутость наизнанку связалась с поворотным моментом всей жизни; последствие пирамидной болезни — перемена органов восприятия» [Белый, 1990: 395]. Основой этих размышлений являются идеи Штайнера (в четырехмерном пространстве мы «выворачиваем наизнанку представление за внешний объект» [Штайнер, 2007: 36]). Известно о знакомстве Флоренского с антропософскими идеями, изложенными в работах немецкого мыслителя. Белый, в свою очередь, посещал сеансы медитации Штайнера; Хлебников, возможно, частично перенимал штайнерианские идеи через Флоренского и Иванова.

Встречное движение временных потоков и застывшего времени — еще один феномен, объединяющий названных нами авторов. В теории Флоренского эта идея отражается в представлении о разрыве между Небом и Землей, когда изменяется направление течения времени и скорость света приближается к бесконечности. Возможно, эти мысли заимствованы из лекций Штайнера: «Где потоки встречаются, там возникает застой» [Штайнер, 2007: 45]. Именно из взаимонаправленного движения образуется четвертое измерение. Волошин и Хлебников более прочих акцентировали внимание на связи времени с пространством (что иллюстрируют «Ка» и «Дети выдры» Хлебникова и письма Волошина М. Сабашниковой): «время есть перевернутое пространство» [Хлебников, 2006: 29], «в четвертом измерении время станет чисто пространственным отношением» [Волошин, 2013: 50].

Так, источником представлений Хлебникова о четырехмерности мира являются не только труды Г. Минковского, что показывают его записи, но и лекции Штайнера 1905 г., труды Хинтона. Важным оказывается разделение восприятия четвертого измерения на теософское и научное, которые могли смешиваться, напр., в теории Успенского, что отразилось во взглядах Волошина.

Литература

Белый А. Между двух революций. Воспоминания: в 3-х кн. Кн. 3. М., 1990.

Волошин М. А. Собрание сочинений: в 13 т. Т. 11. Кн. 1. Переписка с Маргаритой Сабашниковой. 1903–1905. М., 2013.

Хлебников В. Доски судьбы // Хлебников В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. М., 2006.

Штайнер Р. Четвертое измерение. Математика и действительность. М., 2007.

ЗНАЧЕНИЕ И ПОЛОЖЕНИЕ РАМКИ В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ГРУППЫ «КОЛЛЕКТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ»

Попова Анастасия Сергеевна

студент 3 курса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Московский концептуализм, активно развивавшийся в 1970-х гг., искал границы между искусством и жизнью, поэтому создание произведений было для концептуалистов не конечной задачей, а средством нахождения этих границ. Проникновение жизни в искусство стало особенностью их творчества, поэтому для авторов было важно наличие рамки. Она помогала идентифицировать произведение как искусство.

Эта функция рамки не была достаточно изучена другими исследователями, поэтому в настоящей работе рамка анализируется как необходимая часть произведения, отделяющая его от не-искусства, а также способная иметь более высокую художественную ценность, чем само произведение, которое она обрамляет.

Исследование рамки проведено на примере московской группы «Коллективные действия», одним из создателей которой был поэт А. Монастырский. Она проводила акции «Поездки за город». Основной задачей акций было не создание законченного или художественно ценного произведения, а изучение психологического аспекта, отношения приглашенных людей к увиденному или услышанному.

Основной материал анализа — описательные тексты акций, созданные участниками группы и приглашенными на акции зрителями.

В ходе работы использованы также немногочисленные исследования, посвященные деятельности «Коллективных действий» и рамке в концептуальном искусстве. Напр., Б. Гройс в статье «Московский романтический концептуализм» пишет, что в результате акции её создатели хотели «разложить зрительский эффект от события на его первоэлементы: пространство, время, звучание, число фигур» [Гройс, 1979: 343]. Т. е. работа велась с чувствами приглашенных людей, тогда как сама акция была лишь средством, благодаря которому эти чувства появлялись.

Анализ самих акций и их структурирование оказались важны для определения позиции рамки в них. Основные выводы исследования связаны, таким образом, с определением рамки как состояния ожидания и рефлексии, обрамляющих «пустое действие». Кроме того, если рассматривать это действие как самостоятельное произведение, внутри него сложно определить точные границы. Сложно определить, в какой именно момент начиналась акция и в какой заканчивалась. Рамки действия часто зависели от восприятия их участниками. Напр., по воспоминаниям В. Некрасова, во время акции «Десять появлений» он шел по лесу, откуда решил не возвращаться на поляну, вопреки правилам акции. Он вышел к дороге и уехал в город. Получается, что Некрасов самостоятельно продлил для себя акцию, не обозначив её конец, ведь и поездка домой из леса воспринималась им как продолжение действия. Из рассказов участников акций видно, что каждая из её частей, а именно ожидание действия, его начало, середина и конец, может являться рамкой для всего остального. Отсюда ещё один вывод: границы рамки в концептуальном искусстве размываются, она незаметно переходит из одной части произведения в другую. Границы рамки стираются, а сама она становится важнее центрального действия. В акциях группы «Коллективные действия» рамка выходит на первый план, границы и центр действия меняются местами, выполняя функции друг друга.

Литература

Гройс Б. Московский романтический концептуализм // World Art Музей. 2005. № 15/16. С. 343–351.

Некрасов В. Об акции «Десять появлений»: Московский концептуализм. Концептуальное искусство. URL: <http://conceptualism.letov.ru/Rasskaz-V-Nekrasova-ob-akcii-10-pojavlenii.html> (дата обращения: 01.11.22).

МУЗЫКА КАК (НЕ)КОММУНИКАЦИЯ В КНИГЕ Г. ИВАНОВА «ОТПЛЫТИЕ НА ОСТРОВ ЦИТЕРУ»

Федюкина Алена Евгеньевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе рассматривается тема внутренней коммуникации в лирике Г.Иванова. Ставится вопрос о функции музыки в лирическом тексте, её связи с аксиологией поэтического произведения.

Цель доклада заключается в описании роли музыки как средства коммуникации в художественном мире сборника Иванова «Отплытие на остров Цитеру» (1937). Новизна работы заключается в подходе к тексту как коммуникативной системе, где медиатором (средством коммуникации) выступает другой вид искусства — музыка. Такой взгляд определяется характером самого музыкального искусства: «смысл музыкального образца, как художественного творения, во многом сакрален и представляет собой иную реальность» [Келле, Джани-Заде]; «именно в музыке происходят размыкание физического пространства и переход в другую реальность, сопровождающиеся катарсисом» [Бугаева, 2010: 332] (т. е. музыка — символический посредник между двумя мирами).

Принцип рассмотрения характера посредничества подсказан работой И.П.Смирнова «Психодиахронологика: Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней» [Смирнов, 1994], где дается классификация типов посредничества по отношению к поэтической системе старших символистов (в науке существует мнение о возможности отнесения Иванова к постсимволистам).

Материалом доклада выступают первые 20 текстов сборника Иванова (остальные стихотворения книги уже были опубликованы ранее). Выбор материала обусловлен тем, что в этой поэтической книге музыка становится доминантой лирического текста: выступает как мотив, обнаруживаются лексические повторы слова *музыка* и музыкальный принцип формирования поэтической интонации. Намеченный еще в «Розах» мотив музыки в следующем за ним «Отплытии...» становится структурообразующим.

В сборнике встречаются как прямые упоминания музыкального искусства («Это музыка миру прощает / То, что жизнь никогда не простит»; «Мне кажется, будто и музыка та же. / Послушай, послушай, — мне кажется даже...»), так и косвенные, когда в тексте используются слова, принадлежащие к аудиальной сфере («Это звон бубенцов издалика, / Это тройки широкий разбег»). В работе подвергаются анализу только непосредственные обращения к музыке (с упоминанием самой лексемы) как наиболее очевидные.

В результате анализа удалось выявить, что музыка в художественном мире Иванова соотносится с пониманием музыки младосимволистами: А. Блоком и А. Белым. Однако с точки зрения коммуникативной функции она имеет иной характер: музыка больше не связывает земное пространство с неземным — посредничество обнуляется.

Литература

Бугаева Л. Д. Литература и rite de passage. СПб., 2010.

Смирнов И. П. Психодиахронологика: психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М., 1994.

Келле В., Джани-Заде Т. Музыка // Энциклопедия «Кругосвет»: универсальная научно-популярная энциклопедия. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/muzyka/MUZIKA.html (дата обращения: 18.02.23).

Иванов Г. В. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Стихотворения. М., 1993.

ЖЕНСКИЙ АРХЕТИП В ТВОРЧЕСТВЕ С. Д. ДОВЛАТОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ «ФИЛИАЛ: ЗАПИСКИ РЕДАКТОРА»)

Холоден Екатерина Владимировна

студент 3 курса, Дальневосточный федеральный университет

В литературе и искусстве существует множество произведений, которые используют универсальные символические образы. К. Г. Юнг, швейцарский философ и психолог, определил их как архетипы, т. е. древнейшие универсальные образы.

В творчестве С. Д. Довлатова важную роль играют женские образы. В текстах автора женщины фигурируют в качестве героев («Блюз для Натэллы», «Компромисс» и др.) и в роли адресата посвящений («Заповедник», «Иностранка» и др.). В его произведениях можно увидеть ярко выраженный женский архетип, который является неотъемлемой частью мифопоэтической картины художественного мира автора.

Несмотря на немалый интерес к произведениям Довлатова и обращение к ним многих исследователей и критиков, на данный момент женский образ остается недостаточно изученным аспектом его творчества.

Доклад посвящен женскому образу, представленному в повести Довлатова «Филиал: Записки редактора», в свете теории архетипов Юнга. Цель доклада — выявить особенности проявления женского архетипа в тексте Довлатова, проанализировать его символический характер и определить его значение для более глубокого понимания творчества автора.

В докладе использовались методы имманентного и психопоэтического анализа.

Анима — один из основных архетипов, разработанных Юнгом. В ходе анализа авторских оценок, внешнего облика и поведения главной героини повести «Филиал», Таси, выявлено, что основные черты, определяющие архетип Анимы, явно представлены в ее образе.

Напр., согласно Юнгу, Анима являет собой «жизнь по ту сторону всех категорий» [Юнг, 1991: 62], с чем связана двойственность образа: она может представлять как в возвышенном, так и в сниженном виде. Безупречной и легкой видится Тася главному герою, Далматову, при первой встрече: «Она высокая, стройная. Голубая импортная кофточка открывает шею. Тени лежат возле хрупких ключиц.» [Довлатов, 1999: 25]. Совсем другой она видится ему в их встречу в Лос-Анджелесе спустя 15 лет после расставания: «Короче, я увидел Таську в невообразимом желтом одеянии» [Довлатов, 1999: 23]. Однако стоит отметить, что несмотря на это она не теряет своей красоты — Анима находится вне всех изменчивых категорий. Столкновение с данным архетипом для героя — испытание, проверка его мужества и духовной силы. После знакомства с Тасей рассказчик неоднократно решается на рискованные, необдуманные поступки: бросает учебу, уходит в армию: «Университет я бросил из-за нее. В армии оказался из-за нее...» [Довлатов, 1999: 30].

Появление Таси в Лос-Анджелесе, в отеле, где поселился Далматов, овеяно тревогой. В неприятном, настороженном ожидании замирает окружающий мир. В тексте мы находим следующие детали обстановки комнаты отеля: «рев амбулаторной сирены», «странный запах болотной тины» и др. [Довлатов, 1999: 22]. О своем беспокойном состоянии рассказчик говорит напрямую: «Я испытывал чувство страха» [Довлатов, 1999: 23]. В чертах, связанных с архетипом Анимы, Юнг видит особую магию, опасность.

Воссоздавая в своем произведении этот архетип, Довлатов вносит в него всеобщий, издревле существующий образ. Исследования в этом направлении могут быть продолжены. Перспективным, на наш взгляд, является изучение других архетипических образов, представленных женскими персонажами в произведениях автора.

Литература

Довлатов С. Д. Филиал: Записки ведущего // Довлатов С. Д. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. СПб., 1999. С. 5–131.

Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1991.

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ФЕМИНИСТСКАЯ ПРЕССА: СОЗДАНИЕ БАЗЫ ДАННЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА «ЖЕНСКИЙ ВЕСТНИК»)

Кравченко Юлия Сергеевна

магистрант 1 курса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

«Женский вестник» (далее — ЖВ) был одним из первых феминистских журналов в России. Он издавался в Петербурге с 1904 по 1917 г. и был ориентирован преимущественно на образованных женщин, которые обладали ресурсами, чтобы включиться в борьбу за равноправие. Это был самый долговечный дореволюционный феминистский журнал.

Нельзя сказать, что ЖВ игнорировался в исследованиях дореволюционной женской прессы, однако основное внимание уделялось его идеологической составляющей. Большинство работ посвящено деятельности редактора-издательницы М.И. Покровской, анализу ее текстов и издательской стратегии журнала [Крадецкая, 2013; Симонова, 2015; Юкина, 2007]. Несмотря на активное распространение современных компьютерных методов изучения журналов, для анализа ЖВ они ранее не применялись.

В рамках настоящего доклада мы предлагаем создать базу данных смешанного типа, в основу которой лягут выпуски ЖВ и его гендерная проблематика, что позволит раскрыть потенциал журнала как источника изучения массовой литературы начала XX в., а также нарративов, создававшихся участницами дореволюционного женского движения. Планируется перевести в цифровой формат все доступные выпуски ЖВ и проанализировать их с учетом гендерной проблематики те публикации, которые так или иначе связаны с художественной литературой (художественные произведения, рецензии, некрологи писателей и др.), а также выяснить, какое место они занимают среди других публикаций.

Впоследствии возможна работа с другими феминистскими и массовыми женскими журналами. Для этого необходимо осуществить анализ публикаций ЖВ, выявить их основные темы, лексические особенности, а в случае литературных текстов — и структурные, и возможности их использования в изучении проблемы женского письма в массовой литературе начала XX в.

Для разметки текста мы также предлагаем следующие группы тэгов, которые помогут работать с большим объемом данных: художественная литература (жанры, цитаты, отсылки и т. п.); проблемы (гендерное неравенство, эссенциализм, дарвинизм, женский труд, женское образование, медицина, право голоса, женщина и семья, война и т. п.); другие издания (издания, на которые ссылается или с которыми полемизирует автор); персоналии, организации, география (данные тэги позволяют проанализировать контекст, в котором существовал журнал).

Проект имеет междисциплинарный характер. Подобная база данных станет важным инструментом для филологов, изучающих массовую литературу и ее рецепцию, исследователей женских журналов начала XX в., историков журналистики, гендерных лингвистов, историков женского движения и др.

В результате реализации проекта будут решены задачи сохранения коллекции выпусков ЖВ как историко-культурного памятника и открыты новые возможности ее использования для научных исследований, образования и просвещения.

Литература

Крадецкая С. В. «Женский вестник» (1904–1917). Опыт издания феминистского журнала в России // Женщина в российском обществе. 2013. №1(66). С. 72–81.

Симонова О. А. Женские журналы в начале XX века: критика, рецепция, полемика // Женщина в российском обществе. 2015. № 1. С. 24–32.

Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007.

СЕМИОТИКА ЖЕНСКОГО В ПЛАКАТНОЙ КУЛЬТУРЕ 1920–1930 ГГ.

Ильина Наталья Дмитриевна

студент 4 курса, Балтийский федеральный университет им. И. Канта

В социальных и агитационных плакатах СССР 1920–1930 гг. особого внимания заслуживает женская тема. В этот период формируется социокультурная составляющая новой советской государственности, которая вносит свои коррективы в глубоко укорененный в русской культуре образ женщины. Формируется новый гендерный образ сильной, эмансипированной, борющейся за свои права героини.

Начиная с 1920 гг. в советской плакатной культуре складываются два основных вектора образа изображения женщины. Первый тип — героический (с 1920 гг. и позже). Он характеризуется пониманием женщины как источника деятельного начала, стремлением к расширению сфер социальной активности, в которых она может реализоваться. В вербальном коде плакатов 1920-х — 1930-х гг. с вышеуказанным типом героинь встречаются номинации *работница, пролетарка, труженица, ударница, колхозница, делегатка, крестьянка*, он сопровождается соответствующим визуальным кодом. Женщины героического типа изображались преимущественно в красных платках, которые были символом революционности и прогрессивности. Работницы повязывали головной убор, преимущественно делая узел сзади, крестьянки же традиционно завязывали платок спереди.

Второй тип героинь плакатов — традиционный («деметрианский» [Хлопонина, 2017: 288]), т. е. героиня плаката — это мать или продолжательница рода (с 1925 г.). Данный образ женщины представлен в меньшем количестве плакатов указанного периода. Для него характерны номинации *мать, женщина-мать* или отсутствие обращений в вербальном коде плакатов, но считываемые по визуальному коду образы беременной женщины или женщины с ребенком. При этом отец может визуально отсутствовать. Героини традиционного типа на плакатах также изображались в платках, с 1928 г. встречаются плакаты с героинями без головных уборов.

Тематически плакаты с типом героической женщины направлены на изображение строительства новой жизни («*Крестьянка! Будь готова уйти от старой жизни к новой*»; «*Работница, будь в передовых рядах строителей социализма*»), в которой женщина станет грамотной и сможет управлять страной («*Каждая кухарка должна научиться управлять государством. Ленин*»), а также освободиться от «гнета и обывальщины домашнего быта» («*8 марта — день восстания работниц против кухонного рабства*»). Плакаты о материнстве включают в себя комплекс тем, посвящённых правильному воспитанию ребенка («*Соски и жвачки убили крестьянских детей больше, чем пули солдат*») и социальной поддержке матерей в молодом коммунистическом государстве («*Тракторы и ясли — двигатели новой деревни! Не забывают о родильной помощи и консультациях в колхозах и совхозах*»).

Таким образом, в 1920-е — 1930-е гг. меняется план выражения женского образа. Семiotическое поле героини включает два вектора — героический и традиционный, и связанные с ними тематическое наполнение и визуальный код, что отражает социокультурный контекст рассматриваемого периода.

Литература

Хлопонина О. О. «Женский мир» в советском плакате 1910–1930-х годов: эволюция мифологических конструкторов // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 4. С. 287–295.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ АВТОБИОГРАФИЯ: ОПЫТ АЛЕКСАНДРА ГОЛЬДШТЕЙНА

Стрельникова Варвара Глебовна

*магистрант 1 курса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
в Санкт-Петербурге*

В докладе ставится проблема превращения историко-литературного нарратива в автобиографический и пересечения границы между документальным и фикциональным в работах Александра Гольдштейна — русскоязычного автора, родившегося в Эстонии, до 1991 г. жившего в Баку, а затем эмигрировавшего в Тель-Авив.

Выход за границы строго исследовательских задач учеными и исследователями — нередкое явление в истории литературы. Напр., особое художественное видение в научных трудах Ю. Н. Тынянова замечал Б. М. Эйхенбаум [Эйхенбаум, 1969], авторский и «альтернативный» историко-литературный нарратив создавался Д. П. Святополком-Мирским [Ефимов, 2016].

В 1997 г. публикуется первая книга Гольдштейна «Расставание с Нарциссом: опыты поминальной риторики» — сборник эссе, написанных для израильского литературного журнала «Зеркало». За эту книгу автор получил сразу две премии, «Малый Букер» и «Антибукер». Эссе посвящены истории советской литературы, которая описана с помощью сравнения с историей Нарцисса. Автор утверждает, что советская литература, вдохновляясь больше 70 лет только своим отражением, исчерпала себя, и объясняет, как постсоветская литература должна пережить насильственный разрыв замкнутого круга, в котором она существовала [Гольдштейн, 2011]. Но в книге он создает не просто индивидуальную историю советской литературы — Гольдштейн наделяет повествование фикциональными элементами и подробностями своей жизни, выступая как герой предложенного им историко-литературного нарратива.

В докладе будет описано, как подобный переход можно объяснить, с одной стороны, спецификой исторической науки с точки зрения лингвистического поворота в историографии, применяя метод структурного анализа нарратива, а с другой — через процесс чтения, трактуемый вслед за П. Рикёром [Ricoeur, 1981] как процесс присвоения чужого дискурса и изменения собственного дискурсивного поля, который делает читателя как субъектом, так и объектом этого процесса, при этом наделяя его равной с автором текста агентностью. В работе показано, как исследователи, неизбежно принимающие на себя роль читателей и критиков, примером которых служит Гольдштейн, апроприируют изучаемые ими тексты и явления, позволяя себе не только вольные интерпретации, но и использование объектов исследования в качестве инструментов пересоздания собственной идентичности и средств самоописания.

Литература

Гольдштейн А. Расставание с Нарциссом. Опыты поминальной риторики. М., 2011.

Ефимов М. В. Статьи и рецензии Д. П. Святополк-Мирского в журнале «Slavische Rundschau» (1929–1932) // Литературный факт. 2016. Вып. 1–2. С. 83–94.

Эйхенбаум Б. Я. Творчество Ю. Тынянова // Эйхенбаум Б. Я. О прозе. Л., 1969. С. 380–420.

Ricoeur P. Hermeneutics and the human sciences. Cambridge, 1981.

СЕМЬЯ И БРАК В РОМАНЕ И. А. ЕФРЕМОВА «ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ»

Тюнина Ксения Витальевна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе предпринята попытка описать концепцию отношений между полами в аспекте социальной организации (брак, семья) в романе советского писателя-фантаста И. А. Ефремова «Туманность Андромеды». Данный роман — утопическое научно-фантастическое произведение о далеком коммунистическом будущем, в нем писатель излагает свое представление об устройстве идеального общества, его социальной структуре и взаимоотношениях между людьми.

Многие исследователи указывали на наличие феминистских идей в творчестве Ефремова (А. Бритиков, Л. Геллер, М. Галина, В. Комиссаров). Семья и брак нового типа — это лишь один из аспектов феминистской концепции писателя. Научная новизна доклада определяется отсутствием отдельных работ, посвященных «женской теме» в интерпретации Ефремова. Исследование проводилось с опорой на труды, посвященные теории семьи и советскому феминизму (С. Айвазова, М. Бакли, Р. Стайтс и др.).

Основная форма брака и семьи в утопическом мире будущего «Туманности Андромеды» — последовательная нерегламентированная моногамия эгалитарного типа, предполагающая отношения между мужчиной и женщиной. В рамках данной формы семьи и брака, основанной на демократических отношениях и равенстве, состоящие в отношениях люди не имеют альтернативных партнеров, но в дальнейшем могут вступать в другие романтические отношения — после завершения предыдущих.

Показательна здесь история Веды Конг и Эрга Ноора. Они были вместе до тех пор, пока Эрг Ноор не улетел в экспедицию, в которой он познакомился ближе с Низой Крит, а Веда Конг в его отсутствие сблизилась с Даром Ветром. Однако при этом они не вступают в другие отношения. Веда Конг преданно ждет возвращения Эрга Ноора после экспедиции. Лишь при встрече они признают, что их пути разошлись, и только тогда начинают новые отношения. При этом отношения законодательно не регулируются: в мире будущего упразднен институт семьи и брака, взаимоотношениями героев управляет свободная любовь. Кроме того, семейная ячейка сужается до союза двух людей, так как дети с раннего возраста находятся в школах и получают общественное воспитание.

В результате исследования выявлена типологическая связь идей писателя с советской версией феминизма периода 1917–1920-х гг. Идеи нового эгалитарного (партнерского) типа семьи, свободной любви и общественного воспитания детей продвигались в указанный период теоретиками советского феминизма (прежде всего, Н. Крупской и А. Коллонтай). В рамках партийно-государственной политики был отменен церковный брак и введен гражданский (т. е. регламентация сохранялась), однако при этом советская власть значительно упростила процедуру развода, а зарегистрированный и незарегистрированный брак рассматривались как равнозначные.

Таким образом, идеи семьи и брака в творчестве Ефремова и советском феминизме типологически сходятся и имеют одну направленность — предоставление женщинам равноправия в семейной жизни.

ПОЭТИЧЕСКИЙ СПЕКТАКЛЬ «В ТЕНИ БРОДСКОГО»: КОМПОЗИЦИЯ И ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ

Ермолаева Карина Рустамовна

магистрант 1 курса, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

В настоящее время поэтический театр, имеющий в России давние традиции и богатую историю, вновь переживает расцвет. Как современный театр нередко обращается к поэзии, так и современные поэты довольно часто выбирают театральную сцену в качестве одной из площадок для представления своего творчества. Однако систематическое изучение поэтического театра началось лишь недавно [Поэтический театр, 2021: 3]. В 2021 г. в Центре Вознесенского прошла первая научная конференция «Поэтический театр в России» и вышел сборник статей по прочитанным на ней докладам [Поэтический театр, 2021].

В качестве материала исследования нами был выбран поэтический спектакль «В тени Бродского», поставленный режиссером С. Земляковой со студентами курса К. Райкина (выпуск 2021 г.) и исполнявшийся на сценах ВШСИ и театрального центра «На Страстном» с ноября 2019 г. по июнь 2021 г. Постановка ранее объектом исследования не становилась.

Спектакль состоит из четырех вполне самостоятельных частей, основой каждой из которых являются биография и стихотворения поэтов Ленинграда 1960-х–1970-х гг.: Глеба Горбовского, Олега Григорьева, Леонида Аронсона, Алексея Хвостенко и Александра Миронова. Части связаны друг с другом лейтмотивами и оппозициями, сложное взаимодействие которых на разных уровнях (в сценографии, звуковом и световом сопровождении, костюмах, реквизите, художественных и документальных текстах) составляет основу действия.

Спектакль функционирует по законам не столько драматическим, сколько поэтическим (в частности, мотивы рифмуются между собой, противопоставляются друг другу и наслаиваются один на другой, благодаря чему постановка и воспринимается как единое целое, хотя состоит из отдельных частей). К примеру, одним из центральных лейтмотивов постановки является образ И. Бродского, связанный с идеей тоталитарной власти, угнетающей и ограничивающей свободу. Во время исполнения стихотворений Бродского тревожно звучит контрабас, актеры выходят одетые в стеганные ватные куртки и черные шапки, подобно заключенным, свет мигает и гаснет. Очевидно, что судимый и ссыльный Бродский был жертвой советской власти (на что в первую очередь указывают ватные куртки), однако в контексте спектакля поэт и сам отчасти выступает в качестве тоталитарной силы, невольно подавляющей поэтов-современников. Реализуемые на разных уровнях мотивы, наслаиваясь друг на друга, делают трактовку образа поэта неоднозначной, подвижной и оживляют его «мейнстримные» (для 2010-х гг.) стихотворения (напр., «Не выходи из комнаты» (1970)). Также тесно связаны в спектакле эпоха «оттепели» и мотивы света, жизни, расцвета, свободы, а противоположны им эпоха «застоя» и тень, смерть, болезнь, несвобода.

Сходный принцип ассоциативного монтажа активно использовал в своих постановках ещё Ю. Любимов [Мальцева, 1999: 43—61]. Однако в спектакле «В тени Бродского» подобное построение во многом продиктовано используемым режиссером материалом: стихотворениями и мемуарами.

Таким образом, «В тени Бродского» является интересным примером современного поэтического спектакля, опирающегося на традицию поэтического театра второй половины XX в. и переосмысляющего ее.

Литература

Мальцева О. Н. Поэтический театр Юрия Любимова: спектакли Московского театра драмы и комедии на Таганке: 1964–1998. СПб., 1999.

Поэтический театр в России XX—XXI веков: сборник статей Первой научной конференции / отв. ред. Ю. Н. Гирба. М., 2021.

РАССКАЗ М. КУЗМИНА «ДАМА В ЖЕЛТОМ ТЮРБАНЕ» И РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА В. Л. БОРОВИКОВСКОГО В НАЧАЛЕ XX В.

Веревкина Дарья Михайловна

магистрант 1 курса, Европейский университет в Санкт-Петербурге

Рассказ М. Кузмина «Дама в желтом тюрбане», опубликованный в сборнике «Бабушкина шкатулка» в 1918 г., содержит экфрасис вымышленной миниатюры В. Л. Боровиковского. По сюжету Вятские — мать Прасковья Ивановна и дочь Лизанька — из бедности вынуждены продавать старинную мебель, в которой находят дорогую миниатюру работы Боровиковского, изображающую даму в тюрбане. Портрет сначала попадает на витрину магазина, а затем возвращается в дом Вятских и приводит в их дом чудаковатого незнакомца Имбирева, влюбившегося в женщину на миниатюре. Лизанька решает обыграть свое сходство с портретом и очаровывает Имбирева. Таким образом, миниатюра становится смысловым центром рассказа. Портрет работы Боровиковского функционирует как знак роскоши, а на сюжетном уровне дает повод для развития любовной линии.

При этом появление в рассказе имени Боровиковского, почти забытого в XIX в., само по себе кажется примечательным. Прояснить эту деталь могут обстоятельства, при которых создавался рассказ.

Начало XX в. отмечено всплеском интереса к отечественной живописи XVIII в. Во многом этот интерес был спровоцирован устроенной С. П. Дягилевым в 1905 г. выставкой русских портретов, которую посетил и Кузмин. Кроме того, обращение к живописи XVIII в. можно объяснить влиянием объединения «Мир искусства» (и конкретно А. Н. Бенуа) на творчество Кузмина. Бенуа, реализуя программу мирискусников, в своей публицистике пытается возродить интерес к прошлому русского искусства. В частности, в «Истории русской живописи в XIX веке», он дает характеристику творчеству Боровиковского. Работы портретиста получают у Бенуа смешанную оценку: с одной стороны, подчеркивается их однообразность, с другой — притягательность, сентиментальность.

Итак, стиль Боровиковского, за которым благодаря Бенуа закрепляется слава психологически неглубокого, но обаятельного художника, в рассказе Кузмина становится воплощением сентиментально и в то же время иронично осмысленного прошлого.

Устойчивые ассоциации, которыми обрастает творчество Боровиковского в начале XX в., дополнительно подчеркиваются за счет соотнесенности рассказа «Дама в желтом тюрбане» с другим рассказом из сборника «Бабушкина шкатулка» — «Портрет с последствиями». Точкой пересечения этих текстов становится использование экфрасисов вымышленных портретов, которые в рамках сборника задают мотивное противопоставление прошлого и настоящего. Антитеза портретов в двух рассказах дополнительно подсвечивает закрепленный за миниатюрой Боровиковского образ гармоничного и безмятежного прошлого.

А. ГРИН В ДНЕВНИКАХ СОВЕТСКИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Ворошилова Мария Евгеньевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование сосредоточено на изучении читательского взаимодействия с текстами А. Грина. Наследие писателя является значимым для советской и постсоветской культуры, однако рецепция его произведений на данный момент мало изучена. Исследователи останавливались на изучении официальной репрезентации личности и творчества Грина, вопросы же читательского восприятия ранее практически не рассматривались. Таким образом, материал и тема исследования особенно актуальны для современного гриноведения.

Целью представленного исследования является сбор и анализ дневниковых заметок советских читателей Грина для дальнейшего определения способов взаимодействия с прочитанным и факторов, влияющих на отношение читателей к гриновским текстам. Материалом доклада стали дневниковые заметки, сделанные с 1930-х по 1980-е гг. Временной промежуток был обозначен с целью рассмотрения значения гриновского наследия именно для советского читателя. Кроме того, выделенный промежуток представляется наиболее интересным с точки зрения влияния официальной репрезентации на читательские отзывы.

Источником материала является электронный корпус дневников и воспоминаний «Прожито». Также используются печатные издания воспоминаний участников читательских сообществ [Первова, 1988]. Методология исследования основана на работах по рецептивной эстетике, истории и социологии чтения [Шартье, 2006; Яусс, 1995].

В результате анализа были выделены способы взаимодействия читателей с текстами Грина и переживания ими прочитанного: размышления и комментарии о произведениях, выражение реакции в собственном творчестве, сопоставление с текстами других писателей. Были отмечены и применения творчества писателя к жизни: напр., описание впечатлений от южных городов со ссылками на города из произведений Грина.

Также в ходе работы была очерчена история читательских обращений к писателю. Так, наиболее важную роль его творчество играло для читателей начала 1940-х гг., а затем конца 1950-х–1970-х гг.

Кроме того, из анализа дневниковых записей и биографических материалов сделан вывод о том, что гриновская романтика была особенно значима для мировоззрения целого поколения молодых людей.

В качестве факторов, повлиявших на рецепцию текстов писателя, были выделены репрезентация его личности и творчества в публицистике и художественной литературе, творческие интерпретации его текстов (театральные постановки, радиоспектакли, иллюстрации), общение и обмен мнениями в читательских сообществах, а также общий круг чтения авторов выбранных дневников.

Литература

- Первова Ю. Алые паруса в сером тумане // Грани: Журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли. 1988. № 147. С. 143–187.
- Шартье Р. Письменная культура и общество. М., 2006.
- Яусс Х. Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. №12. С. 34–84.
- Электронный корпус дневников и воспоминаний «Прожито». URL: <https://prozhitto.org/> (дата обращения: 09.03.2023).

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИЗУЧЕНИЯ ТЕАТРАЛЬНОГО ЭКФРАСИСА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА О. УАЙЛЬДА «ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ»)

Романюта Екатерина Григорьевна

студент 4 курса, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Некоторые виды экфрасиса, напр., живописный, изучены достаточно подробно, тогда как другие, напр., театральные экфрасисы, почти не затрагивались в научных работах.

Цель настоящего доклада — выявить особенности и перспективы применения теоретической рамки для театральные экфрасиса и на примере интерпретации шекспировской пьесы в романе О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» сформулировать базовые отличительные черты этого явления.

В основе анализа лежит теория экфрасиса, однако она часто не учитывает специфики театрального искусства, поэтому в докладе её дополняют некоторые положения и инструменты интермедиальной и нарратологической теорий.

Театральное искусство по определению мультимедиально, и это сказывается на его художественных средствах: он может задействовать и звук, и изображение, и текст. При этом следует иметь в виду, что театральная постановка не статична, а развёртывается во времени: всё это актуально при описании постановки «Ромео и Джульетты» в романе Уайльда.

В произведении содержатся два очень похожих описания этой постановки: ставится одна и та же пьеса, выбор деталей при описании обстановки в театре и самого действия на сцене, как и их оценка, часто совпадают. Несмотря на это, можно говорить о том, что в романе присутствуют два разных экфрасиса, которые различаются фокализацией (внутренней и нулевой) и, следовательно, структурой описания.

Самое главное несовпадение заключается в оценке игры Сибиллы Вэйн, исполняющей роль Джульетты. Важность исполнителя в театре делает невозможным поставить знак равенства между двумя экфрасисами. Эта ключевая особенность передаётся не столько через непосредственное описание постановок, сколько через демонстрацию зрительских реакций на них, что типично для разных проявлений интермедиальности.

Оба экфрасиса типологически двойственны: они описывают вымышленные постановки реальной и узнаваемой пьесы. Таким образом, они отсылают и к конкретному произведению, и к театру как виду искусства и культурному феномену. В структуре этих экфрасисов описание театра как определённого социально и культурно детерминированного пространства играет важную роль.

Можно заключить, что театральные экфрасисы в силу специфики своего предмета могут включать разные проявления интермедиальных ссылок. Его многосоставность увеличивает роль фокализации, особенно в выборе описываемых деталей. В его структуре важны репрезентация отклика и конструирование культурных отсылок, что типично для экфрасиса. Также проведенный анализ обнаруживает возможности продуктивного применения теории экфрасиса, дополненной интермедиальной теорией.

ДОСТРАИВАЯ ДОСТОЕВСКОГО: РОК-ОПЕРА «КАРАМАЗОВЫ» ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РЕЦЕПТИВНОЙ ЭСТЕТИКИ

Русских Елена Сергеевна

магистрант 1 курса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Наш доклад основан на идее о «вторичном» акте чтения, расширяющей концепцию В. Изера об акте чтения литературного произведения, и ставит перед собой задачу привнести новый ракурс в методологию анализа интерпретаций. Нам представляется, что филологический подход к анализу текста можно переиначить и сделать его междисциплинарным, сочетая рецептивистский анализ по Изеру с разбором перформативной части театральной постановки — технических средств, актерской игры, режиссерских решений.

Материалом исследования стали два произведения: рок-опера «Карамазовы» (реж. А. Рагулин) и роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Анализ проводится несколькими путями. Во-первых, производится сравнение первоисточника и театральной интерпретации, которое позволяет выявить возможные расхождения на сюжетном или мотивном уровне и открывает поле для постановки вопроса об изеровских «пробелах» [Изер, 2004] в тексте Достоевского. Во-вторых, обрисовывается концептуальная рамка исследования как попытки подступиться к «вторичному» акту чтения, который возникает после первичного контакта режиссера с текстом (здесь под «вторичным актом чтения» мы подразумеваем режиссерскую интерпретацию). В-третьих, так как мюзикл — синтетический жанр, необходимо учесть традиции его ана-

лиза, отметив музыкально-перформативную составляющую постановки и структурирование сцен режиссером.

Полученные результаты позволяют сформулировать дополнение к существующим методологиям анализа театрального материала, имеющего литературный первоисточник.

Особенный интерес представляет минималистичность оформления анализируемого спектакля и эпизодическое выстраивание нарратива, ведущее к подтверждению первичной гипотезы о важности «пробелов» в тексте, которые заполняет читатель-интерпретатор (в нашем случае — автор музыки и либретто). Показано, что интерпретативная составляющая может стремиться к бесконечности, и последующий анализ зрительской рецепции приводит к дополнительной надстройке нового, «третичного», акта чтения, за который будет ответственен уже следующий интерпретатор — зритель.

Литература

Изер В. Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория. Антология / Сост. И. В. Кабанова. М., 2004. С. 201–224.

СИНЕСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ КАК ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА В ПОЭЗИИ А. РЕМБО

Кузнецова Вера Владиславовна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Представленное в докладе исследование, проводившееся на материале поэзии А. Рембо, посвящено проблематике формирования художественного образа на основе синестезии. Поэзия Рембо была выбрана неслучайно: принцип «раскованной семантики» позволяет видеть в знаменательных частях речи символы и имена (в неоплатоническом смысле).

Выполнен анализ представлений о «псевдосинестезии» в американском научном дискурсе [Day, 2000], «творческой» синестезии голландского ученого Х. Хейрмана [Haugman, 2005] и «синестемии» отечественного ученого С. В. Воронина [Воронин, 2006], общее в которых — постулируемая биологическая необусловленность восприятия.

В ходе исследования стало ясно, что выделенные учеными разновидности представляют собой одно явление, которое может быть названо полимодальностью восприятия. Сделан вывод: синестезия, будучи рецептивным, зачастую не осознаваемым феноменом, не может быть отражена в знаковых системах, тогда как полимодальность восприятия предполагает рефлексивную сенсорную опору воспринимающим. Она также фиксируется наблюдателем, а при переходе на стадию апперцепции формируется образ, который при определенных условиях может быть закреплён в культуре.

В контексте литературоведческого дискурса этот вывод интересен тем, что природа образа, основанного на синестезии, может быть распознана только при условии наличия в нем полимодальности. На этом основании были проанализированы стихотворения Рембо, написанные в 1869–1871 гг. Выявленные полимодальные образы были классифицированы по грамматическому принципу на следующие группы: 1) адъективные (напр., *de noirs parfums*); 2) субстанциальные (*à la claire voix d'or*); 3) адвербиальные (*l'étoile a pleuré rose*); 4) глагольные (*danser une danse sonore*); 5) описательные конструкции (*Je regardai, couleur de cire, / Un petit rayon buissonnier*). Сонет «Гласные» оказался за пределами данной классификации, так как представляет собой логически выстроенную цвето-буквенную систему мирозерцания, согласующуюся с личным мировоззрением автора, а не с его синестетическим восприятием.

Отдельное внимание было уделено сравнению основных положений «теории соответствий» Ш. Бодлера и способа построения полимодального образа Рембо: если для Бодлера понятие цве-

та связано с понятием ощущения, то Рембо пропускает промежуточное звено «соответствий», напрямую констатируя цвет как чувство, и тем самым актуализирует культурные коннотации. Сопоставление философии имени с принципами поэзии французского символизма позволило говорить об особом способе организации поэтической речи: знаменательные части речи в поэзии французского символизма уподобляются имени, а сам поэтический текст — «нагнетаемому» процессу наречения, цель которого — «истинное имя». Полиmodalный сенсорный образ в данном контексте предстает как результат смешения имен разноmodalных ощущений и может быть выражен наиболее полно лишь с помощью философского символа, приходящего на смену художественному образу в классическом его понимании и таящего в себе потенциальную бесконечность смыслов.

Литература

Воронин С. В. Основы фоносемантики. М., 2006.

Day S. A comparison of true-synesthesia and pseudo-synesthesia composers // Прометей-2000: материалы Международной научной конференции. Казань, 2000. С. 77–80.

Hayrman H. Art and Synesthesia: in search of synesthetic experience // First International Conference of Art and Synesthesia. 25–28 July, 2005. URL: <http://www.doctorhugo.org/synaesthesia/art/> (assessed: 20.04.2023).

В. К. ЗАВАЛИШИН — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И ПОЭТ

Бельская Вера Дмитриевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Вторая волна русской эмиграции, в частности, изобразительное искусство и литература этого периода, до сих пор остаются малоизученными, что в первую очередь и обуславливает актуальность исследования. Помимо этого, русскоязычные деятели за рубежом были тесно связаны между собой, поэтому комплексное изучение взаимовлияния литературы и живописи этого периода поможет составить целостное представление о состоянии культуры русского зарубежья во время Второй мировой войны и после нее.

Одним из наиболее репрезентативных авторов второй волны русской эмиграции является Вячеслав Клавдиевич Завалишин, в 1933–1938 гг. учившийся на историко-филологическом факультете Ленинградского государственного университета [Петров, 2022: 122]. После эмиграции, уже в Америке, в Институте Славяноведения, он вел «Курс русской культуры в свете контактов живописи и поэзии» [Агеносов, 2022: 284]. Будучи искусствоведом и писателем одновременно, он ставил субъективное ощущение выше научного познания [Завалишин, 1980: 128].

Материалом для доклада стали посвященные художникам стихотворения из единственного поэтического сборника Завалишина «Плеск волны». Помимо текстов стихотворений, он включает в себя авторское послесловие о связи литературы и живописи, а также репродукции картин авторов, которым посвящены стихотворения.

Нами были выделены два главных аспекта: во-первых, образ корабля как образ русской эмиграции является лейтмотивом всего сборника, но в то же время используется не абстрактный образ, а конкретные названия кораблей, что дает фактологическую информацию; во-вторых, рассматриваемые нами стихотворения посвящены работам художников русской эмиграции, и наша цель — понять, в каких взаимоотношениях они находились [Боулт, 2023].

Литература

- Агеносов В. В.* Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-пи и второй эмиграции. М.; СПб, 2021.
- Боулт Д. Э., Розенфельд А., Сугрובה-Рот О.* Художники русской эмиграции в Америке. М., 2023.
- Завалишин В. К.* Плеск волны. Нью-Йорк, 1980.
- Петров Е. В.* Завалишин Вячеслав Клавдиевич // Russian Compatriots / зарубежные соотечественники. Выпускники Санкт-Петербургского государственного университета — представители исторической мысли русского зарубежья: биографический справочник / отв. ред.-сост. Е. В. Петров. СПб., 2022. С. 122–125.

СЛАВИСТИКА

ОБОЗНАЧЕНИЯ ЧАЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ КАК ПРИМЕР КИТАЙСКО-СЛАВЯНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ

Лю Цзеу

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Для лексических заимствований нет препятствий, связанных с родством языков или их грамматическим строем. Примером может быть взаимодействие славянских языков и китайского языка. Наиболее давними примерами взаимодействия являются достижения китайской цивилизации, ставшие достоянием культуры европейских народов, в том числе и славян. К числу таких достижений можно отнести шелк, бумагу, фарфор, а также чай — напиток, получаемый при заливании горячей водой высушенных или свежих листьев растения, которое ботаники обозначают латинским названием *Camellia sinensis*.

Китайское название этого растения и получаемого из него напитка в различных китайских диалектах звучит как [ča], [te] или [ca]. В характерной для китайского языка иероглифической письменности звучание слова не отражается, поэтому независимо от диалекта соответствующее понятие обозначается одним и тем же иероглифом (茶). Этот напиток стали готовить раньше, чем начались первые регулярные контакты китайцев с европейцами. К славянам напиток и сырье для его изготовления приходят значительно позже и различными путями, а вместе с реалиями приходят и названия, имеющие истоки в китайском языке, но несущие на себе также следы тех языков, культуры которых стали непосредственным источником данного явления для славянских народов.

В европейские страны чай попадает тогда, когда устанавливаются прямые и регулярные контакты с Китаем, ставшие возможными благодаря развитию европейского мореплавания в XV—XVI вв. Самое первое свидетельство приобретения чая голландцами относится к 1606 г. Однако первыми в начале XVI в. торговые контакты с Китаем устанавливают португальцы. Они завозят чай в Европу и дают ему название, отличное от всех китайских диалектов (порт. *chá* [šã]). В голландском языке эта реалия получает название, свойственное юго-восточным китайским диалектам (нид. *thee* [tê]). Судя по названию чая в германских и романских языках (кроме португальского), именно голландцы распространили чай по всей Западной Европе. Голландские истоки имеет и название чая в некоторых славянских языках — нижнелужицком, польском, кашубском.

В Россию чай попадает примерно в то же время, что и в Западную Европу, но другим путем — через Монголию и Сибирь из северных провинций Китая, и этим объясняется его название в русском языке. Что касается южнославянских языков, мы не можем абсолютно исключить возможность появления слова, обозначающего чай, путем заимствования из турецкого языка (ср. тур. *çay* [čaj] — болг. *чай*; макед., серб. *čaj*; словен., хорв. *čaj*). На Ближний Восток чай попал давно, еще в I тысячелетии н. э., хотя популярность чая как напитка в современной Турции — явление сравнительно новое и не может быть аргументом, доказывающим «турецкую» гипотезу. Еще менее вероятен такой путь заимствования для западнославянских языков, в которых аналогичное по звучанию и значению слово тоже представлено (ср. в.-луж., словац., чеш. *čaj*; польск. *czaj* [čaj]). Более вероятным как в отношении западнославянских языков, так и в отношении южнославянских, представляется заимствование слова из русского языка. О своеобразии места чая и его употребления в культурах западных и южных славян свидетельствует семантическая структура слова, обозначающего чай в различных славянских языках. Мы рассмотрим семантику этих слов в русском, польском, чешском и болгарском языках.

ТИПОЛОГИЯ ТРАНСФЕРА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКО-ЧЕШСКОГО УЧЕБНОГО БИЛИНГВИЗМА

Пушкова Анастасия Сергеевна

студент 4 курса, Пермский государственный национальный исследовательский университет

В современной лингвистике возрастает интерес к исследованию процессов усвоения второго языка (L2) по причине увеличения числа межъязыковых контактов.

Проблема исследования — получение дедуктивной типологии случаев меж- и внутриязыкового трансфера на начальном этапе формирования русско-чешского учебного билингвизма. Т. Одлин трактует трансфер как «множество факторов, при которых родной язык или какой-либо предшествующий усвоенный язык влияет на усвоение нового языка» [Odlin, 2001: 499]. Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые исследуются случаи трансфера у студентов, изучающих чешский язык на уровне А1.

Цель исследования — разработка типологии случаев трансфера и установление частоты встречаемости выявленных типов в устной спонтанной чешской речи искусственных билингвов, осваивающих близкородственный язык на начальном этапе. Материалом исследования послужили спонтанные монологи на чешском языке, полученные от русскоязычных студентов, изучающих чешский язык 3 месяца. Длительность звучания записей — 17 минут 31 секунда. Методы предварительной обработки материала включали слуховой анализ для обнаружения ошибок, возникающих в ходе трансфера. Методы анализа материала включали контрастивный анализ для разработки дедуктивной типологии случаев трансфера, системно-структурный метод для описания выявленных случаев трансфера на разных уровнях языковой системы, сравнительный анализ при сопоставлении случаев меж- и внутриязыкового трансфера.

В результате исследования разработана типология случаев трансфера в соответствии с единицами языковой системы, которые переносятся или внутри одного языка, или между L1 и L2.

Так, если ошибка произошла вследствие влияния единицы родного языка, то отмечался межъязыковой трансфер, если же обнаруживалась реализация какой-то нецелевой единицы / конструкции изучаемого языка, такой случай был отнесен к внутриязыковому трансферу.

При межъязыковом трансфере зафиксированы: фонетический трансфер (*kniga* вм. *kniha*), трансфер морфем (корневых морфем (*pol* вм. *půl*), словообразовательных морфем (*vpředi* вм. *vpředu*), флексий (*vaša* вм. *vaše*)), трансфер грамматического значения (*televize je velký* вм. *televize je velká*), трансфер лексем (*mám sobaku* вм. *psa*), трансфер синтаксической конструкции (трансфер предложно-падежной модели управления (*on chodí v školku* вм. *do školky*), опущение возвратного энклитического компонента «se» (*těším na víkend* вм. *těším se na víkend*), трансфер краткого прилагательного «rád» (*rád hrát* вм. *hraj*), пропуск глагола «být» в бытийной конструкции (*moje příjmení R...* вм. *moje příjmení je R...*)). При внутриязыковом трансфере обнаружены: фонетический трансфер (*příjmení* вм. *příjmení*), трансфер морфем (корневых морфем (*příteli* вм. *přáteli*), флексий (*sešit je novu* вм. *nový*)), трансфер грамматического значения (*má počítač* вм. *můj počítač*), трансфер синтаксической конструкции (пропуск предлога «na» (*studuju filologické fakultě* вм. *na filologické fakultě*), трансфер синтаксической позиции вспомогательного глагола «být» (*jsem spal* вм. *spal jsem*)).

Литература

Odlin T. Language transfer and substrates // Mesthrie R. Concise encyclopedia of sociolinguistics. Oxford, 2001. P. 499–503.

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМАТИКИ БОГАТСТВА В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЬСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Палагина Алина Николаевна

магистрант 1 курса, Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова

Сегодня одним из наиболее востребованных коммуникативных жанров Интернет-дискурса можно считать комментарий. Комментарий в Интернете как отдельный жанр выделяется на основании медийных, прагматических, структурно-семантических и стилистико-языковых параметров [Щипицина, 2015]. Прагматические характеристики жанра, а именно анонимность и субъективность, равно как и относительная свобода выражения в стилистико-языковом отношении позволяют рассматривать его как релевантный источник фактического материала для исследования вербализации враждебности в рамках интернет-дискурса [Василенко, 2022: 115].

Как правило, язык вражды направлен на группу людей по признаку врожденных характеристик [Палагина, 2021], однако не меньший интерес представляет и вербализация враждебности с использованием приобретенных характеристик собеседника.

Наш доклад выполнен на материале одного из наиболее востребованных Интернет-сервисов в мире — видеохостинга YouTube. В ходе исследования анализировался отклик польскоговорящих и русскоговорящих пользователей на видеоролики, опубликованные в 2022 г. и содержащие в заголовке ключевые лексемы «богатый» и «богатство» на соответствующем языке (пол. *bogaty, bogactwo*, рус. *богатый, богатство*). Актуальность тематики оценивалась по критериям количества оставленных комментариев и количества лайков к видеороликам.

В польскоязычном сегменте платформы было отобрано 284 видеоролика с лексемой «bogaty» в заголовке и 248 — с лексемой «bogactwo». Общее количество комментариев и лайков к этим видео равняется 18 566 и 952 505 соответственно. Среднее количество комментариев и лайков в данных видео составляет 72,2 и 3 401,8.

Общее количество комментариев и лайков в видео с ключевой лексемой «bogactwo» в заголовке равняется 18 566 и 952 505. Среднее количество комментариев и лайков в таких видео оказалось равно 26,8 и 545,6.

В русскоязычном сегменте видеохостинга было зафиксировано 220 видеороликов с лексемой «богатый» в заголовке и 312 видеоматериалов с лексемой «богатство». Общее количество комментариев и лайков в видео, содержащих в заголовке лексему «богатый», составило 241 335 и 11 349 779. Среднее количество комментариев и лайков для данных видеоматериалов равняется 1 149,2 и 53 536,7.

Общее количество комментариев и лайков в видео, содержащих в заголовке лексему «богатство», равняется 120 165 и 4 695 408. Среднее количество комментариев и лайков при этом составляет 400,6 и 15 445,4.

Таким образом, тематика богатства в указанный период обладает различной актуальностью в польско- и русскоязычном сегменте видеохостинга YouTube. Несмотря на то, что количество опубликованных видеороликов на польском и русском языках, соответствующих критериям отбора, приблизительно равно, носители русского языка проявляли более высокую заинтересованность к данной теме, что на данном этапе позволяет предположить более высокий уровень враждебности в отношении социальной группы богатых людей.

Литература

- Василенко Е. Н. Конфликт ценностей в интернет-коммуникации: когнитивный и прагматический аспекты. Могилев, 2022.
- Палагина А. Н. Гендерно обусловленный «язык вражды»: определение актуальности тематики исследования (на материале интернет-дискурса Польши) // Молодая наука — 2020: региональная научно-практическая конференция студентов и аспирантов вузов Могилевской области: материалы конференции / под ред. О. А. Лавшук, Н. В. Маковской. Могилев, 2021.
- Щипицина Л. Ю. Жанровый статус сетевого комментария // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. №2. С. 528–532.

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО МЕССИАНСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ А. МИЦКЕВИЧА

Куимов Иван Ильич

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Адам Мицкевич — безусловно, одно из самых известных имён в истории польской литературы. Его жизнь и творчество тесно связаны с историческими, политическими и культурными трансформациями, охватившими всю Европу: это и последствия третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г., и польские восстания, и, как апофеоз жизни поэта, Крымская война 1853–1856 гг., ставшая для него фатальной. В творчестве Мицкевича отражаются настроения и идеи, волновавшие польскую интеллигенцию в первой половине XIX в. В первую очередь, это феномен «польского мессианизма» — реакционного течения, возникшего среди польской эмиграции во Франции и характеризующего Польшу как подобие Христа, призванного «спасти» Европу, помочь ей найти путь к «истине и справедливости», воззвать к важности духовного ощущения общества, отстранённого от рациональности и «корысти» [Мицкевич, 1918]. Данное течение в интерпретации Мицкевича имеет особый национальный и индивидуально-творческий характер; проводятся аналогии с историческими, культурными и духовными особенностями Польши в прошлом и её положением в настоящем.

Новизна и актуальность данного доклада заключается в малом внимании русскоязычного научного сообщества к вопросам польских национальных идей, спровоцированных потерей её государственности, и историческим различиям крупнейших славянских народов. Исследование данной области позволяет провести анализ взаимного влияния общественных настроений и творческих тенденций внутри польского сообщества, а также изучить социальные характеристики, напрямую повлиявшие на формирование культурного и творческого облика современной Польши.

В качестве основных материалов были проанализированы произведения Мицкевича, а также научная литература, посвящённая его деятельности в направлении польского мессианизма [Walicki, 1970] и в особенности курс его лекций по славянской словесности в Collège de France (1840–1844 гг.) [Kuziak, 2011: 27—46].

Основополагающим методом данного исследования является синтез различных источников для составления общей картины идей мессианизма в творчестве А. Мицкевича. По результатам исследования можно определить как специфику самой идеи «польского мессианизма» в интерпретации писателя, так и его взгляды на перспективы международного взаимодействия, безусловно нашедшие отражение в дальнейших отношениях Польши с европейскими государствами и с Россией.

Литература

Мицкевич А. Книги народа польского и польского пилигримства. М., 1918.

Kuziak M. Mickiewicz — historyk literatury w prelekcjach paryskich // Pamiętnik Literacki. 2011. № 1. S. 27—46.

Walicki A. Filozofia a mesjanizm. Warszawa, 1970.

МЕТАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЧЕШСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ФОРМЫ 'SERCE' В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Кустодиев Михаил Александрович

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Первое значение слова *сердце* в русском языке — 'центральный орган кровеносной системы человека и позвоночных животных'. Сходным значением наделена польская лексема *serce*. Однако, помимо этого значения, слово в обоих языках обладает рядом переносных. В польском языке, помимо внутреннего органа, *serce* может иметь значения 'душа, характер человека' (*miękkie serce*), 'вместилище чувств' (*gorycz zalewała serce*) и т. д.

Вопросы вызывает внешняя форма слова *serce*. Для польского языка была бы закономерна форма с мягкой аффрикатой *ś-* вместо *s-* (*sierce*), она действительно много раз появляется в древнепольских текстах, а отвердение *s-* в современном языке большинство лингвистов объясняют чешским влиянием. Существует и иная точка зрения. Лингвист Ю. Шевелёв в своей статье [Šerech-Shevelov, 1952] утверждает, что украинское влияние на древнепольский язык было значительнее, чем предполагалось ранее, и изучено недостаточно. Он считает, что украинское происхождение формы *serce* «куда вероятнее, чем чешское» [Šerech-Shevelov, 1952: 36]. Он подтверждает свою точку зрения тем, что чешскому сонанту *r* в польском языке последовательно соответствует группа «гласный + *r*» с предшествующим мягким согласным: чеш. *zrnko* — польск. *ziarnko* 'зёрнышко'. Однако формы типа *ziarno* — это лишь единичные следы мягкости сонанта **r̥*. Чаще согласный не смягчался: *marznąć* 'мерзнуть', *martwy* 'мертвый'.

Важным аргументом в пользу чешского влияния будет фактор, которому в научной литературе уделяли до сих пор меньше внимания. Он выходит за рамки сугубо лингвистических процессов. Мы хотим обратиться к истории концепта «сердце» для доказательства этой версии.

Концепт «сердце» был очень важен для духовной жизни индоевропейцев. Этот орган не очень широко применялся в бытовой сфере, зато есть много свидетельств его использования в целях сакральных. Э. Бенвенист писал, что изначально слово обозначало «некое понятие, наделенное магической силой, которое является собственностью каждого человека и в то же время может быть передано божеству» [Бенвенист, 1995: 129]. Хоть французский лингвист и говорит, что «прежде всего, это внутренний орган как таковой», но не вызывает сомнений, что использование этого концепта в религиозной сфере было куда важнее.

Концепт «сердце» стал важнейшим символом в христианской религии. В текстах Библии это слово почти всегда используется в переносном значении. Известно, что христианство пришло в Польшу из Чехии, которая сыграла огромную роль в развитии польской культуры: поляки познакомились с духовным наследием античного мира и средневековой Европы. Христианскую терминологию они переняли почти исключительно от чехов [Walczak, 1999: 58]. В списке средневековых восточнославянизмов в польском, который даёт Богдан Вальчак, мы видим, что, почти все они относятся к бытовой сфере: *hołysz* 'нищий', *duży* 'большой'. Зная, что концепт «сердце» был важным символом в христианстве, а ключевым было переносное значение слова, украинское влияние становится почти невозможным, ведь основным источником христианской терминологии для польского языка был чешский.

Литература

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.

Šerech-Shevelov Y. The Problem of Ukrainian-Polish Linguistic Relations from the Tenth to the Fourteenth Century // WORD. 1952. № 8(4). P. 329–349.

Walczak B. Zarys dziejów języka polskiego. Wrocław, 1999.

ПОСЛОВИЦЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ И МЕНТАЛИТЕТА (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПОСЛОВИЦ)

Е Юй Чиэнь

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Пословица — меткое образное изречение, обобщающее различные явления жизни, обычно имеющее назидательный смысл и представляющее собой форму языкового выражения с глубоким философским и воспитательным смыслом. Пословицы обобщают опыт национальной культуры и являются результатом народной мудрости, накопленной с течением времени.

Цель доклада — проанализировать и показать общие национально-культурные черты пословиц в русском и китайском языках и выявить их различия.

Новизна исследования состоит в том, что в нем осуществляется попытка глубже и подробнее, чем это делали предшественники, сравнить пословицы тематической группы «счастье — беда» в русском и китайском языках.

Материалом исследования служат русские пословицы, отобранные из «Русско-славянского словаря пословиц с английскими соответствиями» под редакцией Котовой (2000), и китайские пословицы, отобранные из «Большого словаря китайских пословиц» под редакцией Гэн Вэньхуэй (1991) и «Современного китайского пословичного словаря» под редакцией Вэнь Дуанчжэн (2009).

По словам А. Вежбицкой, идеи принадлежат духовному миру, у них есть названия, они отражают восприятие человеком реального мира, обусловленное определенной культурой [Вежбицкая, 1996: 11]. С другой стороны, Ю. С. Степанов считает, что у идей есть неизменные значения, которые выражаются в устойчивых и свободно сочетаемых формах языковых единиц, а основной формой, в которой они существуют, является слово или словосочетание [Степанов, 2004: 76].

Помимо лексики, идеи могут быть выражены на других языковых уровнях, включая пословицы, поговорки и т. д. Как русские, так и китайские пословицы отражают национальную систему ценностей и менталитет своих культур. Однако есть некоторые различия в способах этого отражения, культурных коннотациях и лингвистических характеристиках пословиц.

1. Способы выражения: в русских пословицах часто используются прямые высказывания, которые лаконичны и понятны, в то время как в китайских пословицах часто используются метафоры и символы, смыслы являются более тонкими и неявными. Напр., в русской пословице *Слово не воробей, вылетит — не поймаешь* со значением 'если что-то было сказано, нельзя стереть это из памяти слышавших' прямо говорится о важности сказанного слова, а китайская пословица *Длинный язык до добра не доведет* (言多必失) выражает аналогичный смысл через метафору.

2. Культурные коннотации: в русских пословицах отражаются ценности справедливости, свободы, независимости и силы воли, которые ценятся в русской культуре, в то время как в китайских пословицах подчёркиваются основные ценности китайской культуры, такие как умеренность, скромность и сыновняя почтительность. Напр., русская пословица *Наши народы не отдадут свободы* отражает то значение, которое русские люди придают свободе, а китайская пословица *Дружелюбие приносит богатство* (和氣生財) выражает традиционную для китайской культуры ценность гармонии и солидарности.

В целом, русские и китайские пословицы выявляют уникальные духовные и культурные особенности соответствующих народов, передают их глубокую философию и жизненный опыт, а также служат важным целям образования, передачи культуры, эмоционального выражения.

Литература

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

Степанов Ю. С. Константы: словарь русской литературы. М., 2004.

ПОЛЬСКИЕ И АНГЛИЙСКИЕ ПОСЛОВИЧНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «СОБСТВЕННОСТЬ. ХОЗЯИН»

Митрофанова Валерия Владимировна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Цель данного доклада состоит в определении семантики и структуры активных русских пословиц и их польских и английских соответствий. Актуальность исследования обусловлена наличием сопоставительного анализа паремий русского, польского и английского языков, который позволяет сделать выводы о пословичной картине мира каждого из народов.

Материалом исследования послужили русские пословицы из «Русско-славянского словаря пословиц с английскими соответствиями» [Котова, 2000] и учебно-методического пособия «Тетради паремиографа» [Котова, Колпакова, 2018; Котова и др., 2019]. При отборе материала из словарей использовался метод сплошной выборки.

В качестве исследовательских методов используются описательный, сопоставительный, классификационный методы; метод компонентного анализа; лингвокультурологический анализ.

В результате исследования было выявлено, что из 52 русских пословиц тематической группы «Собственность. Хозяин. Гость. Богатство» 27 пословиц представлены и в английском, и в польском языках, 10 паремий присутствуют только в русском языке, 8 пословиц не имеют соответствия в польском языке, но имеют соответствие в английском языке, 7 пословиц не представлены в английском языке, но присутствуют в польском. В польском языке 3 пословицы представлены абсолютными эквивалентами, 5 — полными эквивалентами, 4 — относительными эквивалентами, 24 — аналогами и 16 паремий являются лакунарными. В английском языке встречается 1 абсолютный эквивалент, 1 полный эквивалент, 9 частичных эквивалентов, 24 аналога и 17 пословиц являются лакунарными. Из этих данных видно, что большая часть пословиц представлена в английском и польском языках аналогами, также довольно много частичных эквивалентов. Напр., пословица *И Москва не сразу строилась* имеет соответствия во всех рассматриваемых языках: *Nie od razu Kraków zbudowano*, *Rome was not built in one day (in a day)*. Данные паремии можно рассматривать как частичные эквиваленты, в центре каждой из пословиц — город-столица, используется глагол со значением «строить», причем во всех языках в безличном значении. Таким образом, паремии тождественны на семантическом и стилистическом уровнях, а также частично совпадают по лексическому составу.

Литература

Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. СПб., 2000.

Котова М. Ю., Колпакова А. А. Тетради паремиографа. Вып. 4. Английские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума (на фоне болгарских, словацких и чешских пословиц). СПб., 2018.

Котова М. Ю., Колпакова А. А., Раина О. В., Шестакова-Стукун А. С. Тетради паремиографа. Вып. 6. Польские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума. СПб., 2019.

ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СТАНИСЛАВА ЛЕМА НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

Горева Надежда Александровна

студент 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Станислав Лем — самый читаемый польский писатель в Германии. Над переводами его произведений на немецкий язык трудились более двух десятков переводчиков [Раина, 2011: 8]. При этом научное осмысление этой долгой и разнообразной истории перевода в настоящее время достаточно ограничено.

В докладе описывается хронология издания книг Станислава Лема на немецком языке в период с 1954 по 2022 г., выделяются переводчики и издатели, сыгравшие наиболее значительную роль в продвижении произведений Лема на немецкоязычном книжном рынке. Также делается обзор научных публикаций, посвященных данной теме, и обозначаются перспективы будущих исследований.

Поиск литературы велся по наукометрическим базам Google Scholar и eLibrary и архиву немецкого славистического журнала «Bulletin der deutschen Slavistik». Как выяснилось, большинство исследований раскрывают частные проблемы перевода, такие как перевод неологизмов и игры слов. Ряд работ освещает историю восприятия творчества Лема немецкими читателями и критиками. Обзор литературы показывает, что судьба произведений Лема в немецкоязычном пространстве долгое время интересовала в первую очередь польских исследователей, таких как Зигмунт Тенча и Яцек Жешотник. Вместе с тем, столетие со дня рождения Лема было отмечено выходом первой биографии писателя, написанной немецкоязычным литературоведом Альфредом Галлем, в которой обстоятельства публикации книг Лема на немецком языке уделено особое внимание [Gall, 2021].

История издания произведений Лема в немецкоязычных странах показывает, что этот процесс начался достаточно рано и был весьма оживленным в течение всей творческой жизни писателя. Первый опубликованный роман Лема «Астронавты» («Astronauten», 1951) вышел в ГДР уже в середине 1950-х гг., в 1960 г. он был напечатан и в ФРГ. В 1970-х гг. книги Лема начали выходить в составе серий фантастической литературы в крупных западногерманских издательствах «Insel» и «Suhrkamp». На пике популярности писателя над его новыми произведениями параллельно работали разные переводчики — так, роман «Насморк» («Katar», 1976) был напечатан в двух разных переводах в ГДР и ФРГ всего спустя год после выхода книги в Польше («Der Schnupfen», 1977). Разнообразие переводов позволяет выделить их сравнительный анализ и выявление стратегий отдельных переводчиков как перспективное направление дальнейших исследований.

Литература

Раина О. В. Польская литература в Германии // Славяне в неславянских странах. 2011. Вып. 2. С. 8–13.

Gall A. Stanislaw Lem: Leben in der Zukunft. Darmstadt, 2021.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ АНТРОПОНИМОМ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЬСКОГО, РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

Абрамкина Александра Сергеевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Целью данного доклада является выявление совпадений и расхождений между фразеологизмами библейского происхождения в различных языках и теоретическое обоснование причин этих расхождений. Актуальность темы обусловлена важностью повышения качества меж-

культурного взаимодействия, в том числе за счет улучшения понимания иноязычных фразеологических единиц, которые могут, имея схожую с фразеологизмами родного языка форму и компоненты, нести иной смысл.

Стоит отметить, что фразеологические словари, охватывающие объем в несколько десятков тысяч фразеологизмов, содержат в среднем около сотни единиц, включающих антропонимы. Таким образом, не очень распространенный материал также представляет интерес для исследования.

Материалом для доклада послужили фразеологизмы, содержащие антропонимы; единицы были выбраны из фразеологических словарей польского, английского и французского языков. Источниками материала послужили следующие словари: «Польско-русский фразеологический словарь» К. М. Гюлумянц [Гюлумянц, 2004], «Новый большой французско-русский фразеологический словарь» под редакцией В. Г. Гака [Гак, 2006] и «Англо-русский фразеологический словарь» А. В. Кунина [Кунин, 2007]. Также была проанализирована информация о фразеологизмах, найденная на аутентичных Интернет-ресурсах. В ходе исследования были выявлены некоторые фразеологизмы библейского происхождения, содержащие антропонимы, различающиеся в разных языках; рассмотрены возможности адекватного перевода данных фразеологизмов с одного языка на другой. Напр., фразеологизм, означающий безрезультатное хождение от одного к другому содержится в разных языках и восходит, предположительно, к одному эпизоду Евангелия (сценам после ареста Иисуса). Однако в польском языке посылают *Od Annasza do Kaifasza* 'от Анны к Каифе' [Гюлумянц, 2004], во французском *d'Hérode à Pilate* или *de Caïphe à Pilate* 'от Ирода (или от Каифы) к Пилату' [Гак, 2006], в фразеологическом словаре английского языка подобных фразеологизмов зафиксировано не было. Наиболее интересный вариант представлен в русском языке — *от Понтия к Пилату*. Таким образом, в русском варианте бесцельность обозначенного фразеологизмом действия подчеркивается тем, что Понтий и Пилат — это один и тот же человек, а в польском и французском смысл связан с бюрократическими трудностями и попытками должностных лиц переложить свою ответственность на коллег. Имеются также, кроме других подобных примеров, и случаи, в которых, наоборот, одно и то же имя вызывает различные коннотации у носителей разных языков.

Литература

Гак В. Г. Новый большой французско-русский фразеологический словарь. М 2006.

Гюлумянц К. М. Польско-русский фразеологический словарь: в 2 т. Т. 1. А — М. Минск., 2004.

Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 2007.

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ

СИНОНИМЫ КАК ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖА В ПОВЕСТИ К. ВОЛЬФ «КАССАНДРА»

Санина Елена Владимировна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Повесть «Кассандра» увидела свет в 1983 г. и воспринималась самой К. Вольф, писательницей из ГДР, как попытка выявить проблемы её времени через античный сюжет, создать книгу-предостережение. На страницах повести К. Вольф использует множество различных лексико-стилистических средств. Целью доклада является попытка уточнить определение синонимов как лексико-стилистических средств и выявить их функции в характеристике литературного персонажа. Новизна исследования заключается в изучении синонимов на материале указанной повести, в которой было выделено и проанализировано 34 ряда синонимов.

Применялись следующие общенаучные и лингвистические методы: метод сплошной выборки, описание, контекстуальный анализ, семантический анализ, сравнение, классификация, интерпретация результатов, компонентный анализ.

В ходе исследования термин «персонаж», требовавший более точного определения, сопоставлялся с терминами «литературный герой» и «действующее лицо» и был выбран как более полный и нейтральный в сравнении с ними [Литература и язык, 2006: 629]. Мы называем персонажами как главных, так и второстепенных субъектов действия.

В результате исследования мы пришли к выводу, что лексико-стилистические средства — единицы лексического уровня языка, передающие разные виды содержания и отношения к нему говорящего, принадлежащие различным сферам и ситуациям употребления. Синонимы как слова, относящиеся к одной части речи и совпадающие или близкие по значению, выступают основой деления лексики на функциональные стили [Богатырева, Ноздрина, 2005: 54–58] и представляют собой лексико-стилистическое средство первого порядка. В тексте повести [Wolf, 1983] мы выделили 6 функций, свойственных синонимам как лексико-стилистическим средствам. В 11 примерах синонимы отвечали за выразительность речи персонажа (использование ряда контекстных синонимов: *weilersagen* ‘пересказывать’, *eingraben* ‘вырезать’, *überliefern* ‘сообщать’). В других 9 рядах они передавали внутреннее состояние и мысли (контекстные синонимы в мыслях Кассандры *das Tier* ‘зверь’ и *die Panik* ‘паника’). рядов синонимов раскрывали отношение одного персонажа к другому (Кассандра называет Энея из будущего *der Held* ‘герой’ и *das Standbild* ‘статуя’). 5 отражали восприятие действительности, свойственное персонажу (*der Abgrund* ‘бездна’ и *der schmale Zwischenraum* ‘узкий промежуток’ во внутреннем монологе Кассандры). Также удалось выявить 2 примера, выступающих в специфических функциях, отражающих особенности авторского стиля, а именно в функции передачи «языковой манипуляции», к которой прибегает персонаж (Эвмел, говоря о Парисе, заменяет нейтральную лексему *die Herkunft* ‘происхождение’ на возвышенный синоним *das Geblüt* ‘род’), и в функции создания ассоциаций между прошлым и настоящим (Кассандра, глядя на лошадь и вспоминая при этом троянского коня, прибегает к синонимам *das Pferdchen* ‘лошадка’, *das Pferd* ‘лошадь’, *der Ross* ‘конь’).

Литература

Богатырева Н. А., Ноздрина Л. А. Стилистика современного немецкого языка: учебное пособие для студентов, аспирантов и преподавателей лингвистических вузов и факультетов. М., 2005.

Большой немецко-русский словарь: в 2 т. / под ред. О. И. Москальской. М., 1980.

Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / отв. ред. А. П. Горкин. М 2006.

Wolf Ch. *Kassandra. Erzählung*. Darmstadt; Neuwied, 1983.

BUCKET, CAN, PAIL — ТРИ СЛОВА, ОДИН ПРЕДМЕТ

Черткова Юлия Леонидовна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование обосновывает тезис о том, что связь синонимов с разными ситуациями и чувствами формирует особую оценочность слова, которая влияет на употребление различных вариантов его значения [Смирнова, 2016; Zlatev, 2002]. Для анализа структуры значения выбрано три английских слова: *can*, *bucket*, *pail*. Цель доклада заключается в анализе структуры значения трех существительных на основе корпуса английского языка COCA (Corpus of Contemporary American English) и словарных статей. Были проанализированы словарные статьи и 300 контекстов, выбранных в ходе изучения корпуса COCA. Первым этапом исследования было проведение дефиниционного анализа для выявления структуры значения и основных проблем словарных дефиниций. В ходе компаративного анализа словарных статей, посвященных английским словам *bucket*, *can*, *pail*, был выделен ряд проблем современной лексикографии.

При анализе контекстов в корпусе английского языка COCA нам удалось выявить сильные различия в структуре значения слов *bucket*, *pail*, *can* и сформулировать дефиниции для основного и иносказательного вариантов значения.

Pail как физический объект используется в контекстах, связанных с сельской жизнью и детской игрой. В основе иносказательного варианта *pail* лежит ирония и связь с положительными эмоциями. Большая часть контекстов, в которых *pail* используется иносказательно, являются примером игры слов.

*I think those veterans that actually saw combat have **visions that go far beyond the pail** that we could capture on film.* [COCA]

Подмена слова в идиоме *beyond the pale* рождает варианты «*beyond the pail*», «*outside the pail*». В таком ироничном контексте слово появляется из-за того, что важным компонентом структуры его значения является незначительность (небольшой размер), «несерьезность».

Основное значение *bucket* связано с ситуациями тяжелого труда, который приводит к положительным результатам. В корпусе такие контексты намного менее частотны, чем варианты иносказательного использования *bucket*, связанного с сортировкой информации и расстановкой приоритетов.

*You have income. You divide it **up into buckets** (envelopes).* [COCA]

Данный вариант значения реализуется в сложном слове *a bucket list* и в идиоме *to kick the bucket*.

В отличие от *bucket* и *pail*, *can* обладает негативной оценочностью, на этом основывается основной и иносказательный варианты значения. Как физический объект *can* обозначает герметично закрытый контейнер. *Can* более частотно используется в качестве компонента сложных слов *ashcan*, *garbage can*, которые обозначают мусорные баки для отходов. Напр.: *Tropical storm Sandy recovery beginning to make GWB Katrina recovery look pretty good. **People eating out of garbage cans** does not bid well for Obama's government can save you spin* [COCA]. В данном примере идет речь о последствиях урагана Катрина в США и неудачных попытках борьбы с разрушениями. Бедность жителей поврежденной ураганом местности иронично описана с использованием слова *can*.

В результате исследования нам удалось выявить различия в структуре значения слов *bucket*, *pail*, *can* и доказать, что эмоционально-оценочный компонент значения слова значим для определения природы его использования в языке.

Литература

- Smirnova A. Y. "Where is the bank?" or how to "find" different senses of a word // Heliyon. 2016. №2(6). URL: [https://www.cell.com/heliyon/fulltext/S2405-8440\(15\)30079-7?_returnURL=https%3A%2F%2Flinkinghub.elsevier.com%2Fretrieve%2Fpii%2FS2405844015300797%3Fshowall%3Dtrue](https://www.cell.com/heliyon/fulltext/S2405-8440(15)30079-7?_returnURL=https%3A%2F%2Flinkinghub.elsevier.com%2Fretrieve%2Fpii%2FS2405844015300797%3Fshowall%3Dtrue) (assessed: 20.04.2023).
- Zlatev J. Meaning = Life (+ Culture): an outline of a unified biocultural theory of meaning // Evolution of Communication. 2002. № 4 (2). P. 253–296.

ИСТОРИКО-СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУМЫНСКИХ ГЛАГОЛОВ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛАТИНСКОГО И СЛАВЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Алексеев Станислав Кириллович

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Выбор темы обусловлен тем, что история развития семантики была и остаётся областью малоразработанной. Для румынского языка этот тезис актуален, поскольку большинство известных нам работ не посвящено изучению румынской лексики в комплексе, а сфокусировано на исследовании заимствований из одного языка-источника. Мы избрали для анализа единую лексико-семантическую группу глаголов речевой деятельности румынского языка **латинского** и **славянского** происхождения.

Кроме того, в ходе работы мы поставили цель проверить на практике следующую **гипотезу**: учитывая разницу между историческими особенностями усвоения славянских и латинских элементов румынским языком, славянские заимствования в ходе истории могли претерпеть более глубокие и разнообразные семантические изменения, чем слова латинского происхождения.

Мы проанализировали около 100 глаголов: 53 латинского и 44 славянского происхождения. Для всех лексем было проведено **сопоставление словарных дефиниций** до произошедших семантических изменений и после них: были изучены значения этимона в языке-источнике и деривата в румынском языке. В некоторых случаях мы обращались к **методу анализа контекста** или к **сопоставительному анализу** лексемы со словами в других языках. В ходе анализа материала были обнаружены 8 типов семантической деривации: 1) **сохранение значения** (напр. франц. *divulguer* 'разглашать' — рум. *a divulga* 'разглашать'); 2) **сужение значения** (болг. *гълча* 'шуметь, кричать; бранить; говорить' — рум. *a (se) gâlcevi* 'ссориться, ругаться'); 3) **расширение значения** (ст.-слав. *гласити* 'звать, призывать' — рум. *a glăsi* 'ныть, плакаться; петь; говорить'); 4) **метафора** (лат. *porcus* 'свинья, поросёнок' — рум. *a porcăi* 'оскорблять'); 5) **метонимия** (ст.-слав. *благодарити* 'благодарить, восхвалять' — рум. *a blagodari* 'бормотать; говорить непонятно'); 6) **синекдоха** (лат. *convento, āvī, —, āre* 'постоянно сходиться, собираться' — рум. *a cuvânta* 'говорить; выступать с речью, читать наизусть; обладать речью'); 7) **амелиорация** (лат. *gannio, —, —, ire* 'тявкать, браниться, болтать' — рум. *a îngâna* 'подражать; говорить шёпотом, мурлыкать; вторить'); 8) **пейорация** (сербохорв. *balakati* 'говорить что угодно' — рум. *a bălăcări* 'ругаться, браниться').

В результате исследования гипотеза была подтверждена лишь частично. Как удалось выяснить, в развитии семантики происходят самые разнообразные процессы независимо от происхождения лексики; вместе с тем, в глаголах, восходящих к латыни, мы не обнаружили ни одного случая метонимии; в славянских заимствованиях — ни одного случая синекдохи. Тип семантической деривации «сохранение значения» присутствовал только у глаголов славянского и тех глаголов латинского происхождения, что восходят к французским этимонам (наиболее поздние заимствования). Этот факт привёл нас к мысли о том, что на распределение типов деривации влияет не столько источник лексики, сколько **время**, прошедшее с момента усвоения единиц языком, и др. экстралингвистические факторы.

Наиболее значительное расхождение обнаружено в паре дериваций **«сужение / расширение»**: расширение значения встречается примерно в **3 раза чаще** в глаголах славянского, чем в глаголах латинского происхождения; сужение значения, напротив, в **5 раз чаще** в глаголах латинского происхождения.

Отметим также, что исследование открывает перспективы анализа других лексико-семантических групп глаголов румынского языка в рамках сопоставительного подхода.

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДАТСКИХ КУЛИНАРНЫХ РЕЦЕПТОВ

Тихонова Мария Игоревна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Согласно последним исследованиям, гастрономическая культура является одной из самых важных составляющих жизни датчан: у 60 % респондентов она ассоциируется с датской идентичностью [Jenkins, 2014: 200]. Актуальность работы также обоснована тем, что тема исследования в области датского языка не проработана в современной научной литературе.

Целью доклада является анализ текстов кулинарных рецептов, выявление лексических и структурных особенностей датских кулинарных рецептов на материале датских текстов, представленных в поваренной книге Фрекен Йенсен. **Материалом для доклада** послужили рецепты датской поваренной книги Фрекен Йенсен [Jensen, 2017].

При проведении данного исследования были применены следующие **методы**: описание, анализ, сравнение, классификация, структурно-функциональный метод.

По результатам исследования были выделены десять типов названий блюд: с использованием заимствований (*makroner* (от фр. *macaron*) ‘макаруны’); с использованием метафоры: (*marmorkage* ‘мраморный кекс’); с использованием метонимии (*forloren hare* ‘Фальшивый заяц’); с первым компонентом, обозначающим основной ингредиент (*plumkage* ‘сливовый кекс’); названия, содержащие топоним (*drømmekage fra Brevst* ‘торт мечты из Бревста’); с первым компонентом — именем собственным: (*Katrineblommekage* ‘Сливовый кекс Катрины’); с первым компонентом, обозначающим праздник: (*fastelavnsboller* ‘булочки на Масленицу’); немотивированные названия (*remonce* ‘кремообразная паста для начинки из масла и сахара’); названия, в состав которых входит характеристика блюда (*varm kartoffelsalat* ‘теплый картофельный салат’); названия, в которые входит способ приготовления (*kogt torsk* ‘вареная треска’).

Было установлено, что в поваренной книге Фрекен Йенсен преимущественно используются международные термины кулинарного профессионального языка (*servere* ‘сервировать’) и термины фундаментальных кулинарных понятий (*bage* ‘печь’). Термины, применяемые исключительно в датской национальной кухне, представлены в небольшом количестве: в основном это названия блюд или продуктов (*flæskesteg* ‘свинина, запеченная с хрустящей корочкой’).

В результате исследования был сделан вывод о том, что больше всего заимствованной лексики пришло из французского языка (*bouillon* (от фр. *bouillon*) ‘бульон’).

Основными глагольными формами в кулинарных рецептах являются повелительное наклонение (*tænd* ‘зажгите’), простая форма пассива (*deles på* ‘делиться’) и модальные глаголы (*kan* ‘мочь’), которые часто используются в текстах инструкций.

Данное исследование позволило сделать вывод о том, что многие особенности кулинарных рецептов Дании схожи с особенностями текстов кулинарных рецептов других стран.

Литература

Jenkins R. At være dansk. København, 2014.

Frøken J. Kager og søde sager. København, 2017.

Frøken J. Klassisk dansk mad. København; Gyldendal, 2017.

ПРИЕМЫ И СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ В ИНТЕРНЕТ-СМИ ИТАЛИИ

Галиуллина Диана Фердинандовна

студент 3 курса, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Ежедневно получая информацию из СМИ, индивид черпает оттуда ценности, которые затем начинает воспринимать как собственные. Как следствие, одной из опасных угроз современного общества является скрытое информационно-психологическое управление массами. Манипуляции посредством языка — основной способ управления общественным мнением. Язык позволяет не только произвести необходимый эффект, но и замаскировать факт манипуляции.

Актуальность исследования обусловлена тем, что реализация механизма речевого воздействия в итальянских интернет-медиа изучена недостаточно широко. Наша цель — проанализировать статьи о санкциях в отношении России и определить, какие инструменты языковой манипуляции в них преобладают. Языковой материал отобран методом сплошной выборки, к лексемам применен метод компонентного анализа. В работе использовались статьи следующих изданий: «Il sole 24 ore», «La Repubblica», «Nova.News», «Sky TG24».

Выявлены следующие особенности дискурса итальянских интернет-СМИ.

Дезэвфемизация семантики лексем, использованных в российской прессе: эвфемизм *недружественные страны* в интернет-СМИ Италии звучит как *lista nera* ('черный список'), т. е. при переводе заведомо используется эквивалент с отрицательной коннотацией, производится дезэвфемизация.

Метафоры: «*Embargo e price cap su tutti i derivati dell'oro nero russo: due armi in un colpo solo...*» ('Эмбарго и потолок цен на все российские нефтепродукты: два оружия одновременно...'). *Due armi in un colpo solo* — выражение построено по той же модели, что фразеологизм *prendere due piccioni con una fava* ('одним выстрелом двух зайцев убить') [Sky TG24, 2023].

Диалогические макроструктуры (выбор формы вопроса): «*Petrolio, il ruolo della Russia: quanto ne produce e dove va il greggio di Mosca?*» ('Нефть, роль России: сколько нефти она производит и куда отправляется сырье Москвы?'). Автор статьи подразумевает, что ответит на поставленный вопрос [La Repubblica, 2022].

Слова и выражения с семой оценки: в материале о том, что В. В. Путин собирается посетить Донбасс, используется глагол *paventa* 'грозится'.

ИмPLICITная информация: «*La Russia è costretta a vendere il petrolio a 38 dollari al barile*» ('Россия вынуждена продавать нефть по цене 38 долларов за баррель'). Выражена мысль, что Россию не устраивают сложившиеся обстоятельства и она соглашается на невыгодные условия (пресуппозиция предикатива *costretta* 'вынуждена') [Nova.News, 2023].

Итак, наиболее частотными в итальянских интернет-СМИ являются случаи языкового манипулирования посредством подбора лексических средств, однако факты речевого воздействия не ограничиваются приведенными примерами.

Литература

Petrolio russo, scattano embargo e price cap: gli effetti sul prezzo di benzina e diesel // Sky TG24. URL: <https://tg24.sky.it/economia/2023/02/07/prezzo-benzina-diesel-embargo-price-cap-petrolio-russo> (дата обращения — 01.03.23).

Petrolio, il ruolo della Russia: quanto ne produce e dove va il greggio di Mosca? // La Repubblica. URL: https://www.repubblica.it/economia/2022/03/07/news/petrolio_il_ruolo_della_russia_quanto_ne_produce... (дата обращения — 01.03.23).

Bloomberg: La Russia è costretta a vendere il petrolio a 38 dollari al barile // Nova.News. URL: <https://www.agenzianova.com/news/bloomberg-la-russia-e-costretta-a-vendere-il-petrolio-a-38-dollari-al-barile/> (дата обращения — 01.03.23).

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ЖАНРЕ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ ПИСЕМ ФРИДРИХА ШИЛЛЕРА

Котыхов Дмитрий Владимирович

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Категория вежливости — лингвопрагматическая и лингвокультурная категория языкового поведения, заключающаяся в выражении доброжелательного отношения к человеку [Жеребило, 2012: 95]. Языковые формы, которые выбирает говорящий, очень разнообразны и неоднородны. Основная цель доклада заключается в описании, классификации и анализе лексических средств, обозначающих категорию вежливости в эпистолярном жанре в немецком языке на примере писем Фридриха Шиллера; источником материала послужил архив поэта [Friedrich Schiller Archiv].

Основными методами исследования являются сплошная выборка и описательный анализ, благодаря которым выявляются разнообразные лексические средства выражения вежливости, использовавшиеся в конце XVIII — начале XIX в.

Лексический уровень категории вежливости немецкого языка представлен большим количеством устойчивых оборотов, клишированных фраз и эмоционально окрашенных слов, подверженных изменениям в диахронии. Лексические средства выражения вежливости в исследовании представлены примерами, отобранными на базе четырех ситуаций речевого этикета: приветствие, прощание, благодарность, просьба.

В выбранных письмах приветствие как ситуация проявления доброжелательности и уважения к знакомым и незнакомым людям, в том числе в переписке, выражается следующими обращениями: *Liebste Schwester* 'любимая сестра'; *Bester Freund* 'лучший друг'; *Durchlauchtigster Herzog, Gnädigster Herzog und Herr* 'светлейший герцог, милостивый герцог и господин'.

Прощание (ситуация завершения общения) эксплицируется в сформированном корпусе следующим образом: *Dein Dich ewig liebender Bruder Fr Schiller* 'вечно любящий тебя брат Фр. Шиллер'; *Schiller* 'Шиллер'; *Der ich in aller devotester Submission ersterbe Ewr. Herzogl. Durchlaucht unterthänigsttreuehorsamster Frid. Schiller. Regimentsmedicus* 'покорнейше преклоняющийся перед Вашей Светлостью самый преданный и кроткий Фрид. Шиллер. Полковой врач'.

Благодарность — чувство признательности и уважения за какое-либо действие. В анализируемых письмах автор использует следующие фразы для выражения благодарности: *Herzlichen Dank* 'большое спасибо'; *meine aufrichtige Dankbezeugung* 'мое искреннее выражение благодарности'; *den verbindlichsten Dank abzustatten* 'выразить самую искреннюю благодарность'.

Просьба — речевая ситуация, предполагающая обращение к собеседнику с призывом выполнения какого-либо действия или желания. В переписке Ф. Шиллер использует либо глагол *bitten* 'просить', либо наречие *bitte* 'пожалуйста'.

Стили вежливости подвержены многофакторному влиянию, в частности, важную роль играют контекст письма и ориентация на адресата. Существуют различия в коммуникации между родственниками, знакомыми или друзьями и деловыми партнерами. Подтверждение этому тезису мы видим в рассмотренных письмах, одна часть которых является примерами неформального общения (как письма сестре и другу), а другая относится к более официальному стилю. Наиболее ярко соответствующие различия лексических средств выражения вежливости проявляются в формулировке приветствия и прощания, в то время как ситуациям благодарности и просьбы свойственна меньшая вариативность.

Литература

Жеребило Т.В. Термины и понятия лингвистики: общее языкознание. Социолингвистика: словарь-справочник. Назрань, 2012.

Friedrich Schiller Archiv. URL: <https://www.friedrich-schiller-archiv.de/briefe/> (дата обращения: 25.02.2023).

СТРАТЕГИЯ ЭМОЦИОНАЛИЗАЦИИ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ ГЕРМАНИИ 2000-Х И 2020-Х ГГ.

Батухтина София Михайловна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Восприятие человеком окружающего мира во многом зависит от того, каким представлен этот мир в СМИ. Целью настоящего доклада является сравнительный лингводискурсивный и коммуникативно-прагматический анализ языковых средств эмоционализации в немецкой прессе. Для эмоционализации текстов, посвященных вопросам экологии, журналисты прибегают к коммуникативным стратегиям, т. е. ищут речевые способы воздействия на адресата.

Стратегический подход базируется на общих знаниях и когнитивных моделях социума [Иссерс, 2008: 55]. Стратегия эмоционализации способна создавать положительный или отрицательный имидж того или иного дискурсивного события, личности или феномена, что, напр., реализуется с помощью эмоционально окрашенной лексики, различных фигур речи и синтаксических конструкций. Сильные и яркие эмоции надолго остаются в памяти читателя, что, в свою очередь, выгодно для издания и авторов в частности. Эмоциональный способ воздействия на читателя отмечают многие лингвисты, обсуждая эмоциональную составляющую медиатекстов. Как считал Т. А. ван Дейк, факты лучше описываются и запоминаются, если они содержат или возбуждают сильные эмоции [Dijk, 1988: 85].

Материалом для анализа послужили статьи немецкой печатной прессы 2000-х и 2020-х гг. Тексты статей были проанализированы в рамках внутритекстуального уровня модели лингводискурсивного анализа DIMEAN [Spitzmüller, Warnke, 2011: 201].

Проведённый анализ позволяет говорить об активном обращении к стратегии эмоционализации при освещении экологических тем. Чаще всего уже сами заголовки формулируются таким образом, чтобы вызвать любопытство (*Gefährliches Erbe im Sand* 'Опасное наследие в песке'), смятение (*Wir leben in Brandenburg auf einem Pulverfass* 'В Бранденбурге мы живем на пороховой бочке') и т. д. Они часто выражены идиоматично (*Wasser predigen, aber bei Wein dinieren* 'Проповедовать воду, но ужин запивать вином'), в форме риторических вопросов (*Können wir noch guten Gewissens Kinder in die Welt setzen?* 'Можем ли мы с чистой совестью впускать в этот мир детей?').

Эмоционализация экологических дискурсивных событий реализуется в основной части, напр., в описаниях через использование различных тропов (*vom Corona-Topf in den Energie-Topf* 'из копилки для борьбы с коронавирусом в энергетическую копилку'; *selbes Geld, neue Fassade* 'те же деньги за новым фасадом'). Внедрение фотографий с места событий, портретов участников коммуникации, ассоциативных изображений также способствует эмоционализации в совокупности с вербальной частью всего медиатекста. Стоит отметить усиление роли мультимодальных средств в 2020-х по сравнению с 2000-ми гг. Кроме того, статьи 2000-х гг. отличаются более активным использованием образных языковых средств и эмоционально-оценочной лексики.

Литература

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008.

Van Dijk T. A. News as discourse. London, 1988.

Spitzmüller J., Warnke I. Diskurslinguistik: eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse. Berlin; New York, 2011.

АНГЛИЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ МОРСКОЙ ТЕМАТИКИ И ИХ ЭКВИВАЛЕНТЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Цыплякова Ангелина Геннадьевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Под фразеологизмами морской тематики автор понимает устойчивые словосочетания с осложненной семантикой, содержащие компоненты «sea» и «ocean». Выбор данных единиц обоснован интересом к различию в восприятии таких географических объектов, как «море» и «океан», а также к их использованию в описании типичных в жизни человека явлений и феноменов. Актуальность исследования определяется своей отнесенностью к активно развивающемуся в теоретическом и практическом направлениях разделу языкознания — фразеологии.

Для анализа фразеологических единиц используются классификации по степени мотивированности В. В. Виноградова [Виноградов, 1977] и типология по межъязыковым отношениям А. Д. Райхштейна [Райхштейн, 1980]. В ходе исследования из английского языка нами были отобраны 20 фразеологических единиц, содержащих компонент «sea» или «ocean», и проанализированы по классификации Виноградова. Результаты в процентном соотношении выглядят следующим образом: фразеологических сращений насчитывается 45 %, фразеологических единств — 40 %, фразеологических сочетаний — 15 %. Данная статистика позволяет нам сделать вывод о том, что происхождение большинства фразеологизмов с компонентами «sea» или «ocean» не мотивировано. В ходе нашего исследования к видам межъязыковых отношений, выделяемых А. Д. Райхштейном (полное тождество, неполное тождество и полное различие), мы прибавили еще один вид межъязыковых отношений — отношения безэквивалентности, поскольку у некоторых английских фразеологизмов не существует аналогов в русском языке. Соотнеся отобранные фразеологические единицы морской тематики с соответствующими фразеологизмами русского языка, мы пришли к следующим результатам: с полным различием эквивалентов насчитывается 10 %, неполных эквивалентов — 15 %, отношений различия — 65 %, отношений безэквивалентности — 10 %. Так, фразеологизмы в паре *between the devil and the deep blue sea* — *меж двух огней* обозначают 'под угрозой с двух сторон, когда опасность или неприятность угрожает с двух сторон', однако компонентный состав и образная основа у них отличается, а также они имеют разный грамматический строй: русский фразеологизм построен по модели «предлог + числит. + сущ.», английский же фразеологизм имеет более сложную структуру «предлог + сущ. + прил. + прил. + сущ.». Во фразеологической паре *half seas over* ('под хмельком') — *море по колено* ('говорится о человеке, всегда готовом рисковать') ситуация несколько иная. Помимо различий в компонентном составе — русский фразеологизм построен по модели «сущ. + предлог + сущ.», английский же — по модели «сущ. + сущ. + наречие» — эти фразеологизмы имеют разное значение. В силу различий в компонентном составе, структурно-семантической организации и образной основе можно заключить, что в обоих примерах представлены отношения различия.

Таким образом, большинство английских фразеологических единиц морской тематики не мотивированы; при этом преобладают фразеологизмы, чьи аспектные и функционально-смысловые компоненты в английском и русском языках различаются.

Литература

Виноградов В. В. Лексикология и лексикография: избранные труды. М., 1977.

Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии (для институтов и факультетов иностранных языков). М., 1980.

AUTHOR'S OCCASIONALISMS AS A LANGUAGE EXPERIMENT IN A LITERARY TEXT (BASED ON THE WORKS OF JAMES JOYCE)

Чадова Елизавета Владимировна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

The material of the study consists of the occasionalisms, selected from James Joyce's novel «Ulysses» mainly. The author analyses their translations into Russian made by V. A. Khinkis and S. S. Khoruzhiy. The object of the study consists of around 100 examples of occasionalisms. The subject of the study is the structural features of English and Russian occasionalisms. The study analyses such concepts as occasionalism, linguistic experiment, non-equivalent vocabulary, context. The peculiarities of author's occasionalisms in a literary text, types of equivocalism, classifications of non-equivalent vocabulary and the influence of the context are being considered. The author analyses and classifies the ways of translating J. Joyce's occasionalisms. The examples are classified according to the following types: lexical, phonetic and other types of occasionalisms. Two or three ways of translation transformations are suggested for each type (in the translations reviewed). In conclusion, the findings are as follows:

First, the most common type of occasionalism in James Joyce's novels is lexical occasionalism (67.2%), and the most frequent method of translation is calquing (52%). Phonetic occasionalisms (23.4%) are predominantly translated with the use of the combined models. The methods of transcription and transliteration are also of frequent usage since these methods are the most suitable for the translation of occasional proper names. Moreover, it is necessary to note that for the translation of other types of occasionalisms (appeals to toponyms, anthroponyms, phraseological derivation), it is especially important to take contextual connections into account, which was noted by both translators. The translators made almost no use of omissions, which can be explained by the need of preserving the author's unique language and wordplay. When comparing the structural types of occasionalisms and the method of their translation, it was found that belonging to a specific type determines the choice of the translation method.

NICKNAMES OF AMERICAN PRESIDENTS: ONOMASTIC MODELS AND MOTIVATION BEHIND THE NAMES

Першина Арина Алексеевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

The paper seeks to identify the models dominating both contemporary morphology and motivation in US presidential nicknames. It likewise provides an overview of the trends deemed most pronounced throughout history. Additionally, the research allows for broader conclusions consistent with the dynamic of modern political discourse. With nicknames being increasingly recognized as a means of exploring foreign cultures and national discourse, the study is of scientific value as an attempt at conducting a two-fold analysis of nicknames — at synchronic and diachronic levels.

The study relies on multiple methods. Those include targeted sampling, morphological and pragmalinguistic analyses, statistical and comparative approaches.

Proper names are inextricably tied to society [Nikonov, 1974]. Whether intended or not, proper names are a product of norm-based, culture-oriented decisions. Seemingly individual, human names often follow collectively pre-established patterns. Nicknames are defined as «informal expressive-evaluative names used in conjunction with or instead of proper names» [Yermolovich, 2005: 255]. V. V. Abramenkova [Abramenkova, 2009] shows nicknames to be culturally charged. Complex in nature, informal names assume three functions: attaching the label of belonging, singling out individuals, and promoting behavioral or precautionary sanctions.

While D. I. Yermolovich distinguishes three morphological nickname models, V. V. Dyachenko [Dyachenko, 2007] delineates a more fragmentary hierarchy comprising eight patterns.

Drawing on a self-assembled corpus of media-outsourced US presidential nicknames, the study presents a set of examples in full agreement with existing models. It also calls for a slight expansion of the examined classifications to include six idioethnic formulas. Though novel in content, the models develop within the bounds of established nickname morphology. It is thus safe to postulate the inertia of onomastic play with form.

The paper accentuates six recurrent morphological models that have withstood the test of time and fashion: **the Doer model** (*The Decider*), secondary naming (*Caesar*), **metaphor-based methods** (*Sphinx*), **the placename-based model** (*Kansas Cyclone*), **compounds** (*Long Tom*), and **the King / President / Boss / Veto Model** (*Twitter King*). A motivation-forward analysis highlights **politics** (*No Drama Obama*), **anecdote** (*Give 'Em Hell Harry*), **physique** (*His Rotundity*), and **military feats** (*Unconditional Surrender Grant*) as the four most likely sources of inspiration.

Succinct cultural codes, nicknames are axiologically loaded tokens that reflect the current criteria of societal assessment. Created in the cradle of politics, they absorb the tenets of political discourse and betray its fads. The present pragmalinguistic dynamic signals a shift to pejorative tropes. In morphological terms, it records a slide toward simplicity and concision.

Литература

Абраменкова В. В. Поименование как культурный феномен — в истории и современности // Культурно-историческая психология. 2009. Т. 5. № 4. С. 23–32.

Дьяченко В. В. Основные способы образования субстандартных антропонимов в английском и русском языках // Вестник Ставропольского государственного университета. 2007. № 48. С. 58—65.

Ермолович Д. И. Имена собственные // Теория и практика межъязыковой передачи. М., 2005.

Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАИМЕНОВАНИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ В НЕМЕЦКОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Поникаровская Екатерина Юрьевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Благодаря разветвленной системе образования в Германии наименования обучающихся в немецком языке представляют собой богатую систему. Ее до конца не изученное разнообразие является интересным для современной лексикологии объектом исследования. В докладе рассматриваются структурные и семантические особенности наименований обучающихся в немецком языке, полученные в результате анализа 117 лексических единиц. Источниками практического материала послужили электронные словари DWDS и Duden и сайты образовательных учреждений Universität Bonn, Universität Köln и Universität Potsdam.

В ходе работы было выяснено, что наиболее продуктивным путем образования наименований обучающихся является вторичная номинация: с помощью этого способа было образовано 80 % примеров. Вторым по продуктивности стало заимствование, благодаря которому в немецкий язык вошло 20 % представленных в корпусе наименований (*Studiosus* 'студент', *Pennäler* 'гимназист, школьник', *Zögling* 'воспитанник'). Таким образом, в очередной раз был доказан тезис о том, что первичная номинация — крайне редкое явление в современных языках [Языкознание. Большой энциклопедический словарь, 1998: 336]. Кроме того, при анализе примеров было обнаружено, что обучающиеся всегда стремятся к использованию в своей речи новых и необычных наименований, поэтому прибегают к таким способам номинации, как зоологическая метафора (*Frosch* 'гимназист', *Halbmaulesel* 'гимназист', *Fuchs* 'первокурсник'), метонимия (*Bursche* 'студент', *Bachelor* 'бакалавр') и стяжение (*Azubiene* 'ученица', *Abundzubi* 'ученик, подмастерье'). При рассмотрении лексических единиц в диахроническом срезе важной для иссле-

дования также стала проблема гендерной составляющей. В результате работы было выявлено, как по мере развития общества нивелируется гендерная асимметрия в сфере образования. Наименования, которые до определенного момента времени имели лишь мужские формы (*Student* 'студент', *Lehrjunge*, *Lehrbub* 'ученик'), становятся употребительными для обоих полов (*Studentin* 'студентка', *Lehrmädchen*, *Lehrtochter* 'ученица').

Литература

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / отв. ред. В. Н. Ярцева. М., 1998.

ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ГЕРОЯ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА П. МЕРСЬЕ «НОЧНОЙ ПОЕЗД В ЛИССАБОН»)

Андреева Мария Вадимовна

магистрант 1 курса, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

В исследовании предпринята попытка исследования лексического аспекта романа П. Мерсье «Ночной поезд в Лиссабон» для создания психолингвистического портрета главного героя, Раймунда Грегориуса.

Грегориус — филолог-классик, уже в зрелом возрасте переживающий существенные перемены в собственных суждениях и внутренних установках, а также добровольно «перевернувший» свою жизнь: из гимназического преподавателя древних языков Грегориус становится авантюристом-исследователем, который отправляется из Швейцарии в Португалию для изучения истории жизни и смерти португальского врача и эссеиста Амадеу де Праду.

Интерес представляет спонтанность решения Грегориуса: прежде замкнутый и нелюдимый, отчасти демонстрирующий черты шизоидной акцентуации с заикливанием на привычном круге интересов, он может быть отнесен к категории персонажей-ананкастов — героев тревожных, боязливых и робких [Белянин, 1996: 29], которые нечасто являются героями художественных произведений. Тем интереснее спонтанное решение героя отправиться в Португалию без знания языка и конечной цели — происходит личностная трансформация персонажа, заставляющая его переменить привычные поведенческие паттерны (смена внешнего образа и гардероба, перемена в манере речи и речевом поведении в целом, трансформация речевой динамики).

Речь героя становится одним из ключевых показателей его преобразования: до поворотного события в ней преобладают концепты, связанные на уровне лексики с домашней средой, одиночеством и близким взаимодействием с ограниченным кругом лиц. Особое внимание уделяется концепту спокойствия («Ruhe») — особенно через противопоставление символов новой и старой жизни («die lateinische Sätze, <...> [die] die Ruhe alles Vergangenen in sich trugen» и португальской «Das Buch der Unruhe»).

Отдельное внимание уделено влиянию португальской языковой картины мира, привнесшей изменения в «швейцарский» характер героя и повлекшей за собой перемены в его поведении и, соответственно, в речевом портрете, обусловленные не только барьером (прежде Грегориус не изучал португальский), но и частичной трансформацией «ананкаста» в личность с элементами возбудимой через внутреннее раскрепощение [Леонгард, 1981: 89].

Литература

Mercier P. Nachtzug nach Lissabon. München, 2004.

Белянин В. Введение в психиатрическое литературоведение. Мюнхен, 1996.

Леонгард К. Акцентуированные личности. Киев, 1981.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФИНЛЯНДСКОГО ВАРИАНТА ШВЕДСКОГО ЯЗЫКА

Шерстнева Евгения Александровна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе проводится анализ морфологических особенностей шведского языка в Финляндии и их отличий от современных языковых норм.

Наряду с другими плюрицентрическими языками, имеющими свои языковые варианты, шведский язык, а именно его финляндский вариант, также представляет интерес для лингвистического исследования. Несмотря на то, что процент шведоговорящего населения Финляндии постепенно снижается, шведский, являясь вторым государственным языком, продолжает развиваться благодаря активно работающим языковым институтам. Основным материалом для исследования послужили публицистические тексты и корпус устной речи шведского языка. В докладе рассмотрены исторические и лингвистические аспекты, оказывающее влияние на морфологию шведского языка в Финляндии.

На основании исследования сделан вывод, что морфологические особенности финляндского варианта шведского языка во многом сохраняют архаические формы, не характерные для стандартного шведского языка. Напр., в некоторых диалектах шведоязычных регионов вместо определенного артикля *den* могут использоваться личные местоимения мужского и женского рода (*han* и *hon* соответственно), тем самым сохраняя наличие в языке трех родов существительного (вместо общего и среднего рода) [Wide, 2009: 272]. Кроме того, важная для Швеции реформа употребления личных местоимений (шв. *du-reformen*), в рамках которой произошел переход от обращения к собеседнику на «вы» (шв. *ni*) к обращению на «ты» (шв. *du*), не так сильно коснулась языка в Финляндии, где местоимение «вы» по-прежнему используется [Norrby, 2021: 60], а в публицистических текстах и объявлениях обращение к читателю на «ты» распространено менее широко и чаще заменяется безличными конструкциями. Данные особенности и отличия от языка в Швеции характерны для устной речи, в то время как морфология финляндского варианта шведского языка в письменных текстах в большинстве случаев соответствует нормам, установленным Шведской Академической грамматикой.

Литература

Norrby C., Wide C. Interaktion och variation i pluricentriska språk. Stockholm, 2021. S. 58–72.

Wide C. Bestämd artikel i finlandssvenska dialekter // Konstruktioner I finlandssvensk syntax / C. Wide (red.). Helsingfors, 2009. S. 247–295.

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРСОНАЖА (НА МАТЕРИАЛЕ НОВЕЛЛИСТИКИ Т. МАННА И ЕЕ ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК)

Богданова Елизавета Михайловна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Целью данного доклада является рассмотрение черт сходств и различий в функционировании лексико-стилистических средств в немецком и русском художественном тексте. При помощи сопоставительно-аналитического метода впервые были проанализированы языковые особенности создания образа литературного персонажа в новеллах Т. Манна «Тристан», «Смерть в Венеции», «Марио и волшебник» и их переводах на русский язык. В ходе проведения исследования изучен идиолект автора и определены стратегии для создания адекватного перевода, под которым понимается «исчерпывающая передача смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему» [Федоров, 2002: 173]. Особое внимание уделяется классификации видов эквивалентности, приведенной В. Коллером в работе «Einführung in die Übersetzungswissenschaft». В силу отсутствия в современной стилистике единой системы средств первичной и вторичной образности были использованы теоретические труды различных германистов, таких как Э. Г. Ризель, Е. А. Гончарова и М. П. Брандес.

В докладе представлены лексико-стилистические средства, участвующие в создании трех типов литературного портрета: качественного, функционального и речевого. Поскольку индивидуальный стиль Манна отличается широким употреблением тропов, символов, игры слов, синонимических рядов и лейтмотивных деталей, сохранение экспрессивно-стилистической тональности оригинального произведения становится возможным благодаря ориентации на формально-эстетическую и коннотативную эквивалентность. Данные виды эквивалентности не всегда достижимы, что подтверждает рациональность теории относительной переводимости и необходимость воспроизведения особенностей авторского идиолекта для наиболее полноценной передачи фигурального элемента труднопереводимых фрагментов, каковыми в большинстве случаев являются описания, содержащие метафоры, фразеологические единицы и иронию. Особую сложность представляет передача на русский язык оксюморонов. Так, в переводе новеллы «Смерть в Венеции», выполненном Д. М. Горфинкелем, утрачивается вторичная образность словосочетания *der fahrende Müßiggänger* 'праздный скиталец'.

Следует отметить, что иногда знание авторского стиля позволяет переводчику сделать образ персонажа более выразительным и задействовать ассоциативное мышление читателя. Р. З. Миллер-Будницкая дополняет косвенную характеристику персонажа произведения «Марио и волшебник» метафорой: мадам Анджольери, названная в оригинальном тексте *die Spenderin unserer Mittagssuppe* 'хозяйка, угощавшая нас супами', становится 'доброй феей наших супов и жарких'. Переводчик не только использует свойственное стилю автора образное средство, но и подбирает слова из лексикона детей, являющихся персонажами новеллы, — прием, к которому часто обращается сам писатель.

Таким образом, результаты данного исследования могут быть использованы как вспомогательный источник при изучении языковых параметров других произведений Манна и их адаптации при переводе.

Литература

- Гончарова Е. А. Теория и практика стилистического анализа. М., 2010.
Федоров А. В. Основы общей теории перевода: лингвистические проблемы. СПб., 2002.
Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. Wiebelsheim, 2004.
Riesel E. Stilistik der Deutschen Sprache. Moskau, 1963.

ПРОБЛЕМЫ ОПОСРЕДОВАННОГО ПЕРЕВОДА ГРЕНЛАНДСКОЙ СКАЗКИ «DEN BLINDE, SOM FIK SIT SYN IGJEN»

Лохматова Маргарита Дмитриевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад посвящен анализу особенностей лексических и грамматических трансформаций при опосредованном переводе сказки «Den Blinde, som fik sit Syn igjen», а также анализу выявленных в переводах данной сказки ошибок и их причин. Отдельное внимание в связи со спецификой текста уделяется косвенному переводу реалий.

Актуальность темы обусловлена как недостаточной проработанностью проблемы опосредованного перевода в современной научной литературе, так и возрастающей популярностью опосредованного перевода в период глобализации, когда, как правило, по коммерческим причинам английский язык все чаще выступает языком-посредником. В процессе исследования мы опирались на работы Х. Пита, Р. Буэно Майя, Э. Торрес-Симон [Pięta и др., 2022], А. Роса, Б. Майя [Rosa и др., 2017: 113–132], Г. Тури [Toury, 2012].

Объектом анализа в докладе является гренландская сказка «Den blinde, som fik sit syn igjen» («Слепой, который вновь получил зрение») в изложении Х. Ринка [Rink, 1866: 51–54], а также ее переводы на английский и русский языки. Выбор сказки «Den Blinde, som fik sit Syn igjen» для иллюстрации особенностей опосредованного перевода объясняется наличием в ее случае типичного для опосредованного перевода набора языковых пар: обе языковые пары (датский — английский и английский — русский) включают английский в качестве языка-посредника. Кроме того, выбор материала исследования обусловлен недостаточной степенью изученности гренландской литературы в русскоязычной науке. В работе использовались такие методы лингво-переводческого исследования, как сопоставительный, переводческий и лексико-семантический анализ и др.

В результате анализа было выявлено, что в процессе опосредованного перевода применение переводческих трансформаций приводит как к несущественным смысловым несовпадениям между оригиналом и переводом, так и к грубым смысловым ошибкам, которые искажают смысл произведения, дезинформируя читателя. Также в докладе наглядно демонстрируются трудности передачи реалий в процессе косвенного перевода. Кроме того, исследование продемонстрировало, что если в тексте на языке-посреднике содержится ошибка, то она с большой долей вероятности перейдет и в переводной текст, что также снижает качество опосредованного перевода в сравнении с непосредственным переводом с исходного языка на переводящий язык.

Литература

- Pięta H., Bueno Maia R., Torres-Simón E. Indirect Translation Explained. London, 2022.
Rink H. Eskimoiske eventyr og sagn. Kjøbenhavn, 1866.
Rosa A. A., Pięta H., Bueno Maia R. Theoretical, methodological and terminological issues regarding indirect translation: an overview // Translation Studies. 2017. T. 10. №. 2. P. 113–132.
Toury G. Descriptive translation studies: and beyond. Amsterdam, 2012.

ПЕРЕВОД РЕАЛИЙ В ДАТСКОМ И РУССКОМ ПЕРЕВОДАХ РОМАНОВ ДЖ. РОУЛИНГ О ГАРРИ ПОТТЕРЕ

Оболашвили Алиса Левановна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Романы Дж. Роулинг о Гарри Поттере уже несколько десятков лет являются одними из самых продаваемых во многих странах, в том числе в России. О их влиянии на современную культуру свидетельствует большое количество киноадаптаций, театральных постановок и литературных произведений по их мотивам. Тем не менее, тема перевода слов-реалий в жанре фэнтези слабо проработана, в особенности в паре языков английский — датский.

Целью доклада является сравнение перевода слов-реалий в переводах романа «Harry Potter and the Philosopher's Stone» на русский и датский языки.

В качестве материала был выбран роман Дж. Роулинг «Harry Potter and the Philosopher's Stone» на английском языке [Rowling, 2014], его перевод на датский язык, выполненный Х. Лютцен [Rowling, 2015], и перевод на русский язык, выполненный И. В. Оранским [Ролинг, 2011].

Теоретической базой данного исследования является труд С. И. Влахова и С. П. Флорина «Непереводимое в переводе» [Влахов, Флорин, 2012], в частности, их классификация переводческих приёмов легла в основу работы и определила её структуру. Кроме того, были проанализированы и другие источники.

При проведении исследования применялись такие **методы**, как сопоставительный, переводческий и лексико-семантический анализ, классификация, количественный подсчёт.

При выполнении практической части была сделана выборка примеров с последующим их анализом и сравнением в парах языков английский — датский, английский — русский; датский — русский. Слова-реалии были классифицированы согласно переводческим приёмам.

В текстах переводов были выявлены такие приёмы перевода реалий, как транслитерация и транскрипция; калька, полукалька, освоение, семантический неологизм; замена реалий; приблизительный перевод (функциональный аналог и описание). Анализ материала показал, что большинство имён собственных были переданы на переводящие языки при помощи транслитерации или транскрипции, за исключением «говорящих» имён, имён других существ, кличек животных и некоторых географических объектов (напр., *Diagon Alley*, дат. *Diagonalstræde*, рус. *Косая Аллея*).

Калькирование часто встречается в обоих переводах, напр., при переводе некоторых названий школьных предметов: *Charm*, дат. *Besværgelser*, рус. *заклинания*. Полукальку использовали реже, напр., в таких группах, как денежные единицы: *Gold-Galleon*, дат. *Guldgalleon*, рус. *золотой галлеон*.

К самым частотным приёмам, к которым обращалась Х. Лютцен, можно также отнести замену реалии. Ярким примером может послужить слово *goblin* 'гоблин', дат. *nisse*. Остальные переводческие приёмы были использованы реже как И. В. Оранским, так и Х. Лютцен.

Ещё одним результатом исследования стало подтверждение **гипотезы** о том, что при переводе на датский язык чаще используются такие приёмы, как замена реалии и транслитерация, а при переводе на русский язык переводчики фэнтези чаще обращаются к транслитерации имён собственных и полукальке.

Литература

Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. М., 2012.

Ролинг Дж. К. Гарри Поттер и философский камень. М., 2011.

Rowling J. K. Harry Potter and the Philosopher's Stone. London, 2014.

Rowling J. K. Harry Potter og De Visers Sten. Pottermore Publishing, 2015. URL: <https://www.pottermorepublishing.com/publications/9781781103142-1-harry-potter-og-de-visers-sten/> (assessed: 20.04.2023).

ВРЕМЕННЫЕ И МОДАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ВРЕМЕНИ FUTUR ANTÉRIEUR И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Писклова Юлия Юрьевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе рассматриваются функционирование временных и модальных значений времени futur antérieur (FA), контекстуальные маркеры, способствующие их реализации, и переводческие решения для их передачи на русский язык. Время FA может выражать 2 временных (законченность действия к определенному моменту в будущем и предшествование другому действию в плане будущего) и 3 модальных значения (подведение итога, предположение и эмоциональная оценка действия). Реализация того или иного значения происходит в контексте и обусловлена им, именно он позволяет точно определить, какое значение принимает та или иная форма FA. Эквивалентный перевод форм связан в первую очередь с верным определением значения времени FA. Кроме того, в связи с отсутствием в русском языке подобного времени перевод временных и модальных значений FA в контексте является сложной переводческой задачей, представляющей как научный, так и практический интерес.

Основными задачами исследования являлись краткий обзор теоретической информации, связанной с функционированием времени FA, анализ закономерностей реализации временных и модальных значений FA во французском публицистическом дискурсе. В частности, были проанализированы грамматики и учебные пособия французских (Chevalier J.-C., Blanche-Benveniste C., Arrivé M., Peytard J., Grevisse M., Goose A., Riegel M., Pellat J.-C., Rioul R.) и российских (Гак В. Г., Заславская П. И., Кузнецова Е. О., Костецкая Е. О. и Кардашевский В. И., Попова И. Н. и Казакова Ж. А.) авторов, а также публикации польской исследовательницы E. Ciszewska-Jankowska. Помимо этого, в рамках исследования были поставлены такие задачи, как ознакомление с теоретической информацией, посвященной проблемам перевода в целом и переводу времени FA в частности, разработка системы языковых соответствий между значениями FA и вариантами их перевода на русский язык. Способы перевода FA на русский язык малоизучены и недостаточно подробно описаны в научной литературе, чем обусловлена новизна нашего исследования.

В качестве материала использовались новостные статьи с сайтов французских изданий (Le Monde, Le Figaro, Slate.fr, Atlantico, Boulevard Voltaire, Paris Match и др.) и их переводы, размещенные на российских сайтах (ИноСМИ, Inopressa, ИноТВ). В ходе исследования методом сплошной выборки был составлен параллельный корпус (в него вошло 595 542 словоупотреблений) из статей и их переводов, внутри которого был выделен подкорпус примеров использования времени FA и переводов, состоящий из 42 единиц. Корпусы разрабатывались при помощи программ Архивариус 3000, AntConc и ТХМ. По результатам исследования была составлена таблица соотношений между значениями FA и их возможными переводами на русский язык.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЭМЫ «РЕЙНЕКЕ-ЛИС» И. В. ГЁТЕ И ЕЕ ПЕРЕВОДОВ НА БРЕТОНСКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫКИ

Киселев Денис Александрович

*студент 4 курса, Нижегородский государственный лингвистический университет им.
Н. А. Добролюбова*

В исследовании рассматривается поэма И. В. Гёте «Рейнеке-Лис» на немецком языке, два её перевода на русский язык [Гёте, 1988], [Гёте, 2020], выполненные Л. М. Пеньковским, а также произведение Ж. Рью «Troïou-kamm Alanig al Louarn» на бретонском языке [Riou, 1936]. В этом произведении присутствует ремарка автора, дающая основание считать его вольным переводом произведения Гёте [Riou, 1936: 6].

Цель доклада состоит в том, чтобы сопоставить переводы с оригинальным произведением и между собой, выявить различия и определить их возможные причины. Выбор материала обосновывается тем, что бретонский язык, как региональный, по своему статусу существенно отличается от русского, и представляется интересным рассмотреть, оказывает ли данный фактор влияние на переводческие решения. Само произведение «Troiou-kamm Alanig al Louarn» [Riou, 1936] не переводилось на русский язык, и нами не было найдено посвященных ему отечественных публикаций. По форме оригинальное произведение Гёте является поэмой, написанной гекзаметром. Пеньковский создал два перевода: упрощенный прозаический для читателей среднего школьного возраста [Гёте, 1988] и приближенный к оригиналу поэтический — для взрослой аудитории [Гёте, 2020]. Произведение Рюю является прозаическим [Riou, 1936]. В оригинальной поэме Гёте действие происходит на не названной точно территории Германии или Нидерландов, на что указывает значительное число топонимов. В обоих переводах Пеньковского на русский язык эти топонимы сохранены. Рюю переносит место действия в Бретань и приводит собственные региональные топонимы. Произведение Гёте содержит большое количество «говорящих» имен персонажей. В переводах Пеньковского почти все имена персонажей поэмы Гёте были транслитерированы. В переводе на бретонский может быть выделено три тактики передачи имён: замена оригинальных германских на бретонские, исконно кельтского или библейского происхождения; добавление имени персонажам, у которых в произведении Гёте нет имени; калькирование. Рюю при переводе поэмы Гёте «Рейнеке-Лис» на бретонский язык прибегает к стратегии доместикации и адаптирует оригинальное произведение к особенностям бретонской культуры. Выбор такой стратегии можно объяснить положением бретонского языка и культуры в первой половине XX в. С одной стороны, в Бретани возрождалось национальное самосознание. С другой, бретонская культура продолжала испытывать давление господствующей государственной французской культуры и французского языка.

Таким образом, перевод известного произведения Гёте, выполненный Рюю, предназначался в том числе и для сохранения бретонского языка. Основной целью перевода на русский язык было знакомство русскоязычного читателя с немецкой классикой, и необходимости адаптации произведения к переводящей культуре ради сохранения последней не возникало, поэтому переводы Пеньковского в большей степени приближены к оригиналу.

Литература

Гёте И. В. Рейнеке-лис. М., 2020.

Гёте И. В. Рейнеке-лис. М., 1988.

Goethe J. W. von. Reineke-Fuchs. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/2228> (дата обращения: 01.03.2023).

Riou J. Troiou-kamm Alanig al Louarn. Levrenn I ha'Levrenn II. Brest, 1936.

ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ ПРИ АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКОГО СЕРИАЛА «КОРОНА»)

Фартышева Кристина Денисовна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

С момента появления кинематографа интерес к нему постоянно растет; сегодня в русскоязычном пространстве особой популярностью пользуются зарубежные фильмы и сериалы, которые нуждаются в переводе. Настоящий доклад посвящен проблеме передачи эмоционально-оценочной лексики при аудиовизуальном переводе на русский язык. **Научная новизна** заключается в изучении способов перевода подобной лексики, включающей в себя национально-

культурный компонент. **Цель доклада** — выявить основные закономерности передачи эмоционально-оценочной лексики при аудиовизуальном переводе британских исторических сериалов на русский язык. **Основными методами исследования** являются эмпирический метод, контекстуальный, лингвопрагматический и сопоставительный анализ. **Материалом исследования** послужили сценарий британского исторического сериала «Корона», который посвящен королеве Великобритании Елизавете II, текст его субтитров, а также текст закадрового озвучивания на русском языке, выполненный студией LostFilm.

Под аудиовизуальным переводом понимается «создание нового полисемантического единства на языке-реципиенте на основе единства, существовавшего на исходном языке, причем таким образом, чтобы новое полисемантическое единство стало элементом культуры языка-реципиента и не было ему чуждо» [Козуляев, 2015: 13].

В рамках доклада рассмотрим два его подвида. Субтитрирование — сокращенный перевод диалогов фильма, отражающий их основное содержание и сопровождающий в виде печатного текста видеоряд в его оригинальной версии, располагаясь, как правило, в нижней части экрана [Лутков, 2016: 163]. При закадровом озвучивании звуковая дорожка с переводом накладывается поверх приглушенной исходной. Для обоих подвигов свойственна компрессия. Однако перед переводчиком могут возникать не только технические трудности, связанные с особенностями одного из видов перевода, но и языковые, напр., когда в исходном тексте используется лексика с национально-культурным компонентом. Тогда главная задача переводчика — сохранить прагматический потенциал. Так, к подобной лексике относятся прилагательные, выражающие субъективное отношение и эмоциональную оценку говорящего: *It was pretty gobsmacking what he was doing*. Его слова **шокировали** меня (субтитры). Меня **ошеломили** его слова (закадровое озвучивание). Данное слово относится к экспрессивной разговорной лексике и используется преимущественно англичанами. Для передачи его основных характеристик и достижения необходимого коммуникативного эффекта в обоих вариантах был осуществлен семантический перевод, а также произведена замена части речи для сохранения узуса русского языка, однако произошла потеря культурного компонента.

В итоге был сделан вывод, что для передачи эмоционально-оценочной лексики используются семантический перевод, подбор аналога, опущение и добавление, однако национально-культурный компонент значения зачастую утрачивается.

Литература

- Козуляев А. В. Обучение динамически эквивалентному переводу аудиовизуальных произведений: опыт разработки и освоения инновационных методик в рамках школы аудиовизуального перевода // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2015. № 3. С. 3–24.
- Лутков Е. А. Мультиформатность аудиовизуального перевода // Вестник Волгоградского государственного университета. 2016. № 9. С. 163–167.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ШЕКСПИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ТРАГЕДИИ «ГАМЛЕТ»)

Пашенко Мария Михайловна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Проблема перевода произведений художественной литературы не теряет свою актуальность. Связано это с тем, что переводчик, приступая к работе, сталкивается с рядом противоречивых требований: с одной стороны, текст перевода должен быть максимально приближен

к тексту оригинала, с другой — он должен быть хорошо адаптирован к культуре языка перевода, что подразумевает под собой внесение порой многочисленных правок и изменений. По мнению исследователя В. Н. Комиссарова, подобного рода «жертва» необходима для достижения главной цели художественного перевода, а именно «порождения на переводимом языке речевого произведения, способного оказывать художественно-эстетическое воздействие на читателя» [Комиссаров, 1980: 27].

Доклад посвящен особенностям лингвокультурной адаптации произведения У. Шекспира «Гамлет» при переводе на русский язык. Также в докладе впервые предпринимается попытка проведения сопоставительного анализа переводов классического произведения с учетом разных периодов отечественной истории.

Творчество Шекспира вызывает огромный интерес у научного сообщества в связи с неповторимым авторским стилем, метафоричностью повествования, использованием уникальной игры слов и идиом. Среди множества работ автора особенно выделяется пьеса «Гамлет, принц датский» — произведение, которое переводилось на русский язык множество раз в разные промежутки истории, а переводы его вызывали и продолжают вызывать большое количество споров и нерешенных вопросов. Потому «Гамлета» без сомнений можно назвать средоточием переводческого опыта. На его примере можно проследить, каким образом развивалась переводческая мысль сквозь века.

В ходе исследования были проанализированы различные переводческие трансформации, выполненные в рамках стратегий форенизации и доместикации, а также прослежена связь некоторых трансформаций с историческими событиями, влияющими на творчество отечественных переводчиков. В качестве иллюстрации можно привести перевод Н. А. Полевого, выполненный в 1837 г., когда в Российской империи существовала строгая цензура относительно любых упоминаний языческих верований и многобожия. В связи с этим переводчик опустил живописные сравнения персонажей с античными богами, которые находим в оригинальном тексте.

В число проанализированных нами вошли следующие переводы «Гамлета»: перевод Н. А. Полевого, М. Л. Лозинского, Б. Л. Пастернака и В. Р. Поплавского. В качестве методов исследования применялся сравнительно-сопоставительный анализ языковых единиц исходного текста и текстов переводов, в том числе лексико-семантический, структурно-синтаксический и контекстуальный анализы. В результате нам удалось проследить путь развития переводческой мысли начиная с середины XIX в., выявить изменения принципов переводческой деятельности, оценить точность передачи авторской идеи в каждом из переводов.

Литература

Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. М., 1980.

ПЕРЕВОД ТЕРМИНОВ, СВЯЗАННЫХ С ОПЕКОЙ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВОМ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Емельяненко Анастасия Александровна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В современном мире юридический перевод является одной из самых востребованных областей перевода, так как именно правовые документы регламентируют правовые отношения во всех сферах человеческой деятельности. Одним из направлений практической терминологической деятельности является перевод научных, технических и иных специальных терминов. Адекватный перевод терминов, входящих в состав специального текста, является одним из наиболее важных аспектов его перевода. Юридический текст — это разновидность специального текста. К. Боке предлагает классификацию из трех типов текстов, которые можно на-

зывать юридическими: нормативные акты, силлогический текст и юридическая литература [Vocquet, 2008: 132].

Изучение французско-русских корпусов терминов необходимо для налаживания коммуникации в сфере юриспруденции.

Материалом для доклада были выбраны тексты Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, Конвенции о правах ребёнка, а также Семейного кодекса Российской Федерации и глав Гражданского кодекса Французской Республики. На основе данного материала были составлены и проанализированы два корпуса терминов на русском и французском языках. Целью исследования является установление сходств и различий структуры терминов в области родительских прав и прав ребёнка на русском и французском языках, изучение способов терминообразования и выявление закономерностей и актуальных проблем в формировании современной юридической терминологии.

Рассматриваемый корпус состоит из 78 терминов на русском языке и 81 термина на французском языке, относящихся к области родительских прав и защиты ребёнка. Расхождение в количестве терминов объясняется тем, что для некоторых терминов русского языка существует несколько эквивалентов на французском.

Для достижения однозначности и точности перевода используются термины-эквиваленты с прямой подстановкой словарного значения: *l'adoption* 'усыновление (удочерение)'. Иногда для нескольких терминов с синонимичным значением выбирается один и тот же вариант перевода на другой язык: *la garde / la tutelle* 'опека (попечительство)'. Термин *la garde* носит более общее значение попечительства в юриспруденции и актуализируется как опекуновство по отношению к ребёнку только в определенном контексте. Также можно встретить прием замены простого существительного на словосочетание, так как в другом языке невозможно подобрать идентичный однокомпонентный эквивалент: *la filiation* 'родственные связи'.

Особое внимание стоит уделить терминам, не имеющим прямых аналогов в узусе другого языка. Такие термины чаще всего переводятся эксплицитным способом: *le délaissement parental* 'пренебрежение родительскими обязанностями'.

На основе анализа этих и других примеров можно сделать вывод о закономерностях перевода юридических терминосистем, а также о необходимости обращения к компаративистике на уровне правовых реалий для адекватного перевода текстов юридической направленности.

Литература

Vocquet C. La traduction juridique: fondement et méthode. Bruxelles, 2008.

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ И СПЕЦИФИКА ЕЁ ПЕРЕДАЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Поляков Глеб Андреевич

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В настоящее время в условиях повышения интереса к лингвокреативной деятельности и антропоцентрической стороне науки о языке большое внимание в работах лингвистов уделяется творческому переосмыслению языкового материала в речи, необычному использованию языковых средств, в том числе — феномену языковой игры. Актуальность доклада определяется малой изученностью специфики языковой игры в компьютерных играх, а также самого явления компьютерно-игрового дискурса.

Целью доклада является выявление особенностей языковой игры на основе монологов и полилогов персонажей англоязычных компьютерных игр, а также возможных стратегий и способов её перевода.

Материалом послужили примеры языковой игры, отобранные методом сплошной выборки из сценариев англоязычных компьютерных игр «Portal 2», «Watch Dogs 2», «Uncharted 4: A Thief's End», «Far Cry 5», «The Punisher» и «Wolfenstein 2: The New Colossus».

Примером современного осмысления понятия «языковая игра» является определение Е. М. Александровой: согласно ее работе, это «намеренное, необычное использование элементов всех уровней языковой системы с целью создания комического эффекта: прагматического, семантического, синтаксического» [Александрова, 2012: 12].

Во многом особенности сценария одиночной (для одного игрока) компьютерной игры схожи с особенностями сценария художественного фильма или любого печатного художественного произведения. Основным назначением нарратива одиночной компьютерной игры является эмоционально-волевое, эстетическое, комическое, а иногда и драматическое воздействие на реципиента [Гинзбург, 2020]. Передача информации в компьютерной игре в основном происходит двумя способами: получение информации из диалогов и полилогов между неигровыми персонажами и героем, находящимся под управлением игрока; а также получение информации из диалогов и полилогов исключительно между неигровыми персонажами.

В исследуемом материале чаще всего встречаются такой вид языковой игры, как каламбур, основанный на обыгрывании буквального и метафорического значений слова. Кроме того, нами были зафиксированы такие способы образования языковой игры, как паронимия, полисемия и деривация.

В результате исследования мы пришли к выводу, что при передаче языковой игры в компьютерных играх на русский язык для достижения наилучшего восприятия в культуре-реципиенте оправдано использование таких переводческих стратегий, как доместикация и форенизация, прагматическая адаптация текста и компенсация.

Литература

Александрова Е. М. Языковая игра в оригинале и переводе (на материале английских анекдотов): учебное пособие. М., 2012.

Гинзбург А. Диалоги в играх: четыре полезных принципа. DTF. URL: <https://dtf.ru/gamedev/106250-dialogi-v-igrah-chetyre-poleznyh-principa> (дата обращения: 04.12.2022).

EZRA POUND'S POETICS OF TRANSLATION (ON THE MATERIAL OF HIS OLD ENGLISH POETRY TRANSLATION)

Чадова Елизавета Владимировна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

The study addresses the problem of Ezra Pound's translations of Old English poetry and his interpretation of it. The main objective of the study is to give a brief review of Pound's study of the Old English language during his college years and to analyse his interest in Old English culture overall. The author considers Pound's thoughts on the very subject of translation, since his way of translating texts is mainly interpreting. Pound's poetics of translation is often characterized as «reducing» in relation to the original texts, which is happening due to several reasons. The findings are as follows:

1. First of all, such reducing method of translation is closely related to Pound's view on the translation and the literature as a whole: his strategy is translating only those fragments that are close to his own poetics. He uses the fictional character of the translated poem as a literary mask.

2. Secondly, the reducing method is quite common of early twentieth-century Anglo-Saxon scholarship as a method of «purification» of the authentic Old English texts from later interference (for example, some Christian motifs in Old English poetry were considered to be later insertions). For example, Pound removes the Christian element in his translation of the original text.

3. Some studies indicate that Pound's reducing technique could be inspired by a medieval strategy of translation called «translatio». The study also focuses on the ways in which Pound saw translation, through its very technical 'donation', impacts the receiving language and culture. Finally, the study considers the ways in which Pound's translation project, position and ideology help to understand the texture, the structure, and the ideas of his interpretation of the original texts. Pound's precise attention to the sound image and phonaesthetics of the translated texts is being analysed. The study is made on the material of Pound's translation of the heroic elegy «Sæfaran» («The Seafarer», 1911) mainly.

К ВОПРОСУ О ПЕРЕДАЧЕ СТРУКТУРНЫХ ЭКЗОТИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»)

Кожевина Елизавета Юрьевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Безэквивалентную лексику определяют как слова и выражения одного языка, которые не имеют эквивалентов в другом языке. Причиной возникновения безэквивалентной лексики является различие культурно-социального опыта у носителей разных языков. Одним из видов безэквивалентной лексики являются структурные экзотизмы. К структурным экзотизмам относятся слова, которые обозначают одни и те же предметы или явления в исходном языке и в языке перевода, но система второго языка не позволяет создать эквивалент с аналогичной структурой. При переводе структурных экзотизмов перед переводчиком встает важная задача снизить переводческие потери и создать текст, который был бы максимально эквивалентным оригиналу.

Далее мы рассмотрим некоторые варианты перевода структурных экзотизмов из романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на немецкий язык: *полбеды* — *nicht so schlimm* (перевод Т. Решке), *halb so schlimm* (перевод Э. Бёрнера и А. Нитцберга). В русском языке есть приставка *пол-*, которая обладает значением половины чего-либо. *Полбеды* обозначает 'что-то сравнительно нестрашное'. Переводчики в данном случае использовали трансформационный перевод, поскольку в немецком языке не представляется возможным образовать существительное с подобным значением. *Превесело* — *vergnügt, fröhlich, heiter*. Приставка *pre-* придает словам значение высокого качества, ее можно заменить словом 'очень'. При переводе первого слова Т. Решке также использовал трансформационный перевод, а Э. Бёнер и А. Нитцберг — замену гиперонимами, которые не подходят по контексту, поскольку они имеют также значение 'радостный'. *Сконфузившись, шепнул* — *flüsterte verlegen* (перевод Т. Решке), *flüsterte ganz konfus* (перевод Э. Бёрнера), *murmelte konfus* (перевод А. Нитцберга). В немецком языке нет полного эквивалента для глагола *сконфузиться*, поэтому переводчики использовали прилагательные *verlegen* и *konfus* при переводе.

На основе проведенного исследования сделан следующий вывод: сопоставительный анализ техники перевода выявил индивидуальный стиль каждого переводчика, творческий подход и стремление максимально точно передать содержание произведения. Следует отметить, что сложность передачи безэквивалентной лексики состоит не только в передаче ее содержания и культурной специфики, но также и уникального авторского стиля, в данном случае — стиля М. А. Булгакова.

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ФАНТАСТИЧЕСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Г. МАЙРИНКА «ГОЛЕМ» И ЕГО ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК)

Федорова Екатерина Александровна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Представленное в докладе исследование представляет собой попытку анализа и классификации лексико-стилистических средств, служащих для выражения фантастического в литературном произведении, а также способов их передачи при художественном переводе в языковой паре немецкий—русский. Новизна данной работы обусловлена, с одной стороны, выбором языковых средств выражения эстетической категории фантастического в качестве объекта исследования, с другой стороны — подбором эмпирического материала, о котором речь пойдет ниже. Цель работы заключается в выявлении оптимальных стратегий перевода лексико-стилистических средств выражения фантастического с немецкого языка на русский.

Теоретическую базу исследования, затрагивающего вопросы эстетики, литературоведения, стилистики и переводоведения, помимо прочих, составляют труды таких учёных и исследователей, как Ю. Б. Борев, Ц. Тодоров, М. П. Брандес и Л. С. Бархударов. В качестве эмпирического материала рассматривается оригинал романа Г. Майринка «Голем» («The Golem»), а также его переводы на русский язык, выполненные Д. И. Выгодским и А. Соляновым. В ходе исследования к перечисленным текстам применяются метод лингвистического анализа, статистический и сопоставительный методы.

Результатом проведенной работы стал вывод о том, что основными лексико-стилистическими средствами выражения фантастического в оригинале рассматриваемого произведения являются такие фигуры и тропы, как эпитеты (32,6 % выделенных примеров), сравнения (18,1 %), метафоры (14,2 %), парцелляции и эллипсис (12,7 %), олицетворения (7,6 %), повторы (6,6 %), антитезы (4,2 %), гиперболы и литоты (2,7 %). Анализ переводческих трансформаций (по классификации Л. С. Бархударова [Бархударов, 1975: 189]) позволил выявить различия в подходах рассматриваемых переводчиков к передаче вышеперечисленных средств выразительности. Так, перевод Д. И. Выгодского является более буквальным, поскольку более чем в 20 % выделенных для анализа отрывков трансформаций в его тексте нами обнаружено не было. Тем не менее, в случаях стилистической или языковой необходимости отклонения от оригинала переводчик производит соответствующие замены, перестановки, опущения и добавления, которые в абсолютном большинстве случаев позволяют добиться смысловой и стилистической эквивалентности. Напротив, более вольный перевод А. Соляного допускает не только незначительные отступления от оригинального текста, но и сильные смысловые и языковые искажения, наблюдаемые более чем в каждом четвертом случае. Такие неудачные переводческие решения затрудняют восприятие текста реципиентом и нарушают коммуникативный эффект произведения, в частности, атмосферу фантастического. Таким образом, более удачная стратегия, рассмотренная на примере перевода Д. И. Выгодского, заключается в максимально возможной близости к оригиналу и применении переводческих трансформаций лишь в тех случаях, где это делают необходимым строй или стилистическая норма переводящего языка.

Литература

Бархударов Л. С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода). М., 1975.

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СТАТЬЯХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ (ДЛЯ ПАРЫ ЯЗЫКОВ ШВЕДСКИЙ/РУССКИЙ)

Душкина Валерия Романовна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В марте 2022 г. главные редакторы шведской газеты «Дагенс Нюхетер» пришли к необходимости перевода на русский язык выпускаемых ими статей общественно-политической тематики. Однако 19 июня 2022 г. был опубликован перевод последней статьи, после чего, вероятно, эта работа была приостановлена.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью особенностей перевода общественно-политических статей с шведского на русский язык, а также важностью систематизации полученной информации для дальнейшего использования с точки зрения переводоведения и лингвистики.

Русскоязычный перевод статей, опубликованных шведским изданием, ранее не становился объектом исследования с точки зрения выбора переводческих трансформаций, и в этом заключается научная новизна.

Цель исследования — изучить особенности перевода отобранных статей с точки зрения использованных переводческих трансформаций и, обобщив собранный материал, сделать выводы о качестве выполненных переводов. Материалом исследования послужили тексты шести статей из раздела «Новости на русском» («News in Russian») газеты «Дагенс Нюхетер». Важно отметить, что мы проанализировали особенности перевода трех первых и трех последних опубликованных на русском языке статей, что позволило отследить, изменились ли с течением времени качество перевода и частота использования тех или иных переводческих трансформаций.

С помощью методов классификации и контекстного анализа, сравнительно-сопоставительного и описательного методов удалось отследить, какие виды лексических, грамматических и комплексных лексико-грамматических трансформаций использовались чаще всего при переводе шведских статей на русский язык, а именно: грамматические замены, модуляция и синтаксическое уподобление. Кроме того, в ходе анализа выбранных статей мы подсчитали изменения в динамике частоты употребления наиболее используемых трансформаций: в то время как частота использования грамматических замен как в ранних, так и в поздних статьях из нашей подборки осталась практически без изменений (от 43 до 48 %), частота использования модуляции снизилась в 2 раза (с 14 % до 6,5 %), а синтаксического уподобления, наоборот, — увеличилась более чем вдвое (с 12 % до 27,9 %).

Был также сделан вывод о том, что в большинстве случаев использование синтаксического уподобления вследствие излишней дословности ведет к снижению качества перевода и в результате к трудности восприятия переведенного текста русскоязычным читателем.

Кроме того, в ходе анализа отобранных текстов было отмечено большое количество опечаток, ошибок и неточностей, напр., *по прошествии двух месяцев, Хрьков, предоставляются абсурдные требования*, что также позволяет судить о низком качестве перевода с шведского на русский язык.

ВАРИАТИВНОСТЬ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ИГРОВЫХ ОБЪЕКТОВ В ДИСКУРСЕ ВИДЕОИГР

Мельников Роман Александрович

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Культура видеоигр с каждым годом становится все более и более популярной в современном мире. Вместе со становлением культуры видеоигр происходит и формирование игровых сообществ. Эти сообщества создают особый язык субкультуры геймеров, сочетающий в себе устную и письменную речь. Новизна настоящего исследования заключается в том, что до сих пор не проводились попытки описать развитие языка субкультуры геймеров на таком материале, как обсуждения на игровых форумах.

С. С. Вдовиченко на основе примеров реального общения между игроками создала фреймовую модель, позволяющую «адекватно представить особый пространственно-временной континуум видеоигр и полно отразить типичное лексическое наполнение игровых текстов» [Вдовиченко, 2015: 29]. Цель доклада состоит в том, чтобы проанализировать различные репрезентации игрового объекта в дискурсе видеоигр и на основе полученных данных выявить, какие прагма-коммуникативные факторы влияют на их языковое представление. Материалом доклада являются обсуждения видеоигровых объектов геймерами на англоязычных тематических форумах. В работе также уделяется внимание монографии А. Энслин, посвященной лексикологии и интертекстуальности видеоигр [Ensslin, 2019]. В рамках данного доклада использовались как общие игровые форумы, напр., «neogaf.com», веб-форумы с игровыми подразделами («Reddit») и форумы, посвященные конкретным видеоиграм, напр., форумы «Overwatch», «Starcraft». Источниками данных об играх являются игры различных жанров и направлений, однако наш доклад в основном базируется на следующих жанрах: «first-person shooter» («шутер от первого лица»), «role-play game» («ролевая игра») и жанр стратегий. Методы исследования включают в себя прагма-коммуникативный анализ употребления именных групп пользователями. При этом под игровым объектом понимается сущность в видеоигровом пространстве, с которой могут взаимодействовать пользователи. Примерами игровых объектов являются различные персонажи видеоигр и их способности в игре, а также различные игровые предметы и сами игроки.

В результате анализа было выявлено, что вариативность репрезентаций игровых объектов в дискурсе видеоигр является очень важным фактором создания уникальной игровой атмосферы и опыта. Один и тот же объект в видеоигре вызывает разные ассоциации у членов игрового сообщества и соответственно по-разному отражает их представление о нем в игровом процессе. Факторами, влияющими на языковую репрезентацию об игровом объекте в дискурсе видеоигр, являются игровое сообщество, опыт игроков, их индивидуальные предпочтения, а также интерпретация правил игры. Одним из проанализированных примеров игрового объекта является игровая раса «протосс» из игры жанра стратегии «Starcraft». Из проанализированных репрезентаций данного игрового объекта встречаются слова, связанные с выбором стратегии, с использованием которой может играть пользователь (*skytoss, 4gate, chargelot*), слова, описывающие игроков, выступающих за эту расу (*tosser, bobotoss*), и слова, связанные с сюжетом видеоигры (*Tassadar, Aiur, Adune*).

Литература

- Вдовиченко С. С. Фреймовый анализ речевых актов в англоязычном дискурсе видеоигр (на материале видеоигры Dota 2) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8–2. С. 27–31.
- Ensslin A., Balteiro I. Approaches to videogame discourse: Lexis, Interaction, textuality. New York, 2019.

СОЗДАНИЕ ОБРАЗА «ЧЕЛОВЕКА ИЗ НАРОДА» КАК МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПРИЕМ В АМЕРИКАНСКОМ ПРЕДВЫБОРНОМ ДИСКУРСЕ

Базылева Алена Валерьевна

магистрант 2 курса? Санкт-Петербургский государственный университет

Основной задачей всякого политического и в особенности предвыборного дискурса является захват власти и её удержание. Ввиду этого дискурс избирательных кампаний характеризуется высокой степенью манипулятивности, которая может быть реализована множеством различных способов. К числу таких способов относится приём «plain folk», или создание образа «человека из народа». **Целью** исследования является комплексное изучение манипулятивного приёма «plain folk» и особенностей его использования в ходе предвыборных кампаний кандидатов в президенты США.

Новизна данной работы заключается в том, что в ней проводится наиболее комплексное изучение специфики манипулятивного воздействия в предвыборном дискурсе как одном из видов политического дискурса; впервые всесторонне рассматривается и подробно описывается приём создания образа «человека из народа»; используются ранее не применявшиеся к данному предмету исследования элементы ретроспективного анализа.

В качестве **материала** доклада были собраны и проанализированы такие элементы предвыборного дискурса, как тексты рекламных видеороликов, созданных в ходе избирательных кампаний кандидатов в президенты США, а также материалы теледебатов, проводимых в преддверии президентских выборов в стране. **Источниками** материала послужили такие Интернет-ресурсы, как сайт Музея движущегося изображения (Museum of the Moving Image) и сайт Комиссии по президентским дебатам (The Commission on Presidential Debates). Для анализа взят период с 1976 по 2020 гг. в связи с тем, что регулярные президентские дебаты проходят с 1976 г. Применяется принцип равномерной фрагментации с шагом в 4 года в соответствии с периодичностью выборов президента США.

В ходе теоретического обзора имеющихся работ по данной теме, а также эмпирического анализа собранного материала были выявлены следующие способы языковой реализации приёма «человек из народа»: 1) местоимения первого лица множественного числа: *we* 'мы', *our* 'наше'; 2) лексемы и словосочетания с семантикой консолидации: *together* 'вместе', *united* 'едины'; 3) обращения, подчеркивающие близость, принадлежность к одной группе: *dear friends* 'дорогие друзья', *fellow citizens* 'сограждане'; 4) этнонимы: *Americans* 'американцы', *the people of America* 'народ Америки'; 5) разговорная и просторечная лексика: *folks* 'парни'; 6) рассуждения о проблемах обычных людей; 7) нарратив (истории из жизни самого политика); 8) формулы причастности: *Like you, I...* 'Как и вы, я...'; 9) эксплицитная самоподача в качестве «простого человека» и «народного избранника»: *just an ordinary man* 'всего лишь обычный человек', *the people's servant* 'слуга народа'.

Многие способы языковой реализации исследуемой стратегии являются частотными и встречаются у большинства кандидатов, в то время как другие были обнаружены лишь у немногих политиков. Полученные **результаты** подтверждают гипотезу о том, что создание образа «человека из народа» предполагает сочетание множества различных способов вербальной реализации данного приёма. Большое разнообразие используемых тактик, а также употребление более редких способов свидетельствует о том, что кандидат действительно стремился создать у аудитории образ «простого человека».

КОНЦЕПТ «FAMILY» В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Левочкин Иван Игоревич

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Данный доклад посвящен концепту «family» в американском английском языке, а именно в современном американском рекламном дискурсе. **Целью** является выявление структуры лингвокультурного концепта «family» в современном американском рекламном дискурсе. **Актуальность и новизна работы** обусловлена отсутствием исследований указанного концепта. Исследования, посвященные изучению концепта «family», фокусируются в большинстве случаев на таких не менее важных видах институционального дискурса, как литературный, бытовой и политический. Концепт также исследовался с позиции когнитивной лингвистики. Напр., Н. А. Решке выделяет такие ценностные компоненты, как «любовь», «дом», «мама», «родители», «папа», «друзья», «мамочка», «папочка», «сестра», «поддержка», «узы» [Решке, 2014: 141]. Целью рекламного дискурса, согласно В. И. Карасику, является «продвижение того или иного товара», «воздействие на адресата с целью убедить его приобрести соответствующий товар» [Карасик, 2010: 90]. Подразумевая под этим возможность влияния на конечного реципиента, концепт «family» в рамках рекламного дискурса способен достаточно точно репрезентировать собственные ценностные компоненты современного американского общества. С учетом того, что концепт «family» изучается относительно его понимания в разных культурах, можно предположить, что он имеет свои особенности в американском рекламном дискурсе, которые не были описаны ранее.

Материалом исследования выступают рекламные видеоролики американского телевидения. Предварительные результаты исследования рекламных единиц американского рекламного дискурса, основанные на контекстуальном анализе, отражают, во-первых, доминирование нуклеарного типа семьи, выражаемого знаками-манекенами. Тем не менее, для современной рекламы характерны и другие типы семей: расширенная семья, многодетная семья, матери-одиночки, отцы-одиночки, бездетная пара и др. Однако данные типы семей находятся на периферии изображения в рекламном дискурсе. Во-вторых, если рассматривать ядро концепта в качестве ценностного компонента [Карасик, Слышкин, 2001: 77], обнаруживаются следующие его составляющие, эксплицируемые в виде прямых номинаций: «world», «home», «friendship», «memories», «baby», «story», «proud». В дальнейшем планируется рассмотреть концепт поэтапно, разграничивая его ядерные и периферийные компоненты, а также выявить культурные ценности, содержащиеся в косвенных номинациях в текстах рекламного дискурса.

Литература

- Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / под ред. И. А. Стернина. Воронеж, 2001. С. 75–80.
- Рекламный дискурс и рекламный текст / отв. ред. Т. Н. Колокольцева. Волгоград, 2010.
- Решке Н. А. Концепт «семья / family» в языковом сознании представителей русской, английской и американской лингвокультурных общностей // Общество и экономика постсоветского пространства: международный сборник научных статей / отв. ред. А. В. Горбенко. Вып. IX. Липецк, 2014.

SYNTACTIC AND PRAGMATIC CHARACTERISTICS OF SITUATIONAL REPLICAS IN LITERARY TEXT: ANALYSIS OF VIRGINIA WOOLF'S NOVELS

Чадова Елизавета Владимировна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

The research considers functioning of situational replicas in a fiction text. The author reveals pragmatic and syntactic potential of female characters' situational replicas in Virginia Woolf's novels, analyses influence of a communicative situation on situational replicas. The research objective includes identifying the basic syntactic features and pragmatic functions of situational replicas. The researcher introduces a preliminary definition of a situational replica and reveals situational replica's function as a conversation representative, which constitutes scientific originality of the study (on the basis of the works by A. Wierzbicka, N. D. Arutiunova, R. Lakoff).

The research findings are as follows.

1. Among indirect and direct speech acts in Virginia Woolf's novels the majority are expressives (30%), followed by representatives (26%), directives (14%), and the less frequent interrogatives (10%), vocatives (10%), and performatives (8%). In a number of cases (21.5%) the selected replicas can be attributed to several types simultaneously.

The closest context can report certain information, e. g. serve as an implication of the dialogue, nominate aspects of the communicative situation, indicate the meta-language parameters of replicas (including informing the speech manner of the female character). The replicas can also act as a representative of the dialogue.

2. Structural and grammatical analysis has shown that the general tendencies of the literary use of the situational replicas in female characters speech are: the predominance of simple syntactic constructions, such as minimal interjective replicas; simple sentences often serve to create syntactic parallelism; the least frequent are complex sentences with different types of conjunctive and non-conjunctive links.

The data obtained as a result of the study expand the understanding of the situational replicas, and can also be used in the pragmalinguistic analysis of the text. The author sees the prospects for further research in a more detailed study of the pragmatic component of the replicas in relation to their graphics, as well as in the comparative structural-grammatical analysis on the material of live speech.

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ЭФФЕКТА ШУТЛИВОЙ НЕВЕЖЛИВОСТИ В КОМЕДИЙНОМ ШОУ «THE GRAHAM NORTON SHOW»

Высоцкая Марина Романовна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Цель доклада состоит в комплексном анализе средств создания эффекта шутливой невежливости через дискурс-анализ его реализаций в комедийном шоу «The Graham Norton Show». Актуальность обоснована возрастающим интересом к исследованию коммуникативно-прагматических приемов, затрагивающих сферу вежливости и грубости как стратегий речевого взаимодействия.

Сложности в четком определении шутливой невежливости (англ. «banter») обусловлены, в первую очередь, природой самого явления. Многие авторы ссылаются на субъективность вежливости, указывая на важность контекстного восприятия высказывания собеседником, и относят ее к функции воздействия языка.

Любые нарушения в коммуникативном поведении, неоправданные ожидания относительно выполнения той или иной роли в коммуникативной ситуации приводят к непониманию и становятся причиной конфликтов, тем самым характеризуют высказывание как невежливое или во-

все грубое. Однако ненормативная лексика как часть ритуализированного поведения не будет вызывать недоумения среди вовлеченных в подобную форму общения участников. Об этом писал Уильям Лабов, исследуя шутивную невежливость как языковую игру [Labov, 1972: 352].

«Banter» совпадает с чередой юмористических высказываний и может быть приравнено к тому, что Джанет Холмс называет «conjoint humour» [Holmes, 2006: 26–50]. При построении поддерживающего юмора участники взаимодействуют, чтобы усилить свои утверждения, развить образ или подчеркнуть точку зрения, в то время как во втором случае ситуация все еще остается шутивной, но собеседники пытаются переиграть друг друга, опровергая то, что было сказано в последней реплике. Согласно Холмс, в юморе, сильнее всего воздействующем на аудиторию, обе стороны вносят равный вклад и поддерживают друг друга. С другой стороны, существует концепция соперничающих собеседников, в которой предполагается наличие минимально взаимодействующего на аудиторию юмора.

Поскольку «banter» в исследуемом материале представляет собой образные, юмористические высказывания, целью которых не является донесение существенной информации, в контексте вечернего комедийного шоу он выступает как инструмент 1) создания несерьезной атмосферы, 2) сплочения участников коммуникации, 3) отождествления зрителей с участниками шоу. Поэтому средства создания эффекта шутивной невежливости представляют собой набор стилистических средств, способствующих образности высказываний: 1) игра слов — Cate: *Anyway, so she fell pregnant...* Graham: *Really, do you fall or get?* Ricky: *At my age you have a fall;* 2) ирония — Miriam: *Everybody talks at once. That's a trouble.* Stephen: *Yes. I heard your beautiful voice say: «I'd like you all to shut up, please, while I speak»;* 3) гипербола — Graham: *But you still don't have OBE.* Ricky: *I just didn't want to mess with that, I wanted to go straight for a knighthood;* а также ритмо-мелодический компонент речи, как правило сопровождающий иронию — Miriam: *Who did you play?* Stephen: (interrupts) *Paris. I remember.* Paul: (surprised) *Really? Wow, I'm touched.* The host: *Thank God, somebody remember.*

Литература

Ларина Т. В. Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации: на материале английской и русской коммуникативных культур. М., 2003.

Holmes J. Sharing a laugh: pragmatic aspects of humour and gender in the workplace // Journal of Pragmatics. 2006. №38. P. 26–50.

Labov W. Language in the inner city: studies in the black English vernacular. Oxford, 1972.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЭКСПРЕССИВНОСТИ В ШВЕДСКИХ ТЕКСТАХ МАРКЕТИНГОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Кропачева Анна Викторовна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе представлены результаты лингвистического анализа шведских текстов маркетинговой коммуникации. **Цель** — выявить закономерности в использовании средств экспрессивности, характерные для шведской традиции копирайтинга. **Научная новизна** темы заключается в том, что рассматриваются более крупные жанры текстов маркетинговой коммуникации, в то время как ранее написанные об этом работы посвящены преимущественно рекламным слоганам. На основе нашего доклада в перспективе можно дать практические рекомендации переводчикам и копирайтерам, работающим над локализацией коммерческих текстов. Используемые **методы** — дискурс-анализ и качественный контент-анализ.

Под текстами маркетинговой коммуникации понимаются продающие и продвигающие тексты, опубликованные на различных площадках. В частности, **материалом** доклада стали тексты

печатных каталогов, рекламных рассылок, постов в социальных сетях и информационных статей на сайтах компаний из различных индустрий, среди которых информационные технологии, мода, розничная торговля, фармацевтика, товары для дома, образование и туризм.

Анализ проводится на синтаксическом и лексическом уровнях. Предпринята попытка выявить закономерность между средствами экспрессивности в маркетинговых текстах и индустрией бизнеса. Так, мы отметили, что для текстов в индустрии моды характерно использование сленга и выражений, понятных только погруженным в данную сферу читателям (*festblåsa* 'праздничное платье', *statement-skor* 'акцентная обувь'), что приближает их к арготическим лексиконам. В описаниях объекта рекламы встречается большое количество эпитетов (*fantastisk* 'фантастический', *magisk* 'магический'), гипербол (*skyhög* 'высокий до небес'), окказионализмов (*chockrosa* 'шокирующий розовый'). Наблюдается крайне высокое число заимствований, преимущественно из английского языка (*party-outfit* 'наряд для вечеринки'). Есть и примеры смены кода — употребления английских слов там, где возможно использование шведских (английское *heels* 'каблуки' вместо шведского *klackar*).

На уровне синтаксиса исследуется длина и структура предложений, степень легкости их восприятия и наличие/отсутствие синтаксических приемов художественной образительности, таких как, напр., эллипсис, парцелляция, риторический вопрос. Мы рассматриваем коммерческие тексты разного объема и замечаем, что, как правило, чем короче текст, тем сильнее он отклоняется от синтаксической нормы. Так, электронная рассылка из восьми предложений оказалась насыщена средствами экспрессивного синтаксиса гораздо больше, чем сравнительно объемный текст печатного каталога.

АРГУМЕНТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АГОНАЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТРИЛОГИИ МАЙКЛА ДОББСА «КАРТОЧНЫЙ ДОМИК»)

Ананьева Елена Петровна

аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Изучение агональности как типа речевой состязательности в политическом дискурсе является актуальным направлением исследования. Крайне остро стоит проблема оценивания структуры и аргументативного потенциала агональных высказываний в силу отсутствия универсальных методов оценивания речевой состязательности. Выбор трилогии «Карточный домик» в качестве материала доклада связан не только с экспертностью автора, М. Доббса, являющегося членом палаты лордов английского Парламента, но объясняется и самим сюжетом произведения. Методами исследования послужили сравнительно-сопоставительный и описательный анализ и метод количественного подсчета.

В рамках исследования было обнаружено, что наиболее продуктивными методами логической аргументации являются методы дедукции и аналогии, в то время как психологическая аргументация чаще всего обращалась к мотивам общественных интересов, истины и права. В рамках анализа аргументативного потенциала реплик коммуникантов была изучена специфика функционирования сильных и слабых аргументов в речи коммуникантов. Стоит отметить, что слабые аргументы чаще встречаются в речи коммуникантов (в частности, довод от угрозы, обращение к значимым прототипам), однако сильные обладают большим воздействующим потенциалом. Анализ функционирования метадискурсивных маркеров в агональных коммуникативных ситуациях показал преобладание интерактивных маркеров во всех типах агональности (конфронтативная агональность — 84 % у победителя и 79 % у проигравшего; дискуссионная — 72 % и 65 %, игровая — 81 % и 71 %). Число маркеров на 100 слов практически идентично. При этом преобладание маркеров вовлеченности и ссылки на автора связано в первую очередь с жанром диалога и уже во вторую с контекстом речевой конфронтации. Проигравший чаще прибегает к хеджи-

рованию, что снижает локутивную силу его высказывания и ставит его в более слабую позицию в конфронтативной речевой ситуации. Победитель состязания, как показал анализ, чаще прибегает к акцентирующим маркерам, что оказывает большее воздействие на оппонента.

ОБРАЗНАЯ ЭКСПРЕССИВНОСТЬ В АНГЛИЙСКОМ УСТНОМ ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКИХ ТОК-ШОУ)

Лыткина Анна Вячеславовна

магистрант 2 курса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Жанр вечернего ток-шоу уже несколько десятилетий привлекает многомиллионную аудиторию зрителей и слушателей по всему миру. Эпизоды ток-шоу характеризуются достаточно простым, логически оправданным композиционным построением, основной целью которого является привлечение и удержание внимания [Кузнецов, 1998: 59]. Несмотря на то, что ток-шоу появились для привлечения зрителей к телевизору, а телевидение в 2022 г. теряет популярность среди молодежи и людей среднего возраста, подобные передачи все же остаются популярными благодаря широкому распространению в Интернете.

Актуальность доклада обусловлена возрастающим интересом к изучению категории экспрессивности и ее проявлению в ежедневной разговорной речи современного английского языка. Функционирование экспрессивности, а также понятий, смежных с ней — эмоциональности, выразительности и образности — многоаспектно. Сложность исследования разговорной речи на материале ток-шоу состоит в отсутствии их сценариев в свободном доступе.

Целью доклада является лингвистическая характеристика разноуровневых приемов и средств воздействия на аудиторию, используемых ведущим и приглашенными гостями популярных ток-шоу, а также анализ метакоммуникации, использованной в рамках дискурса ток-шоу.

При анализе мы разграничивали речь ведущего и речь гостей, так как ведущий использует подготовленный сценарий передачи, в то время как речь приглашенных гостей и зрителей спонтанна и менее организована.

В результате исследования нами были выявлены следующие различия и особенности. В целом **дискурс гостей** можно охарактеризовать как более спонтанный и непринужденный, так как их речь не подготовлена заранее. Экспрессивность в дискурсе гостей проявляется на всех уровнях, однако наиболее ярко — на фонологическом уровне за счет интонации и восклицаний: *Well, that is because you produce it and you wrote it!*

На уровне лексики речь обнаруживает большую концентрацию оценочных слов для наглядности и фразеологизмов: *I was so nervous and freaked out and couldn't talking*. На уровне синтаксиса в речи гостей чаще всего встречаются повторы и сравнительные конструкции: *She's really really tough girl, really beats people up*.

Что касается **дискурса ведущего**, он менее спонтанный и частично подготовлен, поэтому экспрессивность проявляется ярко на всех трех уровнях: *Are you okay, how do you feel, how did they patch you up?* Так, в данном примере мы наблюдаем интонационные изменения, эмфазу, использование фразового глагола, повтор местоимения «you» и риторический вопрос. Кроме того, активное и правильное использование фатических коммуникативов помогает ведущему в создании успешного и эффективного диалога или монолога с аудиторией и гостями.

Стоит подчеркнуть, что все компоненты образной экспрессивности разных языковых уровней взаимодействуют и пересекаются, вовлекая ведущего, гостей, зрителей и аудиторию в дискуссию.

Литература

Кузнецов Г. В. Ток-шоу: неизвестный жанр? // Журналист. 1998. Вып. 11. С. 54—61.

ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ ДО НЕОЭЛЛИНИСТИКИ

ВЫРАЖЕНИЯ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ КАК СРЕДСТВО КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ МАРКА ТУЛЛИЯ ЦИЦЕРОНА)

Лоскина Мария Алексеевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Под эпистемической модальностью понимается оценка говорящим истинности высказывания, указание им на степень своей уверенности в пропозиции, автором которой он является. Степень уверенности, или эпистемическая поддержка пропозиции, может быть как высокой, так и низкой. Выражения эпистемической модальности могут служить для того, чтобы: передать отношение говорящего к высказыванию, сформулировать высказывание, ориентированное на адресата, избежать слишком высоких оценок говорящим самого себя, высказаться на темы, требующие осторожности в формулировках, и в целом для преодолеть трудности в коммуникации [Coates, 1987: 129].

Наша цель заключалась в том, чтобы исследовать роль выражений эпистемической модальности латинского языка в процессе конструирования социального взаимодействия. Задачи доклада: выбрать контексты употребления лексических выражений эпистемической модальности, проанализировать их использование с точки зрения теории вежливости и определить их функции в коммуникации.

Для изучения эпистемической модальности в латинском языке и её роли в коммуникации мы выбрали письма Цицерона Аттику, поскольку они, во-первых, написаны языком, отражающим разговорную речь представителей культурной элиты римского общества (*sermo cotidianus*), т. е. допускают больше свободы, чем речи или трактаты Цицерона; во-вторых, жанр письма предполагает диалог автора с адресатом, а значит, побуждает автора в большей степени продумывать стратегии речевой коммуникации, чем другие литературные жанры (напр., философская проза или историография).

Выражения, которые рассматриваются в рамках исследования (*opinor, fortasse, visus sum, puto, vereor, conicio, arbitror*), показывают невысокую степень эпистемической поддержки пропозиции, а именно значения неуверенности, вероятности, сомнения; большинство из них указывают также на субъективность пропозиции. В докладе представлен анализ случаев использования Цицероном этих выражений в рамках различных стратегий вежливости, требующих избегания прямолинейности высказывания. Для писем Цицерона можно выделить три основных таких стратегии: 1) автор письма стремится оставить адресату возможность для несогласия — выражая собственное мнение или выстраивая выводы в отношении собеседника; 2) автор старается избежать излишней прямолинейности в обычных для социального взаимодействия, но несущих в себе угрозу лицу ситуациях — мы рассмотрели советы, просьбу, отказ, несогласие с собеседником и высказывание на тему, требующую осторожности; 3) автор следует так называемому принципу скромности — избегает слишком самоуверенных заявлений о себе.

Литература

Coates J. Epistemic modality and spoken discourse // Transactions of the philological society. 1987. P. 110–131.

КРИТИКА МОНАРХИИ В КИПРСКИХ РЕЧАХ ИСОКРАТА

Косарев Данил Вадимович

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Цикл Кипрских речей справедливо считают самой выразительной похвалой единовластия во всем творчестве Исократ. Особенно ярко это видно в речи «Никокл», где царь Саламина сравнивает единоличное правление с другими государственными устройствами и приходит к выводу, что они во всем уступают единовластию. Создается впечатление, что Исократ сам придерживается таких взглядов. Однако следует учитывать, что сравнение Исократ преподносит не от своего имени, а вкладывает в уста Никокла. При детальном рассмотрении этих речей в них можно усмотреть критику единоличного правления и правителей. В речи «К Никоклу» Исократ, обосновывая необходимость ее произнесения, указывает на существенный недостаток единовластия: некому оказать благотворное влияние на монарха или дать ему хороший совет. Исократ приводит причину такого положения: οἱ μὲν γὰρ πλείστοι τῶν ἀνθρώπων αὐτοῖς οὐ πλησιάζουσιν, οἱ δὲ συνόντες πρὸς χάριν ὁμιλοῦσιν (2.4) («Большинство людей не может к ним приблизиться, а те, кто находится рядом с ними, угождают»).

Итак, тирана или царя окружают льстецы, стремящиеся обрести выгоды из общения с ним. Отсутствие хорошего влияния и добрых советов приводит к тому, что единоличные правители плохо пользуются имеющимися большими возможностями (2.4). Далее Исократ указывает, что тиранов нередко постигает плохой конец (2.5). В нескольких местах речи «Никокл» уже сам царь, несмотря на все похвалы единовластия, признает некоторые его недостатки. В отрывке, в котором Никокл рассуждает о справедливом распределении почестей в монархиях, он говорит: «Καὶ ταῦτ' εἰ μὴ πανταχοῦ καθέστηκεν, ἀλλὰ τό γε βούλημα τῆς πολιτείας τοιοῦτόν ἐστιν» (3.9) («И даже если это <правильное распределение почестей — Д. К. > не везде установлено, но желание этого государственного устройства таково»).

Получается, что при единоличном правлении достойные люди не всегда получают заслуженные ими почести. Второй фрагмент нельзя однозначно определить как критику единовластия, но признание некоторой неудобной правды есть: «πολλοὶ γὰρ ἤδη διὰ τὴν τῶν ἀρχομένων κακίαν τραχύτερον ἢ κατὰ τὴν αὐτῶν γνώμην ἄρχειν ἠναγκάσθησαν. Θαρρεῖτε μὴ μᾶλλον διὰ τὴν πραότητα τὴν ἐμὴν ἢ διὰ τὴν ὑμετέραν αὐτῶν ἀρετήν» (3.55–56) («Ведь многие <единоличные правители — Д. К. > из-за низости своих подданных принуждены были править суровей, чем они бы этого хотели. Полагайтесь скорее не на мою мягкость, а на свою собственную добродетель»).

Интересно перекалывание ответственности с самих царей на их подданных. Очевидно, это сделано в угоду образу Никокла, который пытался создать Исократ. Любопытно, что в речи, где говорится, что единоличная власть «ἡδίων ἐστὶν καὶ πραότερα καὶ δίκαιοτέρα» (3.17) («приятней, мягче и справедливее») остальных политических систем, ближе к концу речи Никокл признает, что она часто жестока по отношению к своим подданным. Интересно обратить внимание на отрывок 3.51: «Ὅ τι ἂν ὑμῶν ἕκαστος αὐτὸς αὐτῷ τύχη συνειδῶς, ἠγείσθω μὴδ' ἐμὲ λήσειν, ἀλλ' ἐὰν καὶ τὸ σῶμα μὴ παρῆ, τὴν Διάνοιαν τὴν ἐμὴν οἰέσθω τοῖς γιγνομένοις παρεστάναι» («Если каждый из вас сознает за собой какой-то поступок, то пусть не думает, что это останется незамеченным мной, но даже если мое тело не присутствует, пусть считает, что моя мысль рядом с ним»). Никокл говорит о надзоре государства за гражданами. Клеарх из Сол свидетельствует о его существовании и упоминает тайную полицию, называя агентов *κόλακες* 'льстецы'. Упоминание запугивания подданных, как мы считаем, не может быть рассмотрено как похвала единовластия.

ПРЕДВОСХИЩЕНИЕ ИСТИНЫ ГРЕЧЕСКИМИ ФИЛОСОФАМИ В СОЧИНЕНИИ КЛИМЕНТА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО «ПРОТРЕПТИК»

Горбачева Софья Витальевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

«Протрептик» Климента Александрийского — самая ранняя часть трилогии Климента и первое христианское произведение в жанре протрептика. В античности существовало множество произведений, целью которых являлось обратить читателя к определенной деятельности или образу жизни: первым сочинением, полностью протрептическим по своему характеру, считается «Протрептик» Аристотеля (хотя элементы данного стиля обнаруживаются еще в диалогах Платона и речах Исократ). Опираясь, с одной стороны, на философский протрептик, с другой — на апологетическую традицию II—III вв., Климент создает собственный «Протрептик», впервые применяя для обращения язычников в христианскую веру знакомый ему тип увещания.

Используемая Климентом аргументация, помимо видимых приемов античной риторики, содержит ряд внутренних сюжетов — мы полагаем, что они также являются важным элементом протрептической стратегии Климента. В данном докладе предлагается рассмотреть один из сюжетов — предвосхищение истинного знания о Боге греческими философами.

В Protr. 74.33–36 Климент утверждает, что греки больше других языческих народов получили искры (*ἐναύσματα*) истины, однако изобличили себя тем, что сказали о ней лишь немного. Исследователи разнятся в толковании данного места: С. Лилла [Lilla, 1971: 17] считает, что Климент имеет в виду наличие у греческих философов особенного Божественного вдохновения (*πνεῦμα*), Д. Райдингс [Ridings, 1995: 123], напротив, доказывает несостоятельность человеческого и, в частности, греческого философского разума в достижении истины.

Предлагая свою интерпретацию Protr. 74.33–36, мы намереваемся показать, что отношение Климента к способностям познания Бога греческими философами имеет сложный характер. В «Протрептике» упоминаются различные источники познания — естественное постижение основ истины (*πρόληψις*); вдохновение; откровение; философское (рациональное) и интуитивное познание. Особое место занимает идея плагиата — заимствования греками мудрости у еврейского народа. Цель нашего доклада — показать, что Климент не считает греков избранным народом (греки не получили прямого Божественного откровения), но при этом высоко оценивает те способы познания, которыми пользуется греческая философия, считая их необходимыми для христианина-«гностика», и считает некоторых философов «вдохновенными». Вместе с тем, человеческий разум не может достичь всей полноты истины без Божественного откровения. В докладе делается попытка показать, в чем, согласно Клименту, состоит ограниченность философского разума, проявившаяся в заблуждениях греческих философов.

Литература

Lilla R. S. *Clement of Alexandria: a Study in Christian Platonism and Gnosticism*. Oxford, 1971.

Ridings D. *The Attic Moses. The Dependency Theme in Some Early Christian Writers*. Göteborg, 1995.

СОРАН ЭФЕССКИЙ О ПРИЧИНАХ ЭПИЛЕПСИИ

Волкова Софья Евгеньевна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Соран Эфесский принадлежал к методической школе. За исключением его трактатов «О женских болезнях» и «Об острых и хронических болезнях», от многочисленных трактатов методиков сохранились лишь фрагменты, по которым, однако, возможно составить некото-

рое представление об основных идеях этой школы. Методики сосредоточились на медицинской практике, отказываясь от теоретического описания болезни, исследования её внутренних причин и использования знаний по анатомии, тем самым противопоставляя себя догматикам. В лечении болезней методики опирались на *koinotes* — общее состояние тела, которое могло быть напряженным (*status strictus*), расслабленным (*status laxus*) или смешанным (*status mixtus*). Методики не видели необходимости различать причины каждой болезни, поскольку лечение должно было воздействовать на общее состояние тела.

Доклад посвящен главе 4.61 трактата «О хронических болезнях I» (части упомянутого «Об острых и хронических болезнях», дошедшего в латинском переводе Целия Аврелиана), в которой Соран описывает причины возникновения эпилепсии. Наряду с данным трактатом, в докладе обсуждаются те места из трактата «О женских болезнях» (дошедшего в оригинале), которые связаны с описанием эпилепсии. В научной литературе о Соране пишут как о нетипичном методике, обращающем слишком большое внимание на причины болезни и анатомические сведения. Действительно, Соран цитирует анатомов (Герофил, Эрасистрат) и использует сведения, которые могли быть получены лишь путем вивисекции. Это, однако, не мешает ему говорить, что этиология и анатомия не важны и не способствуют эффективному лечению. На примере главы об эпилепсии мы попытались объяснить эти противоречия. В докладе мы сопоставили этиологию Сорана с дошедшими фрагментами других методиков, а затем с догматиками, придававшими большое значение знанию анатомии в выявлении скрытых причин болезни. Такое сопоставление позволяет высказать предположение, нарушает ли Соран принципы методизма, описывая причины эпилепсии, одна из которых анатомическая — повреждение «мембраны» мозга.

КНИГА ИОВА В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ ПЕРЕВОДЕ: НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА МАТФЕЯ ДЕСЯТОГО, ТЫРНОВСКОЙ БИБЛИИ И ГЕННАДИЕВСКОЙ БИБЛИИ

Чернова Наталья Васильевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Актуальность настоящего доклада обусловлена тем, что славянская рукописная традиция книги Иова раннего славянского периода слабо исследована с точки зрения истории языка и текста. Исследование рукописной традиции книги Иова дает возможность с помощью текстологических методов и сравнительно-исторического анализа установить характерные черты и особенности перевода книги Иова и увидеть, как текст менялся со временем. В своем докладе мы опираемся на теоретические положения, разработанные Д. С. Лихачевым и А. А. Алексеевым в области текстологии, и на исследование южнославянского перевода книги Иова И. Христовой-Шомовой.

Целью доклада является характеристика текстологических особенностей паремийных отрывков книги Иова в Сборнике Матфея Десятого и установление их отношения к текстам ранних источников полного перевода: Тырновской Библии, 1350–1370-е гг. (РНБ, F. I. 461), и Геннадиевской Библии, 1499 г. (ГИМ, Синодальное собрание, № 915). Новизна доклада заключается в том, что подобный анализ проведен впервые. Значимость работы состоит в возможности ее применения для дальнейшего исследования в области теории и истории переводов у древних славян. В процессе работы славянский текст сравнивался с текстом Септуагинты.

Книга Иова читалась во время богослужения Страстной Недели Великого Поста. Выбор пяти отрывков (паремий) из этой книги определялся страданиями Иова «которые прообразуют крестные муки Христа и потому вспоминаются на Страстной неделе; сама книга... играет дидактическую роль» [Алексеев, 2008: 174]. Супрасльский сборник 1507 г., Библия Матфея Десятого (БАН 24.4.28), содержит паремийные отрывки Книги Иова в полной (пять паремий) паремийной редакции, которые следуют за текстами корпуса пророков и завершаются родословием Иова [Библия Матфея Десятого года, 2020: 253–236].

Результаты исследования могут быть суммированы следующим образом: паремийные тексты Матфея Десятого содержатся в полном объеме и в Тырновской и в Геннадиевской Библиях. Интерполяции и дублиеты практически отсутствуют в этих отрывках. Тексты трех источников отражают редакцию по греческому тексту Септуагинты и также переработку текста на славянской почве. Часть стихов в паремиях Матфея Десятого имеют совпадение с Тырновской Библией. Присутствуют следующие типы разночтений: пропуск слов, частиц и союзов (*же*, *и*), вставки, перестановка слов, замена местоимений (*всякъ* — *вся*), замена лексики (*земля* — *страна*), различие местоимений (*тъ* — *тои*), разница в предлогах (*на* — *по*). Результаты исследования позволяют предположить, что для переводов использовались разные источники.

Литература

Алексеев А. А. Византийско-славянский лекционарий. СПб., 2008.

Библия Матфея Десятого года: в 2 т. Т. 1. Исследования и материалы / отв. ред. А. А. Алексеев. СПб., 2020.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛАВЯНСКИХ ПЕРЕВОДОВ «ПЕСНИ ПЕСНЕЙ» (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ В ФУНКЦИИ ПОБУЖДЕНИЯ)

Мамедова Амалия Фармановна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад посвящен описанию передачи функции побуждения в древнегреческом и церковнославянском Мефодиевском переводе первой главы «Песни Песней». Цель доклада — охарактеризовать переводческую стратегию при подборе церковнославянских эквивалентов для древнегреческих глаголов в функции побуждения, определить функцию глаголов побуждения в тексте. Новизна исследования заключается в том, что использование глаголов в функции побуждения в Мефодиевском переводе «Песни Песней» в приведенном ключе еще не исследовалось ранее. Материалом послужили два перевода «Песни Песней»: церковнославянский Мефодиевский и древнегреческий. Работа с источниками велась по изданию «Песнь Песней в древней славяно-русской письменности» А. А. Алексеева (2002) с опорой на древнегреческий текст «Песни Песней» по изданию Септуагинты Ральфа (1935). Также использовались комментарии к «Песни Песней» учебного издания Библии Российского библейского общества (2020). Исследование проводилось с использованием методов текстологического и лингвистического анализа.

В результате анализа было установлено и описано, какие формы в славянском и греческом языках соответствуют выражают функцию побуждения и в каких синтаксических позициях употребляются. Обнаружено, что при выражении функции побуждения в первой главе «Песни Песней» в церковнославянском тексте используются формы императива и индикатива будущего времени, в греческом — императива, индикатива будущего времени и конъюнктива (исключая единичные употребления аориста в греческом и славянском, что сопровождается отдельным комментарием). Напр., в отрывке «Сего ради юныя възлюбиша тя, ведоша ся въ слъдѣ тебе, на вонъ мѣра твоѣго потечемъ. Въведе ма цѣсарь въ клѣть своѣжъ» («Διὰ τοῦτο νεάνιδες ἠγάπησάν σε, εἰλκυσάν σε, ὀπίσω σου εἰς ὀσμὴν μύρων σου Δραμοῦμεν. Εἰσήνευκέν με ὁ βασιλεὺς εἰς τὸ ταμίειον αὐτοῦ») греческий индикатив будущего времени переведен славянским индикативом будущего времени. Происходит смена повествования на побуждение, «ты» как источник действия становится объектом диалога и «приближается» к говорящему. Объект 1 части становится объектом диалога и в то же время действующим лицом во 2 части («Девушки полюбили тебя» — «Влеки, побежим»). При этом с следующим предложением, снова повествовательном, императив отсутствует, а объект диалога сохраняет статус действующего лица, но описывается 3 лицом («царь»), опять «отдаляясь» от говорящего (в то же время в прямом смысле он, напротив, становится ближе к героине, «реальнее», и модальность тоже становится реальной). Также выдвигается предположение о том, с какой целью в «Песни Песней» используются глаголы функции побуждения. Предполагаемые функции форм в функции побуждения — смена объектно-субъектных отношений, введение действующих лиц, смена модальности.

ДУАЛИСТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ «ЛЮБОВЬ» И «СМЕРТЬ» В ТВОРЧЕСТВЕ К. КАРИОТАКИСА

Мелькаева Полина Александровна

студент 3 курса, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

В данном докладе предлагается рассмотреть развитие концептов «любовь» и «смерть» в творчестве греческого поэта Костаса Кариотакиса на материале отдельных стихотворений как из ранних, так и из поздних сборников. Анализ проводился с использованием методологии структурализма с привлечением элементов психоаналитического подхода.

Эрих Фромм в «Анатомии человеческой деструктивности» отметил, что в литературе «дух некрофилии» впервые проявился в 1909 г. в «Манифесте футуризма» Ф. Т. Маринетти [Фромм, 1994: 28], имея в виду под «духом некрофилии» выражение общей тяги к деструктивному поведению и его романтизацию. Зигмунд Фрейд в «По ту сторону принципа удовольствия» пишет про «инстинкт жизни» (Эрос) и «инстинкт смерти» (Танатос), имея в виду два главных противоположно направленных влечения в человеческой психологии [Фрейд, 1920: 85]. С начала XX в. «жизнь» утрачивает свое оппозиционное положение в отношении «смерти», ее место занимает Эрос — «любовь».

Костас Кариотакис был лидером греческих молодых поэтов 1920-х гг. Это поколение, которое росло в атмосфере патриотического подъема, принесенного Великой Идеей (Μεγάλη Ιδέα), а затем столкнулось с резко наступившим разочарованием, когда началась Первая мировая война. Поздняя поэзия Кариотакиса часто предстает в виде сатиры, направленной на общество и на самого себя: «Λευτεριά, Λευτεριά, θα σ' αγοράσουν / έμποροι και κοσμπορτα κι εβραίοι» («Свобода, свобода, и тебя купят / торговцы да партнеры и евреи») [Καριωτάκης, 1992: 157].

Однако на протяжении всего творчества Кариотакиса можно проследить мотивы, которые создают концепт [Барт, 1994] «любви» и вместе с ним концепт «смерти». Руки, разомлевшие от поцелуев, тянутся к смертям («Смерти», 1919), могилы оказываются ложем для новобрачных («Радость», 1921), письма от любимой становятся гробницей («Прочь, сердце мое тоскует», 1927). В творчестве Кариотакиса эти концепты не являются двумя противоборствующими началами. Их противопоставление в конечном итоге носит диалектический характер: если в раннем творчестве любовь могла быть спасительна («Любовь», 1919), то в поздних стихотворениях все чаще два концепта сливаются [Гегель, 1970: 108] и образуют синтетическую связь.

Литература

Барт Р. Миф сегодня. М., 1994.

Гегель Г.В. Ф. Наука логики. СПб., 1997.

Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. Психология масс и анализ человеческого «Я». Харьков, 1920.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.

Καριωτάκης Κ. Γ. «Τα ποιήματα». Αθήνα, 1992.

УЧЕНЫЙ ПАТРИАРХ И НЕВЕЖЕСТВЕННЫЕ ИКОНОБОРЦЫ: РОЛЬ КЛАССИЧЕСКОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ В ЖИТИИ СВ. ПАТРИАРХА НИКИФОРА

Суховольская Дарья Вадимовна

магистрант 2 курса, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Игнатий Диакон (ок. 785 — ок. или после 847 гг. н.э.) — византийский церковный деятель, диакон и скевофилакс храма святой Софии в Константинополе, а также один из известных византийских литераторов. Он относится к числу авторов, творчество которых ознаменовало возрождение византийской литературы в конце VIII в. после длительного периода культурного упадка, известного как «темные века».

Перу Игнатия принадлежат несколько агиографических произведений, среди которых — жития св. патриарха Никифора и св. патриарха Тарасия, представляющие собой образцы агиографии высокого стиля. С точки зрения содержания и композиционного построения, данные жития написаны в форме классического энкомия; кроме того, выбор литературных приемов и постоянное обращение к античным образам выдают блестящее классическое образование Игнатия и дают нам понять, что он хорошо знаком с античными авторами.

Данный доклад посвящен вопросу о том, какое значение Игнатий Диакон придает классической образованности в свете того религиозного конфликта, которому посвящены его патриаршие жития.

В житии Никифора, в п. 14–17, мы находим пространное описание светских наук, которые изучал Никифор, и в частности описание «математической четверицы» (*τῆς μαθηματικῆς τετρακτύος* [Vita Nicephori: 15]), а также перечень тем, которые будущий патриарх освоил в курсе философии — «госпожи наук» (*τὴν τούτων Δέσποιναν, τὴν φιλοσοφίαν φημί* [Vita Nicephori: 16]). При этом Игнатий отмечает, что светская наука — лишь «служанка» богословия (*οὐ γὰρ ἐφάμιλλος Δεσποίνῃ θεράπεινα* [Vita Nicephori: 14]); в представлении агиографа, она стоит, безусловно, ниже, но «для полноты образования подобает изучать и то, и другое» (*τὸ τῆς παιδεύσεως ἐντελὲς ἐκατέρας πρὸς Διδασκαλίαν προσήκει φέρειν τὴν εἰδήσιν* [Vita Nicephori: 14]).

На протяжении всего жития агиограф неустанно подчеркивает красноречие Никифора; повествование регулярно прерывается речами патриарха или его посланиями; наконец, большую часть жития занимает «платоновский» диалог патриарха с императором. При этом ученому патриарху Игнатий противопоставляет иконоборцев, говорящих нескладно и неспособных ответить на «приятный звук речи святого» (*τῆς ἐκείνου γλώσσης ἡδυεπὲς ἐπιφώνημα* [Vita Nicephori: 63]) ничего, кроме шуток.

В различных местах жития Никифора Игнатий не раз указывает на логические ошибки в рассуждениях иконоборцев, пользуясь при этом специальной терминологией. Гнев иконоборцев против святого часто объясняется именно их бессилием в словесном поединке: так, в п. 55 агиограф заявляет, что патриарх «побивал императора силлогизмами, как новорожденного ребенка» (*συλλογισμῶ τὸν βασιλέα ὡς νεογνὸν ἢ Δὴ παιδάριον παίοντα* [Vita Nicephori: 55]).

В ходе наблюдения за конфликтом между патриархом Никифором и иконоборцами может создаться впечатление, что для агиографа красноречие и образованность патриарха — его главная добродетель или, по крайней мере, главное оружие в борьбе за возвращение икон. Игнатий создает образ святого — высокопоставленного проповедника, представителя общественной элиты, и, очевидно, обращает свое произведение к представителям высших слоев общества.

Литература

De Boor C. Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica (BHG1335). New York, 1975.

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ДИАСПОРЫ ГРЕКОВ ПРИАЗОВЬЯ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ

Гетманский Сергей Васильевич

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

На территории бывшего СССР находятся несколько географических районов, которые исторически являются местами компактного проживания греков. Одна из самых крупных греческих диаспор — т. н. мариупольские греки, проживающие в северном Приазовье, в Донецкой и Запорожской областях. Чрезвычайно интересной является история их появления здесь, история существования и развития этой диаспоры.

Основной причиной многообразия диалектов, существовавших на полуострове, явилось деление греческого населения на две большие этнические группы: урумов и румеев. Они разговаривали на разных языках, не селились вместе, старались не родниться, но исповедовали православие, чтити христианских святых, отмечали одни и те же праздники и считали себя греками.

Урумы (урумск. *урумлар*, *урумнар*, крымскотат. *Urumlar*, греч. *Ουρούμι*), также называемые греко-татарами — один из народов Крыма и Северного Приазовья, разговаривают на урумском языке (чрезвычайно близком к крымскотатарскому языку).

Второй большой этнолингвистической группой крымских греков являются ромеи (*Ρωμαίοι*), также называемые греко-эллинами. В отличие от урумов — носителей тюркских диалектов — ромеи говорят на румейском языке, восходящем к средневековому греческому языку Византийской империи и плохо понятном жителям современной Греции.

Через призму анализа истории этих народов, сравнения этнокультурных и религиозных традиций попытаемся обосновать и доказать, что оба эти субэтноса являются носителями греческого самосознания, греческой культуры и являются хоть и разными, но все же неотъемлемыми частями и вехами развития эллинистического, греческого мира, их историю нельзя изучать в отрыве от истории остальной Греции в ее исторических границах.

Цель доклада заключается в попытке (на основе анализа истории приазовских греческих субэтносов урумов и ромеев и сравнения их этнокультурных и религиозных традиций) обоснования и доказательства наличия единого греческого самосознания у различных субэтносов.

Материалы доклада взяты из открытых источников, результатов архивных исследований и автобиографических данных автора, который является представителем одного из родов греков Приазовья. В результате исследования будут представлены сравнительные таблицы с символикой греческих поселений, сравнительные данные об этнокультурных и религиозных традициях, карты с ареалами расселения носителей различных диалектов и субдиалектов.

СЕМАНТИКА И ДИНАМИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ НОВОГРЕЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУМЫНСКОМ ЯЗЫКЕ

Кошкарова Елизавета Андреевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Румынский язык отличается лексическим своеобразием и богатством заимствований из разных языков. В исследовании разрабатывается тема грецизмов, вошедших в румынский в предфанариотскую и фанариотскую эпохи (XVI–XIX вв.). Актуальность темы обусловлена малочисленностью исследований, посвященных изучению новогреческой лексики в румынском языке; разработка темы позволяет глубже понять взаимосвязь балканских языков и определить употребительность фанариотизмов на современном этапе.

Чтобы проследить динамику использования грецизмов на протяжении XX и XXI вв. и установить их семантическую принадлежность, мы обратились к трем этимологическим словарям румынского языка [Candrea, 1931], [Macrea, 1958], [Vinereanu, 2008].

В результате анализа было выделено восемь семантических групп изучаемых грецизмов:

- 1) общая лексика: названия блюд, инструментов, предметов интерьера, быта и одежды, термины родства, абстрактные понятия (*corniză* 'карниз', *babacă* 'отец', *flotimie* 'щедрость');
- 2) лексика, относящаяся к живой и неживой природе: названия животных, растений, грибов и объектов неживой природы: минералов, металлов, небесных тел, а также понятия, непосредственно с ними связанные (*hamsie* 'анчоус', *anghinare* 'артишок', *hrisolit* 'хризолит');
- 3) церковная и библейская лексика: наименования церковных должностей и утвари, названия молитв, песнопений и богослужебных книг, слова, пришедшие из библейских писаний (*arhidiacon* 'архидьякон', *tricher* 'трикирий');
- 4) административная лексика: формы титулования, титулы, названия официальных документов, государственных образований, сословий (*arhon* 'архон, господин', *hrisov* 'грамота');
- 5) медицинская лексика: названия болезней, препаратов, органов, наименования медицинских учреждений и профессий (*oftică* 'туберкулез, чахотка', *alifie* 'мазь', *tamos* 'акушер');
- 6) морская лексика: типы судов, части корабля и слова, используемые в устной речи самими моряками (*galion* 'галеон', *covertă* 'палуба', *varda* 'берегись');
- 7) торговая лексика: названия денежных единиц и специальные коммерческие термины (*dodecar* 'турецкая золотая монета', *diorie* 'крайний срок уплаты');
- 8) лексика, относящаяся к типографии и письму: канцелярские принадлежности, орфографические знаки (*plic* 'конверт', *cratimă* 'дефис').

В употреблении новогреческих заимствований наблюдается нисходящая динамика. Уменьшается как общее количество грецизмов, входящих в словарь, так и число фактически используемых в речи. Если в 1931 г. употребительными считались 353 слова греческого происхождения, то в 1958 г. это количество падает до 213 слов, а в 2008 г. составляет всего 133 слова. Причем одни лексемы выходят из узуса, а другие становятся однозначными.

Сохраняется в употреблении общая лексика, описывающая конкретные предметы, в то время как для абстрактных понятий вместо новогреческих начинают использоваться заимствования из книжной латыни и др. романских языков.

Одновременно наблюдается резкое снижение употребительности специальной терминологии (административной, торговой, морской и церковной). Более высокую жизнеспособность показала лексика, относящаяся к природе и медицине.

Литература

Candrea I.-A. Dicționarul limbii române din trecut și de astăzi. București, 1931.

Macrea D. Dicționarul limbii române moderne. București, 1958.

Vinereanu M. Dicționar etimologic al limbii române pe baza cercetărilor de indo-europenistică. București, 2008.

ОБРАЗ ГРЕЦИИ В ПОЭЗИИ ДЭВИДА ГЕРБЕРТА ЛОУРЕНСА

Ларина Дарья Михайловна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад ставит целью определить место Греции в поэзии Дэвида Герберта Лоуренса. С одной стороны, выявляются характерные черты мифологических образов в поэзии автора, что актуально в контексте исследований роли античности в модернистской литературе. С другой, особое значение для неоэллинистики представляет анализ образа современной Греции в поэзии Лоуренса.

Основным источником для анализа мифо-религиозного аспекта произведений является поэтический сборник «Last Poems» (1932). Образы из него, связанные с Древней Грецией, можно тематически систематизировать и выявить характерную для каждой темы символику. Первая, наиболее общая тема связана с архаикой как таковой и представлена мотивом бессмертия древности («The Argonauts», «The Greeks Are Coming» и др.). «They Say the Sea is Loveless» причисляют к так называемой «поэзии маны» [Jones, 1989], в которой Лоуренс описывает абстрактную живую силу, движущую мирозданием. Последнее, вместе с «Middle of the World» и рядом др. текстов, также причисляют к «средиземноморским стихотворениям», но образ моря выходит за рамки средиземноморской серии стихов и становится в сборнике самым частым символом, отсылающим к Греции. Также Лоуренс обращается к мотиву смерти, напр., в «Bavarian Gentians», где бытовые символы погребальных ритуалов соединяются с классическим мифом о Персефоне.

Использование Лоуренсом мифологических образов, с одной стороны, можно трактовать как эстетизацию классики в общей традиции обращения к античности. Но характерной чертой поэтики Лоуренса, выделяющей его среди других поэтов-модернистов, становится преобладание философского над эстетическим. Полагаясь на работы Джона Бёрнета и Гилберта Мюррэйя, Лоуренс выстраивает собственную метафизику, в основе которой — живая движущая сила бытия. Согласно одной точке зрения, такое мировоззрение поэта можно назвать «гилозоизмом» [Gutierrez, 1981]. Другая интерпретация предполагает, что для Лоуренса эта движущая сила — миф [Vickery, 1974], который, в свою очередь, существует в борьбе полового влечения и смерти, чем объясняется обращение Лоуренса к мифу в целом и к теме смерти в частности. Однако главная черта идеологии и поэтики Лоуренса, которая прослеживается почти во всех «античных» стихотворениях — это принцип превосходства архаики над современностью и стремление возродить первую в своем творчестве.

В связи с этим Лоуренс отводит место в своей поэзии Древнему Риму и Этрурии, но не придает большое значение образу современной Греции. В одном из ранних стихотворений, посвященных военной тематике, появляются Фессалоники, но лишь как географическая метка исторических действий Первой мировой войны. «Средиземноморские» стихотворения в основном описывают ландшафт современной Италии, куда путешествовал поэт. И хотя в них нет прямого упоминания современной Греции, описывается образ реального моря, которое является для поэта символом памяти об античности в настоящем и символом Эллады как колыбели культуры, сохраняющей этот статус со сменой исторических эпох.

Литература

- Jones B. M. Shaping, intertextuality and summation in D. H. Lawrence's Last Poems: thesis for the Degree of Doctor. Nottingham, 1998.
- Gutierrez D. The ancient imagination of D. H. Lawrence // Twentieth Century Literature. 1981. Vol. 27. № 2. P. 178–196.
- Vickery J. B. D. H. Lawrence's poetry: myth and matter // D. H. Lawrence Review. 1974. Vol. 7. № 1. P. 1–18.

СТИХОТВОРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КОНСТАНТИНА МАНАССИ: АНАЛИЗ ЯЗЫКА И СТИЛЯ

Пиксендеева Анастасия Геннадьевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Константин Манасси — византийский писатель и поэт XII в., представитель литературы Комниновского возрождения. Манасси — автор многочисленных произведений различных жанров, среди которых монодии, экфрасисы, речи, любовный роман в стихах, путевые заметки,

стихотворная биография, а также первая в истории греческой литературы стихотворная хроника. О произведениях Манасси к настоящему времени написаны разнообразные научно-исследовательские работы [Nilsson, 2020], однако язык его стихотворных произведений остаётся малоизученным и представляет широкое поле для исследования.

Цель данного доклада — изучение особенностей языка и стиля стихотворной хроники и романа «Аристандр и Каллифея». Внимание концентрируется на синтаксическом, морфологическом и лексическом аспектах, а также на стилистических приёмах, таких как сравнение, повторение, метафора, использование междометий и устойчивых выражений и т. д., которые использует Манасси для достижения своих художественных целей. В докладе рассматриваются также методы цитирования источников.

Из романа и хроники Манасси было выбрано несколько отрывков, в докладе проводится их комплексный лингвистический анализ.

К основным выводам можно отнести следующие наблюдения: синтаксис произведений нельзя назвать сложным, в произведениях мы встречаем такие синтаксические конструкции, как *Accusativus cum infinitivo*, *Participium conjunctum*, *Genetivus absolutus*. Характерной особенностью лексического состава произведений является большое количество состоящих из двух корней сложных слов, как уже существующих в литературе более ранних авторов и в трудах современников Манасси, так и неологизмов, большую часть из которых составляют эпитеты. Неологизмы автор использует также при цитировании источников, заменяя одно из слов в словосочетании на неологизм со схожим значением (в стихотворной хронике Манасси — *οἴκουσ ἀνήγειρε πολλοὺς καὶ πενητοτροφεῖα* ‘он (Тиверий) возвёл много домов и богоделен’, а в «Краткой хронике» IX в. Георгия Амартола — *πολλοὺς εὐκτηρίους οἴκουσ ἀνεγειράσα, καὶ πτωχοτροφεῖα* ‘воздвигшая много молельных домов и богаделен’). Представляется логичным, что такая замена слова происходит для соответствия стихотворному размеру, которым написана хроника, т. е. пятнадцатисложнику. Для этой же цели, цитируя источники, Манасси заменяет слово на однокоренное: *ὁ λεγόμενος γραῶν ἕθλος* ‘как говорится, бабьи сказки’ в диалоге Платона «Теэтет», но *ἕθλους τινὰς γραῶΔεις* ‘какие-то бабьи сказки’ у Манасси. Стилистические приёмы, которые использует автор, ясно отражают его однозначное отношение к тем или иным событиям и героям, создают яркий и выразительный образ. Используются эпитеты, метафоры, развёрнутые описания, междометия, ряды синонимов и слова со схожим значением, часто имеющие оценочный компонент (*ἀγαθοεργία* ‘услуга, благодеяние’ и *εὐποιία* ‘доброе дело, благодеяние, услуга’), а также устойчивые словосочетания, которые встречаются в произведениях других авторов — Григория Назианзина, Иоанна Дамаскина и т. д. (*καλλινίκων μαρτύρων* ‘храм сорока) одержавших славную победу мучеников’), и словосочетания, которые сам автор несколько раз использует в повествовании (*ἰθύνας τὸ βασιλείον ... χρόνοις κράτος* ‘процарствовал ... лет’, *πλούτῳ (περι) βριθόντα* ‘одарённого богатством, богатого’).

Литература

Nilsson I. *Writer and Occasion in Twelfth-Century Byzantium: The Authorial Voice of Constantine Manasses*. New York, 2020.

ПОЭЗИЯ ОДИССЕАСА ЭЛИТИСА В ИНТЕРМЕДИАЛЬНОМ ПРОЧТЕНИИ

Полищук Александра Дмитриевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Одиссеас Элитис — одна из главных фигур греческой поэзии и греческой литературы XX в. Лауреат Нобелевской премии, Элитис был не только поэтом, но и художником. Он иллюстрировал собственные произведения, написал оду Пабло Пикассо и эссе о нем. Художники XX в.

иллюстрировали Элитиса: так, на сайте Нобелевского комитета указано, что иллюстрации к его стихам создавали А. Матисс и Пикассо.

Цель доклада — рассмотреть поэзию Элитиса в интермедиальном прочтении. Цель формирует круг задач: перевести стихи Элитиса о живописи (в частности, о Пикассо); собрать корпус иллюстраций к его поэзии, в том числе работы самого автора; проанализировать иллюстрации как дополнение к поэтическому тексту.

Новизна темы обусловлена её неразработанностью — многие стихи Элитиса не переведены на русский язык, в частности, его стихи о живописи, также нет собрания иллюстраций к его произведениям. Коллажные работы Элитиса к собственным стихам представляют отдельный интерес, но и они не переведены. А так как для поэта темы художественного акта, живописи, сюрреализма, коллажа были актуальны, он сам работал в интермедиальном, междисциплинарном художественном поле, то и тема видится нам актуальной. Междисциплинарность темы также делает исследование актуальным.

Материалом для доклада стали произведения Элитиса («Ода о Пикассо», стихи, сопровождающиеся коллажными работами самого автора), его эссе о Пикассо, а также рисунки и живописные произведения к стихам Элитиса Я. Моралиса и др. художников.

При подготовке доклада изучена научная литература по теме и сами источники, переведён ряд текстов, они проанализированы и сопоставлены с живописными, графическими иллюстрациями и коллажами.

Результатом исследования нам видится прочтение поэзии Элитиса в контексте его интереса к кружку сюрреалистов и живописи вообще; возможность увидеть, какие дополнительные смыслы придаёт иллюстрация художественному тексту, учитывая, что поэт Элитис сам работал в интермедиальном поле — писал о живописи и иллюстрировал собственные тексты.

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТРОННЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ НОВОГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

Мельникова Дарья Васильевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В настоящее время в связи с развитием Интернет-технологий молодежь все чаще общается в социальных сетях, используя при этом в сообщениях и публикациях выражения, которые отличаются от стандартизированного новогреческого языка. Такие языковые особенности электронных коммуникаций в современном новогреческом языке очень мало изучены специалистами и потому являются актуальной темой для исследования. Цель нашего доклада заключается в изучении и выявлении языковых особенностей электронных коммуникаций в современном новогреческом языке.

К задачам исследования относится рассмотрение особенностей греческого языка в Интернете и анализ различий между ним и стандартизированным новогреческим языком. Исследование проводилось на основе материала, взятого из мессенджеров и блогов, как текстовых, так и видеоблогов. Кроме того, в ходе исследования было проведено анкетирование информантов.

В результате были выявлены определенные языковые особенности, одной из которых является использование сленга. Несмотря на наличие множества точек зрения на природу сленга, не существует общепринятого определения понятия, которое обладало бы терминологической точностью. Этимология и место сленга в языке также вызывают споры у лингвистов.

Сленг играет значимую роль в электронных коммуникациях у носителей греческого языка. Сленгизмы, использованные в рассмотренных мессенджерах и блогах, можно разделить на несколько типов: 1) сленгизмы, образованные от иностранных слов; ярким примером такого сленгизма является слово *μπρο* 'друг, дружище', образованное от английского слова *brother* 'брат'; 2) сленгизмы, образованные с помощью перестановки слогов в греческом слове местами;

так, сленгизм *λοστρε* образован от греческого слова *τρελος* 'сумасшедший' путем перемещения первого слога в конец слова; 3) сленгизмы, образованные с помощью повторения исходного слова; к таким сленговым выражениям можно отнести фразу *ισα ισα* 'едва'; 4) стандартные греческие сленгизмы; к этой группе относятся сленговые слова или выражения, не образованные вышеперечисленными методами.

Также в ходе исследования был выявлен ряд других языковых особенностей текстовых сообщений, напр., пропуск гласных букв и замена цифрами частей слов, созвучных по звучанию с числительными.

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЭФФЕКТОРА В СТИХИЙНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И АЛБАНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Гвоздкова Мария Вячеславовна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад посвящен изучению особенностей выражения эффектора в стихийных конструкциях в современном русском и албанском языках (*камнем выбило окно; guri rrëzoi dritaren* 'камень повредил окно' (досл.)). В ходе доклада будут рассмотрены способы оформления неконтролируемого субъекта действия с различными глаголами с учетом его грамматического маркирования и порядка слов в конструкции. Актуальность исследования продиктована отсутствием сравнительных описаний употребления стихийных конструкций. Наша работа позволит обнаружить наличие параллелей и различий между рассматриваемыми языками. Источниками материала для исследования послужили Национальный корпус русского языка объемом более 1,5 млрд словоупотреблений и Национальный корпус албанского языка объемом 31,12 млн словоупотреблений.

Целью работы является выяснение того, как семантически и грамматически соотносятся между собой различные типы маркирования эффектора в русском и албанском языках в зависимости от типа каузирующей силы (природа, человек, мистика по [Мустайоки, Копотев 2005]). Напр., *тайфуном* (творительный падеж) *разрушило деревню* и *tajfuni shkatërroi fshatin* досл. 'тайфун (именительный падеж, определенная форма) разрушил деревню'. Кроме того, мы попытаемся выделить, какая стратегия маркирования эффектора является ведущей в рассматриваемых языках. Основная часть исследования состоит в количественном и качественном анализе корпусных примеров.

Основной теоретической базой нашего исследования являются работы, рассматривающие с разных теоретических позиций устройство грамматических конструкций в целом и стихийных конструкций в частности («Лингвистика конструкций» Е. В. Рахилиной [Рахилина 2010], работы А. Мустайоки и М. В. Копотева [Мустайоки, Копотев 2005]), а также способы выражения эффектора (см. [Van Valin, Wilkins 1996]).

По нашим предварительным выводам, в русском языке ведущим способом маркирования эффектора в стихийной конструкции является использование творительного падежа в сочетании с глаголом в безличном употреблении, в то время как в албанском языке основная стратегия грамматического оформления «деятеля» стихийной конструкции строится на употреблении определенной формы эффектора в номинативе.

Литература

- Мустайоки А., Копотев М. Лодку унесло ветром: условия и контексты употребления русской «стихийной» конструкции // *Russian Linguistics*. 2005. №1. С. 1–38.
- Лингвистика конструкций / отв. ред. Е. В. Рахилина. М., 2010.
- Van Valin R. D., Wilkins D. The case for «effector»: case roles, agents, and agency revisited // *Grammatical Constructions* / M. Shibatani, S. Thompson (eds). Oxford, 1996. P. 289–322.

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ В РЕЧИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИТ-СПЕЦИАЛИСТОВ

Лазарева София Максимовна

магистрант 1 курса, Aarhus Universitet

Настоящий доклад посвящен переключению кодов (русский — английский) в рабочей среде на примере российско-американской ИТ-компании. Переключение между английским и местными языками — распространённое в международном бизнесе явление, не получившее, однако, широкого освещения в социолингвистической литературе. Цель доклада — подобрать наиболее подходящую модель описания этого явления и выделить характерные черты переключения кодов в рабочей среде ИТ-компании.

В работе рассматриваются и сравниваются две модели переключения кодов: рамочная модель матричного языка К. Майерс-Скоттон [Myers-Scotton, 2006: 243] и модель ограничений линейного порядка Ш. Поплак [Poplack 1980]. Для дальнейшего анализа материала была выбрана рамочная модель матричного языка, так как материал исследования нарушал основное ограничение модели Поплак: языковую эквивалентность [Poplack, 1980: 595].

Исследование проводилось на материале сообщений из двух проектных каналов в Slack и расшифровок двух встреч, посвящённых планированию дальнейшей работы над проектами, длительностью 42 и 45 минут соответственно. Всего в итоговую выборку вошло 289 случаев переключения кодов.

Случаи переключения кодов были разделены на следующие категории: однословные переключения, коллокации из 2–3 слов и острова встраиваемого языка [Myers-Scotton, 2006: 261]. Однословные переключения и коллокации также были размечены в соответствии с частями речи.

Также с шестью участниками исследования, выступившими авторами анализируемых сообщений и участвовавшими во встречах, расшифровки которых использовались для исследования, была проведена серия полуструктурированных интервью. Их целью было выявить мотивацию и отношение к переключению кодов и английскому языку в целом.

В результате исследования было выяснено, что переключение кодов — это характерная особенность социолекта русскоговорящих ИТ-специалистов. Основной мотивацией для переключения кодов является необходимость сослаться на связанные с работой ситуации и понятия, отсутствующие в русском языке. Это также объясняет, почему самой частотной категорией случаев переключения кодов являются однословные переключения (231 случай, из них 196 существительных, 20 глаголов и 15 прилагательных, что соответствует иерархии заимствований, приведённой в [Tadmor et al, 2010: 231]). Такое переключение является немаркированным в терминах Майерс-Скоттон [Myers-Scotton, 2006: 173].

Литература

- Myers-Scotton C. *Multiple Voices: an Introduction to Bilingualism*. Hoboken, 2006.
- Poplack S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish y Termino en español: Toward a typology of code-switching // *Linguistics*. 1980. Vol. 18(7–8). P. 581–618.
- Tadmor U., Haspelmath M., Taylor B. Borrowability and the notion of basic vocabulary // *Diachronica*. 2010. Vol. 27 (2). P. 226–246.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ 'МЕШАТЬ' В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Маринина Валерия Владимировна

студент 3 курса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Дунаева Ксения Олеговна

студент 3 курса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Шепель Екатерина Алексеевна

студент 3 курса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Лексическая типология изучает способы выражения лексических значений в языках мира. Исследование, представленное в докладе, выполнено в рамках методики Московской лексико-типологической группы (см., напр., [Рахилина, Резникова, 2013]). Эта методика применялась при изучении многих семантических полей (см., напр., [Резникова и др., 2020]), однако поле 'мешать' впервые становится объектом типологического анализа.

В рамках нашего исследования рассматривались ситуации физического мешания и метафорические значения, образованные от глаголов поля. Под 'мешанием' мы понимаем физическое воздействие на объекты с целью получения однородной массы. Исследование проводилось на материале 10 языков: французского, итальянского, испанского, английского, немецкого, русского, турецкого, татарского, вьетнамского и хантыйского. Данные собирались в несколько этапов: сначала изучались словари и корпуса с целью выявления контекстов употребления глаголов интересующего нас поля. Эти контексты послужили основой для составления анкеты, по которой проводился опрос носителей языков. На материале из разных источников выявлялись расхождения между системами и типологические параметры, релевантные для лексических противопоставлений в исследуемой зоне. Результатом анализа стало построение семантической карты, позволяющей визуализировать типологические особенности каждого из языков.

Различия между языками в зоне 'мешать' можно разделить на два класса случаев. Во-первых, не совпадают внешние границы поля: ситуации, которые в одних языках могут покрываться лексемами с семантикой 'мешать', в других описываются только глаголами иных семантических полей, ср. русск. *подмешать снотворное в чай* — в переводных аналогах этого выражения в ряде языков могут выступать только глаголы со значением 'добавить'/'положить', ср. исп. *añadir*, англ. *put*. Подобные различия возникают за счет того, что одна и та же ситуация может характеризоваться как в отношении цели, так и с точки зрения конкретного физического действия, необходимого для ее достижения.

Во-вторых, различия между языками касаются внутреннего устройства поля. При выборе лексем многие языки «реагируют» на топологический тип объекта: длинные тонкие предметы обычно смешиваются неагентивно и часто требуют особого глагола (русск. *путаться*, ит. *aggrovigliare* и др.); лексически отделяются ситуации, в которых задействованы игральные карты. Кроме того, значим таксономический тип объекта (лексически различны жидкости, порошки, дискретные объекты). Наконец, может быть важен способ движения: 'по кругу' (англ. *stir*, вьетн. *khuiáy*), 'туда-сюда' (русск. *взболтать*).

В зоне метафор обращает на себя внимание нестандартное поведение исследуемых лексем в отношении агентивности действия: в прямых значениях глаголов смешивания веществ часто используются каузативные формы, а в переносных — декаузативные (русск. *вмешать* и *вмешаться*). Между тем, для соединения длинных тонких объектов в прямых значениях выступают скорее декаузативные формы, а в переносных — каузативные (русск. *путаться* и *путать*).

В докладе мы подробнее рассмотрим внутренние и внешние границы поля, модели семантических сдвигов и представим семантическую карту на примере конкретных языковых систем.

Литература

- Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3–31.
- Резникова Т. И., Рахилина Е. В., Рыжова Д. А. Глаголы падения в языках мира: фреймы, параметры и типы систем // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. № 16.1. С. 9–63.

ИНСУЛЬТ ИЛИ ИНФАРКТ: ПРАВИЛЬНО ЛИ МЫ ИСПОЛЬЗУЕМ МЕДИЦИНСКИЕ ТЕРМИНЫ?

Гузалова Анастасия Павловна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе рассматриваются представления носителей русского языка о значениях медицинских терминов. В литературе отмечается, что при их понимании людьми без специального медицинского образования среди пациентов всех возрастов и уровней образования наблюдаются серьёзные заблуждения [Spiro et al., 1983; Wulff, 2004; Иомдин, 2012].

Так, на материале английского языка было проведено выборочное исследование, которое показало, что многие пациенты, находящиеся на амбулаторном лечении, не в полной мере понимают определение своего диагноза [Spiro et al., 1983]. В русскоязычной среде исследования проводились с использованием очень узкой выборки терминов, относящихся к психиатрии [Иомдин, 2012].

Неверная трактовка терминов может приводить к нарушению понимания между медицинским персоналом и пациентами, что в итоге неизбежно сказывается на качестве оказания медицинской помощи. Используя медицинскую терминологию, медицинский персонал должен убедиться, что пациент корректно трактует сообщение, а для этого важно знать, какие заблуждения наиболее распространены в культурно-языковом сообществе.

В своем докладе мы берем 9 часто употребляемых терминов из разных сфер медицины, обозначающих различные патологии: *склероз, инфаркт, инсульт, анемия, опухоль, остеохондроз, ангина, вегетососудистая дистония, целлюлит*. Материалом послужили данные, полученные из проведенного нами опроса молодых носителей русского языка. Большинство респондентов дали короткий ответ, содержащий только указание на область и один или два симптома. Мы поделили ответы по семи стратегиям, использованных респондентами: указание на область, симптом, этиологию, приведение конкретного примера, аналогии, распространенный ответ и отказ от ответа.

Новизна исследования заключается в том, что никто ранее не рассматривал в указанном ключе взятые нами термины, а также в том, что мы впервые делим ответы респондентов по стратегиям, чтобы изучить структуру ответа.

Было выявлено, что ни одно из полученных определений склероза даже относительно не совпадает с официальным определением, данным в Большой Медицинской Энциклопедии [БМЭ, 1974–1989]. Инфаркт и инсульт респонденты часто считают одним и тем же заболеванием сердца, хотя инсульт на самом деле является одним из видов инфаркта, поражающим головной или спинной мозг. Чаще правильное определение дают те респонденты, которые сталкивались с заболеванием на собственном опыте или на опыте близкого родственника.

Проведенное исследование помогает понять, что, несмотря на общеупотребительность таких терминов, как *инсульт, инфаркт, склероз, ангина* и т. д., они часто неправильно понимаются людьми без медицинского образования, что затрудняет объяснение диагноза медицинскими работниками.

Литература

- Большая Медицинская Энциклопедия (БМЭ) / отв. ред. Б. В. Петровский. М., 1974–1989. URL: <https://бмэ.орг/index.php> (дата обращения: 12.12.2022).

- Иомдин Б. Л. О «неправильном» использовании терминов: может ли язык ошибаться? // Сб. ст. в честь 80-летия И. А. Мельчука «Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты». М., 2012. С. 233–251.
- Spiro D., Heidrich F. Lay understanding of medical terminology // The Journal of family practice. 1983. Vol. 17. P. 277–279.
- Wulff H. The language of medicine // Journal of the Royal Society of Medicine. 2004. Vol. 97. P. 187–188.

ПРИЗНАКИ БИЛИНГВИЗМА В РЕЧИ МИТРОПОЛИТА АНТОНИЯ СУРОЖСКОГО

Ермолаева Виктория Михайловна

студент 4 курса, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

В современном мире при большом многообразии культур все больше растет интерес к изучению билингвизма. Это явление сильно распространено в наше время благодаря процессу глобализации, эмиграции и существованию полилингвальных государств [Хуснутдинова, 2021]. В нашем докладе мы обратимся к речи билингва — митрополита Антония Сурожского (русско-английский билингвизм). Цель доклада — выявить индивидуальные особенности речи митрополита. Методом исследования послужили дискурсивный и стилистический анализы его проповедей и интервью. Материалом исследования стали 15 видеозаписей проповедей митрополита (10 тыс. словоупотреблений), одна аудиозапись его интервью (13 тыс. словоупотреблений), а также 5 печатных интервью (9 тыс. словоупотреблений). Научная новизна заключается в установлении конститутивных признаков билингвизма в речи митрополита Антония, что способствует выявлению индивидуальных черт речевого портрета проповедника, а также специфики одного из основных жанров религиозного дискурса.

В проанализированном материале выявляются отступления от орфоэпических норм, которые свойственны диалектной речи; они могут объясняться коммуникативным опытом и билингвизмом митрополита. Ср. отсутствие оглушения звонких согласных в слабой позиции (*Бог, вдруг*); специфическое произношение слова «миллионы», с ударным звуком [o] после мягкого среднеязычного согласного [j] (*милльёны*).

В ряде слов отмечается выраженная регрессивная ассимиляция согласных по твердости-мягкости. Напр., глухой [с] озвончается и смягчается в контактной позиции с мягкой [н]: *косметика — козьметика, а также воспитывал — восьпитывал*. Отмечается наличие предлогов, которые состоят из твердых согласных звуков, но произносятся как полумягкие (*в' Италии*).

В выявлении признаков билингвизма и мультилингвизма значительную роль играют прецедентные тексты: цитаты, ссылки, аллюзии, реминисценции. Цитатный фонд языкового сознания митрополита очень велик и многообразен. Так, помимо частых аллюзий к текстам Священного Писания в его речи встречаются отсылки и к зарубежным, и к русским авторам. Важно отметить, что часто цитаты и произведения произносятся на языке оригинала, что говорит о когнитивной гибкости митрополита.

При обращении к лексическим особенностям можно встретить как устаревшую лексику и церковнославянизмы (*святочен, целокупность*), так и разговорную лексику (*заправские, заартачился*), что указывает на симбиоз разных функциональных стилей в речи митрополита. Отмечается нарушение лексической сочетаемости (*мужественные свойства*). Также важную роль играет использование синонимов и применение экспрессивного синтаксиса, с помощью которых создается эмоциональное напряжение, повествовательная динамика (*Он был смиренный, Он был кроткий, Он был любящий, Он был добрый*). Данная особенность свидетельствует о большом объеме и богатой вариативности лексического запаса говорящего, что, несомненно, свойственно билингвам. Следует обратить внимание на конструкции с глаголом-связкой *есть* и инверсию (*крепость, которая есть слабость*), которые можно рассматривать как аналог конструкций из английского языка.

Таким образом, все выявленные особенности речи митрополита можно рассматривать и как проявление билингвизма, и как характерную черту его речи. Все выявленные отступления от языковой нормы не служат коммуникативными неудачами и не затрудняют понимания, наоборот, отражают коммуникативную опытность оратора.

БАСКСКИЙ ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ *OMEN*: ЖАНРОВАЯ И ДИАЛЕКТНАЯ ВАРИАЦИЯ

Насырова Екатерина Вячеславовна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Целью данного доклада является сопоставление функционирования эвиденциального показателя *omen* в гипускоанском и лабурдинском диалектах баскского языка. Семантическая зона эвиденциальности включает в себя «все те показатели, основным значением которых является указание на „источник информации“ о сообщаемой ситуации» [Плунгян, 2011]. В баскском языке самым распространенным способом выражения эвиденциальности является частица *omen*. Среди диалектных вариантов, указанных в словаре Orotariko Euskal Hiztegia (ОЕН), было выбрано три: *omen*, *imien* и *ïmien*. Исследование проводится на материале корпуса баскской классической литературы Euskal Klasikoen Corpora (ЕКС). Из него методом сплошной выборки были извлечены все контексты, в которых встречается частица *omen* или ее вышеуказанные варианты; кроме того, поскольку ЕКС не имеет морфологической разметки, выбранные примеры были вручную отсмотрены для того, чтобы исключить случаи омонимии. В результате было получено 2870 контекстов.

Объектом анализа послужили утвердительные предложения, содержащие эвиденциальную частицу *omen* или ее варианты. В результате анализа мы обнаружили, что данные исторического корпуса соответствуют синхронному описанию Эчепаре и Урии [Etxepare, Uria, 2016], которые выделяют три основных стратегии употребления показателя *omen* в немодифицированных утвердительных клаузах:

1. между смысловым и вспомогательным глаголами;
2. без вспомогательного глагола;
3. без привязки к глаголу, вставочно (что во многом схоже с так называемыми «вводным словами» в русском языке).

В работе Эчепары и Урии утверждается, что последний вариант характерен для французских диалектов баскского языка, однако никаких числовых данных для подтверждения этого тезиса не приводится. Мы проверили эту гипотезу на нашей выборке и обнаружили, что она подтверждается: из 30 случаев вставочного использования эвиденциальной частицы *omen* 29 оказались в восточных текстах.

Кроме того, в работе также отмечается, что в восточных диалектах баскского языка существует конкурирующая стратегия выражения эвиденциальности с помощью кондиционалиса (ее происхождение приписывают влиянию аналогичной французской конструкции). Основываясь на этом предположении, мы постулируем гипотезу о том, что из-за конкуренции с этой стратегией выражение эвиденциальности с помощью *omen* будет встречаться реже, чем в западных диалектах, где альтернативного способа выразить эвиденциальность, насколько нам известно, нет.

Для проверки этой гипотезы мы выбрали из корпуса два подкорпуса текстов рубежа XIX—XX вв. — один из них авторства пяти носителей гипускоанского диалекта, второй — пяти носителей лабурдинского диалекта. По объему они равны примерно 187000 словоформ каждый; все тексты являются светской прозой (*narrazioa*, что размечено в самом корпусе). Затем мы подсчитали частотность показателя *omen* для обоих подкорпусов в *ipm*. В результате оказалось, что в лабурдинском баскском показателе встречается реже, что подтвердило предложенную гипотезу.

Литература

- Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Etxepare R., Uribe L. Microsyntactic variation in the Basque hearsay evidential // Language Faculty and Beyond / B. Fernández, J. O. de Urbina (eds). Amsterdam, 2016. P. 265–288.

СЕМАНТИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОБЪЕКТА В МУНДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Клоченко Максим Андреевич

Институт лингвистических исследований РАН

Мунджанский язык относится к восточноиранской подгруппе иранской группы индоевропейских языков. На нём говорит около 5300 человек в долине реки Мунджан (провинция Бадахшан, Афганистан) [Beuer, Beck, 2012]. Известно также, что практически все носители языка являются билингвами, владея также языком дари, и что отношение к мунджанскому исключительно положительное и он продолжает передаваться детям [Ethnologue, 2023].

Мунджанский является малоизученным иранским языком. Грамматика языка кратко описана в грамматическом очерке А. Л. Грюнберга [Грюнберг, 1972], также существует несколько более ранних грамматических описаний. Сбор материала по современному мунджанскому языку для уточнения и дополнения имеющихся описаний осложнён нестабильной политической обстановкой в регионе.

В докладе используются материалы устных текстов, собранные А. Л. Грюнбергом в ходе экспедиций в Бадахшан. Тексты оцифрованы, ведётся работа над их превращением в полноценный лингвистический корпус, включающая последовательное морфологическое глоссирование и анализ употребимых форм.

Мунджанский язык имеет двухпадежную систему из прямого (немаркированного) и косвенного падежа, а также препозитивный показатель объекта *va*. Различные комбинации этих элементов используются для маркирования глагольных актанта, демонстрируя при этом ожидаемое для новоиранских языков явление расщепленной эргативности (split-ergativity), ср. примеры:

(1) *ār māqsād kə lor-əy, za osəl kən-əm*

(каждый желание REL иметь-NPST. 2SG 1SG исполнить делать-NPST.1SG)

‘Какое бы желание ты ни имела, я исполню.’

(2) *mān šamšir xišk-a*

(DEM.PROX.OBL.M меч вытянуть.PST-PST.3SG.TR/INTR)

‘Он вытащил меч.’

Помимо этого, в мунджанском также встречаются конструкции с двойным косвенным падежом (double oblique constructions), ср.:

(3) *yū odam-ān va lu šir-āf ghərəvd-iy-i*

(один человек-OBL.M OBJ два лев-OBL.PL держать-PFV/PTCP.M-PL)

‘Некий человек схватил двух львов [и держит].’

Более того, интересно отметить, что показатель объекта употребляется в сочетаниях с личными местоимениями, напр. *fta* (OBJ+2SG.OBL), *va tən* (OBJ 1SG.OBL), что противоречит представлениям об иерархии дифференцированного маркирования объекта, которое также является одной из характерных черт новоиранских языков.

Помимо этого, косвенный падеж также употребляется с некоторыми предикатами для выражения конкретного значения, напр., для маркирования посессора при *āst*- ‘быть’, ср.:

(4) *yān roṭšo-n yū pūr viy-a*

(DEM.MED.OBL.M царь-OBL.M один сын быть-PST.3SG.TR/INTR)

‘У того царя был сын.’

В докладе рассматриваются контексты употребления этих показателей и делается попытка уточнить существующее описание их распределения.

Литература

Грюнберг А. Л. Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык. Л., 1972.

Beyer D., Beck S. A linguistic assessment of the Munji language of Afghanistan // *Language Documentation & Conservation*. 2011. Vol. 6. P. 38–103.

Ethnologue: Languages of the World. Twenty-sixth edition / D. M. Eberhard, G. F. Simons, C. D. Fennig (eds.). URL: <https://www.ethnologue.com> (accessed: 10.03.2023).

ENGLISH VERBAL RHYTHMOLOGY FROM A TERMINOLOGICAL STANDPOINT (CORPUS-BASED STUDY)

Зверев Михаил Эдуардович

студент 3 курса, Ивановский государственный университет

It is common knowledge that spoken language in its entirety is governed by rhythm, and it can be found at almost any level of language and speech [Peña et al., 2016]. Speech rhythm as a quasi-periodical explication of qualitatively similar and isochronous phenomena has been investigated in phonetic sciences for a long time. However, a vast number of crucial theoretical issues in verbal rhythmology (speech rhythm studies) have yet to be scrutinized, such as a) the place of speech rhythm in language system; b) speech rhythm interactions with suprasegmentals and with the other strata of language; c) the problem of defining universal and specific properties that are intrinsic to speech rhythm of a particular language; d) typological descriptions of speech rhythm represented in various human languages; e) working out methods of teaching speech rhythm at university; f) the problem of describing and systematizing rhythmic terminology (metalanguage), etc.

The present paper is concerned with exploring verbal rhythmology from a *terminological* perspective. The convergence that is inherent in many research tasks and techniques of theoretical and applied phonetics is said to affect the terminology system of these intertwined scientific fields. While phonetic knowledge per se exists in a state of constant development, the explication and systematization of metalanguage in various kinds of dictionaries, thesauri, glossaries, etc. are of paramount significance.

The key objective of the research is to describe the initial stage of compiling an online bilingual (English — Russian) glossary of rhythmic terminology system based on the author's corpus of academic publications on the subject under study. The research tasks are regarded as follows: a) analyzing dictionaries on phonetics and phonology in order to select the core terms of verbal rhythmology; b) collecting research papers in the field of verbal rhythmology which were published in 2000–2023. It is pertinent to note that the number of works that have been included in the research corpus consists of 70 articles; c) making up a monolingual (English) corpus by means of «Sketch Engine» (SkE) software on the basis of the selected papers; d) creating glossary entries by using «Myefe.ru». All the dictionary entries comprise the following parts: an English term/s, a Russian equivalent/s, a definition/s and used resources.

The main results of examining verbal rhythmology from a theoretical (terminological) viewpoint underscore the complex character of speech rhythm terminological system, as well as the fact that inquiring into the terminology system of the field is vitally important for a better understanding of speech rhythm from theoretical and applied standpoints. A further perspective in studying rhythmic metalanguage lies in incorporating new research results and terminological items of the discipline into the online English—Russian glossary.

Literature

Peña M. et al. Rhythm on Your Lips // *Frontiers in Psychology*. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2016.01708/full> (accessed: 27.02.2023).

ОЦЕНОЧНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В ГОЛОСОВОМ ТЕМБРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Бондарчук Виталий Сергеевич

студент 5 курса, Минский Государственный Лингвистический университет (МГЛУ)

В настоящее время модальность широко обсуждается как в отечественном, так и в зарубежном языкознании как одна из ключевых категорий в языке, устанавливающих связь высказывания с внеязыковой действительностью и реализующих его коммуникативный потенциал. Эта категория выражена в каждом аспекте языка, в том числе и в фонетическом. Так, оценочная модальность отражена в тембре голоса.

Изучение отражения аксиологической модальности в голосовом тембре актуально для исследователей-лингвистов, поскольку оно дает представление о социальных факторах, влияющих на использование и интерпретацию языка. Эти знания могут способствовать лучшему пониманию языковых изменений и вариаций, а также роли языка в социальных взаимодействиях.

Цель эксперимента состояла в определении тембральных характеристик голоса, передающих критику или поддержку при полной нейтрализации других языковых маркеров, таких как оценочная лексика, грамматические конструкции или тонально-мелодическое оформление.

Для достижения этой цели нами был проведен лабораторный эксперимент. Носителю южно-английской произносительной нормы было предложено прочесть 4 предложения с одинаковой нисходящей интонацией, но при этом каждое предложение необходимо было прочесть холодно и неодобрительно, а затем тепло и доброжелательно.

Полученные 8 предложений были предъявлены вразброс другому носителю языка для удостоверительного анализа. Его задача состояла в том, чтобы определить фразы с негативной и положительной тембральной окраской. Идентификация была безошибочной, что свидетельствует о том, что тембральная окраска представляет собой надежный маркер оценочной модальности.

На следующем этапе мы провели акустический анализ с использованием программы Praat. В ходе анализа мы произвели замеры первой и второй формант ударных гласных в ядерной фразовой позиции. При составлении предложений преднамеренно подбирались слова, содержащие гласные, занимающие крайние положения на формантной плоскости, поскольку именно в этих позициях легче всего зарегистрировать возможные изменения.

Полученные данные указывают на наличие некоторых тенденций. В частности, общим видом модификаций для всех изучаемых гласных явилось понижение первой форманты, коррелирующей с подъемом. Если быть точнее, речь идет о степени открытости или, напротив, закрытости, которая может достигаться не только за счёт положения языка, но и степени раствора.

Неодобрительный тембр голоса артикуляционно выражается в зажатости и меньшей подвижности нижней челюсти. Эта характеристика находит свое отражение в понижении первой форманты. Для гласных низкого подъёма *a*: и *ae* зафиксирована также тенденция смещения к центру формантной плоскости, которую также можно объяснить артикуляционной сдавленностью звуков.

Резкое смещение в сторону увеличения второй форманты звука *i*:, произнесенного с тембром, выражающим отрицательную оценку, противоречит более общей тенденции к центрированию гласных. Наблюдение за видеорядом позволяет выдвинуть предположение о том, что такие яркие изменения показателей 2 форманты могут быть связаны с сильным растягиванием губ, подчеркивающим критическое отношение.

Таким образом, исследование тембральной окраски одобрения и неодобрения позволило выявить общую тенденцию для всех гласных и некоторые индивидуальные сдвиги в зависимости от природы звука. Обнаружены также корреляции между акустическими изменениями и модуляциями речевого тракта.

КАК РАЗЛИЧАЕТСЯ ВОСПРИЯТИЕ КЛЮЧЕВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ В ПИСЬМЕННОМ И УСТНОМ ТЕКСТАХ

Гусева Дарья Дмитриевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад посвящён проблеме исследования особенностей восприятия ключевых слов и словосочетаний в письменном и устном текстах на русском языке. Теоретическую основу исследования составляют труды А. С. Штерн, Л. В. Сахарного, Л. Н. Мурзина, Н. Д. Светозаровой, Е. В. Ягуновой и др. специалистов в области восприятия речи.

Ключевые выражения — самостоятельные языковые единицы, в совокупности выступающие как особый тип текста по отношению к исходному. Ключевые слова или словосочетания несут в себе наиболее важную информацию о тексте, представляя её в сжатом формате. Опираясь на них, можно установить содержание исходного текста.

Цель доклада заключается в анализе различий, возникающих при восприятии одного и того же текста, представленного в письменном и устном формате. Предполагается, что восприятие содержания письменного и устного текста различается на уровне выделения ключевых выражений.

Материалом исследования являются аудиозаписи выступлений русскоязычных лекторов проекта «Постнаука». Лекции принадлежат к научному функциональному стилю и сопровождаются транскриптами в виде связного текста с постредактированием.

Автоматическое выделение ключевых слов и словосочетаний в письменном тексте включало в себя этапы лемматизации и фильтрации по стоп-словам и проводилось с использованием различных алгоритмов — статистических (Chi-квadrat, Log-Likelihood, PMI-test, T-test, TF-IDF), гибридных (RAKE, RuTermExtract, SpaCy), с использованием машинного обучения (KeyBERT).

Ручная разметка ключевых выражений была получена в результате серии перцептивных экспериментов. В их рамках на материале письменного текста аудиторы должны были после прочтения выделить 10 ключевых выражений, ранжируя их от самого важного к менее важному. В эксперименте на материале устного текста аудиторы выполняли аналогичное задание, но после прослушивания аудиозаписи. В инструкции также было установлено ограничение на тип выражений — аудиторы могли выбрать в качестве ключевых выражений униграммы, биграммы или триграммы.

Процедура обработки результатов исследования заключалась в сопоставлении результатов выделения ключевых выражений 1) с помощью автоматических методов на материале письменных текстов, 2) в ходе перцептивного эксперимента на основе письменных текстов, 3) в ходе перцептивного эксперимента на основе устных текстов. Было осуществлено попарное сравнение списков ключевых выражений, полученных в результате работы алгоритмов и в ходе перцептивных экспериментов с письменными и устными текстами. Результаты извлечения ключевых выражений были также сопоставлены с разметкой на фонетически выделенные слова, для получения которой были привлечены эксперты-фонетисты.

Проводимое исследование позволит расширить научное представление о соотношении языковых структур в письменном и устном тексте, связанных с восприятием содержания сообщений, а также будет способствовать совершенствованию процедур автоматической семантической компрессии с привлечением ключевых выражений (реферирование, конспектирование и т. д.).

ВОСПРИЯТИЕ ИНТОНАЦИИ ИНТЕРФЕРИРОВАННОЙ РЕЧИ БРАЗИЛЬЦЕВ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Соболева Арина Антоновна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В настоящем докладе рассматриваются особенности восприятия носителями русского языка интонации интерферированной речи бразильцев.

Бразильский вариант португальского языка во многом отличается от европейского, однако его интонационная система описана менее подробно, а интерференция с русским языком на уровне интонации фактически не изучена, что объясняет актуальность и новизну настоящего доклада. Его целью стало определение того, как носители русского языка определяют коммуникативный тип произнесенной фразы и способны ли они отличить интонацию завершенности и незавершенности в интерферированной речи, а также воспринимают ли они представленные фразы как эмоционально окрашенные. Для этого была проведена серия перцептивных экспериментов.

В качестве экспериментального материала были использованы 8 фраз из корпуса, разработанного на кафедре фонетики СПбГУ под руководством П. А. Скредина [Smirnova Henriques et al, 2022: 12], в прочтении трех дикторов — носителей бразильского варианта португальского языка, владеющих русским языком на уровне B2, но не прошедших специального обучения интонации. Также использовались фрагменты этих фраз в прочтении носителей русского языка. Далее с помощью программ Praat и Wave Assistant были получены фразы с пересаженным мелодическим контуром. Источниками для пересадки послужили фразы в произнесении бразильцев, реципиентами стали аналогичные фразы в произнесении носителей русского языка. В первом эксперименте респонденты слушали записи, произнесенные бразильцами на русском языке, во втором — те же фразы, прочитанные носителями русского языка, а также фразы с пересаженным мелодическим контуром. В первом эксперименте приняли участие 30 респондентов, во втором — 21.

В результате анализа выяснилось, что носители русского языка правильно определили вопросительную интонацию в общем вопросе, произнесенном бразильцем (86,7 % правильных ответов), однако во фразе с пересаженным мелодическим контуром процент правильных ответов резко снизился (52,4 %). Утвердительные фразы иногда интерпретировались как вопросы или восклицания. Наиболее сложной задачей для носителей русского языка оказалось определение незавершенности фразы как в интерферированной фразе (43 %), так и во фразе с пересаженным мелодическим контуром (42 %), тогда как во фразе, прочитанной носителем русского языка, наблюдался высокий уровень узнавания (81 %).

При описании эмоций 14,4 % респондентов указали на негативную коннотацию эллиптического вопроса (*А осень?*), 32,2 % не услышали эмоциональной окраски, остальные ответы включали такие интерпретации, которые невозможно оценить с точки зрения положительной или отрицательной коннотации.

Результаты проведенных перцептивных экспериментов показали, что носители русского языка не всегда правильно определяют коммуникативный тип в русской речи бразильцев, что можно связать с проявлением интерференции в речи иностранцев, недостаточно владеющих интонационной системой русского языка. Данное явление, по-видимому, приводит и к восприятию респондентами различного рода эмоциональной окраски.

Литература

Smirnova Henriques A. et al. Braporus, spoken corpus of heritage Russian in Brazil: protocol of data collection // *Cadernos de Linguística*. 2022. Vol. 3. № 1.

ВАРИАТИВНОСТЬ ТЕМПА РЕЧИ В ЧТЕНИИ

Ананьева Анастасия Денисовна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Темп речи — одна из ее характеристик, связанная с интонацией. Он может зависеть от множества факторов, в том числе и от личности самого говорящего. Цель доклада — выяснить, какие социальные характеристики влияют на то, с какой скоростью говорит человек и за счет чего происходит изменение темпа речи. Проведенная работа позволит получить общие представления о тенденциях, которые способствуют увеличению темпа речи без ущерба для восприятия. Впоследствии это может быть полезно для создания программ по ускорению записей без потери качества звука.

Для исследования были использованы 53 звуковых файла, содержащих записанный на кафедре фонетики СПбГУ фонетически представительный текст «Был тихий, серый вечер», произнесенный носителями русского языка из Санкт-Петербурга. Была проведена сегментация записей на отрезки речи, паузы и фальстарты в программе WaveAssistant. На языке Python была написана программа для подсчета полных длительностей файла, длительностей без учета фальстартов, без учета как фальстартов, так и пауз, полного и артикуляторного темпа речи, длительностей и количества пауз, длительностей фонем и фонетических слов.

Темп речи можно разделить на артикуляционный и полный. В первом случае скорость произнесения элементов измеряется без учета пауз. Артикуляторный темп колеблется между 4,7 и 8 слогами в секунду, а полный — между 3,7 и 6,3. В ходе работы проверялось влияние пола и возраста диктора на темп с помощью дисперсионного анализа в Excel. Выяснилось, что фактор пола не значим ($p = 0,66$). Для проверки гипотезы о влиянии возраста полученные данные были разделены на 3 группы: от 16 до 30 лет (среднее значение для полного темпа — 5,2, артикуляторного — 6,6), от 31 до 45 (среднее значение для полного темпа — 5, артикуляторного — 6,4), от 46 до 77 (среднее значение для полного темпа — 4,6, артикуляторного — 5,7). Возраст оказался значимым как для данных артикуляционного темпа ($p = 0,004$), так и для полного ($p = 0,0001$). Более того, проведение сравнения между группами показало, что наибольшее влияние возраста на артикуляционный темп заметно в 1 и 3 группах, а на полный темп как между 1 и 3, так и 2 и 3. Наибольшие значения темпа наблюдаются в группе 16–30 и составляют 6,3 для полного темпа и 8 для артикуляторного, наименьшие — в группе 46–77 (3,7 и 4,7 слогов в секунду). Эти результаты подтверждают явления, описанные Трувеном [Trouvain, 2003: 10–11]. Для исследования механизмов изменения темпа речи были выбраны 4 файла: с самым высоким и самым низким артикуляционным и полным темпом соответственно. Разница в длительностях фонем, реализованных в одной и той же позиции, в большинстве случаев была положительной (отрицательная разница составила около 16% для артикуляторного темпа и 24% для полного). Таким образом, наблюдается тенденция к увеличению длительностей фонем. Как правило, наибольшая разница встречается у гласных (в среднем 47%), а два самых больших значения соответствуют ударным (70% и 81%). Кроме того, была подтверждена гипотеза о связи полного темпа с долей пауз. Коэффициент корреляции составил $-0,298$ ($p = 0,0302$), что говорит о наличии обратной зависимости: чем медленнее темп, тем больше в речи пауз.

Литература

Trouvain J. Tempo Variation in Speech Production. Implications for Speech Synthesis: PhD Thesis. Saarbrücken, 2003.

РОЛЬ РАЗЛИЧНЫХ ПРОСОДИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ ИРОНИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Новоселова Дарья Дионисовна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Ирония является сложным и комплексным феноменом, фонетическая сторона которого до сих пор недостаточно исследована. Целью представленного исследования стало изучение просодических характеристик иронической речи, в частности, мелодического контура, а также установление роли отдельных просодических компонентов при передаче иронического значения.

Определение фонетических особенностей выражения иронии в речи может помочь в решении ряда прикладных задач — развития систем распознавания и обработки устной речи, обучения иностранцев русскому языку, а также углубления представлений об интонационной норме и отклонений от нее [Skrelin et al., 2020], что обуславливает теоретическую ценность и практическую значимость исследования.

Новизна и актуальность доклада заключается в установлении перцептивной релевантности отдельных просодических параметров при помощи модификаций звукового сигнала, в том числе ресинтеза мелодического контура.

Материалом для доклада послужили омонимичные отрывки, извлеченные из иронических и нейронических контекстов, прочитанных двумя носителями русского языка. Данные фрагменты были представлены для аудиторской проверки; парные стимулы, правильно опознанные с высокой степенью точности (>80% аудиторов), подверглись акустическому анализу (измерению длительности и интенсивности ударного гласного, а также диапазона частоты основного тона) и дальнейшим модификациям.

Акустический анализ показал, что в большинстве случаев стимулы с иронией отличаются от омонимичных стимулов без иронии увеличением длительности и интенсивности ударного гласного, а также изменением мелодического контура.

Для подтверждения полученных выводов и определения значимости акустических параметров при выражении иронического значения были проведены 6 перцептивных экспериментов. В их основе лежало наложение акустических характеристик иронических стимулов на соответствующие нейронические фрагменты и наоборот, пересадка акустических параметров от нейронических стимулов на аналогичные отрывки с иронией. В качестве исследуемых акустических характеристик рассматривались длительность и интенсивность ударного гласного, интонационный контур и различные комбинации данных параметров (всего 7 видов модификаций). Модификации длительности и интенсивности проводились в программе WaveAssistant, а пересадка интонационного контура осуществлялась в программе Praat.

Результаты пересадки акустических характеристик от иронических фрагментов на нейронические отрывки и наоборот в целом подкрепляют выводы, сделанные на основе акустического анализа. Наиболее значимым акустическим параметром, отвечающим за выражение иронии, является мелодическое оформление. Одновременное изменение длительности, интенсивности и интонационного контура оказывает наибольшее влияние на восприятие фразы как иронической или нейронической. В то же время менее важными являются темпоральные и динамические характеристики; изменение этих параметров по отдельности или в совокупности не оказывает значительного влияния на интерпретацию стимулов.

Литература

Skrelin P. et al. Can We Detect Irony in Speech Using Phonetic Characteristics Only? Looking for a Methodology of Analysis // Karpov A., Potapova R. (eds) Speech and Computer. SPECOM 2020. Lecture Notes in Computer Science. Vol. 12335. P. 544–553.

РИТМИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛАХ ПОДГОТОВЛЕННОГО ЧТЕНИЯ)

Ляпина Полина Алексеевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

С точки зрения ритма все языки мира принято делить на тактосчитающие (stress-timed), слогосчитающие (syllable-timed) и моросчитающие (mora-timed) языки. Данная классификация основывается на изохронии, которая в разных типах языков проявляется в примерно равной длительности отрезков речи на разных языковых уровнях: для тактосчитающих языков характерна в среднем одинаковая длительность отрезков между ударными слогами, в слогосчитающих языках близка длительность слогов, а в моросчитающих — мор [Nespor, 2011: 3–5].

Существует несколько методик измерения ритма: напр., среднеквадратическое отклонение длительности консонантных интервалов — ΔC , значение которого зависит от сложности структуры слога, и процент вокалических интервалов во фразе — %V, количество времени, которое в речевом потоке занимают гласные. Эти параметры обычно рассматриваются исследователями ритма в соотношении друг с другом, что позволяет отнести язык к слоگو-, такто- или моросчитающему классу.

Для тактосчитающих языков значение ΔC варьируется примерно от 0,05 до 0,06, а %V — от 39 до 43 %. Согласно экспериментальным данным [Ramus et al., 1999], английский, голландский и польский языки входят именно в этот класс. В слогосчитающих языках (напр., испанском, французском, итальянском, каталанском) ΔC имеет значения несколько меньше — от 0,04 до 0,06, а %V, наоборот, больше, чем в тактосчитающих, — от 42 до 47 %. Значение ΔC для моросчитающих языков составляет от 0,03 до 0,05, в то время как %V значительно больше, чем в языках других классов, — от 46 до 54 % (см. рис. 49.1 в [Nespor, 2011: 7]).

Нами были вычислены данные показатели для русского языка на материалах подготовленного чтения художественного текста из аннотированного корпуса CORPRES [Skrelin et al., 2010]. Расчеты проводились по записям длительностью около 60 секунд, в которых 8 дикторов читают текст повести Ю. Трифонова «Обмен». Среднее значение ΔC составило 0,05054, а среднее значение %V — 43,65 %. Эти данные свидетельствуют о том, что русский язык относится к классу тактосчитающих языков. Однако минимальные и максимальные значения показателей ΔC и %V значительно отличаются от среднего: минимальное значение ΔC составило 0,04177, максимальное — 0,05765. Минимальное значение %V — 37,4 %, максимальное — 48,86 %. Таким образом, значения показателей ΔC и %V следует интерпретировать с осторожностью, поскольку наблюдается высокая междикторская вариативность: область значений, вычисленных для русской речи, пересекается с областью значений, характерных не только для тактосчитающих, но и для слогосчитающих языков. Кроме того, можно предположить, что на эти показатели оказывает влияние тип речи — подготовленное чтение, — и анализ этих показателей для спонтанной речи покажет ещё большую вариативность.

Литература

- Nespor M. Stress-Timed vs. Syllable-Timed Languages / M. Nespor, M. Shukla, J. Mehler; M. Oostendorp, C. J. Ewen, E. Hume and K. Rice (eds) // *The Blackwell Companion to Phonology*. 2011. Vol. 2. P. 1–13.
- Ramus F. et al. Correlates of linguistic rhythm in the speech signal / F. Ramus, M. Nespor, J. Mehler // *Cognition*. 1999. Vol. 73. № 3. P. 265–292.
- Skrelin P. et al. A Fully Annotated Corpus of Russian Speech // In *Proceedings of the Seventh International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'10)*. Valletta, 2010. P. 109–112.

РЕПЛИКИ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ И ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ ИМ СЕГМЕНТЫ ЗВУЧАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ

Васильев Даниил Игоревич

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Реплики обратной связи — термин, впервые использованный лингвистом В. Ингве для обозначения конвенциональных реакций, с помощью которых слушающий подаёт говорящему сигнал о том, что сообщение принято и понято [Герасименко, 2012]. При этом смена ролей участников диалога носит условный характер [Yngve, 1970: 568].

Актуальность данного доклада определяется отсутствием четкого представления о том, каким образом происходит координация номинальной смены ролей участниками диалога — «когда люди разговаривают, их высказывания редко накладываются друг на друга, несмотря на отсутствие четкого протокола, регламентирующего, кто и когда может говорить» [Ward, Tsukahara, 2000: 1178].

Основной целью доклада стало изучение реплик обратной связи и предшествующих им сегментов звучания в японском и английском языках. Языковым материалом послужили два корпуса диалогической речи: 2002 Rich Transcription Broadcast News and Conversational Telephone Speech для английского языка и CALLHOME Japanese Speech для японского языка.

В ходе исследования было обработано 60 минут диалогической речи. Реплики обратной связи идентифицировались исследователем на слух самостоятельно. Инструментальный анализ, включавший в себя измерение интенсивности самих реплик и предшествующих им сегментов, осуществлялся в программе Praat, движение тона в предшествующих сегментах отслеживалось в программе Wave Assistant.

В результате анализа диалогической речи на английском языке было выявлено 54 реплики обратной связи. Среднее значение их интенсивности равнялось 56,85 dB. Интенсивность предшествующих сегментов в большинстве случаев превышала значение интенсивности реплик обратной связи и в среднем равнялась 61,71 dB. Движение тона в предшествующих сегментах в 66 % случаев оказывалось нисходящим или ровным. В 29 % случаев репликам обратной связи предшествовал сегмент *you know?* 'понимаешь?' с восходящим движением тона.

Анализ японского языкового материала выявил схожее соотношение интенсивности реплик обратной связи и интенсивности предшествующих им сегментов: 71,88 dB и 68,34 dB. В 52 % случаев движение тона в предшествующих сегментах было восходящим. В японском языке были выявлены единицы, используемые говорящим в качестве сигнала для использования слушающим реплик обратной связи. Так, эмфатическая частица *ね* 'ne' в конце синтагмы или высказывания, на которой в подавляющем большинстве случаев реализовывалось восходящее движение тона, всегда сопровождалась репликой обратной связи.

Таким образом, было выявлено, что интенсивность реплик обратной связи ниже интенсивности предшествующих сегментов. Кроме того, в обоих языках были обнаружены особые единицы, после которых слушающие использовали реплики обратной связи. Это доказывает наличие активного взаимодействия всех участников диалога: как говорящего, так и слушающего.

Литература

- Герасименко О. А. Функции частиц обратной связи в телефонном диалоге (на примере лексем *a*, *aga* и *gm*) // Труды международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог» (2012). 2012. С. 103–108.
- Ward N., Tsukahara W. Prosodic features which cue back-channel responses in English and Japanese // Journal of Pragmatics. 2000. № 32. P. 1177–1207.
- Yngve V. On getting a word in edgewise // Papers from the Sixth Regional Meeting [of the] Chicago Linguistic Society. Chicago, 1970. P. 568.

ПОЧЕМУ ШАГАЯ НЕВОЗМОЖНО СЕМЕНИТЬ: ЗВУКОСИМВОЛИЗМ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ ХОДЬБЫ

Мандреско Данелия Александровна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В современной лингвистике доминирует подход к языку как к конвенциональной системе, элементы которой сформированы независимыми друг от друга значением и формой. Поэтому мы наблюдаем богатое разнообразие языков: явление или предмет реализуются в конкретной словесной форме исключительно в рамках конкретного языка. Яблоко может быть *яблоком*, может — *apple*, может — 苹果 (*pingguo*), может — りんご (*ringo*) и, на первый взгляд, сама сема «яблоко» никак не связана с фонетическим обликом слова. Однако, проанализировав связь примарной мотивированности слова с его семантическим значением, можно обнаружить, что язык не так абстрактен, как мы привыкли считать.

В данном докладе мы рассмотрим группы слов, звуковая форма которых традиционно воспринимается как случайность, а именно глаголы движения, исследования которых активно проводятся на материале английского языка и не столь активно — на материале русского. В докладе мы фокусируемся на глаголах движения, описывающих ходьбу, и выявляем корреляцию между фонетическим обликом глагола и ассоциациями, связанными со скоростью, направлением и способом обозначенного им движения.

Ввиду отсутствия в научной литературе однозначных критериев выделения глаголов движения и глаголов ходьбы в особые лексико-семантическую группу и подгруппу, а также их классификации, необходимые критерии отбора были разработаны нами самостоятельно, наряду с системой разделения глаголов по признакам направления, скорости и способа движения. С использованием выработанного алгоритма из «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой сплошной выборкой были отобраны подходящие глаголы. Определив возможный набор релевантных для анализа групп фонем, мы вывели процентное соотношение каждой из них в рассматриваемых глаголах и подсчитали среднее арифметическое внутри каждого типа глагола, выделенного в классификации. Если доля фонемной группы превышала определенный процент, то мы признавали её достаточно значимой, чтобы быть связанной с семантическим значением слова. Напр., открытые гласные оказались значимыми в глаголах, обозначающих медленное и криволинейное движение. Аналогичный анализ был произведен относительно количества и типа слогов в исследуемых словах. Кроме того, нами были выявлены случаи фоносемантической полисемии, когда один и тот же признак оказался значимым в нескольких смысловых типах глаголов ходьбы.

Обнаруженные данные подтверждают регулярную относительную зависимость между сочетанием определенных групп фонем, их положением в слове, количеством и типом слогов и дополнительными качествами семы «ходьба», которую слово содержит.

Регулярность такой зависимости определяется статистическими вычислениями, а относительный характер — относительностью языка в целом и неизбежной ограниченностью его средств. Следовательно, фоносемантический аспект, безусловно, существенен для глаголов ходьбы, однако не является определяющим.

Анализ фоносемантических аспектов глаголов ходьбы играет важную роль в процессе обучения русскому языку как иностранному и преподавания русскоязычным людям иностранных языков. Еще большую значимость звуковой символизм приобретает при переводе художественной литературы, где основное внимание зачастую уделяется точному лексическому соответствию единиц одного языка единицам другого и имеет место пренебрежение фонетической формой и связанным с ней ассоциативным планом слова.

ТИПЫ ИНТОНАЦИОННЫХ ОШИБОК В РУССКОЙ РЕЧИ ЯПОНЦЕВ НА ПРИМЕРЕ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Цыганова Валерия Вячеславовна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

В преподавании русского языка как иностранного чаще всего используется широко известная интонационная классификация Е. А. Брызгуновой, включающая 7 интонационных конструкций (ИК) [Брызгунова, 1963]. Система ИК представляет собой набор базовых интонационных единиц, а учебный курс рассчитан на представителей различных языков. Анализ современных пособий по русскому произношению также показывает, что лишь небольшое их количество отвечает специфике преподавания интонации в моноязычной аудитории [Чэнь, 1997].

Цель доклада заключается в выявлении интонационных ошибок в русской речи японских обучающихся для последующей разработки национально-ориентированной методики преподавания русской интонации в японоговорящей аудитории.

Экспериментальный материал представлен записями 6 вопросительных высказываний на русском, произнесенных 8 носителями японского языка. В ходе слухового и инструментального анализа кривые частоты основного тона (ЧОТ) реализаций со следами японской интерференции были сопоставлены с реализациями, записанными специально для учебного курса по русской фонетике [Кедрова, 2001]. Для перцептивного эксперимента были отобраны 13 записей, различных по интонационному контуру. Они были модифицированы в программе анализа и обработки речевого сигнала Praat, для того чтобы только просодический уровень имел следы японской интерференции.

В перцептивном эксперименте приняли участие 45 носителей русского языка. Аудиторы определяли коммуникативный тип реализаций и оттенок значения, передаваемый интонацией. Для определения модальности высказывания был составлен упрощенный список эмоций с опорой на лексические корреляты эмоций, из которого аудиторы могли выбрать варианты ответа, а также предложить собственный.

В ходе анализа были выявлены следующие нарушения: замена повышения тона на увеличение силы звука, повышение тона на последнем ударном слоге, неразличение специальных вопросов и вопросов-переспросов.

При произнесении специальных вопросов японцы склонны заменять резкое повышение тона в пределах слога на увеличение силы звука, что приводит к изменению коммуникативного типа высказывания. Другой типичной ошибкой было повышение ЧОТ на заударном участке синтагмы, что создает дополнительный интонационный центр в высказывании.

Вышеперечисленные выводы были подтверждены в перцептивном эксперименте с носителями русского языка: 69 % (9 из 13) вопросительных фраз были верно идентифицированы как вопросы большинством аудиторов; 31 % (4 из 13) отнесены к восклицаниям и утверждениям; 86 % (11 из 13) отнесены к эмоциональным. Стоит отметить, что во время прослушивания 7 реализаций из 11 эмоциональных большинство аудиторов воспринимали отрицательные эмоции («грусть, апатия», «упрёк»).

Литература

Брызгунова Е. А. Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1963.

Кедрова Г. Е., Потапов В. В., Егоров А. М., Омелянова Е. Б. Гипертекстовый мультимедийный Интернет-учебник по фонетике русского языка. URL: <http://www.philol.msu.ru/~fonetica/index1.htm> (дата обращения: 13.03.22).

Чэнь Ц. Курс русской фонетики для китайцев // Пекин, 1997.

ИНТОНАЦИОННЫЕ И ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Гинева Дарья Сергеевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Невербальные компоненты речи несут в себе определённую смысловую нагрузку, дополняющую звуковой сигнал. Следовательно, можно выдвинуть предположение о наличии взаимосвязи между интонационным оформлением в той или иной речевой ситуации и сопутствующей жестикуляцией и мимикой.

Целью данного доклада является выявление соответствия между интонационным оформлением повествовательных высказываний и языком тела в определённых речевых ситуациях, а также связи данных явлений с конкретной эмоциональной окраской или коннотацией во французском языке.

Исследование построено на материале актерской речи. Был проанализирован фильм «La chèvre» (1981, режиссер Ф. Вебер) общей длительностью 94 минуты. Из этого фильма на основе субтитров были выбраны 294 повествовательные фразы, состоящие из одной синтагмы.

Далее был проведен детальный семантический анализ выбранных фраз и окружающего их контекста, а иногда и всей сюжетной линии. Были отобраны ситуации, для которых можно однозначно оценить эмоцию (эмоциональную окраску), исходя из классификации эмоций К. Изарда.

С помощью программы WaveAssistant были автоматически расставлены метки частоты основного тона с последующей ручной корректировкой и выведен его график с целью определения интонационной конструкции каждого высказывания. Для проведения сравнения с эталонным нейтральным оформлением повествовательных высказываний, описанным П. Делаттром [Delattre, 1966], графики ОТ были построены и для фраз из французского учебника, в котором отрабатываются различные интонационные конструкции [Léon, 2003].

Затем полученные контуры были сопоставлены с визуальным проявлением исследуемой речевой ситуации с использованием программного обеспечения Elan.

Наиболее часто в исследованном материале встречались ситуации, предполагающие проявление грусти. Описанное выше сопоставление акустических и паралингвистических характеристик, а также сравнительный акустический анализ с нейтральными эталонными высказываниями позволили выявить несколько существенных черт, отличающих высказывания с данной эмоциональной окраской от эмоционально-нейтральных: в «грустных» повествовательных высказываниях наблюдалось сужение мелодического диапазона (в среднем 4,1 полутона), а также отклонение от нейтрального оформления мелодического контура. Общее направление движения тона имеет нисходящий характер, однако реализуется иначе, чем в нейтральных высказываниях: первый ударный слог не является мелодической вершиной, произносится на более низком уровне и включается в нисходящее движение. Последний слог при этом часто произносится на ровном или почти ровном тоне. При этом говорящий опускает голову и/или сутулится, а также часто прикрывает глаза либо опускает взгляд. Таким образом, проведенный анализ свидетельствует не только о связи между интонационным оформлением и речевой ситуацией и/или эмоцией, но и о связи между мелодическими характеристиками, в частности, направлением движения тона, и сопутствующими паралингвистическими явлениями.

Полученные результаты могут быть учтены в курсах фонетики французского языка и его интонации, актёрского мастерства, а также при обучении антропоморфных роботов или роботизированных интерфейсов.

Литература

Delattre P. Les Dix Intonations de base du français // The French review. 1966. Vol. 40. № 1. P. 1–14.

Léon M. Exercices systématiques de prononciation française. Paris, 2003.

УСТОЙЧИВОСТЬ ГРАФИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СЛОВ РОДНОГО И ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКОВ В МЕНТАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ

Коваленко Елизавета Сергеевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Орфографические ошибки в большинстве случаев рассматриваются как следствие слабой орфографической репрезентации слова в ментальном лексиконе [Perfetti, Hart, 2002]. Было доказано, что альтернативные варианты написания влияют на визуальное декодирование правильно написанных слов, поскольку они размывают орфографические представления слова [Rahmanian, Kuperman, 2017].

Мы проводим исследование с помощью методики SDT на материале французского языка, для которого характерна непрозрачная орфография. Предполагается, что у носителей и неносителей языка на правильность ответа могут влиять разные факторы (тип орфограммы, частотность слова и энтропия (соотношение частотности верных и неверных написаний слов)), а также могут возникнуть различия в наиболее выраженном типе орфографической ошибки.

Для экспериментальной части исследования было подобрано 30 слов, в которых часто допускают орфографические ошибки. Ключевыми орфографическими ошибками были пропуск букв, вставка лишней буквы, замена одной буквы на другую, перестановка букв внутри слова и ошибка в диакритическом знаке.

К первой экспериментальной сессии были привлечены носители французского языка. Во второй экспериментальной части приняли участие носители русского языка, владеющие французским языком на уровне B2—C1.

Для анализа данных использовалась программа «RStudio», в которой рассчитывалось влияние трех независимых групп (энтропии, частотности слова, типа орфограммы) на время реакции путем построения линейной регрессии, а также оценивалась правильность ответа посредством логистической регрессии.

Сначала были рассмотрены данные, полученные на первой сессии с носителями французского языка. Так, была проанализирована зависимость скорости ответов от типа орфограммы, частотности слова и энтропии. Применив метод линейной регрессии, мы не обнаружили значимого влияния ни одной из независимых переменных на время реакции. Применив метод логистической регрессии, мы выявили, что вероятность правильного ответа зависит от энтропии, но не от частотности. В завершении рассмотрения данных, полученных от носителей французского языка, было найдено, что чаще всего допускаются ошибки в словах с лишним добавлением букв и перестановкой букв.

Далее были рассмотрены данные, полученные от носителей русского языка, знающих французский язык на уровне B2—C1. Так, была проанализирована зависимость между временем реакции совместно с типом орфограммы, энтропией и частотностью. Применив метод линейной регрессии, мы установили, что скорость ответа не зависит ни от чего. Затем мы, применив метод логистической регрессии, выявили, что вероятность правильного ответа зависит от частотности. В завершении рассмотрения данных, полученных от носителей русского языка, было выявлено, что реже всего распознаются ошибки в словах с перестановкой букв и заменой букв.

В заключение стоит отметить, что у носителей и неносителей языка действительно возникает затруднение при распознавании слов, когда существует несколько альтернативных вариантов написания, и их относительная частотность различна.

Литература

- Perfetti C. A., Hart L. The lexical quality hypothesis. *Studies in Written Language and Literacy*. 2002. Vol. 11. P. 189–213.
- Rahmanian S., Kuperman V. Spelling errors impede recognition of correctly spelled word forms. *Scientific Studies of Reading*. 2017. Vol. 23. P. 24–36.

САМОВОСПРИЯТИЕ И САМОВЫРАЖЕНИЕ БИЛИНГВОВ ПОСРЕДСТВОМ ВТОРОГО ЯЗЫКА

Огурцова Мария Андреевна

студент 3 курса, Курский государственный университет

Цель доклада — разработка вопроса о возможности изменения самовосприятия билингвов при общении на втором языке. В докладе поставлены следующие задачи: 1) рассмотреть явление самовосприятия на материале русско-англоговорящих искусственных билингвов, 2) определить возможные причины изменений самовосприятия билингвов во время коммуникации на английском языке. Проанализировав результаты предыдущих работ по данной теме, мы выдвинули собственную гипотезу, согласно которой билингвы с интровертным типом личности более склонны к изменениям в поведении и самовосприятии из-за более низкой эмоциональной вовлеченности во второй язык, т. е. билингвы проявляют свои эмоции менее ярко вследствие овладения языком в искусственной среде, контекста его использования, недостаточного владения лексическими единицами, связанными с выражением эмоций и т. д.

В ходе исследования был проведён онлайн-опрос среди 53 русско-англоговорящих билингвов. В докладе рассматриваются искусственные билингвы — носители русского языка, изучающие английский. В качестве участников были выбраны студенты высших учебных заведений с уровнем владения английским языком Upper-Intermediate и выше. Им были предложены утверждения об опыте общения на английском языке и заданы вопросы из опросника Big Five Inventory. Он используется для измерения пяти черт личности с помощью оценки утверждений о характере респондентов по шкале Ликерта. Наиболее важным в рамках данного доклада являлся уровень экстраверсии участников. Несмотря на то, что 66% опрошенных замечали изменения в себе при общении на английском языке, причины оказались разные. Так, некоторые участники пытаются соответствовать собственному образу типичного представителя англоговорящей культуры. Результаты 16 участников соответствуют предложенной в данном исследовании гипотезе. При ответе на вопросы из Big Five Inventory, направленные на определение уровня экстраверсии, респонденты были более согласны с утверждениями типа «Чаще всего я тихий и застенчивый», нежели с «Чаще всего я общительный и энергичный», что в более общем смысле свидетельствует о преобладании интровертных черт (необходимо было определить лишь то, как участники идентифицируют себя при коммуникации без точного определения их типа личности). Далее эти респонденты указали, что во время использования английского языка они приобретают некоторые черты, ассоциируемые с экстравертами. Этот процесс может быть объяснен меньшей эмоциональной вовлеченностью говорящих во время общения на английском языке, благодаря которой они испытывают более низкий уровень тревожности и страха во время коммуникации.

Согласно результатам опроса, для 30,2% респондентов общение на английском языке служит «маской», а 35,8% считают, что английский язык помогает им раскрыть нетипичные для них черты характера. Почти половина респондентов (49,1%) утверждают, что они становятся более уверенными в себе, 41,5% — более общительными, а 54,7% — более позитивными и энергичными на английском языке. 43,4% респондентов не смогли выявить никаких отличий, что можно связать со средой, в которой они обычно используют язык, или с языковым барьером.

Согласно результатам исследования, некоторые билингвы чувствуют себя иначе при общении на втором языке. Наиболее часто это проявляется среди респондентов с интровертным типом личности, так как второй язык помогает им почувствовать себя увереннее во время общения.

НАРРАТИВНОЕ ПОГРУЖЕНИЕ: ПРИМЕНЕНИЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ И СВЯЗЬ С ЧИТАТЕЛЬСКИМ ОПЫТОМ

Разумнов Артемий Сергеевич

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Мы предлагаем рассмотреть феномен нарративного погружения в качестве меры оценки взаимодействия между читателем и художественным текстом. Большинство авторов характеризуют нарративное погружение как эмпирическое состояние, происходящее во время чтения нарративных историй. Ключевой характеристикой данного состояния является повышенное внимание читателя к художественному миру повествования. Чувство погружения сопровождается эмоциональными реакциями читающего и созданием ментальных образов мира повествования.

Степень нарративного погружения может быть измерена с помощью опросников. Исследования зарубежных коллег [Kuijpers, 2014] продемонстрировали, что нарративное погружение выступает предиктором субъективных читательских оценок текста. Однако оно является многомерным конструктом, из-за чего возникают трудности в разделении видов и аспектов погружения.

В ходе анализа различных теорий погружения, а также опросников, созданных на их основе, мы пришли к выводу, что шкала погружения в мир повествования (SWAS) является наиболее подходящим инструментом для эмпирических исследований обработки текста. Мы предлагаем перевод опросника SWAS на русский язык и представляем план эмпирического исследования, посвященного взаимосвязи нарративного погружения с читательским опытом.

Читательский опыт выступает одной из основных индивидуальных характеристик в области чтения. Однако свидетельства о его связи с высокоуровневыми процессами чтения ограничены [Mar, Rain, 2015].

Наше онлайн-исследование состоит из пяти частей. В первом разделе участникам предлагается пройти русскоязычную адаптацию теста на распознавание авторов, чтобы имплицитно измерить их читательский опыт. Затем они читают небольшой художественный текст. В третьем разделе участникам предлагается поразмышлять об акте чтения с помощью опросника погружения в мир повествования. Затем они оценивают уровень своего удовольствия от чтения и понимания прочитанного. В финале исследования участники отвечают на несколько вопросов о своих читательских привычках. Этот этап необходим, чтобы учесть чтение нехудожественных текстов. Мы предполагаем найти положительную взаимосвязь между читательским опытом участников и степенью нарративного погружения при чтении (т. е. их баллами в опроснике SWAS). Также мы планируем реплицировать результаты оригинального исследования и продемонстрировать на русскоязычной выборке предиктивную значимость нашей адаптации SWAS на уровень удовольствия от чтения и оценку значимости прочитанного текста.

Литература

- Kuijpers M.* Absorbing stories: The effects of textual devices on absorption and evaluative responses: PhD Thesis. Utrecht, 2014.
- Mar R. A., Rain M.* Narrative fiction and expository nonfiction differentially predict verbal ability // *Scientific Studies of Reading*. 2015. Vol. 19. № 6. P. 419—433.

ОБРАБОТКА ВЫСОКОЧАСТОТНЫХ И НИЗКОЧАСТОТНЫХ БИНОМИАЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Кочнева Мария Максимовна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Биномиалы — это пары слов, «относящиеся к одной части речи, расположенные на одном уровне синтаксической иерархии и связанные сочинительным связью» [Malkiel, 1959]. Все множество биномиалов представляет непрерывный континуум от пар *legomena* до идиом, что говорит о разной степени разложимости этих выражений.

Частотность является объективным показателем и влияет на закрепление биномиалов в языке. Однако не хватает эмпирических исследований о том, как именно происходит процесс производства и воспроизведения биномиалов носителями русского языка.

Дж. Синклер писал о двух типах языковой обработки: принцип открытого выбора (языковые составляющие текста — результат большого количества сложных выборов) и принцип идиоматичности (целостное хранение фрагментов языка) [Sinclair, 1991]. Некоторые авторы предполагают, что высокочастотные сочетания хранятся в ментальном лексиконе целиком [Слюсарь и др., 2017].

Выдвинута **гипотеза** о том, что частотность биномиала влияет на его разложимость и обработку.

В качестве **материала** для эксперимента из Национального корпуса русского языка было отобрано 40 биномиалов: 20 высокочастотных — более 500 вхождений в корпус (*день и ночь* — 2166; *братья и сестры* — 511), 20 низкочастотных — до 30 вхождений (*прав и возможностей* — 24; *артисты и исполнители* — 0). **Участниками** эксперимента стали 71 человек в возрасте от 18 до 24 лет, все респонденты являлись носителями русского языка. Участникам предъявлялась первая часть каждого из 40 биномиалов (в форме «слово1+и+...»), которую он должен был продолжить одним словом. Стимулы предъявлялись рандомно. Всего было получено 2840 реакций. В **результате** эксперимента выделено несколько типов реакций: 1) совпадение с исходным стимулом-биномиалом; 2) отказ от ответа; 3) реакция в форме словосочетания; 4) новый вариант (синонимы, дополнения).

Среди высокочастотных биномиалов все кроме одного (*сил и средств*) были восстановлены респондентами. У 9 стимулов 60–94 % реакций совпало с исходными биномиалами, у 7 — 20–40 %, у 3 — меньше 10 %. В низкочастотной группе у 13 стимулов количество совпавших ответов не превышает 35 %. У 7 совпадений не было. Процент восстановления высокочастотных биномиалов до исходной стимульной конструкции значимо выше, чем в группе низкочастотных выражений ($p < 0,01$).

Для высокочастотных стимулов респонденты предложили 332 новых варианта второго слова. Из них 152 случая зафиксировано в НКРЯ как коллокации. Для низкочастотных стимулов было предложено 552 варианта — 150 являются коллокациями.

Сравнительный анализ общего количества новых вариантов показал, что вариативность ответов при обработке низкочастотных биномиалов значимо выше, чем при восстановлении высокочастотных ($p < 0,0003$).

Результаты анализа показывают, что носители языка по-разному обрабатывают высоко- и низкочастотные биномиалы. Высокочастотные конструкции восстанавливаются лучше, что является дополнительным доказательством их целостного хранения в ментальном лексиконе.

Литература

Слюсарь Н. А., Петрова Т. Е., Михайловская Е. В., Череповская Н. В., Прокопеня В. К., Чернова Д. А., Черниговская Т. В. Экспериментальные исследования ментального лексикона: словосочетания с буквальным и небуквальным значением // Вопросы языкознания. 2017. № 3. С. 83–98.

Malkiel Y. Studies in irreversible binomials // *Lingua*. 1959. № 8. P. 113–160.

ВЫПАДАЮТ НЕ ТОЛЬКО ЗУБЫ: РЕДУКЦИЯ В РЕЧИ ДЕТЕЙ 2–3 ЛЕТ

Белова Анастасия Романовна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Цель доклада — описать фонетическую редукцию в речи русскоязычного ребенка 2–3 лет, а также проверить, наблюдаются ли качественные и количественные изменения в этом явлении по мере взросления ребенка. Ранее фонетическая редукция в устной речи русскоязычных детей 2–3 лет никогда не описывалась на основе слухового и инструментального анализа большого массива записей. Есть данные о том, что в речи русскоязычного ребенка 4–5 лет стратегии редуцирования близки к тому, что наблюдается в речи взрослых носителей русского языка [Белова, 2022], поэтому по-прежнему остается актуальным вопрос, в каком возрасте и каким образом формируются эти стратегии.

Материалом послужили записи речи одного русскоязычного ребенка 2–3 лет, собранные в ходе лонгитюдного эксперимента. В записях представлены разговоры ребенка с родителями на бытовые темы, пересказы ребенком сказок, а также разговоры ребенка с родителями во время просмотра обучающих книжек с картинками. На момент начала эксперимента ребенку было 2 года 3 месяца.

В докладе будет представлен анализ 40 минут записей, собранных на протяжении 8 месяцев. На начальном этапе работы мы использовали метод сплошного прослушивания. Затем мы провели слуховой и инструментальный анализ записей с помощью компьютерной программы для визуализации речевого потока Praat (URL: <https://www.fon.hum.uva.nl/praat/>).

В ходе анализа были рассмотрены следующие параметры: 1) общее количество словоформ в каждой записи, 2) количество словоформ, которые подверглись редукции, 3) количество словоформ, в которых произошли качественные изменения звуков, 4) количество словоформ с эпентезой.

Согласно предварительным результатам, к 2 годам 10 месяцам наблюдается преобладание словоформ с качественными изменениями звуков. В 67,4 % словоформ происходят замены звуков. Чаще всего это обусловлено тем, что ребенок не выговаривает некоторые согласные звуки (напр., [tʂ] в словоформе *принцесса* [pʲinʲitʲeːsː]), а также смягчает согласные (напр., *картошка* [katʲoːʂkʲaː]). Количественной редукции подвергается 47,5 % словоформ. Чаще всего в словоформе редуцируется один звук (напр., *спюю* [sajuː], *сильно* [sʲinʲaː]). В речи ребенка также встречаются редуцированные реализации частотных словоформ (напр., *здесь* [dʲeːsʲ], *очень* [otʲ]).

В ходе дальнейшего анализа планируется выявить типичные редуцированные реализации в речи ребенка, а также сопоставить результаты этого исследования с данными, полученными ранее на речи взрослых носителей русского языка и детей более старшего возраста.

Литература

Белова А. Р. Фонетическая редукция словоформ в речи детей 4–5 лет // Фонетический лицей. Сборник студенческих работ по фонетике и речевым технологиям, семинара «Экспериментальные исследования речи в контексте когнитивной науки» XXV Открытой конференции студентов-филологов в СПбГУ. Вып. 7 / под. ред. Т. В. Качковской, А. А. Портновой. СПб., 2022. С. 13–18.

«ДЕМАГОГ, МОНОЛОГ, ПОЛИЛОГ», ИЛИ РЕАКЦИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА НА СТИМУЛ «ДЕМАГОГИЯ»

Судакова Ульяна Андреевна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Настоящий доклад является частью исследования реализации речевой демагогии у педагогов как положительно-манипулятивного метода речевого воздействия, направленного на более вовлеченное и заинтересованное обучение школьников. Интерес аудитории может быть повышен, по нашему предположению, если учитель использует определенные лингводемагогические приемы — способы имплицитного речевого воздействия. Существует немало исследований и классификаций приемов речевой демагогии [Булыгина, Шмелёв, 1997; Копнина, 2012], но единое толкование понятия отсутствует. Для того, чтобы точнее определить его содержание и сформулировать рабочее определение с учетом необходимых коннотаций, мы решили изучить ассоциативные поля терминов «демагог» и «демагогия», а также близких к ним понятий. Поскольку в «Русском ассоциативном словаре» нужные нам термины не представлены, мы провели собственный ассоциативный эксперимент.

Опрос проводился в Google Forms. Он состоял из 14 протоколов, в каждом было 7 стимулов и 15 филлеров. В первых 7 протоколах стимулами были слова «демагог», «объяснение», «учитель», «заблуждение», «политик», «пустозвонство», «обман», а в остальных — «обманщик», «рассуждение», «педагог», «демагогия», «дезинформация», «пустословие» и «обучение». Количество протоколов обусловлено тем, что стимулы и филлеры в каждом варианте были представлены в разном порядке. Участники должны были быстро написать три ассоциации к представленным словам. В эксперименте приняли участие 150 человек в возрасте от 17 до 29 лет. На данный момент мы рассмотрели реакции на 4 ключевых стимула — «демагог», «демагогия», «пустозвонство» и «пустословие». В докладе представлено описание реакций на перечисленные стимулы.

Анализ включал объединение однокоренных слов-реакций и подсчет самых частотных, выделение реакций, попадающих в ядро (не менее 10 % от общего числа ответов), и рассмотрение их с точки зрения нейтральности / негативности.

Для стимула «демагог» в ядро вошли слова *оратор* — 14 реакций, *Древняя Греция* — 12 реакций, *философ* — 8 реакций. Для «демагогии»: *пустословие* — 6 реакций, *спор* — 6 реакций. Для «пустозвонства»: *болтовня* — 15 реакций, *ложь* — 14 реакций, *глупость* — 11 реакций. Для «пустословия»: *болтовня* — 14 реакций, *глупость* — 9 реакций. Поскольку ассоциативное ядро стимула «демагогия» оказалось меньше, чем других рассмотренных стимулов, можно предположить, что это понятие воспринимается носителями русского языка наименее однозначно. Таким образом, у носителей русского языка отсутствует единое понимание того, что такое демагогия. При этом частотные реакции на стимул «демагог», который обозначает деятеля, можно охарактеризовать скорее как нейтральные, в то время как на абстрактные существительные «демагогия», «пустозвонство» и «пустословие» возникает достаточно много негативных реакций.

Исследование выполняется в рамках проекта «Роль лингвистических характеристик речи в результативных учительских практиках: корпусные и психолингвистические данные», осуществляемого при финансовой поддержке СПбГУ (ID проекта 101747352) и ООО «Сберобразование».

Литература

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

Копнина Г. А. Речевое манипулирование: учебное пособие. М., 2012.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ «КУЛЬТУРА» И «ИСКУССТВО» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

Еремеева Ксения Алексеевна

студент 2 курса, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Цель доклада — выявление различий в репрезентациях концептов (дискретных ментальных образований, являющихся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающие относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющие собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущие комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету [Попова, Стернин, 2007: 24]) «Культура» и «Искусство» в языковом сознании студентов-филологов. Новизна исследования заключается в раскрытии особенностей мировосприятия людей, непосредственно связанных с изучаемыми явлениями.

Материалом исследования стали 820 реакций 41 информанта, полученные в ходе свободных ассоциативных экспериментов на стимулы «культура» и «искусство». Были сформированы и сравнены полевые структуры концептов. Ядро концепта «Культура», включающее в себя такие тематические группы, как **обобщенные понятия** (*творчество, искусство*), **элементы, относящиеся к категории времени** (*традиции, история*), **культурные артефакты** (*музей, театр*) и **виды искусства** (*архитектура, живопись*), представлено подробнее, чем ядро концепта «Искусство», поскольку в последнем выделяются лишь две категории (**обобщенные понятия** (*творчество, красота*) и **виды искусства** (*скульптура, живопись, музыка, театр*)). Полагаем, что это объясняется конкретизацией и индивидуализацией второго концепта.

Эксперимент показал, что на слово-стимул «искусство» у каждого информанта появляются свои ассоциации, крайне редко пересекающиеся с реакциями других информантов. *Искусство* входит в ядро концепта «Культура». *Культура* входит лишь в ближнюю периферию концепта «Искусство». Из этого делаем следующий вывод: искусство — это обязательная часть культуры, её наглядная основа, базовый кодирующий образ универсального предметного кода. А культура по отношению к искусству представляет собой часть абстрактного слоя, ассоциативный образ.

При анализе дальнейшей периферии концептов мы обнаружили, что искусство в языковом сознании студентов-филологов представляется как **процесс**, в котором можно проследить этапы: сначала то, с помощью чего может создаваться искусство (средства), а затем и результат. Напр.: *кисти, краски, альбом, холст — рисунок, изображение, натюрморт, портрет, гравюра, художество, пейзаж; сцена, фортепиано — концерт, симфония, оркестр, аплодисменты*. Общим для концептов является наличие представителей. В «Культуре» они связаны с элитарной сферой (*Микеланджело, Бах, Дискобол, пилястры, парфенон* и др.), а в «Искусстве» наравне с элитарными представителями встречаются: *человек, я, мужчина, Калинин*. В то же время отличительной особенностью концепта «Искусство» является категория возвышенных представителей (*творец, создатель*). Это подтверждает идею отслеживаемого процесса, который включает в себя субъекта деятельности, «создателя» (об этом говорит и наличие *художника* в ближней периферии концепта), средства и объект деятельности, являющийся результатом искусства

Литература

Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2007.

РАСПОЗНАВАНИЕ ТЕКСТОВ В ИЗДАНИЯХ КИРИЛЛИЧЕСКОГО ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ШРИФТА

Смирнова Алёна Александровна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В архивах библиотек и музеев России, Болгарии, Чехии и других стран хранится множество старопечатных книг, содержащих тексты, напечатанные церковнославянской кириллицей. Напр., в Национальной библиотеке имени свв. Кирилла и Мефодия, расположенной в Болгарии, находится коллекция книг XIX в., включающая около 1700 наименований в почти 10 тысячах томов. Эта коллекция оцифрована (т. е. хранится в виде наборов изображений страниц), однако этих книг нет в формате электронного текста. Существующие системы распознавания способны преобразовать в редактируемый формат изображения с текстами, напечатанными буквами различных алфавитов, однако среди них нет церковнославянской кириллицы.

В ходе работы с помощью различных алгоритмов был реализован модуль, способный распознать церковнославянский кириллический шрифт. В качестве примера для обучения взята коллекция болгарских старопечатных книг и периодических изданий (1806–1878), в которых используется церковнославянский шрифт. Она доступна на сайте библиотеки имени свв. Кирилла и Мефодия в виде отсканированных изображений. Преобладающую часть этой коллекции составляет богослужебно-учебная литература, а также переводная и оригинальная художественная. Выбор этой коллекции обусловлен ее большим размером и разнообразием входящих в нее текстов. На основе 12 выбранных книг («Мудрост доброго Рихарда» (1837), «Кратко начертание на всеобщата история» (1836), «Слово, изказаное заради умирание» (1814) и др.) было составлено два набора данных: из образцов сегментированных изображений букв и образцов изображений надстрочных знаков. Первый набор содержит примеры для 37 символов церковнославянского алфавита, а также трех знаков препинания. Второй набор состоит из примеров девяти надстрочных знаков (острое, тяжелое и облеченное ударение, придыхание, титло и т. д.). Общее количество образцов в первом наборе — более девяти тысяч, во втором — более полутора тысяч. Реализованный модуль способен отличить один символ от другого с вероятностью в 99 %.

Результатом работы предложенного модуля является файл, содержащий текст, полученный из изображения страницы. При этом для его корректного отображения используется специальный шрифт для набора старопечатных богослужебных книг и современных старообрядческих изданий. Для оценки результатов распознавания было отобрано 30 фрагментов различных книг из коллекции, точность результата для них варьируется в диапазоне от 89 % до 99 %.

ГЕНЕРАЦИЯ ОПИСАНИЙ ПРОСТРАНСТВА В ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ НА ОСНОВЕ КОРПУСНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Горовая Светлана Павловна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе описывается гибридный подход к генерации текстов, который может использоваться для создания описаний объектов и сцен виртуального пространства. Для этой цели автор предлагает использовать методы корпусного моделирования, алгоритмы и модели ма-

шинного обучения, направленные на генерацию лексических замен — соотнесенных по смыслу слов [Arefjev et al., 2021]. Лексические замены рассматриваются нами как один из приемов перефразирования [Мельчук, 1999].

На первом этапе работы был собран репрезентативный корпус, содержащий тексты произведений художественной литературы приключенческого жанра, путеводителей, житийных текстов, путевых заметок, в которых содержатся описания пространства. В корпус вошло 878 текстов общим объемом 727080 словоупотреблений. На втором этапе производилась морфологическая разметка текстов, выделение ключевых выражений как потенциальных маркеров описаний пространства. Для этих процедур применялись гибридный алгоритм RAKE [Москвина и др., 2017] и библиотека spaCy. Было подтверждено, что собранный корпус действительно содержит локативные конструкции, которые связаны с описанием пространства. На третьем этапе случайным образом были отобраны тестовые примеры текстов с заданным содержанием, проведена токенизация. Для каждого токена генерировался кластер потенциальных замен на основе словаря RuWordNet в обертке для языка программирования Python [Dale, 2022], модели распределенных векторов fastText, моделей cbow word2vec, обученных на корпусах НКРЯ и Википедии для русского языка. Для каждого токена в преобразованном тексте сохранялась лемма и набор грамматических значений. В отношении вариантов лексических замен проводилась процедура морфологического синтеза (восстановления формы по тегам морфологической разметки). Это обеспечивает правильную оформленность порождаемого варианта текста.

В докладе обсуждаются результаты экспериментов и возможные направления для дальнейшей работы в этой области.¶

Доклад может быть интересен для исследователей и разработчиков в области компьютерной графики, виртуальной реальности и машинного обучения. Предложенный метод может быть также использован в освоении иностранных языков: сгенерированные тексты могут применяться для создания лакунарных текстов с множественным выбором. Следует отметить, что исследование может быть расширено для работы с другими типами данных, такими, как аудио- и видеофайлы, что также может быть полезно для создания более реалистичных описаний объектов и сцен виртуального пространства.

Литература

- Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст». М., 1999.
- Москвина А. Д., Ерофеева А. Р., Митрофанова О. А., Харabet Я. К. Автоматическое выделение ключевых слов и словосочетаний из русскоязычного корпуса текстов с помощью алгоритма RAKE // Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика–2017». СПб., 2017.
- Arefjev N. V., Bykov D. A. An Interpretable Approach to Lexical Semantic Change Detection with Lexical Substitution // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference «Dialogue». Iss. 20. M., 2021.
- Dale D. A Python wrapper for the RuWordNet thesaurus. URL: <https://github.com/avidale/python-ruwordnet> (дата обращения: 10.03.2023).

«АБСОЛЮТНОЕ БОЛЬШИНСТВО»: КАК НЕЙРОСЕТЬ BERT СПРАВЛЯЕТСЯ С ВЫЯВЛЕНИЕМ АТРИБУТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ?

Скоробагатько Лада Леонидовна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В настоящее время нейросетевые алгоритмы используются для широкого спектра задач обработки естественного языка (также «Natural Language Processing», далее — NLP). Нейросеть BERT, языковая модель на архитектуре трансформер, предназначена для решения двух вопро-

сов NLP: 1) предсказание замаскированного слова; 2) анализ двух предикативных частей предложения на предмет их потенциальной взаимосвязи. Насколько нам известно, ранее данный алгоритм не исследовался на успешность выявления пропущенного слова в атрибутивных словосочетаниях (напр., «абсолютное большинство»), однако этот аспект важен для задач NLP.

На данный момент существуют три основные модели нейросетевого алгоритма BERT. Это, собственно, базовая модель BERT, обученная на материале нескольких языков; RuBERT, которую тренировали на текстах русскоязычной версии сайта «Википедия»; Conversational RuBERT, основанная на модификации RuBERT, обучающей выборкой для которой послужили тексты социальных сетей и блогов русскоязычного интернета. В предыдущих исследованиях было показано, что модель Conversational RuBERT наиболее эффективно справляется с предсказанием предикатного слова на основе его актантов и сирконстантов [Alexandrova et al., 2021]. Цель нашего исследования состояла в том, чтобы выявить, насколько нейросетевой алгоритм BERT и его модификации применимы к задаче выявления словарных коллокаций. В качестве материала были использованы 76 атрибутивных словосочетаний, отобранных по принципу наличия в нескольких разнопрофильных словарях и представленности в различных корпусах русского языка [Хохлова, 2021], а также около 21 тысячи контекстов.

Согласно полученным данным, базовая модель BERT справилась с предоставленной задачей хуже всех (коэффициент соответствия составил $\sim 0,119$). Лучше всего показала себя модификация RuBERT ($\sim 0,263$), а Conversational RuBERT продемонстрировала промежуточные результаты ($\sim 0,174$). Эффективность RuBERT может быть связана с тем, что модель была обучена на текстах научного стиля, а контексты для оценки были взяты из художественной русскоязычной литературы. Conversational RuBERT, в свою очередь, обучалась на текстах разговорного стиля, взятых из русскоязычного интернета.

Литература

- Alexandrova P., Mokhova A., Nikolaenkova M. Matching semantic sketches to predicates in context using the BERT model // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference «Dialogue». Iss. 20: supplementary vol. M., 2021. P. 1–7.
- Хохлова М. В. Атрибутивные коллокации в золотом стандарте сочетаемости русского языка и их представление в словарях и корпусах текстов // Вопросы лексикографии. 2021. № 21. С. 33—68.

РАЗРАБОТКА ДИАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ, ИСПОЛЬЗУЮЩЕЙ МЕТОДЫ АКТИВНОГО СЛУШАНИЯ ДЛЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ АБИТУРИЕНТОВ

Астапенко Елизавета Валентиновна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В настоящее время активно развивается область компьютерной лингвистики, касающаяся создания различных диалоговых систем. Особенно актуальной проблемой при их разработке является распознавание искусственным интеллектом чувств человека и возможность оказания ему поддержки.

Цель данного доклада — продемонстрировать возможность реализации в диалоговой системе методов активного слушания при общении чат-бота с абитуриентами. Ориентация на абитуриентов обусловлена тем, что поступление в университет — волнительный процесс для выпускника школы, в ходе которого возникает множество переживаний, связанных с новым этапом в жизни; справиться с ними в одиночку бывает порой очень трудно.

Активное слушание — это коммуникативная техника, которая предполагает особую вовлеченность слушающего в разговор, что создает доверительную атмосферу и дает собеседнику

возможность свободно выразить свои мысли. Методы данной техники включают в себя следующие приемы: поощряющие реплики; перефразирование (передача своими словами основных идей, озвученных собеседником) и повторение реплик говорящего, позволяющие демонстрировать внимание к ним; уточнение (в том числе зеркальный вопрос); отражение и признание чувств собеседника, что связано с проявлением эмпатии; резюмирование (подведение итогов) [Rogers, Farson, 1987; Соренсен, 2020].

В своем докладе мы разделили существующие приемы на три группы. К первой отнесли методы, которые могут быть легко реализованы в диалоговых системах. Напр., поощряющие реплики («Неужели?!», «Не может быть!», «Продолжайте, пожалуйста, я вас внимательно слушаю!»), использующиеся чат-ботом в том случае, если в ответе пользователя присутствуют определенные ключевые слова («представляешь», «наконец-то» и пр.). Ко второй группе мы отнесли приемы, требующие перестраивания исходной реплики собеседника. Напр., уточнение, перефразирование («Если я правильно понял, то...», «Правильно ли я понимаю, ты имеешь в виду, что...?»). Третью группу составили приемы, связанные с проявлением эмпатии (т. е. отражение и признание чувств) и требующие более глубокого анализа смысловой составляющей ответа пользователя.

В практической части работы представлен прототип диалоговой системы, использующей приемы первой и отчасти второй группы методов активного слушания.

Разрабатываемая система может быть позже интегрирована в чат-бот приемной комиссии СПбГУ, разрабатывающийся при поддержке кафедры математической лингвистики.

Литература

- Соренсен М. Услышать и понять. Основа доверительных отношений. М., 2020.
- Rogers C., Farson R. Active Listening // Communicating in Business Today / R. G. Newman, M. A. Danzinger, M. Cohen (eds). Lexington, 1987.

АНАЛИЗ ЖАНРОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КИНОРЕЦЕНЗИИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Козлова Белла Алексеевна

студент 4 курса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В основе доклада лежит жанровая теория Дж. Суэйлса [Swales, 1990], используемая для изучения жанровых особенностей текстов: структуры, содержания, стиля. До сих пор жанровая теория применялась в основном к «печатным» текстам, а на интернет-жанры фокус сместился не так давно [Askehave et al., 2004]. Критическая кинокритика появилась тогда же, когда и кино, в начале XX в., а с появлением интернета стала полноценным интернет-жанром [Гаранина, 2013: 28]. Существуют специализированные сайты и журналы, где публикуются профессиональные кинокритики. Вместе с тем набрал популярность интернет-жанр блога. Целью доклада является сравнительный анализ дискурсивных особенностей жанра кинокритики в любительских блогах и на ресурсах с профессиональными текстами.

С помощью компьютерных методов собраны два текстовых подкорпуса. Первый подкорпус содержит профессиональные, «эталонные» кинокритики. В качестве источников используются специализированные электронные ресурсы, содержащие разделы с профессиональными рецензиями, такие как Коммерсантъ, КиноТВ и др. Второй подкорпус содержит любительские тексты кинокритики из блогов в Telegram. Разделение текстовой коллекции на два подкорпуса основано на предположении о том, что жанровые особенности кинокритики будут отличаться в зависимости от источника текста (специализированный интернет-ресурс или блог).

Для анализа макроструктуры и микроструктуры интернет-жанра кинорецензии используются инструменты AntConc, MyStem, Voyant Tools, языки программирования Python, R. Анализируются такие особенности текста, как читабельность, формальность, морфология и синтаксис. Для анализа макроструктуры используется разбор текстов на коммуникативные события по примеру модели, использованной при анализе биографических текстов с IMDb [Çelik, 2019]. Как и биографические тексты, кинорецензии также непосредственно связаны с сообществом кинолюбителей, которое предъявляет определенные требования и ожидания, связанные с их структурой. Результаты анализа позволяют предположить, что жанр профессиональной кинорецензии отвечает характеристикам жанра, предложенным Суэйлсом. Одной из перспектив, обозначенных в докладе, является нахождение и описание жанровых особенностей кинорецензии, как общих для двух корпусов, так и отличающих тексты кинорецензий в любительском блоге и на специализированных ресурсах.

Литература

- Гаранина Э. Ю. Оценочность в жанре кинорецензии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. Т. 2. Вып. 2 (54). С. 28–31.
- Askehave I., Nielsen A. E. Web-mediated genres: a challenge to traditional genre theory. Aarhus, 2004.
- Çelik Ö. A Genre Analysis of Biography Texts on the IMDb Website // Language Value. 2019. Vol. 11, iss. 2. P. 1–22.
- Swales J. Genre analysis: English in academic and research settings. Cambridge, 1990.

СОЗДАНИЕ КОРПУСА УСТНЫХ ТЕКСТОВ ДЛЯ РАЗРАБОТКИ ЛЕКСИЧЕСКОГО МИНИМУМА ДЛЯ РУССКОГОВОРЯЩИХ ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ

Шишкова Анна Юрьевна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Один из вопросов современной лингводидактики — разработка лексических минимумов для разных уровней владения русским языком как иностранным. Лексический минимум (ЛМ) — «лексикографическое произведение, включающее необходимый в минимальных пределах для учащихся лексический запас, который позволяет в общих чертах понимать тексты учебного характера и служит базой для формирования более полного словарного запаса при дальнейшем изучении языка» [Морковкин, 1985]. Существует шесть уровней владения русским языком, для пяти из которых были составлены лексические минимумы для взрослых. Последние годы предпринимаются попытки создания ЛМ для школьников [Давыдович, 2022]. Однако исследователи в основном опираются на письменные корпуса.

Цель настоящего доклада — создание устного корпуса, который можно использовать при создании ЛМ для русскоговорящих подростков-билингвов. В рамках исследования с использованием онлайн-инструмента «Google Формы» была создана анкета для сбора данных, касающихся предпочтений подростков в сфере кино, музыки и др. Опрос прошли 147 человек: 7 детей в возрасте 7–11 лет, 57 подростков в возрасте 12–18 лет (23 человека, проживающих на территории Российской Федерации, и 34 иностранца), 42 человека, составляющих группу молодёжи, и 41 взрослый (в том числе преподаватели и специалисты по языковому тестированию). Данные были обработаны с помощью Microsoft Excel и языка программирования Python.

Плотность ответов в каждом исследуемом сегменте (фильмы, песни и др.), т. е. отношение общего количества фильмов к числу разных фильмов, показывает, насколько единообразными являются ответы респондентов. Чем выше плотность, тем более едины информанты в том, какие устные тексты интересны современным подросткам.

Анализ полученных данных позволяет сделать следующие выводы.

1) Вариативность предпочтений при выборе фильмов, мультфильмов и др. с возрастом увеличивается: коэффициент согласия становится ниже (напр., у подростков — 92,3, у молодежи — 50,2, у взрослых — 36,9) — ответы подростков более единообразны.

2) Анализ ответов подростков и взрослых, включая преподавателей по русскому языку как иностранному и специалистов по языковому тестированию, показал, что взрослые не владеют информацией о предпочтениях подростков. Напр., при ответе на вопрос «Какие фильмы смотрят современные подростки?» общим в ответах оказался только сериал «Кухня».

3) Место проживания респондентов оказывает значимое влияние на их предпочтения. Подростки, живущие в России, в категории «фильмы» отдают предпочтение сериалам «Кухня», «Очень странные дела» и фильму «Вам и не снилось», в то время как иностранные подростки выделяют фильмы «Брат 2», «Легенда №17» и сериал «Бригада». В случае с мультфильмами мнения респондентов более согласованы: «Смешарики» и «Маша и Медведь» попали в число наиболее частотных реакций и у подростков, и у взрослых.

Расшифрованные записи наиболее частотных ответов составят устный корпус, который можно в дальнейшем использовать при создании ЛМ для подростков.

Литература

- Морковкин В. В., Сафьян Ю. А., Степанова Е. М., Дорофеева И. В. Лексические минимумы современного русского языка. М., 1985.
- Давыдович Я. В. Разработка лексического минимума для русскоговорящих детей-билингвов: выпускная квалификационная работа бакалавра. СПб., 2022.

АВТОМАТИЧЕСКОЕ УПРОЩЕНИЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Атугодаге Марк Махешевич

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Настоящий доклад посвящен описанию методов автоматического упрощения юридических текстов. Упрощение текста предполагает, в частности, замену сложных синтаксических конструкций более простыми (в том числе членение длинных предложений на более короткие) и замену сложных лексических единиц более простыми. Упрощение предполагает также и суммаризацию, т. е. исключение избыточной или затрудняющей восприятие информации, не обязательной для читателя [Allahyari et al., 2017]. Суммаризация — это сокращение объема текста с сохранением существенно важных для понимания аспектов содержания [Sikka et al., 2020]. Актуальность настоящего доклада состоит в том, что русскоязычные юридические тексты обнаруживают ряд элементов, затрудняющих читательское восприятие (как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях), что делает их малопонятными для читателя без юридического образования [Блинова, 2022]. Наша и подобные работы призваны упростить знакомство читателей с юридическими текстами.

В докладе представляются две новых модели для упрощения юридических текстов — это усовершенствованные модели GPT3 от «Сбера». Они отличаются по корпусу, на котором были обучены: один корпус представлял из себя коллекцию сжатых текстов, а другой — полных. Эти модели объединяет одно свойство — это модели архитектуры Трансформер (Transformer). Трансформер основывается на нейросетевом механизме внимания (attention), что позволяет значительно больше использовать параллелизм модели (это, в свою очередь, позволяет использовать относительно мало оперативной памяти), моделировать глобальные зависимости и взаимодействия между элементами последовательности (sequence) независимо от расстояния

между ними. Надо отметить, что существует множество видов трансформеров. Для упрощения лучше всего использовать трансформеры типа энкодер-декодер (encoder-decoder) или типа декодер (decoder) [Пермяков, 2021]. GPT относится ко второму типу трансформеров. Именно эта модель использовалась для дальнейшего дообучения. Помимо этого, в докладе представлен новый псевдопараллельный корпус русскоязычных юридических текстов (законодательных актов, постановлений, указов и т. п.). Это первый подобный корпус на материале русского языка.

Литература

- Блинова О. В.* Оценка сложности русских правовых текстов: архитектура модели // Мир русского слова. Лингвистика. 2022. Вып. 2. С. 4–23.
- Пермяков А. Д.* Контекстно-зависимое перефразирование с использованием глубокого обучения: выпускная квалификационная работа бакалавра. СПб., 2021.
- Allahyari M., Pouriyeh S., Assefi M., Safaei S., Trippe E. D., Gutierrez J. B., Kochut K.* Text Summarization Techniques: A Brief Survey // University of Georgia. Georgia, 2017. P. 1–9.
- Sikka P., Singh M., Pink A., Mago V.* A Survey on Text Simplification // ACM. Vol. 37, No. 4. Article 111. Ontario, 2020. P. 2–27.

ЭСТОНОЯЗЫЧНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ОБЛАСТИ ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГИИ: ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ

Вагина Дарья Дмитриевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Экологические проблемы находят все большее отражение в текстах СМИ. Доклад посвящен терминам, используемым эстоноязычными СМИ в дискурсе альтернативных источников энергии. На данный момент отсутствуют специальные двуязычные словари по этой теме. Новая терминология не представлена на лексикографическом портале sonaveeb.ee, хотя информация там обновляется регулярно. Материалом исследования послужили тексты новостного сайта www.err.ee.

Нами собрано 50 терминов. Из них 24 образовано путем сложения основ. Самым частотным вариантом оказывается модель генитивного сложения (18 терминов), где первая основа совпадает с формой единственного числа генитива. Более продуктивными являются слова из двух основ: *kütuseelemendid* 'топливные элементы', *tuulepark* 'ветропарк', *süsinikuneutraalne auto* 'углеродно-нейтральный автомобиль', *päikeseenergia* 'солнечная энергия'. Максимальное количество основ в собранных терминах — три: *taastuvenergiaettevõte* 'предприятие зелёной энергетики', *meretuulepark* 'морской парк ветрогенераторов'. Номинативное сложение (первая основа совпадает с формой единственного числа номинатива) используется реже: *loodusressursid* 'природные ресурсы', *tuumküütus* 'ядерное топливо'. Не все термины успели войти в активное употребление и обрести фиксированную форму, для обозначения некоторых явлений можно заметить употребление варианта как с номинативным, так и с генитивным сложением. Напр., в *süsinikkeide* ~ *süsinikuheide* 'выброс углерода' первый вариант — с первой основой, совпадающей с формой номинатива; второй — с первой основой, совпадающей с формой генитива.

Термины могут создаваться с помощью причастия настоящего времени, оно выступает как первая основа сложного слова: *taastuvenergia* 'возобновляемая энергия'.

При образовании терминов учитывается сочетаемость слов, некоторые термины представляют собой устойчивые сочетания: *ressursside raiskamine* 'истощение ресурсов', *süsinikkeid mitte tekitav auto* 'автомобиль без выбросов углерода'.

Некоторые термины — сложные слова имеют варианты с усечённой второй основой, так в текстах СМИ встречаются «длинный» и «короткий» варианты *tuulegeneraator* ~ *tuulegen* 'ветрогенератор'. Экологические соглашения и программы могут получать метафорические названия: *rohekokulepe* '«Зелёная сделка»', при этом некоторые названия могут иметь два варианта и оба варианта могут широко употребляться в СМИ: *rohekokulepe*, *rohelepe*. В СМИ широко употребляются аббревиатуры, как эстоноязычные, так и интернациональные, или, точнее, заимствованные из английского языка: *RMK* 'Центр управления государственными лесами', *LULUCF* 'сектор землепользования, изменений в землепользовании и лесного хозяйства', *LNG* 'сжиженный природный газ'. Необходимо отметить, что из заимствованных и калькированных слов также формируется терминология, пословный перевод которой (напр., на русский язык) не сможет объяснить её значение; напр., *tuuleplaan* 'план по развитию морской ветроэнергетики'.

Материал, привлечённый для анализа формирования эстоноязычной терминологии в области возобновляемой энергии, позволяет утверждать, что в большинстве случаев термины являются заимствованиями (интернациональными словами или калькированными переводами с английского языка).

К АНАЛИЗУ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЧЕЛОВЕК ГОВОРЯЩИЙ» В СИСТЕМЕ ВОСТОЧНОЙ ГРУППЫ ДИАЛЕКТОВ ФИНСКОГО ЯЗЫКА

Морозова Татьяна Андреевна

аспирант, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

Несмотря на то, что речевая коммуникация является важной частью повседневной жизни человека и по описывающим её лексемам можно судить об отношении народа к говорению, исследования таких материалов на базе диалектных данных финского языка не проводились. А потому выявление номинаций со значением лица, входящих в изучаемое поле «Человек говорящий», а также определение структурных и семантических особенностей, актуально. С этой целью из словарей, представляющих савоский и юго-восточный диалекты финского языка, были отобраны слова, в структуре лексического значения которых выделяется интегральная сема 'тот, кто говорит', имеющая ряд синонимических замен, как *скандалит*, *пустословит* и др., всего 98 номинаций, которые будут подробно проанализированы в докладе.

По предварительным подсчетам, 90 из них являются экспрессивами, поскольку в структуре значения содержат коннотации, которые включены в лексическое значение мотивирующего экспрессивные названия лиц слова.

Из них 56,6% (51 единица) слов восходят к глаголам: *juoruinja* 'сплетник' от глагола *juoruta* 'сплетничать' [Оллыкайнен, 2003: 82]; *sorluuttaja* 'картавый человек' от глагола *sorluuttaa* 'картавить' [Eskelinen, 1997: 112] и т. п.

Путём сложения корней образовано 28,9% (26 единиц): *lärppäleuka* 'болтун' [Оллыкайнен, 2003: 190] = *lärppä* 'болтун' + *leuka* 'подбородок'; *lieppusu* 'балагур' [Eskelinen, 1997: 61] = *lieppi* 'расширяющийся' + *suu*, 'рот'. В данном случае, сложные модификаты соотносятся с устойчивыми сочетаниями, значение которых формируется из семантики составляющих компонентов. Так, в составе устойчивого выражения «*mitä sylki suuhu tuop*» 'что слюна в рот принесет' [Оллыкайнен, 2003: 336] зафиксировано слово *syлк(i)* 'слюна', сопровождающее глаголы речевой деятельности: *lämpsyttää mitä sylki suuhu tuop* 'болтает, что слюна в рот принесет'.

С точки зрения значения основы наиболее востребованы архисемы 'болтун' (*kiel'nikkar* 'болтун' [Оллыкайнен, 2003: 111], *pilipakko* 'болтун' [Eskelinen, 1997: 90], всего 30 лексем), 'скандалист' (*riitapukki* 'скандалист' [Оллыкайнен, 2003: 190], *häkähierin* 'разжигатель вражды' [Eskelinen, 1997: 30], всего 10), 'подлиза' (*liuha* 'подлиза' [Оллыкайнен, 2003: 191], всего 9) и 'сплетник' (*juoruätmä* 'старуха-сплетница' [Оллыкайнен, 2003: 82], всего 9). Вероятно, такие качества, как излишняя болтливость и лъстивость, мешали полноценной коммуникации, сказывались на межличностных отношениях, мешали трудовой деятельности членов коллектива, а потому нашли отражение в языке.

Отметим важный географический принцип в распределении слов с определенной семантикой. Так, семы 'подлиза' и 'сплетник' чаще встречаются в юго-восточном диалекте, 'скандалист' — в савоском, а сема 'болтун' характерна для обоих диалектов.

Максимально неодобряемые обществом отклонения от нормы выразились в наибольшем количестве лексем с этими архисемами. Таким образом, несмотря на относительную географическую близость, носителями указанных диалектов, помимо общего негативного отношения к болтливости, порицались различные качества, связанные с говорением: в Саво осуждалась скандальность, а в Юго-Восточной Финляндии — подхалимство и пересуды.

Литература

Eskelinen U. Tavvoo savvoo. Savon kielen sanakirja. Juva, 1997.

Оллыкайнен В. М. Словарь северно-ингерманландских говоров финского языка (говоры вуолэ и колтушский). Vantaa, 2003.

ОБРАЗ СССР В РОМАНЕ РОСЫ ЛИКСОМ «КУПЕ № 6»

Нельга Анна Александровна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

Никулина Анастасия Алексеевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

Объектом исследования является роман финской писательницы Росы Ликсом «Купе номер 6», написанный в 2011 г. и удостоенный престижной литературной премии «Финляндия». Роман представляет собой цепь социальных картин малознакомой для финской студентки советской действительности. Действие романа происходит в 1986 г. В основе сюжета лежит путешествие финской студентки, изучающей археологию в Москве, по Транссибирской магистрали. Ее путешествие проходит в компании случайного попутчика.

В исследовании использованы методы синтеза, анализа и обобщения для выявления особенностей образа Советского Союза в романе «Купе № 6», а также метод сравнительного анализа, с помощью которого сравниваются описания советских городов.

Роман основан на воспоминаниях писательницы, которая так же, как и героиня романа, училась в Москве и много путешествовала по Советскому Союзу, поэтому, как отмечает П. Песонен, Ликсом отлично знакома с повседневной советской действительностью и показывает ее в своем романе «одновременно абсурдной, жестокой и вызывающей глубокую симпатию» [Песонен, 2011: 197]. Как отмечают Е. Г. Сойни и И. С. Маташина, в произведениях финской литературы с 20-х гг. XX в. до настоящего времени взгляд на СССР менялся от идеализации до объективного восприятия [Сойни, Маташина, 2021: 458]. Несмотря на стремление автора романа к объективности, образ Советского Союза в «Купе № 6» формируется на основе субъективных впечатлений и воспоминаний Ликсом о времени, проведенном в СССР, поэтому его образ в достаточной мере специфичен и наполнен стереотипами.

В работе анализируется изменение отношения главной героини романа к советской культуре: от восхищения до негативной реакции на окружающую действительность и принятия недостатков и проблем, существующих в советском обществе. Финскую студентку восхищает советская архитектура, культ космоса, многогранность Москвы, напоминающей «громящий кулак» из стихотворения В. В. Маяковского. Однако нежелание окружающих уважать личное пространство людей, открытое выражение идей коммунизма, разделение людей на «своих» и «чужих», а также сцены насилия за окном поезда превращают путешествие в тяжелое испытание.

Ликсом раскрывает проблему межкультурной коммуникации и несовпадения финского и советского менталитетов. Случайный попутчик Вадим Николаевич Иванов, сварщик и разнорабочий, кажется главной героине излишне грубым и навязчивым. Его образ является собирательным, достаточно стереотипным, выстроенным на восприятии типичного советского человека представителем финской культуры.

Постепенно негативный образ Советского Союза в глазах главной героини сменяется на таинственный и вызывающий симпатию. Девушка знакомится с настоящим Советским Союзом, с необыкновенными пейзажами, а также с теплотой души советского человека. Ликсом раскрывает образ Советского Союза и передает его неоднозначность через призму своего субъективного восприятия.

Литература:

Ликсом Р. Купе № 6. Представления о Советском Союзе. М., 2015.

Песонен П. Россия как мифологизированное пространство в современной финской литературе // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*. 2011. Вып. XII. С. 184–202.

Сойни Е. Г., Маташина И. С. Эпоха СССР глазами современных финских писателей // *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2021. № 3. С. 457–465.

ПРИЧИНЫ СОЗДАНИЯ ПОВТОРНОГО ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК РАССКАЗА Ю. АХО «MAAILMAN MURJOMA»

Киселева Ксения Олеговна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Наше исследование направлено на изучение понятия повторного перевода и его причин на материале двух переводов рассказа Юхани Ахо «Maailman murjoma» (букв. «Изувеченный миром») (1894 г.) на русский язык: М. П. Благовещенской «Преследуемый судьбою» 1917 г. и повторный перевод А. Мантере «Раздавленный миром» 1970 г. В докладе выявляются причины создания переперевода рассказа, а также проводится сопоставительный анализ двух переводов этого произведения.

Явление повторного перевода активно изучается зарубежными и отечественными исследователями, такими как А. Берман [Berman, 1990], О. Палопоски и К. Коскинен [Paloposki, Koskinen, 2015], Л. Тииттула [Tiittula, 2013], В. Н. Базылев [Базылев, 2017]. Ученые пытаются определить, что именно включает в себя понятие «повторный перевод» и какие могут быть причины для его создания. Было выявлено, что большинство перепереводов создаются из-за устаревания текста, наличия в нем ошибок, лексических и орфографических изменений в языке, а также из-за изменения реалий и исторической обстановки. Эти исследования проводятся обычно на материалах произведений мировой классики.

Юхани Ахо внес неизмеримый вклад в историю финской литературы и развития финского литературного языка. Он быстро добился международного признания, поэтому переводы его произведений осуществлялись на многие языки, в том числе и на русский. Цель нашего доклада состоит в выявлении причин создания повторного перевода произведений Ахо спустя 50 лет, в анализе стратегии этого перевода и обосновании необходимости нового, более актуального для нашего времени перевода.

В результате исследования было установлено, что ранний и поздний переводы, вероятнее всего, были созданы независимо, и второй не исправляет ошибок предыдущего. Мы выявили следующие причины создания переперевода рассказа: 1) изменение исторической обстановки, так как повторный перевод был создан во время расцвета советско-финских отношений и активного развития финно-угроведения в СССР, особенно в Ленинграде и Петрозаводске; 2) актуализация текста ввиду орфографической реформы 1917–1918 гг.; 3) использование разных лексических трансформаций (в первом переводе — «на казенном содержании», калькирование, во втором — «на казенных харчах», прием смыслового развития, который позволил использовать русский фразеологизм); 4) использование разных приемов при передаче топонимов (в первом переводе — «за Конттиокорпи», транскрибирование, во втором — «в Медвежьей глуши», калькирование).

В ходе исследования также было определено, что гипотеза повторного перевода А. Бермана [Berman, 1990], согласно которой первый перевод текста имеет тенденцию адаптировать текст к нормам и условиям целевого языка и культуры, в то время как последующие переводы обычно остаются более приближенными оригиналу, верна. Перевод «Раздавленный миром» в действительности оказался ближе к оригиналу, в то же время в первом варианте перевода есть, к примеру, значительное количество опущений.

Литература

- Базылев В. Н. Теория перевода. Кн. 1: учебное пособие. М., 2017.
- Berman A. La retraduction comme espace de la traductio // Palimpsestes. 1990. No. 4. P. 1–17.
- Paloposki O., Koskinen K. Sata kirjaa, tuhat suomennosta. Helsinki, 2015.
- Tiittula L. Finnische Neuübersetzungen deutschsprachiger Literatur // Zeitschrift für Translationswissenschaft und Fachkommunikation. 2013. T. 6(1). S. 140–170.

ТЕМА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ФИНЛЯНДИИ

Федорова Екатерина Сергеевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

Шукшина Алена Анатольевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

Экологическое просвещение представляет собой важный элемент современной образовательной системы Финляндии [Тайлайкова, 2012: 1398]. В настоящее время проблема изменения климата является одной из самых обсуждаемых в СМИ по всему миру, поэтому с каждым годом количество детских книг, затрагивающих тему экологических проблем, растет. Природа является неотъемлемой частью жизни финнов, поэтому в детях с ранних лет воспитывается бережное отношение к окружающему миру. Первая детская литература на тему урбанизации и экологии появилась в Финляндии в 1970-е гг. [Сидорова, 2009]. Дошкольник может узнать информацию об окружающем мире из книжек-картинок, состоящих в большей мере из ярких иллюстраций, дополненных краткими текстами. Таким образом, заинтересованные дети могут легко узнать о глобальных проблемах, в том числе о необходимости защиты природы [Loivamaa, 2020]. Начиная с 2010-х гг. в финской молодежной литературе расцвел жанр антиутопии. Авторы, работающие в данном жанре, описывают последствия климатических изменений в форме мрачных и безнадежных историй, получивших название «экологических триллеров». В литературе для детей более младшего возраста писатели, напротив, стараются оставаться более оптимистичными, но при этом не скрывать проблем [Лааксонен, 2019: 318]. Можно выделить следующие типы финских книг об экологии для школьников — сборники-энциклопедии, книги с реалистичным сюжетом, посвященные роли каждого человека в спасении планеты, и книги жанра фэнтези, рассказывающие о воображаемом окружающем мире, отдаленном от реального, с его фантастическими событиями. Среди множества различных детских произведений, посвященных теме климатического кризиса, возможно найти книгу для маленьких читателей любого возраста. Кроме проблемы глобального потепления, в современной детской литературе Финляндии поднимаются актуальные вопросы сохранения биоразнообразия окружающей среды, тема разделения мусора и разумного потребления ресурсов и энергии. Вопросы защиты биоразнообразия и охраны окружающей среды поднимаются в серии книг «Nähdään majalla» Ретты Ниемея, Санны Пелличчиони и Миа Рёнкя, в книге «Matilda pelastaa mailman» Юхи-Пекки Коскинена и во многих других. Современные детские книги, посвященные экологическим проблемам, обсуждаются в финском обществе и удостоиваются таких наград, как премия «Финляндия», приз «Punni» и «Книга года» от телерадиокомпании Yle [Лааксонен, 2019: 320].

Литература

- Лааксонен К. Отражение актуальной общественной проблематики в финской литературе для детей и подростков // Детские чтения. 2019. № 1 (15). С. 316–329.
- Сидорова А. Современная детская литература Финляндии. URL: http://lib.1september.ru/view_article.php?ID=200900108 (дата обращения: 01.12.2022).
- Тайлакова Е. А. Воспитание экологической культуры детей и молодежи в Финляндии и Швеции // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17, № 3. С. 1398–1402.
- Loivamaa I. Helppolukuiset kirjat viekoittelevat lapsia lukemaan // Lapsenmaailma. URL: <https://lapsenmaailma.fi/artikkeli/helppolukuiset-kirjat-viekoittelevat-lapsia-lukemaan/> (дата обращения: 01.12.2022)

ГЛАГОЛЫ СЛОЖНОЙ СЕМАНТИКИ В ЭСТОНСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛА KIPPUMA

Щеголева София Петровна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Лексикография — сильное и развитое направление в эстонском языкознании. Она богата на бумажные и электронные ресурсы, однако на практике при работе со словарями, с одной стороны, наблюдается попытка наиболее полно и подробно описать слово, с другой стороны, некоторые значения иногда оказываются невыделенными.

Цель настоящего доклада состоит в изучении значения и специфики употребления глагола *kippuma* с использованием материала толкового и двуязычных словарей. Этот глагол имеет неоднозначную семантику, сочетает в себе очень разные значения. В докладе предпринимается попытка выявить и классифицировать лексические значения, а также грамматические функции *kippuma*, в чем и заключается его новизна.

Материалами исследования послужили статьи Толкового словаря эстонского языка, Эстонско-русского и Русско-эстонского словарей. Было выявлено, что значения в словарях определены по-разному: в одном словаре значение может быть выделено, в другом — нет, в третьем — глагол присутствует только в иллюстративной части. В связи с этим была предпринята попытка классифицировать выделенные значения глагола и выявить новые с опорой на иллюстративную часть словарных статей.

В толковом словаре выделено два основных значения *kippuma* — 1. (обычно против чего-либо желания) упорно, невольно куда-либо идти, что-либо делать или пытаться кем-либо стать, 2. приобретать какое-либо направление (в развитии).

Эстонско-русский словарь дает те же два основных значения, что и толковый, но выделяет также еще три других — *набиваться; подступать (о состоянии); покушаться*. За счет этого лексическое значение *kippuma* определено в эстонско-русском словаре более «полно» по сравнению с толковым, хотя в последнем эти «новые» значения можно выявить в иллюстративной части: напр., *Kirib ülemaks, teiste käsutajaks, teiste üle mõistjaks*. 'Набивается для всех в командиры, указчики да судьбы'; *Iiveldus kirib kurku*. 'Тошнота подступает'.

В эстонско-русском словаре по сравнению с толковым приведено меньше информации о конструкциях с *kippuma*. Отсутствуют конструкции *kätte kippuma* 'надвигаться' и *keelele kippuma* 'приходить на язык', при этом *kätte kippuma* встречается в примерах: *Vanadus kirib kätte* 'Старость подкрадывается'. Выделено меньше значений для некоторых конструкций: напр., для *reale kippuma* в толковом словаре определено два значения — 'подступать (о состоянии)' и 'приблизиться', в эстонско-русском второе значение отсутствует.

Русско-эстонский словарь не дает вариант 'подступать (о состоянии)' и не выделяет второе основное значение — 'склоняться', 'начинать'. Из конструкций определена одна — *kallale kippuma* в значении 'покушаться', значение 'нападать' не выделяется.

Помимо значений, выделяемых словарями, можно выделить еще несколько значений. Напр., в *Juiksesalk kirib silmadele* 'Волосы лезут на глаза', предположительно, можно говорить о значении периодичности, а в *Ta kirib liialdama* 'Он склонен преувеличивать' — о значении 'иметь обыкновение, привычку'. Таким образом, можно выдвинуть гипотезу о, возможно, более широкой лексической полисемии и синтаксической сочетаемости глагола *kippuma*.

КИНО|ТЕКСТ|ТЕАТР

РОЛЬ СНОВИДЕНИЙ В СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Соломка Анастасия Андреевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина

Цель доклада — анализ роли образов сновидений в сюрреалистическом кинематографе. Впервые в кино такие образы возникают в творчестве сюрреалистов (Л. Бунюэль, С. Дали, М. Рэй, Ж. Кокто), которых принято относить ко второй волне развития киноавангарда. В своем творчестве сюрреалисты обращались к бессознательному, используя метод «автоматического письма». Они стремились ослабить контроль над творческим процессом со стороны разума, и кино оказалось наиболее подходящей площадкой для осуществления подобного замысла. Кинематограф позволял сюрреалистам воплотить одну из ключевых задач: внедрить нереальное в повседневную жизнь. Для этого они активно использовали один из художественных приемов кинематографа — монтаж, который давал возможность выстраивать сюжет фильма согласно иррациональной логике сновидений.

В своих работах сюрреалисты помещали зрителя в иную реальность, и сон был наилучшим средством передачи лиминального состояния человека. Во сне можно стать свидетелем алогичных связей между обыденными вещами и абсурдными ситуациями. В частности, такие связи можно обнаружить в кинофильмах «Андалузский пес» (1929) и «Золотой век» (1930) Л. Бунюэля и С. Дали; «Возвращение к разуму» (1923) и «Морская звезда» (1928) М. Рэя; «Раковина и священник» (1927) Ж. Дюлак; «Кровь поэта» (1932) Ж. Кокто. Были рассмотрены и работы режиссеров более позднего периода, на которых во многом повлияли принципы, использованные сюрреалистами: мы проанализировали картины «Завороженный» (1945) А. Хичкока, «Восемь с половиной» (1963) Ф. Феллини, «Голова-ластик» (1977) и «Твин-Пикс» (1990–1991) Д. Линча.

Тема получила разработку в актуальных исследованиях о кино. Большую роль в разработке метода включения сновидческих образов в кинематограф исследователи отдают фильму «Андалузский Пес» (1929), созданному на основе сновидений Л. Бунюэля и С. Дали. Раннее и позднее творчество Л. Бунюэля подробно изучено как русскими, так и зарубежными теоретиками кино. Исследователи выделяют работы Бунюэля среди прочих, поскольку считают, что режиссер внес наибольший вклад в развитие сюрреалистического кинематографа. Напр., И. Беленький в книге «Лекции по всеобщей истории кино» рассматривает период творчества сюрреалистов в киноавангарде, подробно останавливаясь на личности Л. Бунюэля. В. Виноградов в работе «Стилевые направления французского кинематографа» анализирует влияние группы дадаистов на сюрреалистов, наследующих их идеи.

Также фильм «Андалузский пес» (1929) рассматривался исследователями в контексте популярных фильмов, в которых режиссеры применяют образ сновидений. Так, можно привести в пример вышеупомянутые фильмы «Завороженный» (1945) А. Хичкока, «Восемь с половиной» (1963) Ф. Феллини, «Голова-ластик» (1977) и «Твин Пикс» (1990–1991) Д. Линча. Однако следует сказать, что при изучении работ этих режиссеров теоретики кино крайне редко акцентируют внимание на использовании образа сна. Это может быть объяснено тем, что творчество упомянутых режиссеров не относят к сюрреалистическому направлению, хотя они во многом и наследуют принципам этого объединения.

Таким образом, в докладе уделено особое внимание влиянию сюрреалистов на последующее поколение режиссеров, использовавших сон как один из центральных художественных образов в своих кинофильмах.

Литература

Беленький И. В. Лекции по всеобщей истории кино: учебное пособие. М., 2008.

Виноградов В. В. Стилиевые направления французского кинематографа. М., 2019.

СПЕЦИФИКА ОТРАЖЕНИЯ ДВОЙНИЧЕСТВА В КИНО И ТЕКСТЕ НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА-ЭКРАНИЗАЦИИ РОМАНА ПОЛАНСКИ «ОСНОВАНО НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ»

Федоренко Иванна Андреевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

С середины 1970-х гг. Р. Полански использует мотив двойничества в качестве основы сюжета и способа раскрытия характеров персонажей [Feeney, 2006]. Фильм Полански «Основано на реальных событиях» (2017) является экранизацией одноименной книги Д. де Виган, оба произведения раскрывают тему двойничества и разрушения личности, но формируют у зрителя разное представление о сущности этих явлений из-за различий в способах передачи одной истории. Несмотря на прошедшие с момента выпуска кинокартины шесть лет и известность авторов экранизации и оригинального романа, оба произведения, на наш взгляд, недостаточно изучены в России. Цель работы заключается в анализе средств раскрытия темы двойничества в романе Д. де Виган и экранизации Р. Полански, сравнении влияния использованных художественных приемов на формирование читательского и зрительского восприятия. Методологическую основу проведенной работы составляет сопоставительный анализ литературного текста и кинотекста.

Центральным персонажем книги и фильма является писательница Дельфин, которая в период творческого кризиса сближается с писателем-призраком Эльль (в книге — Л.), постепенно крадущей у Дельфин личность и усугубляющей её ментальное состояние. Экранизация довольно точно воспроизводит сюжет книги. В результате сопоставления художественных средств в контексте изображения Эльль (Л.) в обоих произведениях, был сделан вывод, что трактовка героини как плода воображения возможна относительно обоих произведений из-за специфики выбранных литературных и кинематографических средств.

В результате анализа романа де Виган были выявлены ключевые средства создания нарратива. Повествование от первого лица погружает читателя непосредственно в сознание главной героини, необъективное по своей сути, она также является ненадежным рассказчиком, потому что большую часть произведения находится в подавленном и нездоровом состоянии [Де Виган, 2018]. Можно сделать вывод, что в литературном первоисточнике трактовка Л. как проекции сознания самой Дельфины представляется более очевидной для читателя.

Фильм менее однозначен в способах передачи образа и значения Эльль. В ходе анализа фильма были выделены ключевые кинематографические приемы формирования зрительских представлений: отсутствие озвученной внутренней речи Дельфины, минимальное использование съемки с точки зрения главной героини, преобладание средних планов, где в кадре одновременно присутствуют Э. Сенье (Дельфина) и Е. Грин (Эльль). На основании сопоставления можно сделать вывод, что выбранная режиссером сюжетная основа оставляет пространство для двойственной трактовки Эльль, в то время как использованные кинематографические приемы склоняют зрителя к восприятию героини в качестве реального человека.

Литература

Feeney F. X. Roman Polanski. Köln, 2006.

Де Виган Д. Основано на реальных событиях. М., 2018.

ОЧЕРК Н. С. ЛЕСКОВА «ЛЕДИ МАКБЕТ МЦЕНСКОГО УЕЗДА» В КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ РЕЖИССЁРОВ Р. Г. БАЛАЯНА И В. П. ТОДОРОВСКОГО

Сидорова Александра Александровна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В кинематографе периода перестройки и 1990-х развивается тема преступлений индивидуализированной воли — нарушения закона как способа разрешения внутреннего морально-нравственного конфликта, а иногда и варианта выхода за рамки социальных условностей. В качестве основных литературных первоисточников этой проблематики можно назвать «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, «Американскую трагедию» Т. Драйзера, а также очерк «Леди Макбет Мценского уезда» Н. С. Лескова, об интерпретациях которого в фильмах «Леди Макбет Мценского уезда» (1989, режиссер Р. Г. Балаян) и «Подмосковные вечера» (1994, режиссер В. П. Тодоровский) пойдёт речь в докладе.

Цель доклада — рассмотреть кинематографические интерпретации классического текста Лескова в контексте проблемы преступлений индивидуализированной воли; проанализировать особенности, отличающие фильмы «Леди Макбет Мценского уезда» и «Подмосковные вечера». Выборка фильмов обусловлена в первую очередь близким историческим контекстом создания: вне рассмотрения остались иностранные фильмы, вступающие в диалог с сюжетом Лескова, а также более ранний советский фильм «Катерина Измайлова» (1926, режиссер Ч. Сабинский).

Выглядящий вполне традиционно фильм Р. Балаяна не ставит цели актуализировать сюжет: сохранены время и место действия. При этом режиссёр смещает акцент в мотивации героини: она все еще одержима страстью, во имя которой выходит за пределы общепринятых моральных норм, но главной движущей силой и любви, и последующих убийств становится скука.

Сценарий Р. Балаяна и П. Финна вносит в сюжет несколько упрощений. Как отмечает критик Л. Аннинский, муж Екатерины в литературном варианте — едва ли не надежда России на прекрасное будущее, а в фильме — просто неприятный человек [Аннинский, 1990: 69].

«Подмосковные вечера» — вольное переложение литературной истории. Фильм снят совместно с французской компанией и во многом рассчитан именно на иностранную аудиторию. В картине есть аллюзии на известные французские фильмы «Жюль и Джим» (1962, режиссер Ф. Трюффо) и «Мелочи жизни» (1970, режиссер К. Соте). Литературовед Е. Н. Грачева называет «Подмосковные вечера» постмодернистским произведением [Грачева, 2004: 108]. С этим легко согласиться: деконструкции в фильме подвергаются сразу несколько классических сюжетов русской литературы: «Анна Каренина» Л. Н. Толстого, «Гроза» А. Н. Островского, «Преступление и наказание» Достоевского. Героиню фильма В. П. Тодоровского толкает на преступления попытка обрести собственное «я», проявить подавленные амбиции, взбунтоваться против предписанной ей судьбы. Как по ходу сюжета она хладнокровно собирает пазл с картиной «Прачки» (1888) П. О. Ренуара, так постепенно «собирает» и новый сюжет своей судьбы. Таким образом, в кинематографических интерпретациях произведения прослеживается изменение мотивации героини Екатерины Измайловой: скука в случае с «Леди Макбет Мценского уезда» и попытка самовыражения в «Подмосковных вечерах».

Литература

Аннинский Л. А. А если это даже не любовь? // Искусство кино. 1990. № 2. С. 66–71.

Грачева Е. Н. В Канне — мировая премьера фильма Валерия Тодоровского // Новейшая история отечественного кино. 1986–2000. Кино и контекст. Т. 6 / отв. ред. Л. Ю. Аркус. СПб., 2004.

САМОТЕРАПИЯ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ДОКУМЕНТАЛЬНОМ КИНО: К ЭТИКЕ СЪЕМКИ

Бай До

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад посвящен стратегиям автобиографических документальных фильмов о личной травме, которые были сняты в Китае начиная с 2016 г. На примере фильмов «Повседневная беседа» и «Мальчики на скейтбордах» рассматриваются способы документации травмы и работы с ней. Документальный фильм в этом случае выступает в качестве инструмента фиксации и преодоления травматического опыта. Восприятие автором травмы напрямую влияет на концепцию фильма. Характерной чертой этих фильмов является то, что съемочная деятельность входит в повседневную жизнь индивида, и позиция автора меняется с внешнего наблюдателя на непосредственного участника событий. Режиссеры фильмов — это обычно кинематографисты-любители, чьи методы съемки могут соответствовать пониманию повседневной жизни, предложенному М. де Серто: как места сопротивления стандартизации, продвигаемой институциональными властями. Следовательно, автор может приблизиться к истине, только проявив индивидуализм и избавившись от символического порядка.

Предполагается, что описание и проработка травмы в I-movie имеет воображаемый компонент. Автор автобиографического документального фильма не просто «объектное я», но «субъектное я», конструирующее фильм. В фильмах «Повседневная беседа» и «Мальчики на скейтбордах» авторы зависимы от собственных травм: они реализуют позицию жертвы и благодаря этому прорабатывают травму. Так как примеры субъективны, следует задаться вопросом, насколько эффективны приведенные в них методы проработки травм. В докладе анализируется главная сцена в этих фильмах — «диалог», и обозначаются основные повествовательные стратегии режиссера для выражения своих чувств. Хотя подобные документальные фильмы с субъективной перспективой могут помочь режиссеру выразить чувства, на деле приведенные в словах автора аргументы являются аргументами в защиту его личной позиции. Тем самым не создается общая картина события; так, напр., при кинопоказе в группе субъективная позиция автора формирует у зрителей единогласное негативное отношение к вопросу детской травмы.

В докладе обсуждаются перформанс, субъективность и этические проблемы, имеющие место в подобного рода фильмах. В поле зрения находятся стратегии документального фильма, позволяющие преодолеть разрыв между репрезентацией фильма и фактической реальностью.

ОБРАЗ РЕБЕНКА В СОВЕТСКИХ ФИЛЬМАХ О ПАРТИЗАНСКОМ ДВИЖЕНИИ

Полякова Екатерина Викторовна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Целью нашего доклада является анализ особенностей репрезентации образа ребенка в советских фильмах о партизанской борьбе. Новизна работы заключается в том, что образ ребенка-партизана является одним из наименее изученных в системе образов советского кинематографа, а ряд рассмотренных нами фильмов прежде оставался вне поля зрения исследователей.

Основными источниками для исследования послужили статьи в журналах «Советский экран» и «Искусство кино», работы из области семиотики Ч. С. Пирса, Ю. М. Лотмана, К. Меца, тексты исследователей отечественного кинематографа Н. М. Зоркой, Е. Я. Марголита, И. П. Смирнова, С. И. Фрейлиха. В докладе мы проанализируем или упомянем следующие фильмы: «Отряд Трубочева сражается» (реж. И. Фрэнз, 1957), «Орленок» (реж. Э. Бочаров, 1957), «Сашко» (реж.

Е. Брюнчугин, 1958), «Девочка ищет отца» (реж. Л. Голуб, 1959), «Иваново детство» (реж. А. Тарковский, 1962), «Пятнадцатая весна» (реж. И. Туманян, 1972), «Иди и смотри» (реж. Э. Климов, 1985). При работе над темой мы опирались на семиотический метод исследования.

Проблема положения советских детей в условиях оккупации, их помощь партизанским отрядам находила отражение в кинокартинах военных лет. В годы оттепели образ ребенка начинает играть ключевую роль в фильмах о партизанском движении. В детском кинематографе герои массово помогают отрядам и поддерживают партизан («Отряд Трубочева сражается», «Сашко», «Девочка ищет отца»), но ребенок как полноправный участник партизанского движения в этих фильмах — это образ, связанный с исключительными заслугами перед отрядом. В фильмах, ориентированных на взрослого зрителя, образ ребенка связан с идеей гуманизма, а отображение взаимоотношений партизан с детьми позволяет полнее раскрыть их характеры.

В 1970-е гг. в стране возникает жанр проблемного школьного фильма, режиссеры нового направления развивают в том числе и «лирико-героический мотив “эха прошедшей войны”» [Замостьянов, 2020: 94]. Этот мотив находит отражение и в детском кино на партизанскую тему. Ребенок — это символ, «посланец других культурных эпох» и «напоминание о древних основах культуры», который одновременно коррелирует с контекстом [Лотман, 1992: 192]. В ряде фильмов дети символизируют массовость и всеобщность борьбы против немецких захватчиков. Однако биографические фильмы о пионерах-героях («Орленок», «Улица младшего сына», «Пятнадцатая весна»), «Иваново детство» Тарковского и «Иди и смотри» Климова представляют на экране образ ребенка как мученика, жертвы войны, которую «общество принесло истории» [Фрейлих, 2015: 282]. Образ ребенка также позволяет режиссерам обращаться к идее исторической преемственности, рассматривая «феномен памяти, соединяющей поколения» [Рикер, 2004: 549].

Литература

Замостьянов А. А. Отечественная массовая культура XX века: учебное пособие. М., 2020.

Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 191–199.

Рикер П. Память, история, забвение. М., 2004.

Фрейлих С. И. Теория кино: от Эйзенштейна до Тарковского. М., 2015.

ПОЭТИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ ФИЛЬМА ЭЛЬДАРА РЯЗАНОВА «ИРОНИЯ СУДЬБЫ, ИЛИ С ЛЁГКИМ ПАРОМ!»

Желтова Анастасия Дмитриевна

магистрант 1 курса, Российский государственный гуманитарный университет

Э. Рязанов описывает работу над телевизионной картиной «Ирония судьбы, или С лёгким паром!» (1975) так: «Хотелось наполнить картину печальными песнями и щемящей музыкой. Мелодии Микаэла Таривердиева, контрастируя с комедийным ходом фильма, придали ему своеобразную стереоскопию, оттенив смешное грустью и лирикой. Конечно, помогли в этом тщательно отобранные стихотворения прекрасных поэтов» [Рязанов, 2005: 209]. «Ирония судьбы, или С лёгким паром!» является вольной экранизацией комедийной пьесы Эмиля Брагинского и Эльдара Рязанова «С лёгким паром! или Однажды в новогоднюю ночь...». В докладе будет представлена гипотеза, согласно которой параллельно основному юмористическому сюжету картины складывается особый лирический сюжет, состоящий из текстов звучащих в фильме песен. Дополнительный сюжет из стихотворных текстов оттеняет лирическую линию фильма и трансформирует типичную комедию положений в лирическую комедию.

Лирические герои песен и герои фильма могут проживать инварианты одного и того же сюжета. Пример: песня на стихотворение Бориса Пастернака «Никого не будет в доме...», звучащая во время юмористической сцены разговора Гали и Жени о том, как они будут справлять Новый год, придает дополнительный смысл эпизоду. Его комичность возникает за счет неловкого и неумелого поведения Жени и нетерпения Гали, однако эмоциональная интонация песни смещает общий акцент. Лирический герой говорит о зимнем вечере, в то время как Женя с Галей разговаривают утром. При этом для зрителей, которые смотрят «Иронию судьбы...» не в первый раз, эти строки могут звучать как предсказание будущей ночной встречи Жени и Нади. Тогда пастернаковское словосочетание «прошлогоднее унынье» [Пастернак, 1965: 365] начинает звучать как тревога Жени из-за рокового поворота в отношениях с Галей, а «будущность» [Пастернак, 1965: 365] связывается с появлением в жизни героя Нади. В докладе предполагается рассмотреть различные методы работы Рязанова со стихотворениями, ставшими текстами песен в фильме.

Литература

Рязанов Э. А. Неподведенные итоги. М., 2005.

Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1965.

ФУНКЦИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В СОЗДАНИИ ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА: СЕРИАЛ «УБИЙСТВЕННЫЕ ЗАГАДКИ ДЛЯ МИСС ФИШЕР»

Орлова Елизавета Алексеевна

магистрант 1 курса, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Предъявление зрителем повышенных требований к точности кинотекста отметил ещё М. Маклюэн в 1960-е гг.: он упомянул в своём эссе о медиа «точность и тиранию глаза кинокамеры» [Маклюэн, 2003: 328]. Тем не менее, само понятие аутентичности плохо поддаётся описанию, особенно, если речь идёт об аутентичности персонажа. Как пишет К. Уилкинс, «... аутентичность <...> становится кажущимся золотым стандартом благодаря целенаправленному созданию аутентичности» [Wilkins, 2022: 147]. Таким образом, аутентичность является конструктом, и её эффект создаётся в том числе с помощью образа персонажа — за счёт интертекстуальных связей.

Целью настоящего доклада является анализ функций интертекстуальных элементов, связанных с персонажем, которые позволяют его создателям наиболее полно реализовать запрос зрителя на аутентичность кинотекста. Важным методом исследования для нас является предложенный К. Уилкинс метод анализа персонажа как адаптации, воплощённой телесно. Также мы сочетаем данный метод с авторской аналитической схемой «персонажных часов» Й. Эдера, один из уровней которой (персонаж как артефакт) предполагает рассмотрение того, как персонаж «формирует интертекстуальные связи» [Eder, 2010: 31]. Кроме того, используются трансконтекстуальный подход, впервые предложенный Ж. Женеттом и применённый к анализу киноадаптации Р. Стэмом, и методы Л. Хатчен, трактующей киноадаптацию как совокупность цитат и аллюзий.

Новизна исследования обусловлена рассмотрением интертекстуальных функций персонажа как основы, на которой строится эффект аутентичности. В качестве материала представлен сериал «Убийственные загадки для мисс Фишер» («Miss Fisher's Murder Mysteries», 2012–2015), являющийся адаптацией для телевидения серии детективных романов К. Гринвуд. В данном сериале, построенном вокруг фигуры центрального персонажа, леди-детектива Фрайни Фишер, важной частью совокупности интертекстуальных элементов являются акценты, соотносящие персонажа с контекстом эпохи «ревуших двадцатых». Однако, как показывает анализ, не все

они в равной мере участвуют в создании эффекта аутентичности: одни элементы (напр., костюм) оказывают большее рецептивное воздействие, чем другие (напр., мизансцена).

Литература

Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. М., 2003.

Eder J. Understanding characters // *Projections*. 2010. Vol. 4, No. 1. С. 16—40.

Wilkins C. *Embodying Adaptation: Character and the Body*. Cham, 2022.

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ОЦЕНКИ В ТЕКСТЕ КИНОРЕЦЕНЗИИ

Легостаева Евгения Андреевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Становление коммерческой киноиндустрии, начавшееся в России в 1990-е гг., постепенно привело к соответствующим изменениям в кинокритике. Постепенное вытеснение авторского кинематографа продюсерским актуализировало ценностный конфликт восприятия кино как искусства и кино как бизнеса в кинокритике постсоветского периода. Наша цель — выявление влияния новой ситуации на текстовую презентацию оценки кинопроизведения в жанре рецензии.

По мнению современных специалистов, жанр рецензии можно рассматривать как конвергентный, пограничный между сферами журналистики и художественной критики. Сверхзадачей кинокритики как эстетически-оценочного аналитического жанра учеными признается ценностное ориентирование читателя. При реализации этой сверхзадачи сегодня возникает целый комплекс проблем. Неустойчивое состояние ценностных критериев как наиболее значимый экстралингвистический фактор для формирующегося дискурса российской кинокритики влияет на критерии оценки фильмов. Традиционно рецензирование предполагает формирование аргументированной объективной оценки достоинств и недостатков произведения, однако сегодня жанр рецензии становится частью системы медиапрезентации и продвижения художественных произведений.

В основе нашего исследования лежит анализ и сопоставление рецензий на российские фильмы, опубликованных в газете «Коммерсантъ» в 1996 и 2022 гг. (эмпирическая база создавалась методом сплошной репрезентативной выборки).

Результаты исследования позволяют констатировать снижение аналитичности современной российской кинокритики. Фильмы нередко оцениваются на основе личных предпочтений автора рецензии, с ориентацией на его эмоциональное состояние. Проявлением этой тенденции является очевидное доминирование осведомительной интенции (пересказ фильма без детального анализа фабулы).

В основе большинства рассмотренных с применением метода лингвостилистического анализа рецензий 1996 г. лежит коммуникативное действие «объяснение оценки» [Дускаева, 2014: 206–213], предполагающее формулирование итоговой оценки произведения в качестве результата анализа различных его аспектов, в то время как в рассмотренных рецензиях 2022 г. доминирует такое коммуникативное оценочное действие, как «подтверждение истинности оценки» [Дускаева, 2014: 206–213], в соответствии с которым оценочный тезис формулируется уже в начале рецензии. Подача события в предрешенном освещении свойственна рекламе и пиару. Также мы можем отметить усиление антитезы как стилистического средства мотивации оценки, свидетельствующее о пропагандистском статусе новой кинокритики.

В совокупности эти особенности дают возможность констатировать изменение сверхзадачи современной кинокритики: вместо ценностного ориентирования она в первую очередь сообщает читателю о потребительских качествах художественного произведения. В результате изменяются

и используемые рецензентами способы мотивации оценки. Так, для современной кинокритики в качестве аргументов сформулированного в начале текста оценочного тезиса чаще используются пересказ сюжета и средства репрезентации психологической оценки произведения. Приведенные выше факторы приводят к снижению аналитичности и объективности кинокритик.

Литература

Дускаева Л. Р. Выражение оценочных коммуникативных действий в журналистском культурно-просветительском дискурсе // Вестник ПГНИУ. Вып. 4 (28). 2014. С. 206–213.

ПОЭТИКА ЭМОЦИИ В ПОВЕСТИ Ж. РОДЕНБАХА «МЁРТВЫЙ БРЮГГЕ» И ФИЛЬМЕ Е. БАУЭРА «ГРЕЗЫ»

Русанова Марфа Максимовна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Фильм Е. Бауэра «Грезы» (1915) отчасти является переводом на кинематографический язык повести бельгийского писателя Ж. Роденбаха «Мёртвый Брюгге» («Bruges-la-Morte», 1892). В известных нам научных работах о соотношении этих текстов часто поднимается вопрос об общности в них декадентской и романтической эстетик. Такая постановка проблемы, безусловно, важна, но кажется, что развитие этой ветви исследования на данном материале близится к завершению.

Для современников же повести и для ее создателя была значима эмоциональная тональность текста. Роденбах в предисловии к повести пишет, что главный персонаж — город — распоряжается настроениями других героев [Rodenbach, 1892]. Мы предлагаем использовать для анализа «настроений» инструмент междисциплинарного подхода — эмоциологию, и сосредоточиться на изучении доминантных эмоций в кинотексте и литературном тексте. Итак, в ходе анализа постараемся: 1) выявить доминантную эмоцию повести Роденбаха; 2) определить, репрезентируется ли она в немом фильме и переживает ли в нем трансформации.

При этом эмоцию мы будем понимать как исторически изменчивую категорию; в основе этого ракурса лежит следующая установка: культурные тексты и институты, публичные образы чувствования, существующие в определенный период времени, задают представление о том, как и какие чувства следует выражать [Гирц, 2004].

К результатам нашего исследования отнесем несколько тезисов.

1. Основные эмоциональные «поля» повести переданы в фильме, однако их соотношение и функции меняются.

2. Изображение аффективного поведения в фильме Бауэра более частотно, чем в повести, при этом иногда оно замещает эмоцию печали (сцены с портретом, волосами и т. д.) или совмещается с ней (сцена видения).

3. Для визуального воплощения аффекта используются не только приемы литературной основы (сцена встречи), но и более богатый, чем в «Мертвом Брюгге», жестовый язык.

4. Для передачи печали — преобладающей эмоции в тексте повести — в фильме используется как образ города и мотив одиночества, так и другие приемы (видение, воспоминание).

5. Эмоция печали становится более локализованной в нескольких сценах кинофильма, так как связанные с ней лейтмотивы не используются с той повторяемостью, что в тексте, изображения опечаленного героя становятся двигателями сюжета (но не лейтмотивами) и мотивируют тот или иной его поступок.

Очерченная нами картина должна быть изучена более пристально. Однако и сейчас на материале двух текстов можно говорить о некотором переходе к новым образам (и образцам) чувствования, в которых культивируются более аффективные проявления эмоций. Вписав результаты в исторический контекст, можно задаться вопросом: является ли причиной этому ориентация на зрителя, индивидуальная стратегия создателя, влияние жанра или общая тенденция эпохи.

Литература

Гириц К. Интерпретация культур. М., 2004.

Rodenbach G. Bruges-la-Morte. Paris, 1892.

ДОРОГА В ВЕСТЕРОС: МИФ «ПЕСНИ ЛЬДА И ОГНЯ» НА ЭКРАНЕ

Тесенина Екатерина Романовна

студент 4 курса, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики
(филиал в Санкт-Петербурге)

В докладе предпринята попытка рассмотреть, как миф, созданный Дж. Мартином в цикле романов «Песнь Льда и Огня», был перенесён на экран и стал феноменом массовой культуры. Цель доклада — выявить специфику построения художественной реальности мира Вестероса, проанализировать, как сериальная адаптация передает, трансформирует и расширяет вселенную «Игры престолов», а также рассмотреть, каким образом романы и их экранизация сосуществуют и влияют друг на друга. Новизна исследования заключается в рассмотрении мира «Игры престолов» как трансмедийной вселенной и анализе текста и его экранизации одновременно.

Материалом исследования выступает книжный цикл Мартина «Песнь Льда и Огня» и его экранизация — телесериал «Игра престолов». Для изучения феномена выбранной трансмедийной вселенной была исследована специфика авторской мифологии Мартина с помощью таких методов, как мотивный и интертекстуальный анализ. Секрет успеха сериальной адаптации «Песни Льда и Огня» основывается на хорошо проработанной книжной основе. Мартин создал уникальный фэнтези-мир, совместив в нем традиционные элементы жанра и собственные оригинальные решения. Для конструирования вселенной «Игры престолов» американский писатель опирался на традиционные сюжеты («мономиф» или «путь героя»), архетипы, темы и мотивы. Многоуровневое раскрытие таких тем, сюжетных ситуаций и мотивов, как религия, смерть, предсказания и вещие сны делает мир Мартина реалистичным и в то же время уникальным, ярко выделяя его на фоне других фэнтези-миров.

С помощью метода нарративного анализа были исследованы особенности переноса текста книжной саги на экран: трансформация оригинальной истории с точки зрения сюжета и «арок» персонажей и её адаптация для сериального формата. Создатели «Игры престолов», шоураннеры Д. Бениофф и Д. Б. Уайсс, нашли оригинальную формулу, которая впоследствии и помогла сериалу стать одним из самых успешных телевизионных проектов XXI в. Опираясь на книжный первоисточник, который было удобно экранизировать благодаря четко сконструированной художественной реальности, шоураннеры перенесли идеи и художественные решения автора цикла на экран: сериал не боялся показывать откровенные сцены, обилие насилия и жестокости и не раз шокировал зрителей внезапными смертями ключевых персонажей. Частичный отход от канонических сюжетных линий, изменение арок нескольких персонажей и альтернативный, не имеющий под собой книжную основу, финал помогли сделать историю более доступной для массового зрителя. Однако упрощение сюжетных ходов, заданных Мартином, не всегда хорошо сказывалось на художественной целостности адаптации. Незавершенные сюжетные линии и нераскрытые темы в финале сериала стали главной причиной критики со стороны поклонников.

Так, результатом исследования стал вывод о том, что вселенная «Игры престолов» стала уникальным явлением массовой культуры благодаря своей трансмедийности. Миф, созданный Мартином, был успешно трансформирован шоураннерами сериала для телеэкрана, а мир Вестероса расширился за счёт новых интерпретаций, предложенных экранизацией.

БУДЕТЛЯНЕ

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА В НАДПИСЯХ РУССКОГО НЕМОГО КИНО

Завершинская Мария Игоревна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Внимание современных исследователей-лингвистов все чаще привлекают креолизованные тексты, включающие в себя как вербальную, так и невербальную составляющие. К этому типу текстов можно отнести надписи немого кино: они активно взаимодействуют с изображением, дополняя и комментируя его. Исследование надписей немого кино в лингвистическом аспекте позволяет глубже понять роль текста в рамках экранной культуры, а также выявить истоки некоторых явлений, наблюдаемых в современном русском языке. В этом заключается актуальность исследования. Его новизна состоит в выборе малоизученного материала — надписей немого кино, долгое время рассматривавшихся как второстепенное явление в кинематографе, не заслуживающее полноценного исследования.

Цель исследования — выявить характерные особенности языка надписей русского немого кино 1920–1930-х гг. XX в.

В публикациях начала XX в., посвященных практике создания немого кино, часто утверждается, что надписи в фильме должны быть выразительными, но в то же время краткими и немногочисленными. Такая установка оказала сильное влияние на спектр выразительных средств языка, используемых в надписях немого кино. В них наблюдается высокая частотность определенных экспрессивных синтаксических конструкций. В частности, активно используются именительный темы, эллиптические конструкции, риторические восклицания. Частотной оказывается и лексика, имеющая эмоционально-экспрессивную окраску.

Для создания речевого портрета говорящего, передачи особенностей его интонации в надписях немого кино активно используются графические средства выразительности: различные шрифтовые выделения, разрядка, прописные и строчные буквы в позиции, не регламентированной орфографическими нормами. Вызывает интерес и такое явление, как отсутствие в надписях некоторых фильмов прописных букв в начале предложений и точек в конце. Нечто схожее можно наблюдать в современных текстах интернет-коммуникации; таким образом, изучение надписей немого кино может помочь проследить историю некоторых процессов, происходящих в современной русской письменной речи.

ОСОБЕННОСТИ КОМИКСА КАК КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА

Кулапина Екатерина Валерьевна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе рассматривается комикс как креолизованный текст. Актуальность исследования связана с всё более возрастающей популярностью жанра и повышенным интересом к нему в последние годы со стороны широкого круга читателей, и при этом недостаточной изученностью особенностей произведений данного жанра. Цель исследования заключается в выявлении и описании произведений в жанре комикса как креолизованного текста. Материалом исследования стали комиксы на норвежском языке «Smörbukk» авторства Håkon Aasnes, «Det Finnes En Død Etter Livet» иллюстратора Inga H. Sætre, «Mulegutten» художника Øyvind Torseter и др.

В ходе исследования были использованы следующие методы: семантико-стилистический анализ, классифицирование, изучение и обобщение сведений.

Ключевую роль в исследовании играет понятие «креолизированный текст» и взгляд разных ученых на него. Впервые термин был сформулирован отечественными лингвистами Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым, понимающими его как «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов, 1990: 180].

Этот подход к рассмотрению подобных текстов, тем не менее, не является единственным. Р. О. Якобсон пишет о гомогенных и синкретических сообщениях, рассматривая первые как сообщения, основывающиеся на одной семиотической системе. Под вторым типом сообщений Якобсон понимал комбинацию разных знаковых систем, приводя в пример мюзиклы, в особенности кинематографические [Якобсон, 1985: 327].

В целом исследователи сходятся на том, что комикс «характеризуется высокой степенью спаянности обоих элементов, которые воспринимаются как единое целое» [Резникова, 2013: 165]. Таким образом, в контексте жанра вербальная и невербальная составляющие играют одинаково важную роль.

В результате анализа были сделаны выводы об отличительных чертах жанра. Ориентированность комиксов на широкий круг читателей является одной из основных причин использования вербальных и невербальных средств, что позволяет рассматривать произведения этого типа как тексты с полной креолизацией. По результатам анализа можно выявить особую графическую норму, присущую жанру: это использование иконических компонентов, расположение текстовых вставок в определенных частях композиции, а также соответствие текста графическому изображению. Использование перечисленных приемов и средств обеспечения понимания текста реципиентом ограничивается только нормами языка.

Литература

- Резникова А. И. Структурные и лингвистические особенности французского комикса как креолизованного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 11. С. 165–169.
- Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 180–186.
- Якобсон Р. О. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Якобсон Р. О. Избранные работы. М., 1985. С. 319–330.

ЭНОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В МЕЖЪЯЗЫКОВОМ АСПЕКТЕ: ТЕРМИНЫ И МЕТАФОРЫ

Клеванова Алина Олеговна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Энологический, или винный, дискурс — это вид профессионального дискурса, содержащий в себе особый пласт лексики, предназначенной для описания сортов винограда и качества винной продукции, а также процессов её производства, обработки и употребления. В определенном смысле энологический дискурс может трактоваться как особый вид специализированного подязыка, который используется как в официально-деловой сфере при взаимодействии специалистов между собой, так и в их общении с потребителями.

В последнее время развитие виноделия как отдельной отрасли активно происходит на территории России, что, в свою очередь, обеспечивает возможность межкультурного взаимодействия отечественных производителей с зарубежными коллегами. Именно поэтому вопросы, касающиеся энологического дискурса, могут быть рассмотрены в лингвистическом аспекте

и вызывают потребность в исследовании структуры винного «языка» и разработке особых механизмов перевода, позволяющих переводчикам наиболее эффективно и качественно выполнять свою задачу.

Особенный интерес при рассмотрении данного вида дискурса вызывает высокая степень его метафоричности. Обладая довольно обширным лексическим составом, он включает в себя не только собственную терминологию и специальную лексику, но и большое количество выражений, употребляемых в переносном значении. Такие выражения служат для передачи специфики чувственного восприятия, преимущественно в области дегустации и порождают трудности при переводе на другой язык.

Целью доклада является рассмотрение возможных вариантов перевода винных терминов и метафор, затрагивающих вербализацию человеческих ощущений при описании вкуса и запаха вина, а также выявление методик и шаблонов, позволяющих их систематизировать. За основу анализа взяты немецкий и французский языки, которые являются одними из базисных языков, образующих лексический состав винного дискурса, и переводы на русский язык. Английский язык взят в качестве языка-посредника. Материал собирался на основе словарей и глоссариев, статей винных критиков из специализированных журналов, винных этикеток и речевых произведений винных дегустаторов и сомелье.

В результате исследования был сделан вывод о подразделении метафорических выражений, описывающих качество вина, на четыре основных класса на основе сравнения: вино — это человек; вино — это материал; вино — это конструкция; вино — это трехмерный объект. Так, при описании запаха, который в соответствующих языках носит название «нос вина» (*die Nase u nez*), и вкуса — «рта вина» (*der Mund u bouche*), используются прилагательные, демонстрирующие характер человека. Напр., уровень содержания алкоголя и танинов может приписывать вину родовую принадлежность (*männlich u masculin / viril* — для вина, насыщенного алкоголем; а *weiblich / feminin u féminin* — для слабоалкогольного). В русском языке данные метафоры не переводятся дословно и обычно заменяются прилагательными *насыщенный u легкий / безалкогольный*. С другой стороны, перевод «трехмерных» метафор в словосочетаниях *voluminöser Geschmack u bouche arrondi* носит вполне прямой характер и буквально передается как *округлый вкус*.

Подобного рода несоответствия позволяют судить о высокой метафоричности энологических описаний, раскрывающей глубинные когнитивные механизмы, которые безусловно требуют отображения при переводе.

БЫТОВАНИЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ МЕМОВ О ХОЛОКОСТЕ В СОВРЕМЕННОМ ИНСТАГРАМ*

Жильцова Паулина Вячеславовна

студент 2 курса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
в Санкт-Петербурге

Несмотря на масштаб и трагизм Холокоста и активное развитие мемориальной культуры, общество уже несколько десятилетий шутит на эту тему. В этом докладе мы проанализировали особенности бытования юмористического контента, который представляется отражением состояния мемориальной культуры о Холокосте на материале русскоязычного сегмента современного Инстаграм*. Оценивая отдельные тексты, мы ориентировались на общественное представление о допустимых паттернах передачи памяти о Холокосте, которые с появлением Интернета претерпели значительные изменения, поэтому стали вызывать все больше вопросов об их этичности и моральной уместности. Контент о Холокосте в современном русскоязычном Инстаграм* чрезвычайно неоднороден; на общем фоне мемы (по определению Линды

* Meta Platforms Inc. признана экстремистской организацией на территории РФ

Бёржей — «информационные объекты, распространяющиеся онлайн от пользователя к пользователю и изменяющиеся по пути») представляют меньшинство в процентном соотношении и сосуществуют с одобряемыми обществом текстами. Они основаны на внутренней неконгруэнтности текстов и наследуют большинство сюжетов анекдотов Освенцима, описанных А. Дандесом [Дандес, Хаушильд, 2003], или же, наоборот, шутят над мемориальной культурой и современностью. Как явление подобные мемы относятся к двум условным категориям: «шутки о катастрофе» и «исторические мемы» (термин наш). Низкие охваты и количество такого контента в сравнении с англоязычными медиа объяснимы меньшим развитием памяти о Шоа среди русскоязычной аудитории. Кроме того, небольшое количество подобных постов за исследуемый период объясняется увеличением дистанции и уменьшением актуальности проблемы памяти о Холокосте из-за ее вытеснения из новостной повестки, а также повышенной тревожности граждан на фоне пандемии. Существует прямая зависимость: чем выше маргинальность текста, тем ниже количество «лайков», свидетельствующее об одобрении аудитории. Наиболее приемлем условный «интеллектуальный юмор», представляющий особую категорию шуток — «исторические мемы». Они одновременно объединяют социальную группу (предположительно, школьников, проявляющих интерес к истории) и выделяют ее на фоне тех, кто не может считать исторический контекст и понять шутку. Однако это же может свидетельствовать о циничном отношении к трагедии и не сформированном в коллективной памяти навыке сочувствия.

Литература

Börzei L. K. Makes a Meme Instead. A Concise History of Internet Memes. Utrecht University, 2013.

Дандес А., Хаушильд Т. Анекдоты Освенцима // Дандес А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ. М., 2003. С. 178–188.

ЕСЛИ ЭТО СМЕШНО, ТО Я КОРОЛЕВА АНГЛИИ: МОДЕЛИ СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКОГО ЮМОРА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Кишкарь Алина Вадимовна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Сюрреалистический юмор или юмор абсурда — это вид вербальной иронии, основанный на непредсказуемости. Конструкции, содержащие юмор данного типа, часто включают сопоставление, которое является заведомо абсурдным, напр. (1–3):

- (1) *Он такой нотариус как я балерина.*
- (2) *Делец из него как из меня Папа Римский.*
- (3) *Если это лучший фильм времён и народов, то я космонавт.*

Такой юмор активно используется в повседневной речи, так как он, как правило, очевидно нелогичен, что вызывает комический эффект. Новизна работы состоит в том, что на материале русского языка ранее не проводились исследования конструкций, которые служат для выражения сюрреалистического юмора, хотя тема разрабатывалась на материале английского языка, см. [Kariogianni, 2011]. Модели сюрреалистического юмора в русском и английском языках не совпадают в полной мере, т. е. в каждом языке есть свои уникальные конструкции.

В данном докладе рассматриваются случаи употребления сюрреалистического юмора в корпусах русского языка (Национальном корпусе русского языка и Генеральном Интернет-корпусе русского языка). Были собраны и проанализированы примеры, содержащие юмор данного типа. На основании полученных результатов мы выделили структурные модели, чтобы проследить закономерности использования того или иного сравнения. Затем мы сформировали список лексем-маркеров, которыми пользовались говорящие, и выявили наиболее популярные. При разборе также учитывались контексты, в которых используются модели абсурдного юмора.

После работы с корпусами планируется проведение опроса носителей языка. В нём информантам будет предложено выполнить различные задания, направленные на выявление того, с какими моделями сюрреалистического юмора они знакомы и какие модели используют для комментирования конкретных ситуаций.

Литература

Carogianni E. The Pragmatics of Humour across Discourse Domain. Kent, 2011.

ШУТОК НЕТ, НО ВЫ ДЕРЖИТЕСЬ: РЕАКЦИИ НА ШУТКИ ПОЛИТИКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Степанова Наталья Алексеевна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Работа посвящена исследованию так называемых неудачных шуток, к которым относятся юмористические высказывания, воспринятые как попытка пошутить, но не оцененные адресатом как смешные и уместные [Bell, 2009]. На материале русского языка, несмотря на реальное функционирование неудачных шуток в разных типах дискурса, тема еще не привлекала внимание исследователей, что определяет актуальность и новизну работы.

При исследовании юмора необходимо понимать, что шутки произносятся не только в неформальной обстановке, будучи адресованы ограниченному кругу лиц, но и во время публичных мероприятий. В последнем случае шутка воспринимается и оценивается широкой публикой, поэтому последствия произнесения шутки для субъекта юмора становятся значительнее. Настоящее исследование продолжает работу по изучению неудачных публичных шуток, начатую Файл и Шнурр [File, Schnurr, 2018], на материале русского языка и рассматривает в качестве субъектов юмора политических деятелей.

Цель данного исследования — изучить реакции на неудачные публичные шутки русскоязычных политиков. Основным материалом исследования является корпус реакций на неудачные шутки политиков, собранные из постов пользователей в социальных сетях, опубликованных в течение недели после произнесения политиком неудачной шутки. В некоторых случаях временная рамка была изменена из-за экстралингвистических факторов, влияющих на качество и полноту материала. Методика сбора и анализа данных во многом повторяет предложенную в работе Файл и Шнурр; внесенные в методику изменения обусловлены спецификой настоящего исследования.

Анализ собранных данных показал, что возможны несколько типов реакций на неудачную публичную шутку: 1) шутка воспринимается как удачная и поддерживается; 2) шутка воспринимается как неудачная и иронично поддерживается; 3) шутка воспринимается как неудачная и не поддерживается; 4) шутка становится основой для создания новых шуток; 5) шутка становится поводом для критики общественной ситуации.

Литература

Bell N. Responses to failed humor // *Journal of Pragmatics*. 2009. Vol. 41, iss. 9. P. 1825–1836.

File K. A., Schnurr S. That match was «a bit like losing your virginity». Failed humor, face and identity construction in TV interviews with professional athletes and coaches // *Journal of Pragmatics*. 2019. Vol. 152. P. 132–144.